

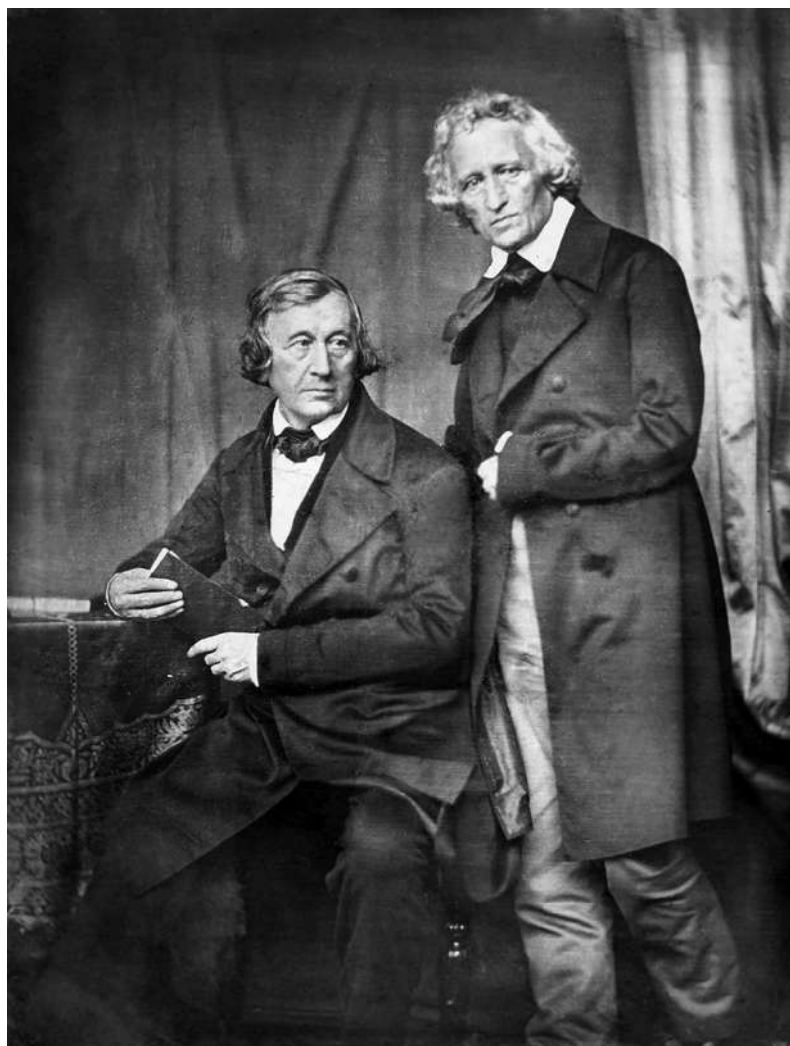
БРАТЯ ГРИММ СКАЗКИ

СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ИЛЛЮСТРАЦИЙ
И ЭЛЕМЕНТОВ ОФОРМЛЕНИЯ
АРТУРА РЭКХЕМА

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*Якоб Гримм (1785–1863),
Вильгельм Гримм (1786–1859)*

Якоб Гримм
Вильгельм Гримм

НЕМЕЦКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Иллюстрации
Артура Рэкхема

Перевод с немецкого
Г. Петникова

творческое объединение
Алькор

*Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплетной компании
ООО «Творческое объединение „Алькор“»*

Санкт-Петербург
СЗКЭО

ББК 84(4)-4
УДК 821.112.2-93
Г84

Первые 100 пронумерованных экземпляров
от общего тиража данного издания переплетены мастерами
ручного переплета ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Классический европейский переплет выполнен
из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.

Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.

Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.

6 бинтов на корешке ручной обработки.

Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи,
форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги Malmeo
с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока
с трех сторон методом механического торшонирования
с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.

Оформление обложки пронумерованных экземпляров
разработано в ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Г84 Гримм В. и Я. Немецкие народные сказки. — Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2023. — 544 с.: ил.

Издание включает сто две немецкие народные сказки в изложении известных языковедов и фольклористов братьев Якоба Гримма (1785–1863) и Вильгельма Гримма (1786–1859). Все сказки даны в переводе Григория Николаевича Петникова. В конце сборника к сказке «Дети из Гаммельна» приводится переложение легенды о Крысолове Проспера Мериме в переводе с французского Анатолия Виноградова. Издание украшают великолепные черно-белые и цветные рисунки знаменитого британского художника Артура Рэкхема, которого заслуженно считают выдающимся мастером Золотого века британской книжной иллюстрации.

© СЗКЭО, 2023

© Перевод Г. Н. Петников, наследники, 2023

ISBN 978-5-9603-0974-5 (7БЦ)

ISBN 978-5-9603-0975-2 (Кожаный переплет)

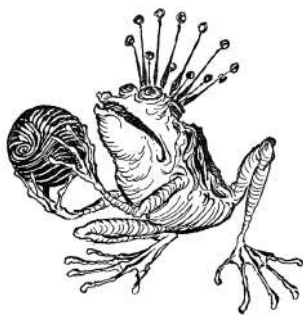
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ХУДОЖНИКА

Несколько лет назад подборка сказок братьев Гримм со ста моими черно-белыми иллюстрациями была опубликована — в 1900 г. Фриманта и Ко., и впоследствии переиздана гг. Арчибалд Констебль и Ко, Лтд.

С тех пор время от времени я работал над этими рисунками, частично или полностью перерисовывая некоторые из них в цвете, добавляя новые цветные и черно-белые, и в результате переделал весь комплект, дополняя и исключая, специально для этого издания.

Из шестидесяти трех цветных иллюстраций многие тщательно проработаны в цвете из ранних черно-белых рисунков или являются основанными на них. Фронтиспис и те, которые расположены на стр. 36, 47, 101, 109, 137, 193, 254 и 274 совершенно новые, и некоторые текстовые иллюстрации также не были опубликованы раньше. Остальные иллюстрации в тексте были пересмотрены и снова проработаны в большей или меньшей степени.

*Хэмпстед, сентябрь 1909 г. —
АРТУР РЭКХЕМ.*

НЕМЕЦКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Иллюстрации
АРТУРА РЭКХЕМА

Жил в стародавние времена король. Был у него позади замка прекрасный сад для гулянья, и росло в том саду дерево, на котором были золотые яблоки. Когда яблоки поспевали, им вели счет, но каждое утро одного яблока не доставало. Донесли о том королю, и он велел, чтобы каждую ночь под деревом ставили стражу.

Было у короля три сына, и вот с наступлением ночи послал он в сад старшего. Но к полуночи не мог он сна одолеть, и наутро опять не досчитались одного яблока. На другую ночь должен был сторожить средний сын, но и с тем случилось то же самое: когда пробил двенадцать часов, он уснул, а наутро не досчитались одного яблока. Вот настал черед нести стражу младшему сыну; он уже было приготовился идти, но король не очень ему доверял и подумал, что этот справится с делом еще меньше, чем его братья, но под конец он все-таки его послал.

Вот улегся юноша под деревом, начал сторожить, но не допустил, чтобы сон его одолел. Пробило двенадцать часов, и вот в воздухе что-то зашумело; и он увидел в лунном сиянии летящую птицу, все перья блистали у нее золотом. Опустилась птица на дерево, и только отклевала она яблоко, как пустил юноша в нее стрелу. Птица улетела, но попала стрела ей в оперенье, и одно из ее золотых перьев упало наземь. Поднял его юноша, принес наутро королю и рассказал ему, что видел он ночью.

Собрал король тогда своих советников, и все в один голос решили, что такое перо, как это, дороже, пожалуй, целого королевства.

— Раз перо такое драгоценное, — сказал король, — то в таком случае мне одного будет мало, я хочу непременно иметь целую птицу.

И вот отправился в путь-дорогу старший сын; он полагался на свою рассудительность и думал, что золотую птицу он уж непременно добудет.

Прошел он ни много, ни мало и увидел на лесной опушке лису; приложил он к плечу ружье и нацелился в нее. Но лиса закричала:

— Не бей меня, дам я тебе за это добрый совет. Ты на пути за золотую птицей, и нынче под вечер ты придешь в деревню, где находятся две харчевни, — они стоят одна напротив другой. Одна будет освещена ярко, в ней весело и шумно; но ты в эту не заходи, а ступай в другую, хотя она и покажется тебе с виду неказистой.

«Как может такой глупый зверь дать мне разумный совет!» — подумал королевич и выстрелил, но в лису не попал, она распустила свой хвост и убежала в лес. Потом он отправился дальше и пришел под вечер в деревню, где находились две харчевни — в одной плясали и пели, а у другой был вид убогий и мрачный.

«Был бы я дураком, — подумал он, — если бы пошел в дрянную, нищенскую харчевню, а хорошей бы пренебрег». И он направился в веселую харчевню и стал проводить там время в пирушках и радостях, а про птицу и про отца и все его добрые наставления и позабыл.

Прошло некоторое время, а старший сын все домой не возвращается; тогда собрался в путь-дорогу средний сын, — захотелось ему найти золотую птицу. Как и старшему брату, повстречалась ему лиса, дала ему добрый совет, но он тоже не обратил на него вниманья. Подошел он к двум харчевням, и стоя у окна одной из них его брат, неслись оттуда веселые песни, и брат окликнул его. Не мог средний брат удержаться, зашел в эту харчевню и стал там жить в свое удовольствие.

Снова прошло некоторое время, и захотелось младшему королевичу отправиться в путь-дорогу и попытать счастья. Но отец на это не соглашался.

— Это дело напрасное! — сказал он. — Куда уж ему найти золотую птицу, старшие братья уже ходили. А случись с ним какая беда, не сможет он из нее выбраться; ведь ума-то ему не хватает.

Но младший все не давал королю покоя, и тот позволил ему, наконец, отправиться в путь-дорогу. И сидела опять на лесной опушке лиса, стала его просить пощадить ей жизнь и дала ему добрый совет. Юноша был жалостлив и сказал:

— Лисичка, будь спокойна, зла я тебе не сделаю.

— Ты в этом не раскаешься, — ответила лиса, — а чтоб скорей тебе добраться до места, садись-ка ты ко мне на хвост.

И только он сел, как пустилась лиса бежать и понеслась через горы и доли, — только в ушах от ветра свистело. Прибыли они в деревню; протиснулся юноша с лисой, послушался ее доброго совета и зашел, не оглядываясь, прямо в харчевню, которая поплоше, и спокойно там переночевал.

*И только он сел, как пустилась лиса бежать и понеслась через горы
и доли, — только в ушах от ветра свистело.*

На другое утро, только он вышел на поле, видит — сидит там лиса и говорит:

— Я расскажу, что делать тебе дальше. Ступай все напрямик, и подойдешь ты наконец к замку; увидишь, что перед замком залег целый отряд солдат, — но ты не беспокойся, все они будут спать и храпеть; пройди между ними посередине и ступай прямо в замок, пройди через все комнаты; войдешь потом в потайную комнату, и висит там деревянная клетка с золотой птицей, и стоит с ней рядом пустая золотая клетка, для пущей красоты. Но, смотри, берегись, не пересаживай птицу из простой клетки в дорожную, а не то тебе плохо придется.

Только сказала это лиса, протянула опять свой хвост, и уселся на него королевич. Понеслась лиса через леса и горы, — только в ушах от ветра свистело. Прибыл он к замку и увидел все, о чем говорила ему лиса. Вошел королевич в потайную комнату, и сидела там золотая птица в деревянной клетке, а золотая с ней рядом стояла, и лежали в комнате по углам три золотых яблока. И он подумал, что было бы смешно, если б он оставил такую прекрасную птицу в простой и некрасивой клетке. Он открыл дверцу, схватил птицу и пересадил ее в золотую. Но в этот миг закричала птица пронзительным голосом. Проснулись солдаты, вбежали в комнату и отвели его в темницу.

На другое утро привели его на суд, и так как он во всем признался, то приговорили его к смертной казни. Но король сказал, что готов его помиловать, если он доставит ему золотого коня, что скачет быстрее ветра, и тогда он получит в награду золотую птицу.

Отправился королевич в путь-дорогу; вздохнул и запечалился, не зная, где ж ему отыскать золотого коня. И вдруг увидел он старого своего друга — лису; сидела она у дороги.

— Вот видишь, — сказала лиса, — так вышло оттого, что ты меня не послушался. Но духом не падай, я тебе помогу и скажу, как раздобыть тебе золотого коня. Ты должен идти все напрямик, и подойдешь ты к замку, — там и стоит конь на конюшне. И будут лежать перед конюшней конюхи, но они будут спать и храпеть, и ты сможешь спокойно вывести золотого коня. Но ты должен запомнить хорошо одно: седлай его плохим седлом из дерева и кожи, а никак не золотым, что будет висеть рядом, а не то плохо тебе придется.

Вытянула лиса свой хвост, сел на него королевич, и понесла его лиса через леса и горы, — только в ушах от ветра свистело.

Случилось все так, как говорила лиса, — зашел он в конюшню, где стоял золотой конь, хотел оседлать его плохим седлом, да подумал: «Стыдно не оседлать такую прекрасную лошадь дорогим седлом, как это ей подобает». Но только прикоснулось золотое седло к коню, как начал он громко ржать. Проснулись конюхи, схватили юношу и бросили его в темницу. На другое утро суд приговорил его к смертной казни. Но король пообещал его помиловать и подарить ему золотого коня, если он добудет ему из золотого замка прекрасную королевну.

С тяжелым сердцем отправился юноша в путь-дорогу, но, по счастью, он повстречал вскоре свою верную лису.

— Следовало бы тебя в несчастье покинуть, — сказала лиса, — но мне тебя жаль, и я еще раз выручу тебя из беды. Дорога приведет тебя как раз к золотому замку; туда ты придешь вечером, а ночью, когда все утихнет, выйдет прекрасная королева в купальню купаться. Когда она будет туда входить, ты подскочи к ней и поцелуй ее один раз, тогда она пойдет за тобой, и ты сможешь ее увести оттуда. Но только никак не соглашайся, чтоб она перед этим прощалась со своими отцом-матерью, а не то плохо тебе придется.

Протянула лиса свой хвост, сел на него королевич, и понесла она его через леса и горы, — только в ушах от ветра гудело.

Вот подъехал он к золотому замку, и было все, как сказала ему лиса. Подождал он до полуночи, когда все погрузилось в глубокий сон, и вышла прекрасная девушка в купальню; тут выскочил он и поцеловал ее один раз. Она сказала ему, что охотно пойдет за него замуж, но стала его со слезами на глазах умолять, чтоб дозволил он ей перед этим проститься с родителями. Сначала он противился ее просьбам, но она горько заплакала, бросилась ему в ноги, и он, наконец, уступил. И только подошла девушка к постели своего отца, как он тотчас проснулся, а за ним и все остальные в замке, и юношу схватили и посадили в темницу.

На другое утро сказал ему король:

— Ты заплатишься за это своей жизнью и только тогда будешь помилован, если сроешь гору, что находится перед моими окнами, — из-за нее я не вижу, что делается кругом; и должен ты это выполнить в течение восьми дней. Удастся это тебе — ты получишь за это в награду мою дочь.

Принялся королевич за работу, стал рыть и копать лопатой без отдыха, но спустя семь дней он увидел, как мало он сделал и что вся его работа ничего не стоит, и он совсем пригорюнился, — все надежды его рухнули. А на седьмой день вечером явилась лиса и говорит:

— Ты не стоишь того, чтоб я о тебе заботилась; но ступай да ложись себе спать, я всю работу за тебя выполню.

Проснулся он на другое утро, глянул в окошко, видит — горы как не бывало. Поспешил юноша на радостях к королю и объявил ему, что условие его выполнено; и хотелось ли королю, или не хотелось, а пришлось ему слово свое сдержать и отдать ему свою дочь.

Отправились они вместе из замка; прошло немного времени, и вот явилась к ним лиса.

— Хотя ты и обладаешь теперь самым дорогим, — сказала она, — но девушке из золотого замка принадлежит и золотой конь.

— А как же мне его добыть? — спрашивает юноша.

— Это я тебе объясню, — отвечала лиса. — Ты сперва отведи прекрасную девушку к королю, который послал тебя в золотой замок; будет там не-

слышанная радость, и они отдадут тебе охотно золотого коня и сами его выведут. Мигом садись на него и протяни им всем на прощанье руку, а напоследок прекрасной девушке; и как только ты возьмешь ее за руку, втащи ее сразу на коня и скачи во весь дух оттуда, — и никто не сможет тебя догнать: тот конь летит быстрее ветра.

Все удалось счастливо, и королевич увез прекрасную девушку на золотом коне. Но лиса их не бросила и молвила юноше:

— А теперь я тебе помогу добыть и золотую птицу. Когда ты подъедешь к тому замку, где находится птица, то сними девушку с коня, а я уж за ней присмотрю. Затем въезжай на золотом коне во двор замка, — тебя увидят, и будет там великая радость; и они вынесут тебе золотую птицу. Когда клетка с птицей будет у тебя в руках, ты скачи во весь опор к нам назад и возьмешь снова прекрасную девушку.

Когда все счастливо исполнилось и королевич уже собирался ехать со своими сокровищами домой, говорит ему лиса:

— Теперь ты должен отблагодарить меня за помощь.

— А что ж ты за это от меня потребуешь? — спросил юноша.

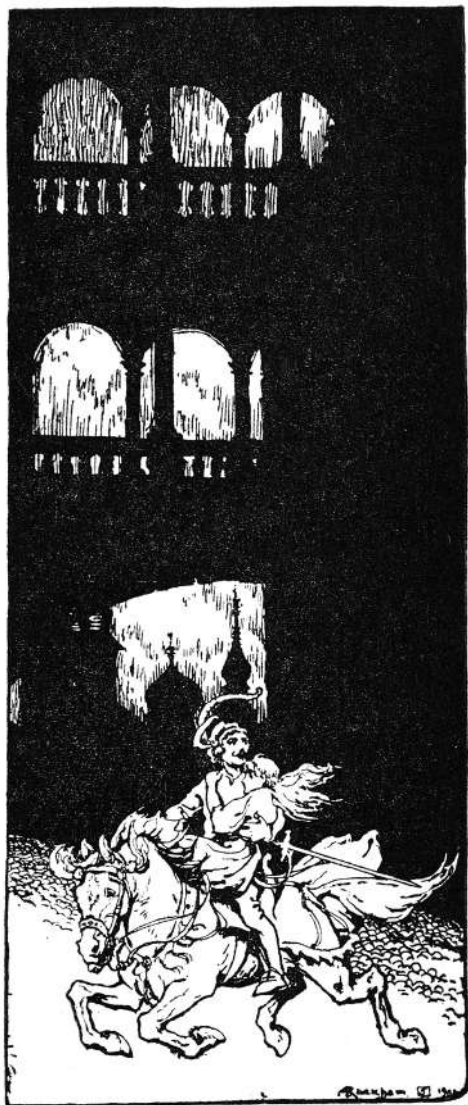
— Когда мы будем в лесу, ты меня пристрели и отруби мне голову и лапы.

— Нечего сказать, хороша благодарность, — молвил королевич, — этого я уж никак выполнить не смогу.

Говорит лиса:

— Если ты этого сделать не хочешь, я должна буду тебя покинуть. Но прежде чем я от тебя уйду, я хочу дать тебе еще один добрый совет: бойся двух вещей — не покупай мяса с виселицы и не садись на краю колодца.

Затем лиса убежала в лес.

Юноша подумал: «Что за диковинный зверь и какие странные у него причуды. Кто же станет покупать мясо с виселицы! А желания сидеть на краю колодца у меня никогда не было».

Поехал он вместе с прекрасной девушкой дальше; а дорога проходила через ту деревню, где остались его оба брата. И было там большое сборище и много шума. Королевич спросил, что тут случилось; ему ответили, что здесь должны повесить двух людей. Подошел он — видит, что это два его брата, которые совершили разные злые дела и прогуляли все свое состояние. Он спросил, нельзя ли будет их освободить.

— Можно, если вы согласны за них уплатить, — ответили люди, — но зачем вам выбрасывать деньги понапрасну и их выкупать?

Но королевич не раздумывая за них уплатил, и вот они оказались на свободе и двинулись дальше все вместе. Попали они в тот самый лес, где повстречалась им впервые лиса. Солнце горячо припекало, а в лесу было прохладно и приятно, и вот говорят два брата:

— Давайте отдохнем у колодца, поедим и напьемся.

Он согласился, но за разговорами позабыл про совет лисы и сел на краю колодца, не предчувствуя ничего дурного. Тогда двое братьев сбросили его в колодец, захватили девушку, коня и птицу и направились домой к своему отцу.

— Вот, — говорят они, — привезли мы не только золотую птицу, а доставили еще и золотого коня и девушку из золотого замка.

И была там великая радость, но конь ничего не ел, птица не пела, а девушка сидела и все плакала.

Но младший брат не погиб. По счастью, колодец оказался сухим, он упал на мягкий мох, не причинив себе никакого вреда, но выбраться он оттуда не мог. Но и в этой беде его не покинула верная лиса. Она прибежала к нему, стала его бранить, что он забыл про ее совет.

— Но все-таки я не могу тебя покинуть, — сказала она, — и помогу тебе выбраться из колодца.

Она велела ему уцепиться за ее хвост и держаться покрепче и вытащила его наверх.

— Но ты еще не совсем избавился от опасности, — сказала лиса. — Твои братья не уверены в твоей гибели, и они расставили по всему лесу сторожей, чтоб тебя убить, если тебя заметят.

А сидел у дороги нищий, и вот обменялся юноша с ним одеждой и явился, переодетый, к королевскому двору. Его никто не узнал, но птица начала петь, конь начал есть, а прекрасная девушка перестала плакать.

Спросил король в удивленье:

— Что это значит?

А девушка ему говорит:

— Не знаю, мне было прежде так грустно, а теперь стало радостно. Мне кажется, что явился мой настоящий жених.

И она рассказала королю обо всем, что случилось, хотя оба брата и угрожали ей смертью, если она проговорится. Тогда велел король призвать к себе всех людей, бывших в замке, явился и юноша, переодетый нищим; но девушка тотчас его узнала и кинулась к нему на шею. Злых братьев схватили и казнили, а младшего повенчали с прекрасной девушкой, и он был назначен наследником короля.

А что же случилось с бедной лисой?

Прошло много времени, и отправился раз королевич снова в тот самый лес. Повстречалась ему лиса и говорит:

— Теперь у тебя есть все, что ты мог себе пожелать, а вот моему несчастью никак не может наступить конец, но в твоих силах меня выручить, — и стала лиса опять его просить и умолять, чтобы он согласился ее застрелить и отрубить ей голову и лапы. Так он и сделал; и только выполнил он ее просьбу, как обернулась лиса юношей, а был то не кто иной, как брат прекрасной королевны, который наконец-то был освобожден от злого заклятья. И теперь у них было все, чтобы быть всю свою жизнь счастливыми.

ГАНС В СЧАСТЬЕ

Прослужил Ганс семь лет у хозяина и говорит ему:

— Хозяин, срок работы моей кончился; хочу я домой к матери вернуться, уплатите мне что полагается.

А хозяин отвечает:

— Ты служил мне верно и честно, и какова твоя служба была, такова будет тебе и награда, — и дал он ему кусок золота величиной с голову Ганса. Вынул Ганс из кармана свой платок, завернул в него золотой слиток, взвалил его на плечи и двинулся в путь-дорогу домой.

Идет он, с ноги на ногу переваливаясь, видит — навстречу ему мчит-ся вскачь всадник на резвом коне. «Ах, — говорит Ганс вслух, — как славно ездить верхом на лошади! Сидит себе человек, точно на стуле, о камень не спотыкается, башмаков не сбивает, а движется вперед, не утруждая себя». Услыхал это всадник, придержал коня и крикнул:

— Эй, Ганс, чего ты пешком-то идешь?

— А вот должен я, — говорит, — отнести домой этот слиток; хотя он из чистого золота, но голову прямо держать нельзя, да и плечи он здорово давит.

— Знаешь что, — сказал всадник, — давай-ка мы поменяемся: дам я тебе своего коня, а ты мне отдашь свой слиток.

— С большим удовольствием, — ответил Ганс, — но скажу вам наперед, придется вам с ним повозиться.

Слез всадник с коня, взял золото, помог Гансу сесть на коня, дал ему в руки поводья и сказал:

— Если вздумаешь ехать быстрее, ты языком прищелкни да крикни «гоп-гоп».

Сел Ганс на коня, обрадовался и поехал себе молодцом налегке дальше. Вздумалось ему еще скорей коня припустить, стал он языком прищелкивать да кричать «гоп-гоп». Пустился конь вскачь, и не успел он и оглянуться, как лежал уже в придорожной канаве. Конь тоже перескочил бы через канаву, если б не придержал крестьянин, что гнал по дороге корову. Ганс вылез из канавы и встал на ноги. И вот в досаде говорит он крестьянину:

— Скверное дело ездить верхом на коне, особенно если попадешь на такую клячу, как эта; и трясет да еще сбрасывает тебя, — тут и шею-то легко свернуть. Ну, уж больше ни разу я на нее не сяду. Вот корова твоя — это дело другое; идешь это себе за ней преспокойно, да кроме того каждый день получаешь и молоко, и масло, и творог. Много бы я дал, чтобы иметь такую корову!

— Ну что ж, — ответил крестьянин, — если тебе угодно, я согласен поменяться с тобой на коня.

Ганс с большой радостью согласился, а крестьянин вскочил на коня и быстро от него ускакал.

Ганс спокойно погнал свою корову, вспоминая об удачной сделке. «Будет у меня теперь кусок хлеба, недостатка в этом, пожалуй, не будет, а захочется — можно будет и масла и творогу поест; а захочется попить — подою я корову и напьюсь молока. Чего же мне еще надо?» Зашел он по дороге в харчевню отдохнуть и поел на радостях все, что у него было с собой и на обед и на ужин, а на свои последние два гроша велел налить себе полкружки пива. Затем погнал он свою корову дальше по дороге, в деревню к своей матери. К полудню жара становилась все тяжелей, а Гансу надо было идти по крайней мере еще целый час полем. Стало Гансу немоготу от жары, и язык во рту у него совсем пересох. «С этим делом можно будет справиться, — подумал он, — подою-ка я свою корову да попью молока». Привязал Ганс корову к сухому дереву, а так как подойника у него с собой не было, то подставил он свою кожаную шапку; но как он ни старался, а молока не выдоил ни капли. А так как стал он доить не умеючи, то корова от нетерпенья ударила его задней ногой в голову, да так сильно, что он грохнулся наземь и некоторое время никак не мог сообразить, где он находится. К счастью, проходил на ту пору по дороге мясник, он вез на тележке поросенка.

— Что это с тобой случилось? — крикнул он и помог доброму Гансу подняться. Ганс рассказал, что с ним произошло. Мясник подал ему свою дорожную фляжку и сказал:

— На, выпей да подкрепишься. Корова, должно быть, яловая; видать, стара и годна разве что для упряжи или на убой.

— Эх-эх-эх, — сказал Ганс, почесывая себе затылок, — и кто бы это мог подумать! Оно, конечно, хорошо, если такую скотину можно будет дома резать, и мяса-то сколько будет! Да много ли сделаешь вкусного из говядины? По-моему, мясо-то не очень сочное. Вот если бы иметь такого поросенка! И вкус у него другой, да еще и колбас можно наделать.

— Послушай-ка, Ганс, — сказал мясник, — уж я для твоего удовольствия готов поменяться: отдам тебе за корову свинью.

— Да вознаградит тебя Господь Бог за твою доброту ко мне, — сказал Ганс, отдал ему корову и попросил, чтобы мясник развязал свинку и дал бы ему в руки веревку, к которой была та привязана.

Отправился Ганс дальше, и стал он раздумывать, что все вот желанья его исполняются, а если встретится какая помеха, то все снова тотчас хорошо ула-

живается. А тут вязался идти с ним вместе по пути парень, нес он под мышкой красивого белого гуся. Заговорили они, и Ганс начал рассказывать ему про свое счастье и как ему удавалось все обменивать выгодно и удачно. Парень ему рассказал, что несет гуся этого на пирушку по случаю крестин.

— Вот попробуй-ка ты его поднять, — сказал он и схватил гуся за крылья, — вишь, какой он тяжелый! Мы целых восемь недель его откармливали. Если зажарить его да начать есть, то придется, пожалуй, жир с обеих щек вытирать.

— Да, — сказал Ганс, взял его в руку и попробовал, какой он будет на вес, — что и говорить, жирный, но моя-то свинья тоже подходящая свинка.

Стал парень между тем по сторонам с тревогой оглядываться и покачивать головой.

— Послушай, — сказал он снова, — а с твоей-то свиньей дело может выйти плохое. В деревне, через которую я проходил, только что у старосты свинью из хлева украли. Боюсь я, не эта ли самая она и есть. Послали уже и людей на розыски, и плохо придется, если тебя с ней поймают, — в лучшем случае запрягут тебя куда-нибудь.

Стало страшно доброму Гансу.

— Ах, Боже ты мой! — сказал он, — выручи ты меня из беды, тебе тут в случае чего легче справиться будет, возьми-ка ты мою свинью, а мне дай своего гуся.

— Дело-то оно несколько опасное, — ответил парень, — но не хочется мне в твоей беде быть виноватым. — Взял он веревку в руку и быстро погнал свинью окольной дорогой; а добрый Ганс шел без забот и печалей, с гусем под мышкой, домой.

«Если оно хорошенько-то поразмыслить, — сказал он про себя, — я обменял еще выгодно: будет у меня славное жаркое, да к тому же и жиру немало, а его можно будет перетопить, и хватит его, чтобы есть с хлебом, по крайней мере на целую четверть года; да еще какой прекрасный белый пух, — я велю им набить себе подушку, и засыпать-то на ней как будет сладко. Вот матери будет радость!»

Проходил он уже через последнюю деревню и увидел точильщика, что стоял у своей тележки; колесо его жужжало, и он, работая, напевал:

Точу ножи-ножницы, верчу колесо,
Вот жизнь развеселая, крути да и все.

Ганс остановился и стал смотреть на его работу; наконец он обратился к нему и говорит:

— Должно быть, тебе хорошо живется, ты вон как весело точишь.

— Да, — ответил точильщик, — ремесло мое золотое. Хороший точильщик как полезет к себе в карман, так и деньги найдутся. Но где это ты купил такого красивого гуся?

— Да я его не покупал, я его на свинью променял.

— А свинью ты откуда взял?

— Выменял на корову.

— А корову?

— Выменял на коня.

— А коня?

— За него я дал слиток золота величиной с мою голову.

— А золото?

— А то уплата за мои семь лет работы.

— Ну, что и говорить, был ты всегда находчив, — заметил точильщик, — надо бы тебе так дело устроить, чтоб деньги у тебя всегда в кармане водились, и будешь ты тогда вполне счастлив.

— А как это сделать? — спросил Ганс.

— Надо тебе стать точильщиком, таким вот, как я; требуется для этого всего-то один точильный камень, а все остальное уж само собой приложится. Вот есть у меня камень, — правда, он малость попорчен, да возьму я за него всего лишь твоего гуся; согласен?

— Да как можешь ты еще спрашивать? — отвечал Ганс. — Ведь стану я тогда счастливейшим человеком на свете; ежели будут у меня всегда деньги в кармане водиться, о чем же мне тогда и печалиться будет?

И он отдал ему гуся, а вместо него взял точильный камень.

— Ну, — сказал точильщик, подымая с земли простой тяжелый булыжник, — вот тебе в придачу хороший камень, на нем будет удобно старые гвозди расправлять. Возьми и его заодно и донеси как следует.

Взвалил Ганс камни на плечи и с легким сердцем отправился дальше; глаза его сияли от радости: «Должно быть, родился я в рубашке, — воскликнул он, — все, чего я ни пожелаю, само идет ко мне в руки, словно к какому-нибудь счастливцу». А надо сказать, был он на ногах с самого раннего утра и приутомился; да и голод стал его мучить, а весь свой дорожный запас он на радостях по поводу проданной коровы проел. И вот он уже еле-еле передвигал ноги и то и дело останавливался, чтобы передохнуть, а к тому же и камни сильно оттягивали ему плечи. И стал он подумывать, что было бы неплохо, если б можно было от них избавиться. Еле добрался он до придорожного колодца, собираясь отдохнуть и свежей воды напиться; а чтобы как-нибудь не повредить камней, он положил их осторожно у самого края колодца. Затем сел он и сам и хотел было нагнуться, чтобы воды напиться, да как-то недоглядел, столкнул их, — и оба камня бултыхнулись прямо в колодец. Ганс, увидя, что они пошли на самое дно, вскочил от радости, бросился на колени и в слезах стал благодарить Господа Бога за то, что оказался он к нему и на этот раз милостив и освободил его так легко от тяжелых камней, которые ему только мешали, и случилось это так, что ему ни в чем и упрекать себя не придется.

— Нет на свете, — воскликнул он, — такого счастливого человека, как я!

С легким сердцем и без всякой ноши двинулся он дальше и воротился, наконец, домой к своей матери.

ЙОРИНДА И ЙОРИНГЕЛЬ

Стоял когда-то в большом и густом лесу старый замок, и жила в том замке только одна старуха, и была она самая большая колдунья. Днем превращалась она в кошку или ночную сову, а вечером принимала опять свой прежний человеческий вид. Она умела приманивать всяких зверей и птиц, убивала их, варила и жарила себе на еду. Если кто подходил на сто шагов к этому замку, тот останавливался как вкопанный и не мог сдвинуться с места, пока она не снимала с него заклятья; а если входила в тот заколдованный круг невинная девушка, колдунья обращала ее в птицу, запирала в клетку и уносила в одну из комнат замка. Так собрала она в замке целых семь тысяч клеток с разными диковинными птицами.

А жила-была в ту пору девушка, звали ее Йориндой, и была она прекрасней всех остальных девушек на свете. Посватался за нее такой же прекрасный юноша, звали его Йорингель, и это были предбрачные дни, — и весело, радостно было им вместе.

И вот, чтобы поговорить наедине, пошли они раз погулять в лес.

— Только смотри, — говорит ей Йорингель, — к замку близко не ходи.

А вечер был хороший, ярко светило солнце сквозь деревья в темную лесную зелень, и жалобно пела горлинка над старыми буками.

Йоринда несколько раз принималась плакать, потом села она на солнышке и пригорюнилась. Йорингелю тоже стало грустно. И были они так печальны, будто предстояла им близкая смерть. Они оглянулись — видят, что заблудились, не знают, как найти им теперь дорогу домой. А солнце еще не зашло за горы, но скрылось уже наполовину за вершинами.

Глянул Йорингель сквозь заросль лесную, видит — стоят перед ним уже близко-близко старые стены замка. Испугался он, и стало ему до смерти страшно. А Йоринда запела:

Как птичка красногрудая все жалобно поет,
Про гибель неминуемую все голубку поет,

*Стоял когда-то в большом и густом лесу старый замок,
и жила в том замке только одна старуха, и была она самая
большая колдунья. Днем превращалась она в кошку или ночную сову,
а вечером принимала опять свой прежний человеческий вид.*

Так жалобно, все жалобно,
Тю-вить, тю-вить, тех-тех!

Посмотрел Йорингель на Йоринду и видит — обернулась она соловьем, который пел свое «тю-вить, тю-вить».

Ночная сова с горящими глазами трижды облетела вокруг соловья и трижды ухнула: «угу-угу-угу». И не мог Йорингель сдвинуться с места, стоял точно вкопанный — ни плакать, ни слова молвить, ни рукою пошевелить, ни ногой двинуть. Вот закатилось и солнце. Улетела сова в лесную чащу, и вышла тотчас оттуда горбатая старуха, желтая да худая; большие красные глазища, нос крючком до самого подбородка. Проворчала она что-то себе под нос, поймала соловья и унесла с собой на руке. И слова вымолвить не мог Йорингель, и с места не сойти ему было: пропал соловей. Вернулась, наконец, старуха и говорит глухим голосом:

— Прощай, Захиэль! Как глянет месяц в клеточку, ты развяжись — и прощай.

Освободился от чар Йорингель. Упал он перед старухой на колени, взмолился, чтобы вернула она ему назад Йоринду.

Но старуха ответила:

— Никогда тебе больше не видать Йоринды, — и ушла.

Он кричал, горько плакал и горевал, но все было понапрасну. «Ах, что же мне делать теперь?» — И ушел Йорингель оттуда и попал, наконец, в какую-то чужую деревню; там долгое время он пас овец. Он часто бродил вокруг замка, но близко к нему никогда не подходил. И вот приснился ему ночью сон, будто нашел он алый цветок, а в середине его большую, прекрасную жемчужину. Цветок он сорвал и пошел с ним к замку, и к чему он ни прикасался тем цветком, все освобождалось от злых чар; и приснилось ему еще, что и Йоринду он нашел благодаря тому же цветку.

Проснулся он утром и стал искать по полям и горам, не найдется ли где такой цветок. Он все искал, и на девятый день нашел на рассвете алый цветок. И лежала внутри цветка большая росинка — такая большая, словно жемчужина. Пошел он с этим цветком, и он шел целый день и целую ночь в сторону замка. Он подошел к нему на сто шагов, и никто его не остановил, и вот подошел он к самым воротам. Сильно обрадовался Йорингель, прикоснулся цветком к воротам — и распахнулись они перед ним. Вошел он, идет через двор, прислушивается, не слышать ли где птичьего пенья; и услышал он вдруг птичьего голоса. Он отправился дальше и нашел зал, а в нем колдунью, и увидел, что она кормит птиц в своих семи тысячах клеток. Как увидела она Йорингеля, рассердилась, сильно разгневалась, стала браниться, плевать на него ядом и желчью, ну, а подступить к нему и на два шага была не в силах. А он на нее и не смотрит, идет себе по залу, осматривает клетки с птицами; и видит он много сотен соловьев в клетках, но как найти ему свою Йоринду?

*Вернулась, наконец, старуха и говорит глухим голосом:
«Прощай, Захиэль! Как глянет месяц в клеточку,
ты развяжись — и прощай».*

Присматривается он и замечает, что старуха тайком достает одну клеточку с птицей и несет ее к двери. Мигом прыгнул он за нею, дотронулся цветком до клеточки и до старухи-колдуньи, — тут потеряла она свою колдовскую силу, и вот явилась перед ним Йоринда; она бросилась к нему на шею, и была она такая же красивая, как и прежде. И он обратил тогда и всех остальных птиц в девушек и воротился домой со своей Йориндой, и жили они счастливо долгие-долгие годы.

БРЕМЕНСКИЕ УЛИЧНЫЕ МУЗЫКАНТЫ

Был у одного хозяина осел, и много лет подряд таскал он без устали мешки на мельницу, но к старости стал слаб и к работе не так пригоден, как прежде.

Подумал хозяин, что кормить его теперь, пожалуй, не стоит; и осел, заметив, что дело не к добру клонится, взял и убежал от хозяина и двинулся по дороге на Бремен, — он думал, что там удастся ему сделаться уличным музыкантом. Вот прошел он немного, и случилось ему повстречать по дороге охотничью собаку: она лежала, тяжело дыша, высунув язык, — видно, бежать устала.

— Ты что это, Хватай, так тяжело дышишь? — спрашивает ее осел.

— Ох, — отвечает собака, — стара я стала, что ни день, то все больше слабею, на охоту ходить уже не в силах; вот и задумал меня хозяин убить, но я от него убежала. Как же мне теперь на хлеб зарабатывать?

— Знаешь что, — говорит осел, — я иду в Бремен, хочу сделаться там уличным музыкантом; пойдем вместе со мной, поступай ты тоже в музыканты. Я играю на лютне, а ты будешь бить в литавры.

Собака на это охотно согласилась, и они пошли дальше. Вскоре повстречали они на пути кота; он сидел у дороги, мрачный да невеселый, словно дождевая туча.

— Ну, что, старина, Кот Котофеич, беда, что ли, какая с тобой приключилась? — спрашивает его осел.

— Да как же мне быть веселым, когда дело о жизни идет, — отвечает кот, —

стал я стар, зубы у меня притупились, сидеть бы мне теперь на печи да мурлыкать, а не мышей ловить, — вот и задумала меня хозяйка утопить, а я убежал подобру-поздорову. Ну, какой дашь мне добрый совет? Куда ж мне теперь деваться, чем прокормиться?

— Пойдем с нами в Бремен, — ты ведь ночные концерты устраивать мастер, вот и будешь там уличным музыкантом.

Коту это дело понравилось, и пошли они вместе. Пришлось нашим трем беглецам проходить мимо одного двора, видят они — сидит на воротах петух и кричит во все горло.

— Чего ты горло дерешь? — говорит осел. — Что с тобой приключилось?

— Да это я хорошую погоду предвещаю, — ответил петух. — Ведь нынче Богородицын день: она помыла рубашки Христу-младенцу и хочет их просушить. Да все равно нет у моей хозяйки жалости: завтра воскресенье, утром гости придут, и вот велела она кухарке сварить меня в супе, и отрубят мне нынче вечером голову. Вот потому и кричу я, пока могу, во все горло.

— Вот оно что, петушок — красный гребешок, — сказал осел, — эх, ступай-ка ты лучше с нами, мы идем в Бремен, — хуже смерти все равно ничего не найдешь; голос у тебя хороший, и если мы примемся вместе с тобой за музыку, то дело пойдет на лад.

Петуху такое предложение понравилось, и они двинулись все вчетвером дальше. Но дойти до Бремена за один день им не удалось, они попали вечером в лес и порешили там заночевать.

Осел и собака улеглись под большим деревом, а кот и петух забрались на сук; петух взлетел на самую макушку дерева, где было ему всего надежней. Но прежде чем уснуть, он осмотрелся по сторонам, и показалось ему, что вдали огонек мерцает, и он крикнул своим товарищам, что тут, пожалуй, и дом недалеко, потому что виден свет. И сказал осел:

— Раз так, то нам надо подыматься и идти дальше, ведь ночлег-то здесь неважный.

А собака подумала, что некоторая толика костей и мяса была бы как раз кстати. И вот они двинулись в путь-дорогу, навстречу огоньку, и вскоре заметили, что он светит все ярче и светлей, и стал совсем уже большой; и пришли они к ярко освещенному разбойничьему притону. Осел, как самый большой из них, подошел к окошку и стал в него заглядывать.

— Ну, осел, что тебе видно? — спросил петух.

— Да что, — ответил осел, — вижу накрытый стол, на нем всякие вкусные кушанья и напитки поставлены, и сидят за столом разбойники и едят в свое удовольствие.

— Там, пожалуй, кое-что и для нас бы нашлось, — сказал петух.

— Да, да, если бы только нам туда попасть! — сказал осел.

И стали звери между собой судить да рядить, как к тому делу приступить, чтобы разбойников оттуда выгнать; и вот, наконец, нашли они способ. Реши-

ли, что осел должен поставить передние ноги на окошко, а собака прыгнуть к ослу на спину; кот взберется на собаку, а петух пускай взлетит и сядет коту на голову. Так они и сделали и, по условному знаку, все вместе принялись за музыку: осел кричал, собака лаяла, кот мяукал, а петух, тот запел и закукарекал. Потом ворвались они через окошко в комнату, так что даже стекла зазвенели.

Услышав ужасный крик, разбойники повскакивали из-за стола и, решив, что к ним явилось какое-то привиденье, в великом страхе кинулись в лес. Тогда четверо наших товарищей уселись за стол, и каждый принялся за то, что пришлось ему по вкусу из блюд, стоявших на столе, и начали есть и наесться, будто на месяц вперед.

Пожинав, четверо музыкантов погасили свет и стали искать, где бы им поудобней выспаться, — каждый по своему обычаю и привычке. Осел улегся на навозной куче, собака легла за дверь, кот на шестке у горя-

чей золы, а петух сел на насест; а так как они с дальней дороги устали, то вскоре все и уснули.

Когда полночь уже прошла и разбойники издали заметили, что в доме свет не горит, все как будто спокойно, тогда говорит атаман:

— Нечего нам страху поддаваться, — и приказал одному из своих людей пойти в дом на разведку.

Посланный нашел, что там все тихо и спокойно; он зашел в кухню, чтобы зажечь свет, и показались ему сверкающие глаза кота горящими угольками, он ткнул в них серник, чтоб добыть огня. Но кот шуток не любил, он кинулся ему прямо в лицо, стал шипеть и царапаться. Тут испугался разбойник и давай бежать через черную дверь; а собака как раз за дверь лежала, вскочила она и укусила его за ногу. Пустился он бежать через двор да мимо навозной кучи, тут и лягнул его изо всех сил осел задним копытом; проснулся от шума петух, встрепенулся, да как закричит с насеста: «Кукареку!»

Побежал разбойник со всех ног назад к своему атаману и говорит:

— Ох, там в доме страшная ведьма засела, какдохнет она мне в лицо, как вцепится в меня своими длинными пальцами; а у двери стоит человек с ножом, как полоснет он меня по ноге; а на дворе лежит черное чудище, как ударит оно меня своей дубинкой; а на крыше, на самом верху, судья сидит и кричит: «Тащите вора сюда!» Тут я еле-еле ноги унес.

С той поры боялись разбойники в дом возвращаться, а четверем бременским музыкантам там так понравилось, что и уходить не захотелось.

А кто эту сказку последний сказал, все это сам своими глазами видал.

СТАРЫЙ СУЛТАН

Был у одного крестьянина верный пес; звали его Султаном. Вот состарился он, повыпали у него зубы, и нечем ему было теперь кусать. Стоял раз крестьянин со своей женой у порога и говорит:

— А завтра я старого Султана пристрелить собираюсь, стал он уже никуда негод.

А жена пожалела верного пса и говорит:

— Да ведь он же нам честно служил столько лет, и нам надо бы кормить его теперь из милости.

— Э, что ты говоришь, — сказал муж, — видно, у тебя ума не хватает. У него ведь и зубов-то нету, ни один вор его не боится; службу он свою уже отслужил, может себе и убраться. Когда он служил нам, мы ведь его неплохо кормили.

А бедный пес лежал в это время, растянувшись на солнышке, и все это слышал, и стало ему грустно, что завтра его последний день наступает. А был

у него добрый товарищ, и был то волк. Вот пробрался к нему пес вечером в лес и стал на судьбу свою жаловаться.

— Послушай, куманек, — сказал ему волк, — успокойся, уж я тебя из беды выручу. Я кое-что надумал. Завтра на рассвете твой хозяин пойдет с женой сено косить, а так как дома некому будет остаться, то возьмут они с собой и своего маленького ребенка. Во время работы они кладут ребенка всегда в тень за кустами. А ты ложись с ним рядом, будто сторожить его собираешься. Я выйду из лесу и утащу ребенка; а ты кинься за мной, будто его отбить у меня хочешь. Я ребенка выроню, и ты принесешь его опять родителям, и они подумают, что ты его спас, и уж так будут тебе благодарны, что не то чтобы злое тебе что-нибудь сделать, а напротив, будешь ты у них в большой милости, и ни в чем тебе с той поры отказа не будет.

Этот совет псу понравился; задумано — сделано.

Как увидел отец, что волк утащил ребенка и бежит с ним по полю, он стал кричать; но когда старый Султан принес его назад, начал пса гладить и говорит:

— Теперь я в обиду тебя не дам, будешь ты до самой смерти кормиться у меня из милости.

И говорит он жене:

— Ступай скорее домой да навари старому Султану вкусной похлебки, ведь кусать-то ему трудно, да возьми с моей постели подушку, я дарю ее Султану, пускай он на ней спит.

И с той поры стало жить старому Султану так хорошо, что лучшего и желать было нечего.

Приходит после того вскоре волк его навестить, и обрадовался он, что все так хорошо обошлось.

— Ну, куманек, — говорит он, — придется тебе разок прикинуться, будто ты ничего не видишь, а я уж найду случай и утащу у твоего хозяина жирную овечку. Если нынче жить особняком, нам туго придется.

— Нет, уж на это ты не рассчитывай, — ответил пес, — моему хозяину я останусь верен, на такое дело я не согласен.

Подумал волк, что это он просто так говорит, и подкрался ночью, чтоб овцу утащить. Но верный Султан разгласил хозяину про замысел волка, и тот подстерег его и здорово намял ему цепом бока. Но волку удалось вырваться, и он крикнул псу:

— Погоди, скверный товарищ, ты в этом еще раскаешься!

На другое утро послал волк дикую свинью и велел ей вызвать пса в лес, чтобы там порешить дело. И никого не нашел старый Султан себе в помощь, кроме кошки, да и та была без одной ноги. Вот вышли они вместе, и заковыляла бедная кошка в лес и от боли подняла свой хвост вверх.

А волк с товарищем был уже на месте. Увидели они, что противники идут к ним навстречу, и показалось им, будто пес с собой саблю несет, — это они

поднятый хвост кошки за саблю приняли. А ковыляла несчастная кошка на трех ногах, и они подумали, что это она подымает каждый раз камень, чтобы в них бросить. И стало им страшно: забралась дикая свинья в листья, а волк на дерево вспрыгнул.

Подошли собака с кошкой, видят — никого нету, и они очень удивились. Но дикая свинья не могла вся в листву запрятаться, — уши у ней торчали наружу. Огляделась кошка внимательно по сторонам, а тут свинья вдруг ушами задвигала. Подумала кошка, что это мышшь шевелится, и как прыгнет на нее, и сильно-пресильно ее укусила. Поднялась свинья с великим воем, бросилась со всех ног бежать и кричит:

— Вон на дереве сидит всему делу виновник!

Глянули кошка и собака наверх и увидели там волка, и стало ему стыдно, что он себя таким трусом показал, и заключил он тогда с псом мир.

СОЛОМИНКА, УГОЛЕК И БОБ

Жила-была в деревне бедная старуха. Собрала она раз миску бобов и хотела было их сварить. Она затопила печь и, чтоб огонь скорей разгорелся, подбросила пучок соломы. Стала пересыпать бобы в горшок, и вдруг один из них невзначай выскользнул и улегся на полу рядом с соломинкой, а вскоре выскочил к ним из печи и горящий уголек. Вот соломинка и говорит:

— Откуда вы к нам, милые друзья?

Уголек отвечает:

— Да вот посчастливилось мне из огня выскочить, а не то бы верная гибель была мне — я сгорел бы и обратился в пепел.

А боб ему говорит:

— Я тоже ловко спас свою шкуру, а то положила бы меня старуха в горшок и сварила бы из меня, как из моих товарищей, без всякого сожаления по хлебку.

— А мне-то разве лучше пришлось бы? — сказала соломинка. — Всех моих сестриц старуха в огонь и в дым обратила; вон — шестьдесят сразу схватила да и погубила. Я еще счастливо выскользнула у нее из рук.

— Что ж нам теперь делать? — спрашивает уголек.

— Я думаю, — ответил боб, — раз мы так счастливо спаслись от смерти, так давайте жить, как добрые друзья-товарищи, вместе; а чтоб с нами не произошло опять какой беды, давайте уйдем отсюда и поселимся в иной, чуждеальней стране.

Это всем понравилось, и они отправились вместе в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли, подошли они, наконец, к маленькому ручейку, и не было там ни мостика, ни жердинки, и они не знали, как им перебраться на другую сторону. Но соломинка скоро нашла выход и говорит:

— Знаете что, лягу-ка я поперек ручья, а вы переправитесь по мне, как по мостику.

Так она и сделала — протянулась с берега на берег. А уголек тот был нрава пылогого и смело затопал по вновь построенному мосту.

Жила-была в деревне бедная старуха.

Дошел он уже до середины, вдруг слышит под собой шум воды, — тут испугался он, остановился на месте и не решился идти дальше. А соломинка вдруг загорелась, переломилась надвое и упала в ручей. Уголек упал за ней следом и, как попал в воду, зашипел и умер.

А боб, тот был поосторожней: он остался на берегу и, увидев, что случилось, засмеялся и никак не мог остановиться, и смеялся так сильно, что в конце концов лопнул.

Тут бы ему и конец настал, но, к счастью, подвернулся странствующий портной, отдохавший у ручья. Сердце было у него жалостливое, он достал иглу и нитки и сшил лопнувший боб. Поблагодарил его боб от всей души, но только нитки-то у портного были черные.

Вот с той поры у всех бобов и виден посредине черный шов.

ШИПОВНИЧЕК

Много лет тому назад жили король с королевой, и каждый день они говорили:

— Ах, если б родился у нас ребенок! — Но детей у них все не было и не было.

Вот случилось однажды, что королева сидела в купальне, и вылезла из воды на берег лягушка и говорит ей:

— Твое желание исполнится: не пройдет и года, как родишь ты на свет дочь.

И что лягушка сказала, то и случилось, — родила королева девочку, и была она такая прекрасная, что король не знал, что и придумать ему на радостях, и вот он устроил большой пир. Созвал он на этот пир не только своих родных, друзей и знакомых, но и ведуний, чтобы были те к его ребенку милостивы и благосклонны. А было их в его королевстве счетом тринадцать; но так как золотых тарелок, на которых они должны были есть, было у него всего лишь двенадцать, то одна из них осталась неприглашенной.

Праздник отпраздновали с великой пышностью, и под конец ведуньи одарили ребенка чудесными дарами: одна — добродетелью, другая — красотой, третья — богатством и всем, что только можно пожелать на свете.

Когда одиннадцать произнесли уже свои предсказания, вдруг явилась на пир тринадцатая. Ей хотелось отомстить за то, что ее не пригласили.

И вот, ни с кем не здороваясь и ни на кого не глядя, она воскликнула громким голосом:

— Королевна на пятнадцатом году должна уколаться о веретено и от этого помереть!

И, не сказав больше ни слова, она повернулась и вышла из зала. Все были испуганы, но выступила тогда двенадцатая ведунья, она еще не сказала своего пожелания; и так как отменить злое заклятье она была не в силах, а могла только его смягчить, то она сказала:

— Но то будет не смерть, а только вековой глубокий сон, в который упадет королевна.

Король, желая уберечь свою любимую дочь от несчастья, издал указ: все веретена во всем королевстве сжечь.

Вот и исполнились все предсказания, данные девочке ведуньями: она была так красива, так скромна, приветлива и так разумна, что всякий, кто ее видел, невольно ею любовался.

Случилось, что в тот день, когда исполнилось ей пятнадцать лет, короля и королевны не было дома и девушка осталась в замке одна. Она пошла бродить всюду по замку, осматривать покои и кладовушки — все, что вздумается; и пошла она, наконец, к старой башне. Она взошла по узкой витой лесенке в ту башню и очутилась у небольшой двери. А в замке торчал заржавленный ключ; повернула она его, дверь распахнулась, видит — сидит там в маленькой светелке у веретена старуха и прилежно прядет пряжу.

— Здравствуй, бабушка, — молвила королевна, — что ты тут делаешь?

— Пряжу пряду, — отвечала старуха и кивнула ей головой.

— А что это за штука такая, что так весело вертится? — спросила девушка, взяла веретено и хотела было тоже приняться за пряжу.

Но только она прикоснулась к веретену, как исполнился наговор, и она уколола веретеном палец. И в тот миг, когда она почувствовала укол, она упала на постель, что стояла в светелке, и погрузилась в глубокий сон.

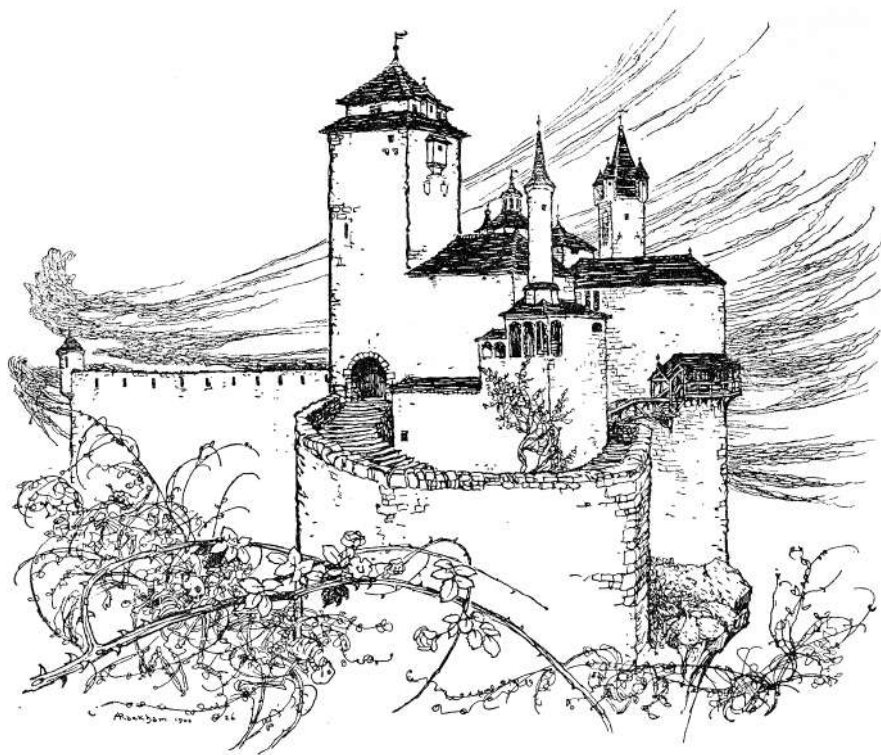
И сон этот распространился по всему замку; король и королева, которые только что вернулись домой и вошли в зал, тоже уснули, а вместе с ними и все придворные. Уснули и лошади в стойлах, и собаки на дворе, голуби на крыше, мухи на стенах; даже огонь, пылавший в печи, и тот замер и уснул, и жаркое перестало шипеть и поджариваться, а повар, схвативший было за волосы поваренка за то, что тот чего-то не доглядел, отпустил его и тоже уснул. И ветер утих, и не шелухнулся ни один листик на деревьях около замка.

И стала расти вокруг замка колючая терновая заросль; с каждым годом она становилась все выше и выше и окружила, наконец, весь замок. Она выросла выше самого замка, и в этой заросли его стало совсем не видно, и даже флаги на вышке нельзя было заметить.

И пошла по стране молва о прекрасной спящей королевне, которую прозвали Шиповничек, и вот стали наезжать туда от времени до времени разные

Родила королева девочку, и была она такая прекрасная, что король не знал, что и придумать ему на радостях, и вот он устроил большой пир.

королевичи и пытались пробраться через густую заросль в замок. Но было это невозможно, так как шипы держались крепко один за один, точно взявшись за руки, — и юноши запутывались в заросли и, зацепившись о шипы, не могли больше из них вырваться и погибали мучительной смертью.

После многих и долгих лет явился опять в ту страну один королевич, и услышал он от одного старика о колючей заросли и о замке, где вот уже сто лет как спит сказочная красавица-королевна, по прозванию Шиповничек; и спят с ней заодно король и королева и все придворные. Старик еще рассказал ему о том, что слышал от своего деда, будто приходило уже немало королевичей, которые пытались пробиться сквозь колючую заросль, но все они остались там, зацепившись за шипы, и погибли жалкой смертью. И сказал тогда юноша:

— Я этого не боюсь, я хочу отправиться туда и увидеть прекрасную королевну Шиповничек.

Добрый старик стал его отговаривать, чтобы он туда не ходил, но он совета его не послушался.

А к тому времени как раз минуло сто лет, и настал день, когда королевна Шиповничек должна была снова проснуться. Подошел королевич к колючей

*И сказал тогда юноша: «Я этого не боюсь, я хочу отправиться туда
и увидеть прекрасную королеву Шиповничек».
Добрый старик стал его отговаривать, чтобы он туда не ходил...*

заросли, поглядел, видит — растут там вместо терновника красивые цветы, — они сами раздвинулись перед ним, и опять сомкнулись, и стали снова изгородью. Увидел он на дворе лошадей и рыжих гончих, что лежали и спали; сидели на крыше голуби, спрятавши головы под крыло. Вошел он в замок и увидел, что спят на стене мухи, а повар на кухне все еще протягивает руку, будто собирается схватить за волосы поваренка, и сидит стряпуха перед черной курицей, которую она должна ошипать.

Пошел он дальше и увидел, что в зале лежат и спят все придворные, а наверху возле трона лежат король с королевой. И пошел он дальше, и все было так тихо, что слышно было ему даже его собственное дыхание.

Подошел он, наконец, к башне и отворил дверь маленькой светелки, где спала Шиповничек. Она лежала и была так прекрасна, что он не мог оторвать от нее глаз; и он нагнулся к ней и поцеловал ее. И только он к ней прикоснулся, открыла Шиповничек глаза, проснулась и ласково на него поглядела. И сошли они вместе с башни.

И вот проснулись король с королевой и все придворные, и они удивленно посмотрели друг на друга. Поднялись лошади на дворе и стали отряхиваться. Вскочили гончие собаки и замахали хвостами. Подняли голуби на крыше свои головки, огляделись и полетели в поле. Мухи стали ползать по стене. Огонь в кухне поднялся тоже, запылал и стал варить обед; жаркое начало снова жариться и шипеть. А повар дал такую затрещину поваренку, что тот так и вскрикнул; а стряпуха стала поскорей ошипывать курицу.

И отпраздновали тогда пышную свадьбу королевича с королевной Шиповничек, и жили они счастливо до самой смерти.

*Подошел королевич, наконец, к башне и открыл дверь маленькой
светелки, где спала Шиповничек. Она лежала и была так прекрасна,
что он не мог оторвать от нее глаз...*

СОБАКА И ВОРОБЕЙ

Не было у овчарки доброго хозяина, а был у нее такой, что все морил ее голодом. Вот не стало у нее сил больше терпеть, и ушла она от него, грустная да печальная. Встретился ей по пути воробей и спрашивает:

— Отчего ты, сестрица-собака, так пригорюнилась?

Ответила собака:

— Я голодная, а есть-то мне нечего.

Воробей и говорит:

— Давай, милая сестрица, пойдем с тобой в город, я накормлю тебя досыта.

Пошли они в город. Проходили они мимо мясной лавки, а воробей и говорит собаке:

— Ты постой тут, а я тебе отключу кусочек мяса.

Он сел на прилавок, оглянулся кругом, никого не видно, и давай клевать мясо; он тащил и рвал кусок, что лежал на краю, пока тот не свалился на землю. Схватила мясо собака, побежала в уголок и все мясо поела, а воробей и говорит:

— А теперь пойдем к другой лавке, я сброшу тебе еще кусок, чтобы ты наелась как следует.

Съела собака и другой кусок мяса, а воробей спрашивает:

— Ну, сестрица-собака, наелась ты теперь досыта?

— Да, я мясом уже сыта, — ответила она, — но я еще хлеба не ела.

Сказал воробей:

— Хлеб ты тоже получишь, только ступай за мной.

И он привел ее к булочной и начал клевать две булочки, пока они вниз скатились. Но захотелось собаке еще, и повел ее воробей к другой булочной, сбросил ей еще хлебец. Собака съела его, а воробей и спрашивает:

— Ну что, сестрица-собака, наелась ты теперь досыта?

— Да, — ответила собака, — а теперь давай за город прогуляемся.

Вышли они на большую дорогу. Погода была теплая, прошли они немного, а собака и говорит:

— Я уморилась, хотелось бы мне немного поспать.

— Ладно, поспи, — ответил воробей, — а я тем временем на ветке посижу.

Улеглась собака на дороге и крепко уснула. А когда она лежала и спала, подъехал возница, — в повозку у него было запряжено трое лошадей, и лежали на повозке два бочонка вина. Увидал воробей, что возница и не думает сворачивать с дороги, а продолжает ехать по колее, где лежала собака, и крикнул:

— Эй, возница, ты этак не делай, а не то я сделаю тебя бедным!

Но возница буркнул про себя: «Бедным-то ты меня не сделаешь», — и, щелкнув бичом, он погнал лошадей прямо на собаку, — и вот раздавили ее колеса насмерть.

Крикнул тогда воробей:

— Ты убил мою сестрицу-собаку, ты за это заплатишься повозкой и лошастью.

— Ишь ты! Повозкой да лошастью, — проворчал возница, — как это ты мне можешь сделать! — и поехал себе дальше.

А воробей забрался под рогожу и стал клевать затычку в бочонке, и клевал, пока не вытащил ее: и расплескалось все вино наземь, а возница того не заметил. Оглянулся он назад, видит — с повозки что-то капает, стал он разглядывать бочки и заметил, что одна из них порожняя.

— Ах, бедный я человек! — воскликнул он.

— Нет, ты еще недостаточно бедный, — сказал воробей и, подлетев, сел на голову коренной лошади и выклевал ей глаза.

Увидел это возница, выхватил мотыгу, хотел было ударить воробья; но воробей взлетел, и угодил возница как раз в голову лошади, и та упала замертво наземь.

— Ах, бедный я человек! — воскликнул он.

— Нет, ты еще недостаточно бедный, — сказал воробей; и когда возница поехал дальше на двух лошадях, забрался воробей опять под рогожу, выклевал затычку из второй бочки, и все вино расплескалось.

Заметил это возница и снова воскликнул:

— Ах, бедный я человек!

Но воробей ответил:

— Нет, ты еще недостаточно бедный, — уселся на голову второй лошади и выклевал ей глаза.

Подбежал возница, кинулся на воробья с мотыгой, но тот порх и улетел; пришлось удар как раз по лошади, и упала она замертво наземь.

— Ах, бедный я человек! — воскликнул он.

— Нет, ты еще недостаточно бедный, — сказал воробей, сел на голову к третьей лошади и выклевал ей глаза.

Разъярился возница, ударил по воробью, да не попал в него и убил свою третью лошадь.

— Ах, бедный я человек! — воскликнул он.

— Нет, ты еще недостаточно бедный, — ответил воробей, — сделаю я тебя бедным дома, — и с тем улетел.

Пришлось вознице бросить свою повозку, и он вернулся домой в большой досаде и гнев.

— Ох, какое у меня несчастье приключилось! — сказал он своей жене. — Все вино вытекло, и все три лошади погибли.

— Ах, муженек, — отвечала жена, — а какая к нам вредная птица в дом залетела! Собрала птиц со всего света, слетелись они на нашу пшеницу и ее выклевают.

Вышел он на поле, видит — сидят там тысячи тысяч птиц и всю пшеницу поклевали, и был между ними тот самый воробей.

Крикнул возница:

— Ах, бедный я человек!

— Нет, ты еще недостаточно бедный, — ответил воробей. — Ты, возница, еще за это жизнью своей расплатишься, — и улетел.

Вот потерял возница все свое добро, входит он в комнату, садится за печкой, и был он злой и свирепый. А воробей уселся у окошка да как закричит:

— Возница, ты еще жизнью своей заплатишься!

Тут схватил возница мотыгу и кинул ее в воробья; но выбил он только оконницу, а в птицу не попал. Влетел воробей в комнату, уселся на печь да как закричит:

— Возница, ты еще жизнью своей заплатишься!

Тут возница в бешенстве и в ярости всю печь развалил, а воробей все с места на место перелетает. Вот перебил возница всю свою посуду, и зеркальце, и скамьи, и стол, наконец развалил даже стены своего дома, а все в воробья попасть никак не может. Наконец он все-таки его поймал.

А жена и спрашивает:

— Не убить ли мне воробья?

— Нет, — крикнул он, — это было бы слишком милостиво; он должен погибнуть лютой смертью, я его живьем проглочу.

Берет он воробья и проглатывает его. А воробей начинает у него в животе трепыхаться, вылетает опять наружу и влетает к нему в рот, высовывает оттуда голову и кричит:

— Возница, ты еще жизнью своей за это заплатишься!

Тогда возница дает жене мотыгу и говорит:

— Жена, убей-ка эту птицу у меня во рту.

Размахивает жена мотыгой, а попасть в воробья не может, и вот угодила она прямо в голову мужу, и тот падает мертвый наземь.

А воробей выпорхнул и улетел.

СТОПТАННЫЕ ТУФЕЛЬКИ

Жил-был некогда король. Было у него двенадцать дочерей, одна другой красивой. Спали они все вместе в одной зале, и постели их стояли рядом; вечером, когда они ложились спать, король закрывал дверь и запирал ее на засов. А утром, когда он ее открывал, то всегда замечал, что туфли у дочерей все от танцев стоптаны, и никак он не мог понять, отчего это происходит. И велел король кликнуть клич по всему королевству, что тот, кто дознается, где это они по ночам танцуют, может выбрать одну из них себе в жены, а после его смерти стать королем. Но кто объявится, а в течение трех дней и ночей о том не дознается, тому голова с плеч долой.

Вот вызвался вскоре один королевич взяться за это отважное дело. Его хорошо приняли и вечером отвели в комнату, что находилась рядом с залой-опочивальней. Ему приготовили постель, и он должен был наблюдать, куда королевны уходят и где танцуют; а чтоб ничего они не смогли сделать тайком или уйти куда-нибудь в другое место, то двери в залу были оставлены открытыми. Но вдруг веки у королевича налились точно свинцом, и он уснул, а когда наутро он проснулся, оказалось, что все двенадцать королевен ходили куда-то танцевать, — туфельки их стояли в зале, но у всех на подошвах были протерты дыры. И на второй, и на третий вечер случилось то же самое: и вот отрубили королевичу без всякой жалости голову. Приходило потом еще много других, которые брались за это отважное дело, но всем им пришлось поплатиться жизнью.

И вот случилось, что один бедный солдат, который был ранен и служить больше не мог, направился в тот самый город, где жил король. Повстречалась ему на пути старуха, она спросила его, куда он идет.

— Да я и сам точно не знаю, — ответил солдат и в шутку добавил: — Есть у меня охота дознаться, где это и в самом деле королевны свои туфли во время танцев стаптывают, — вот, может, я и королем сделаюсь.

— Да это не так-то и трудно, — сказала старуха. — Ты не пей вина, что поднесут тебе вечером, и притворись, будто крепко спишь.

Затем дала она ему небольшой плащ и сказала:

— Если ты наденешь его, то станешь невидимкой и сможешь тогда пробраться вслед за двенадцатью королевнами.

Солдат, получив добрый совет, решил приняться за это дело: набрался он смелости и к королю женихом объявился. Был он принят так же хорошо, как и другие, и на него тоже надели королевские одежды. Вечером, как пришло время спать ложиться, отвели его в комнату рядом с опочивальней; и когда он собирался ложиться спать, пришла старшая королевна и поднесла ему кубок вина; но он привязал к подбородку губку, — вино все и впиталось, и он и капли не выпил. Затем лег он в постель, полежал немного и начал храпеть, будто спит самым глубоким сном. Услыхали то двенадцать королевен, засмеялись, а старшая и говорит:

— И этому бы тоже не мешало жизнь свою поберечь.

Затем они встали, открыли шкафы, ларцы и шкатулки и достали роскошные платья; стали перед зеркалами наряжаться и прыгать на радостях, что вскоре смогут они опять танцевать. Но одна из них, младшая, и говорит:

— Я не знаю, вы вот радуетесь, а у меня на душе как-то тяжело: должно быть, с нами случится какое-нибудь несчастье.

— Эх ты, пуганая ворона, — сказала ей старшая, — всего ты вечно боишься! Разве ты забыла, сколько уже королевичей здесь понапрасну побывало? Солдату я даже и не стала бы сонного зелья подносить, этот олух и так не проснется.

Вот королевны были уже готовы и глянули на солдата, а он глаза закрыл, не двинется, не шелохнется, и подумали они, что теперь уже бояться им нечего. Подошла старшая к своей кровати и постучала в нее; и опустилась тотчас кровать в подземелье, и сошли они одна за другой вниз через подземный ход, а впереди всех шла старшая. Солдат, видя все это, долго не мешкал, он набросил на себя свой плащ и спустился вниз вслед за младшей. Посреди лестницы он наступил ей слегка на платье, она испугалась и крикнула:

— Что это? Кто это схватил меня за платье?

— Да ты не выдумывай, — молвила старшая, — это ты, видно, за крючок зацепилась.

Вот сошли они все вниз и очутились в чудесной аллее, и были все листья на деревьях серебряные, и они все сияли и сверкали. Солдат подумал: «Возьму-ка я что-нибудь в знак доказательства», — и он отломил с дерева ветку; вдруг послышался страшный треск. Младшая вскрикнула:

— Тут что-то неладное, вы слышали треск?

Но старшая сказала:

— Это салютуют на радостях, что мы скоро освободим от чар наших принцев.

И они пошли затем по другой аллее, где листья на деревьях были все золотые, и, наконец, по третьей, где были листья все из чистых алмазов; и он отломил с обоих деревьев по ветке, и всякий раз дерево трещало, и младшая дрожала от страха, но старшая настаивала на том, что это салютуют в знак радости. Пошли они дальше, и вот подошли, наконец, к большой реке; стояло у берега двенадцать лодок, и в каждой лодке сидело по прекрасному принцу, и они ждали своих двенадцать королевен, и каждый посадил королевну к себе в лодку, солдат же сел вместе с младшей. А принц и говорит:

— Отчего это лодка вдруг стала сегодня тяжелее? Приходится мне грести изо всех сил.

— Это, пожалуй, — молвила младшая, — от жаркой погоды, и меня нынче что-то томит.

И стоял на другом берегу красивый, ярко освещенный замок, доносилась оттуда веселая музыка, трубы и литавры. Переплыли принцы через реку, вошли в замок, и каждый из них стал танцевать со своей милой. Солдат тоже танцевал вместе с ними, никем не видимый, и когда одна из королевен держала кубок с вином, то он весь его выпивал до дна, только она подносила его ко рту; и страшно было от того младшей, но старшая все заставляла ее молчать. Так протанцевали они там до трех часов утра, и вот все туфельки истоптались от танцев, и пришлось им оставить свои пляски. Перевезли принцы их опять через реку, а солдат на этот раз сел на переднюю лодку, к старшей. На берегу они попрощались со своими принцами и пообещали им прийти снова на следующую ночь. Когда они всходили по лестнице, солдат забежал вперед и лег в свою постель; и когда двенадцать королевен медленно подымались, утомленные, по лестнице, он уже храпел, да так громко, что все слышали; и они сказали: «Уж этого человека опасаться нам нечего». Сняли они свои красивые платья, спрятали их, стоптанные во время танцев туфельки поставили под кровать, а сами легли спать.

На другое утро солдат решил ничего не рассказывать, а еще раз поглядеть на это диво, — и вот ходил он и вторую и третью ночь с ними вместе. И все было так же, как и в первый раз, — они плясали до тех пор, пока туфельки не стаптывали. Но на третий раз взял он с собой в доказательство кубок. Вот наступило время ему отвечать, и взял он с собой и спрятал три ветки и кубок и пошел к королю, а двенадцать королевен стояли за дверью и слушали, что он скажет. Когда король стал спрашивать:

— Ну, сказывай, где мои двенадцать дочерей ночью все свои туфельки в плясках истоптали? — то солдат ответил:

— Вместе с двенадцатью принцами в подземном замке.

И рассказал он королю все, как было, и принес ему знаки доказательства.

Велел тогда король позвать своих дочерей и спросил их, правду ли говорит солдат? Видя, что все обнаружилось, и если отпираться, то все равно ничего не поможет, они сознались во всем. Тогда король и говорит:

*И стоял на другом берегу красивый, ярко освещенный замок,
доносилась оттуда веселая музыка, трубы и литавры.*

— Какую же ты хочешь взять себе в жены?

Он ответил:

— Я-то уж не молод, так отдайте мне старшую.

В тот же день и свадьбу сыграли, и было ему обещано после смерти короля и все государство.

И принцы были снова заколдованы на столько дней, сколько ночей проплясали они вместе с двенадцатью королевнами.

СКАЗКА О РЫБАКЕ И ЕГО ЖЕНЕ

Жил-был когда-то рыбак со своей женой. Жили они вместе в бедной избушке, у самого моря. Рыбак выходил каждый день к берегу моря и ловил рыбу, — так он и жил, что все рыбу ловил.

Вот сидел он однажды с удочкой и все глядел на зеркальную воду; сидел он и сидел. Вдруг опустилась удочка на дно, глубоко-глубоко; стал он ее вытаскивать и вытащил большую камбалу-рыбу. И говорит ему камбала-рыба:

— Послушай, рыбак, прошу я тебя, отпусти меня в море! Не рыба я камбала, а очарованный принц. Ну, что тебе будет пользы в том, что ты меня съешь? Не по вкусу придется я тебе. Отпусти меня в море, чтоб снова мне плавать.

— Ну, — говорит рыбак, — чего меня уговаривать? Камбалу, что умеет говорить человеческим голосом, я и так отпущу на свободу.

И он отпустил ее опять в чистое море. Опустилась она на дно и оставила за собой длинную струйку крови. Подивился рыбак и вернулся к жене в свою бедную избушку.

— Что ж ты, — говорит ему жена, — нынче ничего не поймал?

— Нет, — говорит рыбак, — поймал я камбалу-рыбу, а она сказала, что она — очарованный принц, вот и отпустил я ее назад, пускай себе плавает в море.

— И ты у нее ничего и не выпросил? — спросила жена.

— Нет, — ответил рыбак, — чего же мне было желать?

— Эх, — сказала жена, — ведь плохо-то нам живется в бедной избушке, скверно в ней пахнет, смотри, какая она грязная, выпросил бы ты избу получше. Ступай да поклочи назад камбалу-рыбу, скажи ей, что хотим мы избу получше. Она уж наверное выполнит просьбу.

— Ох, — сказал рыбак, — неужто мне снова туда идти?

— Да ведь ты же ее поймал и выпустил в море, она уж наверное все сделает. Ступай, счастливой тебе дороги!

Не хотелось идти рыбаку, но он не посмел перечить жене и пошел к морю.

Пришел на берег. Позеленело море, потемнело, не сверкает, как прежде. Подошел он к морю и говорит:

Человечек Тимпе-Те,
Рыба-камбала в воде,
Ильзебильт, моя жена,
Против воли шлет меня.

Приплыла камбала-рыба и спрашивает:

— Ну, чего ей надобно?

— Эх, — ответил рыбак, — ведь я-то тебя поймал, а жена мне говорит, будто я должен что-нибудь у тебя выпросить. Не хочет она больше жить в своей бедной избушке, хочет жить в хорошей избе.

— Ну, ступай, — говорит ему камбала-рыба, — все тебе будет.

Воротился рыбак домой. Видит — на месте бедной избушки стоит хорошая новая изба, и сидит жена его перед дверью на скамейке. Взяла его жена за руку и говорит:

— Ну, входи, погляди-ка, теперь-то ведь куда лучше.

Вошел он в избу, а в избе чистые сени и нарядная комната, и стоят в ней новые постели, а дальше чулан и столовая; и всюду полки, а на них самая лучшая утварь, и оловянная и медная — все, что надо. А позади избы маленький дворик, и ходят там куры и утки; а дальше небольшой садик и огород с разной зеленью и овощами.

— Видишь, — говорит жена, — разве это не хорошо?

— Да, — ответил рыбак, — заживем мы теперь припеваючи, будем довольны и сыты.

— Ну, это еще посмотрим, как оно будет, — говорит жена. Поужинали они и легли спать.

Вот прошла так неделя, другая, и говорит жена:

— Послушай, муженек, а изба-то ведь тесная, двор и огород совсем маленькие; камбала-рыба могла бы подарить нам дом и побольше. Хочу жить в большом каменном замке. Ступай к камбале-рыбе, пусть подарит нам замок.

— Ах, жена, — ответил рыбак, — нам-то ведь и в этой избе хорошо, зачем нам жить в замке?

— Да что ты понимаешь! — говорит ему жена. — Ступай-ка опять к камбале-рыбе, она все может нам сделать.

— Нет, жена, — говорит рыбак, — камбала-рыба подарила нам недавно избу, не хочу я идти к ней опять, а не то она разгневается.

— Да ступай, — говорит жена, — она все может выполнить, и сделает это охотно. Ступай!

Тяжело было на сердце у рыбака, не хотелось ему идти; молвил он про себя: «Негоже так делать», но все же пошел.

Пришел он к морю. Помутилось море, потемнело, совсем стало темным; иссиня-серым, и совсем не такое, как прежде — зеленое и светлое; но было оно еще тихое-тихое.

Подошел он к морю и говорит:

Человечек Тимпе-Те,
Рыба-камбала в воде,
Ильзебицль, моя жена,
Против воли шлет меня.

— Ну, чего она хочет? — говорит камбала-рыба.

— Эх, — ответил в смущении рыбак, — хочет она жить в большом каменном замке.

— Ну, ступай домой, вон стоит она у дверей, — молвила камбала-рыба.

Пошел рыбак и подумал: «Пойду я теперь домой», — и домой воротился. Видит — стоит перед ним большой каменный дворец, и стоит его жена на крыльце и собирается войти во дворец. Она взяла его за руку и говорит:

— Ну, войдем вместе со мной.

Вошли они, видят — всюду в замке мраморные полы; и стоит множество всяких слуг, отворяют они перед ними высокие двери; а стены все так и блестят, красивые на них обои, а в комнатах стулья и столы все сплошь из золота, и висят на потолке хрустальные люстры; и все залы и покои коврами устланы; и лучшие яства и вина драгоценные стоят на столах, — чуть не ломятся под ними столы. А позади замка просторный конюшенный двор и коровник, и возки и повозки самые лучшие, да, кроме того, большой прекрасный сад с великолепными цветами и чудными плодовыми деревьями, и парк — длинной будет этак с полмили, — а в нем олени, лани и зайцы и все, что только душа пожелает.

— Ну, что, — говорит жена, — разве это не прекрасно?

— О, да, — ответил рыбак, — пускай оно так и останется; давай заживем теперь в прекрасном замке и будем этим довольны.

— Ну, это мы еще подумаем, — говорит жена, — потолкуем после.

С тем и пошли они спать.

На другое утро, только стало светать, проснулась жена первая и увидела, лежа в постели, какой красивый вид за окном. Рыбак еще спал; толкнула жена его локтем в бок и говорит:

— Вставай, муженек, погляди-ка в окошко. А не стать ли нам королями над всей этой страной? Ступай-ка ты к камбале-рыбе, скажи — хотим мы быть королями.

— Ох, жена, — ответил рыбак, — и зачем нам быть королями? Не хочу я быть королем!

— Ну, — говорит ему жена, — ты не хочешь быть королем, а я вот хочу. Ступай-ка ты к камбале-рыбе, скажи ей, что хочу я стать королевой.

— Эх, жена, жена, — молвил рыбак, — зачем быть тебе королевой! Не посмею просить я ее об этом.

— Почему? — говорит жена. — Мигом ступай к морю, я должна быть королевой.

Пошел рыбак в смущенье, что хочет жена его стать королевой. «Ой, негоже, негоже так делать», — подумал рыбак.

Не хотелось ему идти, — пошел-таки к морю.

Приходит он к морю, а море все черное стало, волнуется, и ходят по нем волны большие и мутные-мутные. Подошел он к берегу и говорит:

Человечек Тимпе-Те,
Рыба-камбала в воде,
Ильзебилль, моя жена,
Против воли шлет меня.

— Ну, чего она еще захотела? — спрашивает камбала-рыба.

— Ах, — говорит рыбак, — она хочет стать королевой.

— Ступай домой, будет ей все, — сказала камбала-рыба.

Воротился рыбак домой; подходит ко дворцу, видит — стал замок куда побольше, и башня на нем больше, да так красиво украшена; и стоят у ворот часовые и много солдат — играют на трубах, бьют в литавры и барабаны. Вошел он в двери, а всюду мрамор и золото, и бархатные везде ковры да золотые кисти.

Открылись перед ним двери в залу, а там все придворные в сборе, и сидит его жена на высоком, из чистого золота, троне, усыпанном бриллиантами; а на голове у жены большая золотая корона, и в руке у нее из чистого золота скипетр с дорогими камнями, и стоят по обе стороны по шесть девушек в ряд, одна другой красивей.

Подходит к ней рыбак, постоял и говорит:

— Ох, жена, ты, значит, теперь королевой стала?

— Да, — отвечает она, — я теперь королева!

Постоял он некоторое время, оглядел ее справа и слева и говорит:

— Ах, жена, вот и хорошо, что стала ты королевой. Теперь, пожалуй, тебе ничего больше и желать не надо.

— Нет, муженек, — говорит жена, и точно какая тревога ее одолела, — скучно мне быть королевой, не могу я дольше быть королевой. Ступай-ка ты к камбале-рыбе; я теперь королева, а хочу стать отныне императрицей.

— Ах, жена, — молвил рыбак, — ну, зачем тебе быть императрицей?

— Муж, — сказала она, — ступай-ка к этой камбале-рыбе, хочу я стать императрицей.

— Ох, жена, — отвечает ей муж на это, — императрицей сделать тебя она не сможет, я не посмею просить об этом камбалу-рыбу; императрица одна во всем государстве, императрицей не сможет сделать тебя камбала-рыба, никак не сможет.

— Что? — сказала жена. — Ведь я королева, а ты мой муж; пойдешь к рыбе подобру-поздорову? Ступай! Раз могла сделать она меня королевой, может сделать и императрицей. Хочу стать я императрицей, ступай поживее.

И пришлось идти ему снова. Подошел он к морю, но стало ему страшно; идя, подумал он про себя: «Дело, видно, идет не к добру; совести нет у нее, хочет императрицей сделаться; надоест под конец это камбале-рыбе».

Пришел он к морю, а море стало еще чернее, вздулось и все до самых глубин взволновалось, и ходили волны по нему, и разгуливал буйный ветер и дул им навстречу; и рыбаку сделалось страшно. Он вышел на берег и говорит:

Человечек Тимпе-Те,
Рыба-камбала в воде,
Ильзебилль, моя жена,
Против воли шлет меня.

— Ну, чего она еще захотела? — спросила камбала-рыба.

— Ах, камбала-рыба, — сказал он, — хочет жена моя стать императрицей.

— Ступай, — сказала камбала-рыба, — будет ей все.

Воротился рыбак домой, видит — одет весь замок полированным мрамором, стоят изваяния из алебаstra, и всюду золотые украшения. Маршируют перед входом солдаты, дуют в трубы, бьют в литавры и барабаны; а по дому расхаживают бароны, графы да герцоги разные и прислуживают жене, точно слуги; открывают они перед ним двери, а все двери сплошь золотые.

Входит он, видит — сидит жена его на троне, а он из цельного золота кован, а высотой будет этак с две мили; а на голове у нее большая золотая корона вышиной в три локтя, усыпана вся алмазами и рубинами. В одной руке у жены

скипетр, а в другой держава; и стоят по обе стороны телохранители в два ряда, один красивей другого, все, как на подбор, великаны, и самый из них большой ростом в две мили, и выстроились все в шеренгу от большого до самого малого карлика, что будет не больше, чем мой мизинец. И стоят перед ней князья да герцоги. Подошел рыбак ближе, остановился и говорит:

— Жена, значит ты теперь императрица?

— Да, — говорит она, — теперь я императрица.

Постоял он, поглядел на нее хорошенько, разглядел, посмотрел еще раз и говорит:

— Ох, жена, как красиво, когда ты императрицей стала!

— Ну, чего ж ты стоишь? Теперь я императрица, а хочу стать папой римским, ступай к камбале-рыбе.

— Ах, жена, — молвил рыбак, — чего еще захотела! Папой стать ты не можешь, папа один во всем христианском мире, — этого рыба сделать никак уж не может.

— Муж, — говорит она, — хочу я стать папой, ступай поскорее к рыбе, должна я сегодня же сделаться папой.

— Нет, жена, — говорит ей рыбак, — я и сказать ей о том не посмею. Нет, так негоже и дерзко, — папой камбала-рыба сделать тебя не сможет.

— Муж, как ты смеешь мне перечить! — сказала жена. — Раз могла она сделать меня императрицей, сможет сделать и папой. Ну, поскорей отправляйся, я — императрица, а ты — мой муж, пойдешь подобру-поздорову?

Испугался рыбак и пошел, но было ему слишком тяжело, он дрожал, и колени у него подгибались.

И поднялся вдруг кругом такой ветер, мчались тучи, и стало на западном крае темным-темно, срывались листья с деревьев, волновалось море и бушевало и билось о берег, и были на нем вдали видны корабли, которые застигла буря; их носило, качая по волнам. Но небо было в середине еще слегка синеватое, а на юге багряное, как перед грозой.

Подошел рыбак к морю, остановился в страхе и говорит:

Человечек Тимпе-Те,
Рыба-камбала в воде,
Ильзебиля, моя жена,
Против воли шлет меня.

— Ну, чего она еще захотела? — говорит камбала-рыба.

— Ох, — отвечает рыбак, — хочет стать она папой римским.

— Ступай, будет по ее воле, — молвила камбала-рыба.

Воротился рыбак, приходит домой, видит — стоит большой собор, а вокруг него все дворцы понастроены. Пробираясь он сквозь толпу. И было внутри все освещено тысячами тысяч свечей, а жена облачена в ризы из чистого золота; видит — сидит она на троне на высочайшем, и на голове у нее три большие золотые короны. А вокруг стоит разное духовенство; и по обе стороны ее поставлены свечи в два ряда, и самая большая из них — такая огромная и толстая, как самая что ни на есть высокая башня, а самая маленькая — та совсем крошечная. И все короли и цари стоят перед ней на коленях, целуют ей туфлю.

Посмотрел на нее рыбак внимательно и говорит:

— Жена, ты теперь, стало быть, папа?

— Да, — отвечает она, — я теперь папа.

Вот стоит он и глядит на нее пристально; и показалось ему, будто он смотрит на ясное солнышко. Оглядел он ее хорошенько и говорит:

— Ах, жена, как прекрасно, что ты сделалась папой!

Сидит она перед ним истуканом и не двинется, не шелохнется. И говорит он:

— Ну, жена, ты теперь-то, пожалуй, довольна. Вот ты и папа, и никак уж теперь не можешь стать выше.

— А я вот подумаю, — говорит жена.

Легли они спать, но она была недовольна, жадность не давала уснуть ей, и она все думала, кем бы стать ей еще.

А муж спал крепким сном: он набегался за день; а жена, та совсем не могла уснуть, всю ночь ворочалась с боку на бок и все думала, чего бы ей еще пожелать, кем бы стать ей еще, но придумать ничего не могла. Вот уж и солнцу скоро всходить; увидела она утреннюю зарю, придвинулась к краю постели и ста-

ла глядеть из окна на восход солнца. «Что ж, — подумала она, — разве я не могла бы повелевать и луной и солнцем, чтоб всходили они, когда я захочу?»

— Муж, — толкнула она его локтем в бок, — чего спишь, скорей просыпайся да ступай к камбале-рыбе, скажи ей, что хочу я стать Богом.

Муж на ту пору еще не совсем проснулся, но, услышав такие речи, он так испугался, что свалился с постели прямо на пол. Он подумал, что ослышался может, стал протирать глаза и сказал:

— Ох, жена, жена, ты это что говоришь такое?

— Да вот, — отвечала она, — не могу я повелевать луной и солнцем, а должна только смотреть, как они всходят; и не буду я покойна до той поры, пока не смогу повелевать и луной и солнцем. — И так на него грозно она посмотрела, что стало ему страшно. — Мигом ступай к морю, хочу я стать Богом!

— Ох, жена, жена, — молвил ей муж и упал перед ней на колени, — этого камбала-рыба уж никак сделать не может. Царем и папой она еще могла тебя сделать; прошу, образумься и останься ты папой!

Тут пришла она в ярость, и взъерошились волосы у нее на голове, она толкнула его ногой да как крикнет:

— Не смей мне перечить, я терпеть этого больше не стану! Что, пойдешь подобру-поздорову?

Тут поднялся он и мигом кинулся к морю и бежал прямо как угорелый.

Бушевала на море буря, и кругом все так шумело и ревело, что он еле мог на ногах удержаться. Падали дома, дрожали деревья, и рушились в море камни со скал, и было все небо как сажа черное. Гром грохотал, сверкали молнии, ходили по морю высокие черные волны, такой вышины, как колокольни; и горы и все было покрыто белым венцом из пены.

Крикнул рыбак во все горло, но не мог он и собственных слов расслышать:

Человечек Тимпе-Те,
Рыба-камбала в воде,
Ильзебилль, моя жена,
Против воли шлет меня.

— Ну, чего еще она захотела? — спросила камбала-рыба.

— Ох, — сказал ей рыбак, — хочет стать она Богом!

— Так ступай домой, сидит она снова на пороге своей избышки.

Так и сидят они там и донине.

КОРОЛЕК И МЕДВЕДЬ

Однажды летней порой пошли медведь и волк в лес погулять. Услыхал медведь прекрасное пение какой-то птицы и говорит:

— Братец-волк, что это за птица, которая так прекрасно поет?

— Тише! Это король всех птиц, — сказал волк, — перед ним мы все должны преклоняться.

А то был королек.

— Если это так и есть, — сказал медведь, — мне хотелось бы поглядеть на его королевский дворец, проводи меня туда.

— Это не так-то просто, как ты думаешь, — сказал волк, — надо подождать, пока прибудет госпожа королева.

А вскоре явилась и госпожа королева, принесла в клюве корм, потом явился и сам король, и стали они кормить своих птенчиков. Захотелось медведю поскорей подкрасться, но волк схватил его за рукав и говорит:

— Нет, надо будет подождать, пока господин король и госпожа королева уйдут.

Заприметили волк с медведем хорошо ту впадину, где находилось гнездо, а потом убежали оттуда. Но не было медведю покоя: хотелось ему посмотреть на королевский дворец, и он пошел туда вскоре опять. А в это время король и королева далеко улетели. Заглянул медведь в гнездо, видит — лежат в нем пятеро или шестеро птенцов.

— Вот это и есть королевский дворец? — воскликнул медведь. — Ну и неказистый же дворец! А вы и вовсе не королевские дети, а подкидыши.

Услыхали это молодые корольки, страшно рассердились и как запищат:

— Нет, мы вовсе не подкидыши! Наши родители люди честные. Медведь, ты за это еще поплатишься.

Стало медведю и волку страшно, они вернулись и засели в своих норах. А молодые корольки продолжали шуметь и кричать во все горло; вот родители принесли им опять корм, а они говорят:

— Не станем мы есть мушиных ножек, даже к ним и не прикоснемся, лучше с голоду пропадем, пока не будет решено, законные мы дети или нет. Был тут медведь и нас оскорбил.

Сказал тогда старый король:

— Ну, успокойтесь, мы с этим делом покончим!

И он полетел с госпожой королевой к медвежьей берлоге и закричал у самого лаза:

— Эй, старый ворчун-медведь, ты зачем оскорбил моих детей? Плохо тебе за это придется. Надо дело решать кровавой войной.

Итак, объявлена была медведю война, и призваны были им все четвероногие звери: бык, осел, корова, олень, косуля и все остальное зверье, что населяет землю. А королек призвал всех и все, что летает в воздухе, — не только птиц больших и малых, но и комаров, шершней, пчел и мух, — все должны были слететься.

Подошло время, когда должна была начаться война; и выслал тогда королек разведчиков — узнать, кто у врагов главный генерал-командир. Комар, самый хитрый из всех, стал летать по лесу, где собирались враги, и, наконец, уселся на дерево под листком, там, где давали боевой пароль. Вот поднялся медведь, кликнул лиса и говорит:

— Лис, ты самый хитрый из всех зверей, ты должен быть генералом и вести нас на войну.

— Хорошо, — говорит лис, — но какие же знаки отличия вы мне дадите?

Но никто этого не знал. Тогда сказал лис:

— У меня красивый длинный пушистый хвост, и он похож точь-в-точь на рыжий султан. Если я хвост буду держать вверх — то, значит, дело идет хорошо, и вы маршируйте прямо за мной; а если я хвост опущу вниз — то бегите со всех ног куда глаза глядят.

Услыхал это комар, прилетел домой и передал корольку обо всем в точности.

Вот наступил день, когда должно было начаться сражение, и — туп-туп-туп! — прибежало-посбежалось с шумом четвероногое зверье, аж земля дрожала. Прилетел и королек по воздуху со своим войском; и жужжал, и вопил, и гудел воздух — аж страшно, ой, как страшно становилось всякому! Они двинулись с двух сторон друг на друга.

Выслал королек вниз шмеля, тот должен был сесть лису под хвост и укусить его изо всех сил. Получил лис первый укус, вздрогнул, поднял ногу, но все-таки вытерпел и продолжал держать хвост высоко. Но при втором укусе пришлось ему хвост враз опустить; а третьего не мог он выдержать, закричал и поджал хвост между ног. Увидали это звери, подумали, что все пропало, и пустились бежать наутек, каждый в свою нору. И птицы выиграли сражение.

Полетели тогда король и госпожа королева домой к своим деткам и закричали:

— Радуйтесь, дети, ешьте и пейте в свое удовольствие, мы на войне победили!

Увидали это звери, подумали, что все пропало,
и пустились бежать наутек, каждый в свою нору.

Но молодые корольки сказали:

— Нет, не станем мы есть до тех пор, пока медведь не придет к гнезду и не скажет, что мы — законные дети.

И полетел королек, подлетел к самому лазу медвежьей берлоги и как крикнет:

— Эй, медведь-ворчун, ступай к гнезду моих деток, просить у них прощенья и сказать, что они законные дети, а не то все ребра тебе поломаю!

И пополз медведь туда в великом страхе и попросил прощенья. Только тогда и успокоились молодые корольки, уселись все рядышком, стали есть и пить и веселились до самой глубокой ночи.

КОРОЛЬ-ЛЯГУШОНОК, ИЛИ ЖЕЛЕЗНЫЙ ГЕЙНРИХ

В стародавние времена, когда заклятья еще помогали, жил-был на свете король; все дочери были у него красавицы, но самая младшая была так прекрасна, что даже солнце, много выдавшее на своем веку, и то удивлялось, сияя на ее лице.

Вблизи королевского замка раскинулся большой дремучий лес, и был в том лесу под старой липой колодец; и вот в жаркие дни младшая королева выходила в лес, садилась на край студеного колодца, и когда становилось ей скучно, она брала золотой мяч, подбрасывала его вверх, и ловила, — это было ее самой любимой игрой. Но вот однажды, подбросив свой золотой мяч, она поймать его не успела, он упал наземь и покатился прямо в колодец. Королева глаз не спускала с золотого мяча, но он исчез, а колодец был такой глубокий, такой глубокий, что и дна было не видеть. Заплакала тогда королева, и стала плакать все сильнее и сильнее, и никак не могла утешиться. Вот горюет она о своем мяче и вдруг слышит — кто-то ей говорит:

— Что с тобой, королева? Ты так плачешь, что и камень разжалобить можешь.

Она оглянулась, чтоб узнать, откуда это голос, вдруг видит — лягушонок высунул из воды свою толстую, уродливую голову.

— А-а, это ты, старый квакун, — сказала она, — я плачу о своем золотом мяче, что упал в колодец.

— Успокойся, чего плакать, — говорит лягушонок, — я тебе помогу. А что ты мне дашь, если я найду твою игрушку?

— Все, что захочешь, милый лягушонок, — ответила королева. — Мои платья, жемчуга, драгоценные камни и впридачу золотую корону, которую я ношу.

Говорит ей лягушонок:

— Не надо мне ни твоих платьев, ни жемчугов, ни драгоценных камней, и твоей золотой короны я не хочу; а вот если б ты меня полюбила бы да со мной подружилась, и мы играли бы вместе, и сидел бы я рядом с тобой за столиком, ел из твоей золотой тарелочки, пил из твоего маленького кубка

и спал с тобой вместе в постельке, — если ты мне пообещаешь все это, я мигом прыгну вниз и достану тебе твой золотой мяч.

— Да, да, обещаю тебе все, что хочешь, только достань мне мой мяч! — А сама про себя подумала: «Что там глупый лягушонок болтает? Сидит он в воде среди лягушек да квакает — где уж ему быть человеку товарищем!»

Получив с нее обещанье, лягушонок нырнул в воду, опустился на самое дно, быстро выплыл наверх, держа во рту мяч, и бросил его на траву. Увидав опять свою красивую игрушку, королевна очень обрадовалась, подняла ее с земли и убежала.

— Постой, постой! — крикнул лягушонок. — Возьми и меня с собой, ведь мне за тобой не угнаться!

Но что с того, что он громко кричал ей вслед свое «ква-ква»? Она и слушать его не хотела, поспешая домой. А потом и совсем позабыла про бедного лягушонка, и пришлось ему опять спуститься в свой колодец.

На другой день она села с королем и придворными за стол и стала кушать из своей золотой тарелочки. Вдруг — топ-шлеп-шлеп — взбирается кто-то по мраморной лестнице и, взобравшись наверх, стучится в дверь и говорит:

— Молодая королевна, отвори мне дверь!

Она побежала поглядеть, кто бы это мог к ней постучаться. Открывает дверь, видит — сидит перед ней лягушонок. Мигом захлопнула она дверь и уселась опять за стол, но сделалось ей так страшно-страшно. Заметил король, как сильно бьется у нее сердечко, и говорит:

— Дитя мое, чего ты так испугалась? Уж не великан ли какой спрятался за дверью и хочет тебя похитить?

— Ах, нет, — сказала королевна, — это вовсе не великан, а мерзкий лягушонок.

— А что ему от тебя надо?

— Ах, милый батюшка, да вот сидела я вчера в лесу у колодца и играла, и упал в воду мой золотой мяч. Я горько заплакала, а лягушонок достал мне его и стал требовать, чтоб я взяла его в товарищи, а я и пообещала ему, — но никогда я не думала, чтобы он мог выбраться из воды. А вот теперь он явился и хочет сюда войти.

А тем временем лягушонок постучался опять и кликнул:

Здравствуй, королевна,
Дверь открой!
Неужель забыла,
Что вчера сулила,
Помнишь, у колодца?
Здравствуй, королевна,
Дверь открой!

Получив с королевны обещанье, лягушонок нырнул в воду, опустился на самое дно, быстро выплыл наверх, держа во рту мяч, и бросил его на траву.

Тогда король сказал:

— Ты свое обещание должна выполнить. Ступай и открой ему дверь.

Она пошла, открыла дверь, и вот лягушонок прыгнул в комнату, поскакал вслед за ней, доскакал до ее стула, сел и говорит:

— Возьми и посади меня рядом с собой.

Она не решалась, но король велел ей исполнить его желание. Она усадила лягушонка на стул, а он на стол стал проситься; посадила она его на стол, а он говорит:

— А теперь придвинь мне поближе свою золотую тарелочку, будем есть с тобой вместе.

Хотя она и исполнила это, но было видно, что очень неохотно.

Принялся лягушонок за еду, а королевне и кусок в горло не лезет. Наконец он говорит:

— Я наелся досыта и устал, — теперь отнеси меня в свою спальню, постели мне свою шелковую постельку, и ляжем с тобой вместе спать.

Как заплакала тут королевна: страшно ей стало холодного лягушонка, боится до него и дотронуться, а он еще в прекрасной, чистой постельке спать с ней собирается. Разгневался король и говорит:

— Кто тебе в беде помог, тем пренебрегать не годится.

Взяла она тогда лягушонка двумя пальцами, понесла его к себе в спальню, посадила в углу, а сама улеглась в постельку. А он прыгнул и говорит:

— Я устал, мне тоже спать хочется, — возьми меня к себе, а не то я твоему отцу пожалуюсь.

Рассердилась тут королевна и ударила его изо всех сил об стену.

— Ну, уж теперь, мерзкий лягушонок, ты успокоишься!

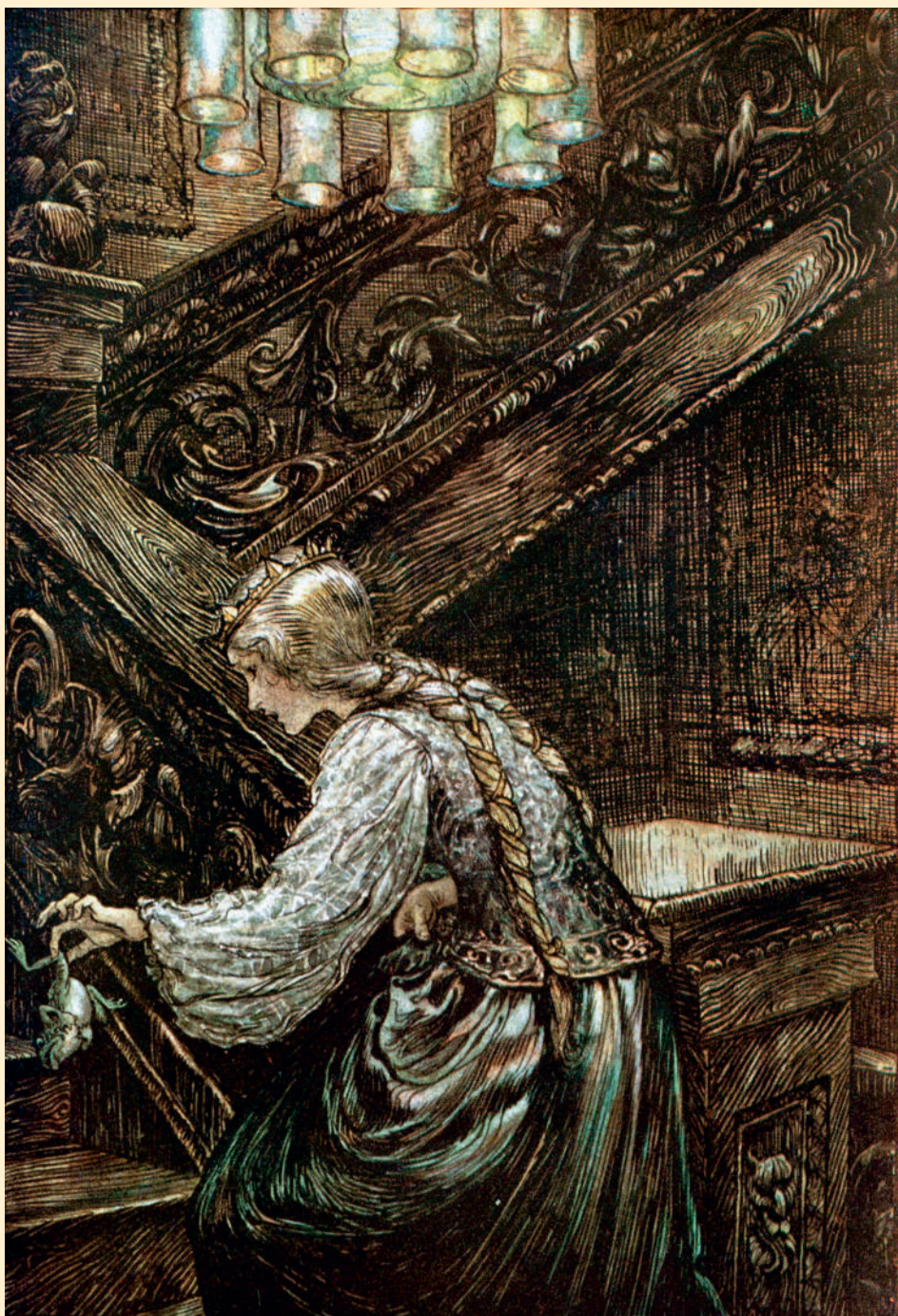
Но только упал он наземь, как вдруг обернулся королевичем с прекрасными, ласковыми глазами. И стал с той поры, по воле ее отца, ее милым другом и мужем. Он рассказал ей, что его околдовала злая ведьма, и никто бы не мог освободить его из колодца, кроме нее одной, и что завтра они отправятся в его королевство.

Вот легли они спать и уснули. А на другое утро, только разбудило их солнышко, подъехала ко дворцу карета с восьмериком белых коней, и были у них белые султаны на голове, а сбруя из золотых цепей, и стоял на запятках слуга королевича, а был то верный Гейнрих. Когда его хозяин был обращен в лягушонка, верный Гейнрих так горевал и печалился, что велел оковать себе сердце тремя железными обручами, чтоб не разорвалось оно от горя и печали.

И должен был в этой карете ехать молодой король в свое королевство. Усадил верный Гейнрих молодых в карету, а сам стал на запятках и радовался, что хозяин его избавился от злого заклятья.

Вот проехали они часть дороги, вдруг королевич слышит — сзади что-то треснуло. Обернулся он и крикнул:

— Гейнрих, треснула карета!

*Взяла королева тогда лягушонка двумя пальцами,
понесла его к себе в спальню...*

— Дело, сударь, тут не в этом,

Это обруч с сердца спал,
Что тоской меня сжимал,
Когда вы в колодце жили
Да с лягушками дружили.

Вот опять и опять затрещало что-то в пути, королевич думал, что это треснула карета, но были то обручи, что слетели с сердца верного Гейнриха, потому что хозяин его избавился от злого заклятья и стал снова счастливым.

КОШКА И МЫШКА ВДВОЕМ

Познакомилась раз кошка с мышью и столько наговорила ей про свою большую любовь и дружбу, что мышь согласилась наконец жить с ней в одном доме и вести сообща хозяйство.

— Надо будет на зиму сделать запасы, а не то придется нам с тобой голодать, — сказала кошка, — но тебе-то ведь, мышка, всюду ходить нельзя, а то, чего доброго, попадешься в ловушку.

Так они и порешили и купили себе про запас горшочек жира. Но они не знали, где его спрятать, и вот после долгих раздумий кошка и говорит:

— Лучшего места, нежели в церкви, я и не знаю. Уж оттуда никто его утащить не посмеет. Давай поставим горшочек под алтарем и не будем его трогать до той поры, пока он нам не понадобится.

И вот спрятали они горшочек в надежном месте. Но прошло ни много ни мало времени, как захотелось вдруг кошке жиром полакомиться, — и говорит она мышке:

— Знаешь что, мышка, зовет меня тетка на крестины: родила она сыночка, беленького с рыжими пятнышками; так вот, буду я у нее кумой. Я пойду, а ты уж сама за хозяйством присмотри.

— Ладно, — говорит мышь, — ступай себе с Богом, а ежели будет что вкусное, ты и обо мне не забудь, — я бы тоже не прочь немножко сладенького красного винца хлебнуть.

Но все, что рассказала кошка, была неправда, — никакой тетки у нее не было, и никто не звал ее на крестины. А пошла она прямо в церковь, подобралась к горшочку с жиром, начала лизать, — и слизала всю верхушку. Потом прогулялась по городским крышам, огляделась, легла на солнышке и стала облизывать себе усы, вспоминая о горшочке с жиром. И только под вечер воротилась она домой.

— Ну, вот наконец ты и вернулась, — сказала мышка, — небось день свой провела весело?

— Да, неплохо, — ответила кошка.

— А как же назвали ребеночка? — спросила мышка.

— Початочком, — холодно ответила кошка.

— Початочком? — воскликнула мышка. — Что это за странное и редкое имя, разве оно принято в вашем семействе?

— Да что о том говорить, — сказала кошка, — пожалуй, оно не хуже, чем какой-нибудь Воришка Хлебных Крошек, как твоих крестников называют.

Захотелось вскоре кошке опять полакомиться. И говорит она мышке:

— Сделай мне одолжение, побудь еще разок дома да присмотри сама за хозяйством, меня опять зовут на крестины; отказаться мне никак невозможно, ведь у ребеночка белый воротничок вокруг шейки.

Добрая мышка согласилась. А кошка пробралась вдоль городской стены в церковь да и выела половину горшочка жира. «Нет ничего вкусней, — подумала она, — когда что-нибудь поешь одна», и осталась такой работой вполне довольна.

Воротилась она домой, а мышка ее и спрашивает:

— Ну, как же назвали ребеночка?

— Серединкой, — ответила кошка.

— Серединкой? Да что ты! Я такого имени отродясь не слыхала, бьюсь об заклад, что его и в календаре-то нет.

Стала кошка вскоре вспоминать о лакомстве и облизываться.

— Ведь хорошее-то случается всегда трижды, — говорит она мышке, — приходится мне опять кумой быть. Ребеночек-то родился весь черненький, одни только лапки беленькие, и ни единого белого пятнышка, а случается это в несколько лет раз, — отпусти уж меня на крестины.

— Початочек! Серединка! — ответила мышка. — Какие, однако ж, странные имена, есть над чем призадуматься.

— Да ты вот все дома сидишь в своем темно-сером фризвом кафтане с длинной косичкой, — сказала кошка, — да только ворчишь; а все оттого, что днем из дому не выходишь.

Когда кошка ушла, мышка убрала в доме и навела в хозяйстве всюду порядок, а кошка-лакомка тем временем слизала весь жир в горшочке дочиста. «Когда все поешь, только тогда и успокоишься», — сказала она про себя и лишь к ночи вернулась домой, сытая и жирная. А мышка тотчас ее и спрашивает:

— А какое ж имя дали третьему ребеночку?

— Оно тебе, пожалуй, тоже не понравится, — ответила кошка, — назвали его Поскребышком.

— Поскребышек! — воскликнула мышка. — Да-а! Над таким именем призадумалась: я пока не видала, чтобы такое имя было где напечатано. По-

Потом кошка прогулялась по городским крышам...

скребышек! А что же оно должно значить? — Покачала она головой, свернулась в клубочек и легла спать.

И с той поры никто не звал кошку на крестины. А подошла зима, нечем было уже на дворе поживиться, — тут и вспомнила мышка про свои запасы и говорит:

— Кошка, давай-ка наведаемся к нашему горшочку с жиром, ведь мы его приберегли, теперь нам есть чем полакомиться.

— Что ж, — говорит кошка, — это будет, пожалуй, так же вкусно, как полизать язычком воздух.

Пустились они в путь-дорогу. Приходят, — стоит горшочек на том самом месте, да только пустой.

— Ох, — говорит мышка, — теперь-то я вижу, что случилось, теперь мне ясно, какой ты мне верный друг! Ты все сама поела, когда на крестины ходила; сначала початочек, потом серединку, а затем...

— Да замолчи ты! — крикнула кошка. — Еще одно слово, и я тебя съем.

«Поскребышек», — вертелось на языке у бедной мышки; и только сорвалось это слово у ней с языка, прыгнула кошка, схватила ее и съела.

Вот видишь, как бывает оно на свете.

ГУСЯТНИЦА

Жила однажды старая королева; муж у нее умер много лет тому назад, но была у нее красавица-дочь. Когда она выросла, ее обручили с одним королевичем из далекой страны. Пришло время, когда они должны были быть повенчаны и девушке надо было ехать в чужое королевство, и вот собрала тогда старуха-мать много дорогой утвари и драгоценностей — все, что входило в приданое королевы, так как она всем сердцем любила свою дочь. Дала она ей и камеристку, которая должна была ехать вместе с нею, чтобы передать невесту в руки жениха; и дали им для путешествия двух коней, и звали коня королевны Фалада, и умел тот конь говорить. Вот настал час расставания, и пошла старая мать-королева в свою опочивальню, взяла маленький нож, порезала себе пальцы, и брызнула из них кровь; потом взяла она белый платочек, и упали на него три капли крови; королева отдала этот платочек дочери и сказала:

— Милое мое дитятко, храни его крепко, он пригодится тебе в дороге.

С грустью простились они друг с другом; сунула королевна платочек за пазуху, села на коня и отправилась к своему жениху. Проехали они час, и почувствовала королевна сильную жажду, и говорит своей камеристке:

— Слезь с коня и набери мне воды из ручья в мой кубок, что взяла ты в дорогу, мне очень хочется пить.

— Если вам хочется пить, — сказала камеристка, — то слезьте сами с коня, наклонитесь к воде и напейтесь, я вашей служанкой быть не хочу.

Королевну мучила жажда, и она сошла с коня, нагнулась к ручью, напилась, но напиться из золотого кубка ей так и не пришлось. И она сказала:

— Ах, Господи!

И ответили ей три капли крови: «Если бы мать знала об этом, у нее разорвалось бы сердце в груди».

Запечалилась королевна, но ничего не сказала и села опять на коня. Так проехали они несколько миль, но день был жаркий, солнце сильно пекло, и ей снова захотелось пить. А проезжали они мимо родника, и она крикнула снова своей камеристке:

— Сойди с коня и дай мне попить из моего золотого кубка. — Королевна все ее злые слова уже позабыла. Но камеристка сказала еще высокомерней:

— Если хотите пить, то и пейте сами, а вашей служанкой я быть не хочу.

И королевна сошла в великой жажде с коня, нагнулась над родником, заплакала и сказала:

— Ах, Господи!

И ответили опять капли крови: «Если бы мать знала об этом, сердце б у нее разорвалось в груди».

Начала королевна пить и сильно нагнулась, и выпал у нее из-за пазухи платок, на котором были три капли крови, и уплыл по воде, но в горе она этого не заметила. А камеристка все это видела и обрадовалась, что получила власть над невестой: ведь если ей потерять эти три капли крови, то станет она беспомощной и слабой. Только хотела королевна сесть опять на своего коня, которого звали Фалада, но камеристка сказала:

— На Фаладе поеду я, а ты можешь ехать на моей кобыле.

И королевне пришлось подчиниться. Потом камеристка грубо ей приказала, чтоб сняла она королевские одежды и надела бы на себя ее простое платье, и к тому же заставила ее поклясться перед Богом, что она не скажет об этом при королевском дворе ни одному человеку, а если она не даст такой клятвы, то будет тотчас убита. Но конь Фалада все это видел и хорошо запомнил.

Села камеристка на коня Фаладу, а настоящая невеста на простую лошадь, и поехали они дальше, и вот приехали, наконец, в королевский замок. И была там великая радость по поводу их прибытия, выбежал к ним навстречу королевич, снял камеристку с коня, думая, что это и будет его настоящая жена. Повели ее по лестнице, а настоящей королевне пришлось остаться внизу. Посмотрел старый король в окно и увидел, что она стоит во дворе, заметил, какая она стройная, нежная и какая красивая. Пошел он тотчас в королевскую горницу и спросил у невесты про девушку, что с ней вместе приехала и стоит теперь внизу во дворе, кто она, мол, такая?

— Я взяла ее с собой в дорогу, чтоб было мне с кем ехать. Дайте девушке какую-нибудь работу, чтоб она не стояла без дела.

Но у короля работы для нее не нашлось, и, не зная, что придумать, он сказал:

— Есть у меня тут мальчонка, он пасет гусей, пускай она ему помогает.

Мальчика звали Кюрдхен; и пришлось настоящей невесте помогать ему пасти гусей.

Немного спустя говорит фальшивая невеста молодому королю:

— Мой любезный супруг, сделайте мне одно одолжение.

— Я выполню его с удовольствием, — ответил он ей.

— Велите позвать живодера и отрубить голову коню, на котором я сюда приехала, он по дороге меня рассердил.

А на самом-то деле она боялась, чтобы конь не рассказал, как поступила она с королевной. Раз уж на то пошло, то должно оно было случиться, и при-

На заре, когда гнали они вместе с Кюрдхеном через эти ворота гусей, она, проходя, говорила: «Вот где висишь ты, конь мой Фалада!»

шлось верному Фаладе погибнуть. Но слух об этом дошел до настоящей королевны, и она тайно пообещала живодеру уплатить золотой, если он окажет ей небольшую услугу. Были в том городе большие черные ворота, через них она проходила всегда утром и вечером со своими гусями.

— Прибейте, — сказала она, — над черными воротами голову убитого Фалады, чтоб я видела ее каждый раз.

И живодер обещал ей это: он отрубил голову Фаладе и крепко прибил ее над черными воротами.

На заре, когда гнали они вместе с Кюрдхеном через эти ворота гусей, она, проходя, говорила:

Вот где висишь ты, конь мой Фалада!

И голова отвечала:

А ты, королевна, ходишь за стадом.

Если б об этом матушка знала,

Сердце б у нее разорвалось.

И она медленно выходила за город и гнала гусей на пастбище.

Придя на лужок, она садилась на землю и распускала свои волосы, а были они, словно чистое золото. И Кюрдхен смотрел на них и радовался, глядячи, как сверкали они, и захотелось ему вырвать у нее несколько волосков. Но она сказала:

Подуй, ветер-ветерок,

Сдуй у Кюрдхена колпачок,

Пусть бежит за ним вдогонку;

А я косы заплету,

Их в порядок приведу.

И поднялся вдруг такой сильный ветер, что сорвал у Кюрдхена его шапочку, — полетела она по полю, и пришлось ему бежать за ней вдогонку. Пока он вернулся назад, она тем временем волосы расчесала, заплела их в косы, и он не мог вырвать у ней ни одного волоска. Рассердился Кюрдхен и перестал с ней разговаривать; и они продолжали пасти гусей, пока не наступил вечер, а потом пошли домой.

На другое утро, когда они гнали гусей через черные ворота, девушка сказала:

Вот где висишь ты, конь мой Фалада!

И поднялся вдруг такой сильный ветер, что сорвал у Кюрдхена его шапочку, — полетела она по полю, и пришлось ему бежать за ней вдогонку. Пока он вернулся назад, она тем временем волосы расчесала, заплела их в косы, и он не мог вырвать у ней ни одного волоска.

И ответил Фалада:

А ты, королева, ходишь за стадом.
Если б об этом матушка знала,
Сердце б у нее разорвалось.

Села она опять на лужок и начала расчесывать волосы. Подбежал Кюрдхен и хотел схватить ее за волосы, но она быстро промолвила:

Подуй, ветер-ветерок,
Сдуй у Кюрдхена колпачок,
Пусть бежит за ним вдогонку;
А я косы заплету,
Их в порядок приведу.

И подул ветер, сдул у него с головы шапочку, и пришлось Кюрдхену бежать за ней вдогонку, и когда он вернулся, девушка давно уже привела волосы в порядок, и он не мог вырвать у нее ни одного волоса. И пасли они гусей до самого вечера.

А вечером, когда воротились они домой, пришел Кюрдхен к старому королю и говорит:

- С этой девушкой я пасти гусей больше не стану.
- Почему? — спросил старый король.
- Да она мне весь день докучает.

Приказал старый король рассказать, что же она ему такое делает.

И сказал Кюрдхен:

— Утром, когда проходим мы со стадом через черные ворота, — а висит там на стене лошадиная голова, — девушка говорит:

Вот где висишь ты, конь мой Фалада!

а голова отвечает:

А ты, королева, ходишь за стадом.
Если б об этом матушка знала,
Сердце б у нее разорвалось.

И стал Кюрдхен рассказывать дальше, что происходит на гусяном лугу и как приходится ему бегать вдогонку за шапочкой.

Старый король велел ему и впредь пасти гусей, а сам, только наступило утро, сел за черными воротами и услышал, как говорила она с головой Фалады; потом он пошел вслед за ней на пастбище и спрятался на лугу за кустом.

И увидел он вскоре своими собственными глазами, как гусятница и пастушок пригнали гусей, и как села она потом и начала расплетать волосы, и как засияли они от блеска.

И опять сказала она:

Подуй, ветер-ветерок,
Сдуй у Кюрдхена колпачок,
Пусть бежит за ним вдогонку;
А я косы заплету,
Их в порядок приведу.

И поднялся вихрь и сорвал с Кюрдхена шапочку, и пришлось ему бежать далеко-далеко за ней вдогонку, а пастушка тем временем медленно причесала и заплела волосы, и старый король все это видел. Потом он незаметно вернулся назад, и когда вечером гусятница возвращалась домой, король отозвал ее в сторону и спросил, зачем она все это делает.

— Я сказать вам об этом не смею, да и не могу ни одному человеку пожаловаться на свое горе, — я поклялась в том перед Богом, а не то мне придется погибнуть.

Он стал ее допытывать и не давал ей покоя, но ничего добиться от нее не мог. И сказал король:

— Если ты мне ничего не хочешь сказать, так пожалуйся тогда на свое горе железной печке, — и ушел.

Тогда она забралась в железную печку, начала плакать и причитать, и все, что было у ней на сердце, высказала, и говорит:

— Живу я, всеми покинутая, а я-то ведь королева; коварная камеристка принудила меня силой снять с себя королевские одежды и заняла у жениха мое место, и должна я исполнять черную работу и пасти гусей. Если бы знала об этом моя матушка, сердце б у нее разорвалось!

А старый король стоял за печкой и слышал все, что она говорила. Вышел он потом и велел ей вылезть из печки. Надели на нее королевские одежды; и казалось прямо чудом, какая была она прекрасная. Позвал старый король своего сына и объявил ему, что невеста у него фальшивая, а на самом деле она всего лишь камеристка, а настоящая стоит перед ним — это была бывшая гусятница.

Сильно обрадовался молодой король, увидав ее красоту и доброту, и было устроено большое пиршество и созвали на него всех людей и добрых друзей. И сидел на первом месте жених, а рядом с ним королева, а с другой стороны камеристка, но была камеристка ослеплена и не узнала ее в пышном наряде. Вот поели они, попили, стало им весело, и задал тогда старый король камеристке загадку: чего заслуживает та, которая так, мол, и так обманула своего хозяина, — и он рассказал ей все, как было, по порядку, и спросил:

— Какого приговора она достойна?

И сказала фальшивая невеста:

— Она достойна одного, чтоб раздели ее догола и бросили в бочку, утыканную острыми гвоздями; и надо запрячь в ту бочку двух белых лошадей, и пусть тащат они ее по всем улицам.

— Так ты же и есть та самая, — сказал старый король, — которая произнесла себе приговор, так и должно с тобой поступить.

И вот, когда исполнили приговор, женился молодой король на своей настоящей невесте, и стали они оба править своим королевством в мире и в счастье.

ВСЯКИЙ СБРОД

Сказал петушок курочке:

— Сейчас самая пора, когда поспевают орехи. Давай-ка отправимся с тобой на гору и хоть разок да наедемся досыта, пока их не утащила белка.

— Хорошо, — говорит курочка, — пойдем, давай вместе с тобой полакомимся.

И пошли они вместе на гору, — а было еще совсем светло, — и остались там до самого вечера. Ну, я уже не знаю, то ли наелись они до отвала, то ли так возгордились, но, коротко говоря, не захотели домой пешком возвращаться. И вот сделал петушок из ореховой скорлупы возок. Когда возок был готов, курочка села в него и говорит петушку:

— А ты впрягайся и вези меня.

— Да что ты придумала? — сказал петушок. — Нет, уж лучше я пешком домой пойду, а впрягаться не стану, такого уговора у нас не было. Я, пожалуй, согласен сидеть за кучера на козлах, но тащить возок на себе — это дело никак не пойдет.

Спорят они между собой, а в это время закрикала на них утка:

— Эй вы, воры, кто это вам позволил на моей горе по орешнику лазить? Погодите, плохо вам придется! — и с разинутым клювом она стала подступать к петушку.

Но и петушок, не будь ленив, клюнул крепко утку и ударил ее своими шпорами, да так сильно, что стала она просить пощады; и вот в наказание пришлось ей впрячься в возок.

Сел петушок вместо кучера на козлы и стал ее погонять:

— Но-о, утка, беги поживей!

Проехали они немного и повстречали по пути двух пешеходов: булавку и иголку. И кричат они: «Стой, стой!», и говорят, что скоро, мол, стемнеет и станет так темно, что хоть глаз выколи, и тогда уж им не двинуться дальше; что дорога-де очень грязна, так нельзя ли им будет подсесть на возок; говорят, что были они у ворот портновской харчевни, да задержались: пиво распивали.

Видит петушок, что людишки они худые, много места не займут, вот и позволил им влезть на возок, но взял с них зарок, что они не будут наступать на ноги ни ему, ни курочке.

Поздно вечером прибыли они в гостиницу, а так как ночью ехать они не пожелали, да и утка к тому же все ноги себе пообтоптала — еле с ноги на ногу переваливалась, то заехали они туда на ночлег. Хозяин сначала не хотел было их пускать: дом-де весь полон гостей и места свободного нету, но потом подумал, что люди они, мол, незнатные, речи ведут приятные, а яйца ему были нужны — их снесла по дороге курочка, да и утку можно будет у себя придержать — она тоже неслась каждый день, — вот и согласился он, наконец, пустить их на ночлег. Велели они подать себе ужин и зажили припеваючи.

А наутро, чуть свет, когда все еще спали, разбудил петух курочку, взял яйцо, надклевал его, и съели они его вдвоем, а скорлупу бросили в горящую печь. Потом подошли к иголке, — та еще спала, — взяли ее за ушко и воткнули в подушку хозяйского кресла, а булавку — в полотенце, а сами взяли и улетели в поле, ни слова никому не сказавши.

Утка, та любила спать на свежем воздухе и осталась потому во дворе; вдруг слышит — летят они, шумят крыльями, и тоже спохватилась, нашла какой-то ручеек и поплыла вниз по течению, — да куда быстрее, чем когда тащила возок.

А часа через два вылез хозяин из-под своей пуховой перины, умылся и хотел было вытереть себе лицо полотенцем, но булавка как царапнет его по лицу, так и оставила красную полосу от уха до уха. Пошел он тогда на кухню, хотел было раскурить трубку, подходит к печи, а тут как прыгнут ему в глаза яичные скорлупки.

— Не везет мне нынче с утра, — сказал он, раздосадованный, и сел в дедовское кресло, но как подскочит вверх, как завопит:

— Ой-ой-ой!

Но иголка, та была похитрей, — уколола его не в голову. Тут он и совсем рассердился, стал подозревать во всем своих гостей, прибывших вчера так поздно вечером; он пошел посмотреть, где они, а их уж и след простыл.

И поклялся он тогда больше не пускать к себе в дом всякий сброд: ест он много, да мало платит, да еще вместо благодарности всякими проделками занимается.

*Сказал петушок курочке: «Сейчас самая пора, когда поспевают орехи.
Давай-ка отправимся с тобой на гору и хоть разок да наедемся досыта,
пока их не утащила белка».*

ГОСПОДИН КОРБЕС

Жили-были петушок да курочка. И вот порешили они пуститься в странствие. Построил петушок красивый возок, было у него четыре красных колеса, и запряг он в него четырех мышек.

Уселись петушок с курочкой в возок и поехали. Вскоре повстречали они по дороге кошку, а та их спрашивает:

— Куда это вы путь держите?

Петушок ей отвечает:

Едем мы во весь опор
Прямо к Корбесу во двор.

— Возьмите и меня с собой, — говорит кошка.

Отвечает петушок:

— Что ж, пожалуй, полезай на задок, — а сядешь на передок, чего доброго, свалишься.

Да смотри, чтобы кареты
Не запачкать мне при этом.
Ну, колесики, стучите,
Звонче, мышки, затрубите,
Едем мы во весь опор
Прямо к Корбесу во двор!

Потом повстречался им на пути мельничный жернов, а затем яйцо, а за ним утка, а за нею булавка и, наконец, игла, — и все они уселись в возок и поехали вместе.

Подъехали они к дому господина Корбеса, но его самого дома не застали. Мышки втащили возок в сарай, петушок с курочкой взлетели на насест, кошка взобралась на печку, утка на колодезный сруб, яйцо закуталось в полотен-

це, булавка воткнулась в подушку на кресле, игла прыгнула на кровать, в самое изголовье, а мельничный жернов взобрался на дверь.

Вернулся домой господин Корбес, подходит к печке, чтоб огонь развести, а кошка взяла и все лицо засыпала ему золой. Побежал он поскорей, чтоб умыться, а утка все лицо ему обрызгала. Взялся он за полотенце, чтоб утереться, а яйцо выкатилось, разбилось и залепило ему глаза. Захотелось ему отдохнуть, а булавка взяла да уколола его. Тут рассердился он и бросился в постель. Но только положил голову на подушку, а там игла его уколола. Как вскочит он, как вскрикнет, как разъярится — и ну бежать из дому. Подбежал он к двери, а мельничный жернов прыгнул вниз — и убил его.

И злой же, видно, человек был этот господин Корбес.

ПРО СМЕРТЬ КУРОЧКИ

Пошла раз курочка с петушком на гору, где росли орехи, и условились они между собой, что кто первый найдет орешек, тот и поделится своей находкой. Нашла курочка большой-большой орех, но о том петушку ничего не сказала и решила этот орешек съесть сама. А орешек-то был такой большой, что она никак не могла его проглотить, и он застрял у ней в горле; испугалась она, что орешком подавится; и закричала:

— Петушок, пожалуйста, побегу ты скорей, принеси мне водицы напиться, а то я задохнусь.

Петушок кинулся со всех ног к роднику и говорит:

— Родник, дай мне водицы! Лежит курочка на горе, где растут орехи, — проглотила она большой орешек и вот-вот задохнется.

А родник отвечает:

— Побегу ты сначала к невесте, пускай даст мне алого шелку.

Побежал петушок к невесте:

— Невеста, дай мне алого шелку, дам я его роднику, он даст мне за это водицы, а водицу я отнесу курочке, лежит она на горе, где растут орехи, — проглотила она большой орешек и может задохнуться.

Говорит невеста:

— Побегу сначала да принеси мне мой веночек, я позабыла его на иве.

Побежал петушок к иве, снял с ветки веночек, принес его невесте, и дала ему невеста за это алого шелку, и принес он его роднику, и дал родник за это водицы. И принес петушок курочке водицы напиться.

Пришел он, а курочка тем временем уже задохнулась, лежит мертвая и не двигается. И стало петушку так грустно, так грустно, и закричал он во все горло; сошлись все звери, стали оплакивать курочку. И построили шесть мышей маленький возок, чтоб отвезти и похоронить в могиле курочку. Когда возок был готов, они впряглись в него, петушок стал править. Но повстречалась им по дороге лиса:

— Куда это ты, петушок, едешь?

— Везу хоронить свою курочку.

— А можно мне с тобой поехать?

— Ладно, садись только сзади возка,
Лошадки мои норовисты слегка.

Вот села лиса сзади, а за нею волк и медведь, олень и лев и все прочие звери лесные. Так и ехали они, пока не приехали к ручью.

— А как же нам теперь через него перебраться? — говорит петушок.

А у ручья лежала соломинка, говорит она:

— Перекинусь я над ручьем, а вы по мне и переедете.

Но только ступило шестеро мышек на мост, соскользнула соломинка и упала в воду, и все шестеро мышек упали вслед за ней и утонули. И приключилась снова беда, но явился уголь и говорит:

— Я достаточно велик: протянусь я с берега на берег, а вы по мне и переедете.

Лег уголь над водой, но, на беду, прикоснулся он к ней, зашипел, потух, и настал ему конец. Увидал это камень, сжалился он над ними, захотелось ему помочь петушку, и он лег над водой. Стал тогда тащить возок сам петушок. Вот было переправился он на другой берег, и были они уже с курочкой на суше, захотелось ему перетащить и тех, что сзади сидели, — а было их очень уж много, — и покатился возок назад, и попадали они все вместе в воду и утонули. Остался петушок один с мертвой курочкой. Вырыл он ей могилу, положил ее туда и насыпал над ней могильный холм, присел на него и стал горевать, и так долго он горевал, пока сам не помер. Так оба они и умерли.

РАПУНЦЕЛЬ

Однажды жили на свете муж и жена; им давно уже хотелось иметь ребенка, но его все не было; и вот, наконец, явилась у жены надежда, что милостивый Господь исполнит ее желание.

А было у них в горенке маленькое окошко, оттуда был виден великолепный сад, где росло много прекраснейших цветов и всякой зелени. Но сад был обнесен высокой оградой, и никто не осмеливался в него входить, так как сад этот принадлежал одной колдунье; она обладала большим могуществом, и все на свете ее боялись.

Стояла раз жена у окошка, заглянула в сад и увидела грядку, а рос на ней прекраснейший рапунцель¹; был он на вид такой свежий и такой зеленый, что ей страсть как захотелось отведать этого рапунцеля. Это желание у нее все с каждым днем возрастало, но так как она знала, что его достать ей никак невозможно, то она вся исхудала, побледнела и выглядела несчастной. Испугался муж и спрашивает:

— Чего тебе, моя женушка, недостает?

— Ах, — говорит она, — если не добыть мне из того сада, что за нашим домом, зеленого рапунцеля и его не отведать, то останется мне одно — помереть.

Муж очень ее любил и подумал: «Уж если жене моей от этого помирать приходится, то я достану для нее рапунцеля, чего бы это мне ни стоило».

И вот перелез он в сумерках через каменную ограду в сад колдуньи, нарвал второпях целую пригоршню зеленого рапунцеля и принес его жене.

Она тут же приготовила себе из него салат и с жадностью его поела. И салат ей этот так понравился, показался ей таким вкусным, что на другой день появилось у нее желание втрое большее, чем прежде. И она не могла найти себе покоя, пока муж не согласился полезть в сад еще раз.

Он пробрался туда в сумерках, пролез через каменную ограду, но сильно перепугался, увидав перед собой колдунью.

¹ Рапунцель — от лат. *garīcium* — сурепица, из семян которой добывают масло.

*Он пробрался туда в сумерках, пролез через каменную ограду,
но сильно перепугался, увидав перед собой колдунью.*

— Как ты смеешь лазить в мой сад, — сказала она, гневно на него поглядев, — и красть у меня, как вор, мой зеленый рапунцель? Тебе плохо за это придется.

— Ах, — ответил он, — вы уж меня простите, ведь я решился на это по нужде: моя жена увидала из окошка ваш зеленый рапунцель и почувствовала к нему такую страсть, что, пожалуй, умерла бы, если бы его не отведала.

Гнев у колдуньи немного прошел, и она сказала ему:

— Если это правда, что ты говоришь, то я позволю тебе набрать рапунцеля столько, сколько ты пожелаешь, но при одном условии: ты должен будешь отдать мне ребенка, который родится у твоей жены. Ему будет у меня хорошо, я буду о нем заботиться, как мать родная.

И он со страху согласился на все. Когда жене пришло время рожать и она родила дочку, явилась тотчас колдунья, назвала дитя Рапунцель и забрала его с собой.

Стала Рапунцель самой красивой девочкой на свете. Когда ей исполнилось двенадцать лет, колдунья заперла ее в башню, что находилась в лесу; в той башне не было ни дверей, ни лестницы, только на самом ее верху было маленькое оконце. Когда колдунье хотелось забраться на башню, она становилась внизу и кричала:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косоньки вниз.

А были у Рапунцель длинные прекрасные волосы, тонкие, словно из пряжи золотой. Услышит она голос колдуньи, распустит свои косы, подвяжет их вверх к оконному крючку, и упадут волосы на целых двадцать аршин вниз, — и взбирается тогда колдунья, уцепившись за них, наверх.

Прошло несколько лет, и случилось королевскому сыну проезжать на коне через лес, где стояла башня. Вдруг он услышал пение, а было оно такое приятное, что он остановился и стал прислушиваться. Это пела Рапунцель своим чудесным голосом песню, коротая в одиночестве время. Захотелось королевичу взобраться наверх, и он стал искать вход в башню, но найти его было невозможно. Он поехал домой, но пение так запало ему в душу, что он каждый день выезжал в лес и слушал его.

Вот стоял он раз за деревом и увидел, как явилась колдунья, и услышал, как она закричала:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косоньки вниз!

Спустила Рапунцель свои косы вниз, и взобралась колдунья к ней наверх.

А были у Рапунцель длинные прекрасные волосы, тонкие, словно из пряжи золотой. Услышит она голос колдуньи, распустит свои косы, подвяжет их вверх к оконному крючку, и упадут волосы на целых двадцать аршин вниз, — и взбирается тогда колдунья, уцепившись за них, наверх.

«Если это и есть та лесенка, по которой взбираются наверх, то и мне хотелось бы однажды попытать счастья», — и на другой день, когда начало уже смеркаться, подъехал королевич к башне и крикнул:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косоньки вниз!

И упали тотчас волосы вниз, и королевич взобрался наверх.

Рапунцель, увидя, что к ней вошел человек, какого она никогда не видела, сначала сильно испугалась. Но королевич ласково с ней заговорил и рассказал, что сердце его было так тронuto ее пением и не было ему нигде покоя, и вот он решил ее непременно увидеть.

Тогда Рапунцель перестала бояться, и когда он спросил у нее, согласна ли она выйти за него замуж, — а был он молодой и красивый, — она подумала: «Он будет любить меня больше, чем старуха фрау Готель», — и дала свое согласие и протянула ему руку. Она сказала:

— Я охотно пойду вместе с тобой, но не знаю, как мне спуститься вниз. Когда ты будешь ко мне приходить, бери всякий раз с собой кусок шелка; я буду плести из него лесенку, и когда она будет готова, я спущусь вниз, и ты увезешь меня на своем коне.

Они условились, что он будет приходить к ней по вечерам, так как днем приходила старуха. Колдунья ничего не замечала до тех пор, пока однажды Рапунцель не заговорила с ней и не сказала:

— Скажи мне, фрау Готель, почему мне тебя тащить наверх тяжелей, чем молодого королевича? Он подымается ко мне в один миг.

— Ах ты, мерзкая девчонка! — крикнула колдунья. — Что я слышу? Я считала, что скрыла тебя ото всех, а ты меня все-таки обманула! — И она вцепилась в ярости в прекрасные волосы Рапунцель, обмотала их несколько раз вокруг левой руки, а правой схватила ножницы и — чик-чик! — отрезала их, и чудесные косы лежали на земле.

И была колдунья такою безжалостной, что завела бедную Рапунцель в глухую чащу; и пришлось ей там жить в большой нищете и горе.

И в тот же самый день, как она прогнала Рапунцель, она привязала вечером отрезанные косы к оконному крючку и, когда явился королевич и крикнул:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косоньки вниз! —

то спустила колдунья волосы вниз.

И взобрался королевич наверх, но не нашел там своей любимой Рапунцель, а увидел колдунью. Она глянула на него своим злобным, язвительным взглядом.

— Ага! — крикнула она насмешливо. — Ты хочешь увезти свою возлюбленную, но красавицы-птички нет больше в гнезде, и она уже не поет. Ее унесла кошка, а тебе она выцарапает к тому же глаза. Ты потерял Рапунцель навек, не видать ее тебе больше никогда!

Королевич был вне себя от горя и в отчаянье выпрыгнул из башни; ему удалось сохранить жизнь, но колющие шипы кустарника, на которые он упал, выкололи ему глаза. И он бродил слепой по лесу, питаясь лишь одними кореньями да ягодами, и все время горевал и плакал по потерянной им любимой жене.

Так блуждал он несколько лет в горе и печали и зашел наконец в густую чащу, где жила, бедствуя, Рапунцель вместе со своими детьми-близнецами, которых она родила, с мальчиком и девочкой.

Вдруг услышал королевич чей-то голос; он показался ему таким знакомым, и он пошел навстречу ему; и когда подошел он ближе, то Рапунцель его узнала, бросилась к нему на шею и горько заплакала. Но упали две слезинки к нему на глаза, и он снова прозрел и стал видеть, как прежде. И он привел ее в свое королевство, где встретили его с радостью, и они жили долгие-долгие годы в счастье и довольстве.

ПТИЦА-НАЙДЕНЫШ

Жил-был на свете лесник. Вышел он однажды в лес на охоту и забрался в самую чащу лесную; вдруг слышит он крик, будто маленький ребенок плачет. Пошел он навстречу и пришел, наконец, к высокому дереву; видит — сидит на верхушке маленький ребенок.

А дело было так: мать, должно быть, уснула под деревом вместе с ребенком, а хищная птица заметила, что лежит он на коленях у матери; прилетела та птица, схватила его и унесла на высокое дерево.

Взобрался лесник на верхушку, достал оттуда ребенка и подумал про себя: «А не взять ли его мне к себе домой на воспитание, чтоб рос он вместе с моей Ленхен?» Сказано — сделано: принес он ребенка домой, и стало у него теперь двое детей. И прозвали ребенка, что был унесен птицей и найден на дереве, Птицей-Найденышем.

Птица-Найденыш и Ленхен полюбили друг друга, да так сильно, что если, бывало, и разлучались, то всегда скучали один без другого.

А жила у лесника старуха-стряпуха. Взяла она однажды вечером два ведра и стала носить воду; и не раз ходила она к колодцу, а много-много раз. Увидела это Ленхен и говорит:

— Послушай, старая Занна, зачем ты так много водыносишь?

— Если ты никому не расскажешь, то я, так уж и быть, тебе скажу.

И ответила Ленхен, что никому не скажет, никому не расскажет об этом, и сказала стряпуха-старуха:

— Завтра поутру, когда лесник уйдет на охоту, я вскипачу воду, и когда вода в котле закипит, брошу в него Птицу-Найденыша и сварю его живьем.

На другое утро, раным-рано, встал лесник и отправился на охоту; дети еще лежали в постели. Вот и говорит Ленхен Птице-Найденышу:

— Если ты меня не покинешь, то и я тебя не оставляю.

И сказал ей в ответ Птица-Найденыш:

— Никогда!

Тогда Ленхен и говорит:

Вчера вечером притащила старая Занна в дом много ведер воды...

— Только тебе одному я и расскажу: вчера вечером притащила старая Занна в дом много ведер воды; я и спрашиваю у нее, зачем это столько воды, а она мне отвечает: «Если ты никому не скажешь, я уж тебе расскажу». А я ей говорю: «Никому не скажу». Тогда она мне и сказала, что рано утром, когда отец уйдет на охоту, вскипятит она полный котел воды и кинет тебя туда и сварит живьем. Так вот, давай поскорей подыматься, оденемся и убежим вместе.

Вот дети встали, быстро оделись и ушли. Когда вода в котле закипела, пошла старуха-стряпуха в спальню за Птицей-Найденышем, чтоб взять его и бросить в котел.

Вошла она в комнату, подходит к постели и видит, что дети ушли. Тогда она очень испугалась и говорит про себя: «Что мне сказать, когда вернется лесник домой и увидит, что дети куда-то ушли? Надо скорей за ними побежать и привести их назад».

Посылает старуха-стряпуха вслед за детьми трех работников, велит им бежать скорее и нагнать детей. А дети сидят себе на опушке лесной и издали видят, как бегут трое работников. Вот Ленхен и говорит Птице-Найденышу:

— Если ты меня не покинешь, то и я тебя не оставлю.

Отвечает ей Птица-Найденыш:

— Никогда!

И сказала Ленхен:

— Обернись ты розовым кустом, а я — розой на нем.

Подходят трое работников к лесу и видят один только розовый куст да розу на нем, а детей нигде нет как нет. Вот они и говорят:

— Да что тут найдешь?

Воротились они домой и рассказали старухе-стряпухе, что ничего не видели, кроме розового кусточка и розы на нем. Стала бранить их старуха-стряпуха:

— Ах вы, простофили, надо было вам разрубить надвое розовый куст, а розу сорвать и принести мне домой. Ну, живей, да сделайте так, как я вам велю.

И пришлось им снова идти на поиски. А дети увидели работников издали, и говорит Ленхен:

— Птица-Найденыш, если ты не покинешь меня, то и я тебя не оставлю.

И ответил Птица-Найденыш:

— Никогда!

Тогда Ленхен сказала:

— Так стань же ты церковкой, а я в ней венцом!

Вот подходят трое работников и видят одну только церковь да венец внутри. И говорят между собой: «Да что нам тут делать, давай вернемся домой». Приходят они домой, и спрашивает у них старуха-стряпуха, нашли ли они детей; и ответили они, что ничего, мол, не нашли, кроме церкви да венца внутри.

— Ах, дураки вы, дураки, — стала бранить их старуха-стряпуха, — отчего же вы не разломали ту церковь и не принесли мне венца?

Вот собралась тогда в дорогу сама старуха-стряпуха, и пошла она вместе с тремя работниками разыскивать детей. А дети издали увидели, что идут трое работников и вслед за ними ковыляет старуха-стряпуха. И говорит Ленхен:

— Птица-Найденыш, если ты меня не покинешь, и я тебя не оставлю.

Отвечает ей Птица-Найденыш:

— Никогда!

И сказала Ленхен:

— Обернись ты озером, а я уткой на нем!

Вот подходит старуха-стряпуха и видит перед собой озеро; ложится она на землю и хочет все озеро выпить. Но тут подплыла быстро к ней утка, ухватила ее своим клювом за голову и стала тащить в воду, — и утонула старая ведьма.

Вернулись тогда дети вместе домой, и стало им весело-весело; и если они еще не умерли, то живут, пожалуй, еще и до сих пор.

ХРАБРЫЙ ПОРТНЯЖКА

Однажды, летним утром, сидел портняжка у окна на своем столе для шитья; ему было весело, и он шил изо всех сил. А проходила по улице крестьянка, выкрикивая: «Хорошее варенье продаю! Хорошее варенье продаю!» Портняжке это слышать было приятно, он вытянул свою хилую шею в окошко и крикнул:

— Эй, голубушка, заходи-ка наверх, тут свой товар и продашь!

Женщина поднялась со своей тяжелой корзиной к портному на третий этаж и стала развязывать перед ним все свои банки. Он все их оглядел, осмотрел, каждую поднял, пригляделся, понюхал и, наконец, сказал:

— Варенье, кажется, хорошее. Что ж, отвесь мне, голубушка, четыре лота, а то, пожалуй, и все четверть фунта возьму.

Женщина, понадеявшись сбыть немало своего товара, продала портному столько, сколько он просил, и ушла, ворча от досады.

— Ну, да благословит Господь Бог это варенье, — воскликнул портной, — и пошлет мне бодрости и силы! — С этими словами он достал из шкафчика хлеб, открыл себе краюху и намазал ее вареньем.

— Оно будет, пожалуй, недурно, — сказал он, — но сперва я закончу куртку, а потом уж как следует и поем.

Он положил кусок хлеба около себя и продолжал шить дальше, но на радостях стал шить крупными стежками. А запах сладкого варенья между тем разнесся всюду по комнате, и множество мух, сидевших на стене, почувяли это и целым роем слетелись на хлеб.

— Эй, вы, кто вас сюда звал? — сказал портной и стал прогонять незваных гостей.

Но мухи немецкого языка не понимали, они его не слушались, и их налетело еще больше. Тут у портняжки, как говорится, терпенье, наконец, лопнуло, он вышел из себя, кинулся, схватил суконку и с криком: «Погодите, уж я вам задам!» — без всякой жалости хлопнул изо всей силы по мухам. Поднял он суконку, поглядел, сосчитал — и лежало перед ним, протянув ноги, не меньше чем семь убитых мух. «Вот я какой молодец! — сказал он, и сам удивился

своей храбрости. — Надо, чтоб об этом весь город узнал».

Тут выкроил портняжка наскоро пояс, стачал его и большими буквами вышил на нем: «Побил семерых одним махом». «Да что город, — продолжал он рассуждать дальше, — весь свет должен об этом узнать!» — И сердце его затрепетало от радости, как бараний хвост.

Подпоясавшись портной поясом и собравшись пуститься по белу свету, считая, что портняжная мастерская слишком тесна для его храбрости. Но прежде чем отправиться в путь-дорогу, он стал шарить по всему дому, нет ли чего такого, что можно было бы с собой захватить, но не нашел ничего, кроме головки старого сыра, и взял ее с собой. У ворот он увидал птицу, что запуталась в кустах; он поймал ее и тоже сунул заодно с сыром в карман. Потом он смело двинулся в путь-дорогу, — а был он легок да проворен и потому никакой усталости не чувствовал.

Путь привел его к горе, и когда он взобрался на самую вершину, то увидел там огромного великана, который сидел и спокойно поглядывал кругом.

Портняжка смело подошел к нему, заговорил с ним и спросил:

— Здравствуй, товарищ, ты что тут сидишь да разглядываешь привольный и широкий свет? Я вот иду по белу свету странствовать, хочу попытать счастье, не пойдешь ли и ты вместе со мной?

Великан презрительно поглядел на портного и сказал:

— Эй ты, жалкий оборванец!

— Как бы не так! — ответил портняжка, и он расстегнул свою куртку и показал великану пояс, — вот, можешь сам прочитать, что я за человек!

Великан прочитал: «Побил семерых одним махом» — и подумал, что речь идет о людях, которых убил портной, и почувствовал к этому маленькому человечку некоторое уважение. Но ему захотелось сначала его испытать. Он взял камень в руку и сдавил его так, что из него потекла вода.

— Вот и ты попробуй так же, — сказал великан, — если силенок у тебя хватит.

— Это и все? — спросил портняжка. — Да это для меня пустяки! — И он полез в карман, достал оттуда головку мягкого сыра и сжал ее так, что сок из нее потек.

— Ну, что, — сказал он, — пожалуй, получше твоего будет?

Великан не знал, что ему и сказать, — от такого человечка он этого никак не ожидал. Поднял тогда великан камень и подбросил его вверх, да так высоко, что тот исчез из виду.

— Ну-ка ты, селезень, попробуй тоже.

— Что ж, брошено хорошо, — сказал портной, — но камень-то ведь опять на землю упал; а я вот брошу так, что он и назад не вернется. — И он полез в карман, достал птицу и подбросил ее вверх. Птица, обрадовавшись свободе, взлетела, поднялась высоко в небо и назад не вернулась.

— Ну, а это как тебе, дружище, понравится? — спросил портной.

— Бросать ты умеешь хорошо, — сказал великан, — но, посмотрим, сумеешь ли ты нести большую тяжесть. — И он подвел портняжку к огромному дубу, что лежал срубленный на земле, и сказал: — Ежели ты достаточно силен, то помоги мне вытащить дерево из лесу.

— Ладно, — ответил маленький человечек, — ты положи ствол к себе на плечи, а я подниму и понесу сучья и ветки, — это ведь будет куда потяжелей.

Великан взвалил ствол себе на плечи, а портной уселся на одну из веток; и пришлось великану, который оглянуться назад никак не мог, тащить все дерево да впридачу еще и портняжку. И был портняжка весел и насвистывал песенку: «Трое портных подъезжало к воротам...», словно тащить дерево было для него детской забавой.

Протащил великан тяжелую ношу недалеко, но дальше нести был не в силах и крикнул:

— Послушай, а дерево-то мне придется бросить.

Тут портной проворно соскочил с ветки, схватил дерево обеими руками, будто нес он его один, и сказал великану:

— Ты такой большой, а дерево-то нести не можешь.

Пошли они дальше вместе. Проходя мимо вишневого дерева, великан схватил его за верхушку, на которой висели самые спелые вишни, нагнул ее вниз, дал портному и стал его угощать. Но портняжка был слишком слаб, удержать веток не смог, и когда великан их отпустил, дерево поднялось и портной взлетел вместе с ним на воздух. Он упал благополучно на землю, а великан и говорит:

— Что ж это ты, неужто ты не в силах удержать такой маленький прутик?

— Силы-то у меня хватит, — ответил портняжка, — ты думаешь, что это что-нибудь значит для того, кто побил семерых одним махом? Это я через дерево прыгнул, ведь внизу охотники стреляют по кустам. А ну, прыгни-ка ты так, если можешь.

Великан попробовал было, но через дерево перепрыгнуть не мог и повис на ветвях, так что и тут портняжка одержал верх.

*И полез портняжка в карман, достал оттуда головку мягкого сыра
и сжал ее так, что сок из нее потек.*

И сказал великан:

— Если ты уж такой храбрец, то пойдем вместе со мной в нашу пещеру, там и заночуешь.

Портняжка согласился и отправился вслед за великаном. Подошли они к пещере, глядь — сидят там у костра и другие великаны, и у каждого из них в руке по жареной овце, и каждый ее ест. Осмотрелся портняжка и подумал: «А здесь-то куда просторней, чем у меня в портняжной».

Великан указал ему постель и сказал, чтоб он лег и как следует выспался. Но постель для портняжки была слишком велика, он не лег в нее, а забрался в самый угол. Вот наступила полночь, и великан, думая, что портняжка спит глубоким сном, поднялся, взял большой железный лом и одним ударом разломал кровать надвое, думая, что этого кузнечика он уже истребил.

Ранним утром великаны ушли в лес, а о портняжке и позабыли, и вдруг он выходит, веселый и бесстрашный, им навстречу. Тут великаны испугались и подумали, что он всех их перебьет, и бросились наутек.

А портняжка двинулся дальше, куда глаза глядят. Долго он странствовал и вот пришел, наконец, во двор королевского дворца и, почувствовав усталость, прилег на траве и уснул. В то время как он лежал, пришли люди, стали его со всех сторон разглядывать и прочли у него на поясе надпись: «Побил семерых одним махом».

— Ох, — сказали они, — чего же хочет этот знатный герой здесь в мирное время? Это, должно быть, какой-нибудь важный человек.

Они пошли и объявили об этом королю, полагая, что на случай войны он будет здесь человеком важным и нужным и что отпускать его ни в коем случае не следует. Этот совет королю понравился, и он послал к портняжке одного из своих придворных, который должен был ему предложить, когда тот проснется, поступить к королю на военную службу.

Посланец подошел к спящему, подождал, пока тот стал потягиваться и открыл глаза, и только тогда изложил ему королевское поручение.

— Я затем сюда и явился, — ответил портной. — Что ж, я готов поступить к королю на службу.

Его приняли с почестями и отвели ему особое помещение. Но королевские воины отнеслись к портняжке недружелюбно и хотели его сбыть куда-нибудь подальше. «Что оно из этого выйдет? — говорили они между собой. — Если мы с ним поссоримся, то он, чего доброго, на нас набросится и побьет семерых одним махом. Уж тут никто из нас против него не устоит». И вот они порешили отправиться всем вместе к королю и просить у него отставку.

— Где уж нам устоять, — сказали они, — рядом с таким человеком, который побивает семерых одним махом?

Опечалился король, что приходится ему из-за одного терять всех своих верных слуг, и захотелось ему поскорей от портного избавиться, чтобы больше его и на глаза не пускать. Но король не решился дать ему отставку: он бо-

ялся, что тот убьет его, а заодно и придворных, а сам сядет на его трон. Долго он думал, раздумывал и, наконец, порешил сделать так. Он послал к портняжке и велел ему объявить, что он хочет ему, как великому военному герою, сделать некоторое предложение.

В одном из лесов его королевства поселились два великана, они своими грабежами и разбоями, поджогами и пожарами великий вред учиняют; и никто не осмеливается к ним приблизиться, не подвергаясь смертельной опасности. Так вот, если он этих двух великанов одолеет и убьет, то отдаст он ему свою единственную дочь в жены, а в приданое полкоролевства, а поедут с ним сто всадников на подмогу.

«Это было б неплохо для такого, как я, — подумал портняжка, — заполучить себе в жены красавицу королевну да еще полкоролевства впридачу, — такое не каждый день выпадает на долю».

— О, да! — сказал он в ответ. — Великанов этих я одолею, и сотни всадников мне для этого не надо; кто одним махом семерых побивает, тому двоих бояться нечего.

И вот пустился портняжка в поход, и ехала следом за ним сотня всадников. Подъехав к лесной опушке, он сказал своим провожатым:

— Вы оставайтесь здесь, а я уж расправлюсь с великанами один на один. — И он шмыгнул в лес, поглядывая по сторонам.

Вскоре он увидел двух великанов. Они лежали под деревом и спали, и при этом храпели вовсю, так что даже ветки на деревьях качались.

Портняжка, не будь ленив, набил себе оба кармана камнями и взобрался на дерево. Он долез до половины дерева, взобрался на ветку, уселся как раз над спящими великанами и стал сбрасывать одному из них на грудь камень за камнем. Великан долгое время ничего не замечал, но, наконец, проснулся, толкнул своего приятеля в бок и говорит:

— Ты чего меня бьешь?

— Да это тебе приснилось, — ответил ему тот, — я тебя вовсе не бью. — И они опять уснули спать. А портной вынул камень и сбросил его на второго великана.

— Что это? — воскликнул второй. — Ты чем в меня бросаешь?

— Я ничем в тебя не бросаю, — ответил первый и начал ворчать.

Так ссорились великаны некоторое время, и когда оба от этого устали, они помирились и опять уснули. А портняжка снова начал свою игру, выбрал камень побольше и кинул его изо всей силы в грудь первому великану.

— Это уж чересчур! — закричал тот, вскочил, как безумный, и как толкнет своего приятеля об дерево, — так оно все и задрожало. Второй отплатил ему той же монетой, и они так разъярились, что стали вырывать ногами с корнем деревья и бить ими друг друга, пока, наконец, оба не упали замертво наземь.

Тут портняжка прыгнул с дерева. «Счастье еще, — сказал он, — что не вырвали они того дерева, на котором я сидел, а то бы пришлось мне,

пожалуй, прыгать, как белка, с дерева на дерево, — ну, да мы уж люди проворные!» Он вытащил свой меч и изо всех сил ударил обоих великанов в грудь, потом вышел из лесу к всадникам и сказал:

— Дело сделано, я прикончил обоих. Однако пришлось мне трудненько; почуяв беду, они вырывали целые деревья из земли, чтобы защититься, но им это мало помогло, раз явился такой, как я, что семерых одним махом побивает.

— А вы не ранены? — спросили всадники.

— Обошлось благополучно, — ответил портной, — и волосом не тронули.

Всадники верить ему не хотели и направились в лес. Они увидали там великанов, плававших в собственной крови, а вокруг них валялись вырванные с корнем деревья.

И вот потребовал тогда портняжка от короля обещанной ему награды, но тот уж и так раскаивался в своем обещании и стал снова придумывать, как бы это ему избавиться от подобного героя.

— Прежде чем ты получишь мою дочь в жены и пол королевства в придачу, — сказал он ему, — ты должен совершить еще одно геройское дело. Живет в лесу единорог, он причиняет большой вред, ты должен его поймать.

— Единорога я боюсь еще меньше, чем двух великанов; семерых одним махом — дело как раз по мне.

Вот взял он с собой веревку и топор, вышел в лес и велел людям, которые были даны ему на подмогу, дожидаться его опять на лесной опушке. Долго искать ему не пришлось; единорог вскоре явился и кинулся прямо на портного, собираясь его тотчас насадить на свой рог.

— Потише, потише, — сказал портной. — Этак быстро дело не выйдет!

Он остановился и стал ждать, пока зверь подойдет поближе, потом он проворно отскочил и спрятался за дерево. Единорог разбежался изо всех сил и вонзил свой рог в ствол, да так крепко, что у него не хватило сил вытащить его назад, — так он и поймался.

— Теперь-то птичка в моих руках, — сказал портной и, выйдя из-за дерева, накинуд единорогу на шею веревку, потом отрубил ему топором рог, что застрял в дереве, и, когда все было в порядке, он вывел зверя из лесу и привел его к королю.

Но король и теперь не хотел дать ему обещанной награды и выставил третье требование. Должен был портной для свадьбы поймать ему дикого вепря, что наносит в лесу большой вред, и должны были в этом деле ему помочь егеря.

— Ладно, — ответил портной, — это для меня детская забава!

Егерей с собой в лес он не взял, и они остались этим очень довольны, потому что дикий вепрь не раз встречал их так, что у них пропала охота за ним гоняться.

Когда вепрь заметил портного, то кинулся на него с пеной у рта и оскаленными клыками, собираясь сбить его с ног. Но ловкий герой вскочил в ча-

И великаны так разъярились, что стали вырывать ногами с корнем деревья и бить ими друг друга, пока, наконец, оба не упали замертво наземь.

совню, что находилась поблизости, и мигом выпрыгнул оттуда через окошко. Вепрь вбежал за ним следом, а портной обежал вокруг часовни и захлопнул за ним дверь, — тут лютый зверь и поймался: был он слишком тяжел и неловок, чтобы выпрыгнуть из окошка.

Созвал тогда портной егерей, чтобы те собственными глазами увидели пойманного зверя, а наш герой направился тем временем к королю; и как уж тому не хотелось, а пришлось-таки сдержать свое обещание, и он отдал ему свою дочь и полкоролевства в придачу.

Знал бы он, что стоит перед ним не великий герой, а простой портняжка, то было бы ему еще больше не по себе. Свадьбу отпраздновали с великой пышностью да малой радостью; и вот стал портной королем.

Спустя некоторое время услышала ночью молодая королева, как супруг ее во сне разговаривает: «Малый, а ну-ка, сшей мне куртку да заштопай штаны, а не то отдаю тебя аршином». Тут и догадалась она, из какого переулка родом этот молодчик; рассказала на другое утро о своем горе отцу и стала просить его, чтобы избавил он ее от такого мужа, — ведь оказался он простым портным. Стал король ее утешать и сказал:

— В эту ночь ты опочивальню свою не запирай, мои слуги будут стоять у дверей, и когда он заснет, они войдут, свяжут его и отнесут на корабль, и будет он отвезен в дальние земли.

Королева осталась этим довольна, но королевский оруженосец, который все это слышал и был молодому королю предан, рассказал ему об этом замысле.

— Я с этим делом управлюсь, — сказал портняжка.

Вечером он улегся в обычное время в постель со своей женой. Она подумала, что он уже спит, встала, открыла дверь и легла опять в постель. А портняжка притворился спящим и начал громко кричать: «Малый, сшей мне куртку да заштопай штаны, а не то я отдаю тебя аршином! Я побил семерых одним махом, двух великанов убил, увел из лесу единорога и поймал дикого вепря — мне ли бояться тех, кто стоит за дверью!»

Услышали слуги, что говорит портной, охватил их великий страх, и они убежали прочь, будто гналось за ними по пятам грозное войско. И никто уже с той поры больше не отваживался трогать портного.

И вот, как был портняжка королем, так на всю свою жизнь им и остался.

ГЕНЗЕЛЬ И ГРЕТЕЛЬ

Жил на опушке дремучего леса бедный дровосек со своей женой и двумя детьми; мальчика звали Гензель, а девочку — Гретьель. Жил дровосек впроголодь; вот наступила однажды в той земле такая дороговизна, что не на что было ему купить даже хлеба на пропитание.

И вот, под вечер, лежа в постели, стал он раздумывать, и все одолевали его разные мысли и заботы; повздыхал он и говорит жене:

— Что же теперь будет с нами? Как нам прокормить бедных детей, нам-то ведь и самим есть нечего!

— А знаешь что, — отвечала жена, — давай-ка пораньше утром, только начнет светать, заведем детей в лес, в самую глухую чащу; разведем им костер, дадим каждому по куску хлеба, а сами уйдем на работу и оставим их одних. Дороги домой они не найдут, вот мы от них и избавимся.

— Нет, жена, — говорит дровосек, — этого я не сделаю; ведь сердце-то у меня не камень, я детей одних бросить в лесу не могу, там нападут на них дикие звери и их разорвут.

— Эх ты, простофиля! — говорит жена. — Ведь иначе мы все вчетвером с голоду пропадем, и останется только одно: гробы сколачивать. — И она принимала его до тех пор, пока он с ней согласился.

— А все-таки жалко мне моих бедных детей! — сказал дровосек.

Дети от голода не могли уснуть и слышали все, что говорила мачеха отцу. Залилась Гретьель горькими слезами и говорит Гензелю:

— Видно, нам теперь пропадать придется.

— Тише, Гретьель, — сказал Гензель, — не горюй, я уж что-нибудь да придумаю.

И вот когда родители уснули, он встал, надел свою курточку, отворил дверь в сени и тихонько выбрался на улицу. На ту пору ярко светила луна, и белые камешки, лежавшие перед избушкой, блестели, словно груды серебряных монет.

Гензель нагнулся и набил ими полный карман. Потом вернулся он домой и говорит Гретьель:

— Утешься, милая сестрица, спи себе теперь спокойно, Господь нас не оставит. — И с этими словами он снова улегся в постель.

Только стало светать, еще и солнышко не всходило, а мачеха уже подошла и стала будить детей:

— Эй вы, лежебоки, пора подыматься, собирайтесь-ка с нами в лес за дровами!

Дала она каждому из них по кусочку хлеба и говорит:

— Вот это будет вам на обед; да смотрите, не съешьте его раньше времени, больше ничего не получите.

Гретель спрятала хлеб в свой передник, — ведь у Гензеля карман был полон камней. И они собрались идти вместе в лес. Прошли они немного, вдруг Гензель остановился, оглянулся назад, посмотрел на избушку, — так он все время оглядывался назад и останавливался. А отец ему и говорит:

— Гензель, чего это ты все оглядываешься да отстаешь? Смотри не зевай, иди побыстрей.

— Ах, батюшка, — ответил ему Гензель, — я все гляжу на свою белую кошечку, вон сидит она на крыше, будто хочет сказать мне «прощай».

А мачеха и говорит:

— Эх, дурень ты, это вовсе не твоя кошечка, это утреннее солнце блестит на трубе.

А Гензель вовсе и не на кошечку смотрел, а доставал из кармана и бросал на дорогу блестящие камешки.

Вот вошли они в самую чащу леса, а отец и говорит:

— Ну, дети, собирайте теперь хворост, а я разведу костер, чтобы вы не озябли.

Гензель и Гретель собрали целую кучу хворосту. Разожгли костер. Когда пламя хорошо разгорелось, мачеха говорит:

— Ну, детки, ложитесь теперь у костра да отдохните как следует, а мы пойдем в лес дрова рубить. Как кончим работу, вернемся назад и возьмем вас домой.

Сели Гензель и Гретель у костра, и когда наступил полдень, каждый из них съел по кусочку хлеба. Они все время слышали стук топора и думали, что их отец где-то поблизости. Но то был совсем не стук топора, а чурбана, который привязал дровосек к сухому дереву, и он, раскачиваясь под ветром, стучал о ствол.

Долго сидели они так у костра, от усталости стали у них глаза закрываться, и они крепко-крепко уснули. А когда проснулись, была уже глухая ночь. Заплакала Гретель и говорит:

— Как же нам теперь выбраться из лесу?

Стал Гензель ее утешать.

— Погоди маленько, скоро взойдет луна, и мы уж найдем дорогу.

Когда взошла луна, взял Гензель сестрицу за руку и пошел от камешка к камешку, — а сверкали они, словно новые серебряные денюжки, и указывали де-

*И вот когда родители уснули, Гензель встал, надел свою курточку,
отворил дверь в сени и тихонько выбрался на улицу.*

тям путь-дорогу. Они шли всю ночь напролет и подошли на рассвете к отцовской избушке.

Они постучались, мачеха открыла им дверь; видит она, что это Гензель и Гретель, и говорит:

— Что же это вы, скверные дети, так долго спали в лесу? А мы уж думали, что вы назад вовсе не хотите возвращаться.

Обрадовался отец, увидя детей, — было у него на сердце тяжело, что бросил он их одних.

А вскоре опять наступили голод и нужда, и дети услышали, как мачеха ночью, лежа в постели, говорила отцу:

— У нас опять все уже съедено, осталось только полкраюхи хлеба, видно, нам скоро конец придет. Надо бы нам от детей избавиться: давай заведем их в лес подальше, чтоб не найти им дороги назад, — другого выхода у нас нету.

Тяжко стало на сердце у дровосека, и он подумал: «Уж лучше бы мне последним куском с детьми поделиться». Но жена и слышать о том не хотела, стала его бранить и попрекать. И вот — плохое начало не к доброму концу, — уступил он раз, пришлось ему и теперь согласиться.

Дети еще не спали и слышали весь разговор. И только родители уснули, поднялся Гензель опять и хотел было выйти из дому, чтобы собрать камешки, как и в прошлый раз, но мачеха заперла дверь, и Гензель выбраться из хижины не смог. Он стал утешать свою сестрицу и говорит:

— Не плачь, Гретель, спи спокойно, уж Бог нам как-нибудь да поможет.

Ранним утром пришла мачеха и подняла детей с постели. Дала им кусок хлеба, он был еще меньше, чем в первый раз. По дороге в лес Гензель крошил хлеб в кармане, все останавливался и бросал хлебные крошки на дорогу.

— Что это ты, Гензель, все останавливаешься да оглядываешься, — сказал отец, — ступай своей дорогой.

— Да это я смотрю на своего голубка, вон сидит он на крыше дома, будто со мной прощается, — ответил Гензель.

— Дурень ты, — сказала мачеха, — это вовсе не голубь твой, это утреннее солнце блестит на верхушке трубы.

А Гензель все бросал и бросал по дороге хлебные крошки. Вот завела мачеха детей еще глубже в лес, где они ни разу еще не бывали. Развели опять большой костер, и говорит мачеха:

— Детки, садитесь вот тут, а устанете, так поспите маленько; а мы пойдем в лес дрова рубить, а к вечеру, как кончим работу, вернемся сюда и возьмем вас домой.

Когда наступил полдень, поделилась Гретель своим куском хлеба с Гензелем, — ведь он весь свой хлеб раскрошил по дороге. Потом они уснули. Но вот уж и вечер прошел, и никто за бедными детьми не приходил. Проснулись они темной ночью, и стал Гензель утешать сестрицу:

— Погоди, Гретель, вот скоро луна взойдет, и станут видны хлебные крошки, что я разбросал по дороге, они укажут нам дорогу домой.

Вот взошла луна, и дети отправились в путь-дорогу, но хлебных крошек не нашли, — тысячи птиц, что летают в лесу и в поле, все их поклевали. Тогда Гензель и говорит Гретель:

— Мы уж как-нибудь да найдем дорогу.

Но они ее не нашли. Пришлось им идти целую ночь и весь день, с утра и до самого вечера, но выбраться из лесу они не могли. Дети сильно проголодались, ведь они ничего не ели, кроме ягод, которые собирали по пути. Они так устали, что еле-еле передвигали ноги, и вот прилегли они под деревом и уснули.

Наступило уже третье утро с той поры, как покинули они отцовскую избушку. Пошли они дальше. Идут и идут, а лес все глубже и темней, и если бы вскоре не подоспела помощь, они выбились бы из сил.

Вот наступил полдень, и они заметили на ветке красивую белоснежную птичку. Она пела так хорошо, что они остановились и заслушались ее пеньем. Но вдруг птичка умолкла и, взмахнув крыльями, полетела перед ними, а они пошли за ней следом, и шли, пока, наконец, не добрались до избушки, где птичка уселась на крыше. Подошли они ближе, видят — сделана избушка из хлеба, крыша на ней из пряников, а окошки все из прозрачного леденца.

— Вот мы за нее и примемся, — сказал Гензель, — и то-то будет у нас славное угощение! Я отъем кусок крыши, а ты, Гретель, возмись за окошко, — оно, должно быть, очень сладкое.

Взобрался Гензель на избушку и отломил кусочек крыши, чтоб попробовать, какая она на вкус, а Гретель подошла к окошку и начала его грызть.

Вдруг послышался изнутри чей-то тоненький голосок:

Хруп да хруп все под окном,
Кто грызет и гложет дом?

Дети ответили:

Это гость чудесный,
Ветер поднебесный!

И, не обращая внимания, они продолжали обедать домик.

Гензель, которому очень понравилась крыша, оторвал от нее большой кусок и сбросил вниз, а Гретель выломала целое круглое стекло из леденца и, усевшись около избушки, стала им лакомиться.

Вдруг открывается дверь, и выходит оттуда, опираясь на костыль, старая-престарая бабка. Гензель и Гретель так ее испугались, что выронили из рук лакомство. Покачала старуха головой и говорит:

— Э, милые детки, кто это вас сюда привел? Ну, милости просим, входите в избушку, худо вам тут не будет.

Она взяла их обоих за руки и ввела в свою избушку. Принесла им вкусной еды — молока с оладьями, посыпанными сахаром, яблок и орехов. Потом она постелила две красивые постельки и накрыла их белыми одеялами. Улеглись Гензель и Гретель и подумали, что попали, должно быть, в рай.

Но старуха только притворилась такою доброй, а была она на самом деле злой ведьмой, что подстерегает детей, и избушку из хлеба построила для приманки. Если кто попадал к ней в руки, она того убивала, потом варила и съедала, и было это для нее праздником. У ведьм всегда бывают красные глаза, и видят они вдаль плохо, но зато у них нюх, как у зверей, и они чувят близость человека.

Когда Гензель и Гретель подходили к ее избушке, она злобно захохотала и сказала с усмешкой:

— Вот они и попались! Ну, уж теперь им от меня не уйти!

Рано поутру, когда дети еще спали, она встала, посмотрела, как они спят спокойно да какие у них пухлые и румяные щечки, и пробормотала про себя: «То-то приготавливаю я себе лакомое блюдо».

Она схватила Гензеля своей костлявой рукой, унесла его в хлев и заперла там за решетчатой дверью — пусть кричит себе сколько вздумается, ничего ему не поможет. Потом пошла она к Гретель, растолкала ее, разбудила и говорит:

— Вставай, лентяйка, да притащи мне воды, свари своему брату что-нибудь вкусное, — вон сидит он в хлеву, пускай хорошенько откармливается. А когда разжиреет, я его съем.

Залилась Гретель горькими слезами, но — что делать? — пришлось ей исполнить приказание злой ведьмы.

И вот были приготовлены для Гензеля самые вкусные блюда, а Гретель достались одни лишь объедки.

Каждое утро пробиралась старуха к маленькому хлеву и говорила:

— Гензель, протяни-ка мне свои пальцы, я хочу посмотреть, достаточно ли ты разжирел.

Но Гензель протягивал ей косточку, и старуха, у которой были слабые глаза, не могла разглядеть, что это такое, и думала, что то пальцы Гензеля, и удивлялась, отчего это он все не жиреет.

Так прошло четыре недели, но Гензель все еще оставался худым, — тут старуха потеряла всякое терпенье и ждать больше не захотела.

— Эй, Гретель, — крикнула она девочке, — пошевеливайся живей, принеси-ка воды: все равно — жирен ли Гензель, или тощ, а уж завтра утром я его заколю и сварю.

Ох, как горевала бедная сестрица, когда пришлось ей таскать воду, как текли у ней слезы ручьями по щекам!

*Вдруг открывается дверь, и выходит оттуда, опираясь на костыль,
старая-престарая бабка.*

— Господи, да помоги же ты нам! — воскликнула она. — Лучше бы нас растерзали дикие звери в лесу, тогда хотя бы погибли мы вместе.

— Ну, нечего хныкать! — крикнула старуха. — Теперь тебе ничего не поможет.

Рано поутру Гретель должна была встать, выйти во двор, повесить котел с водой и развести огонь.

— Сначала мы испечем хлеб, — сказала старуха, — я уже истопила печь и замесила опару. — Она толкнула бедную Гретель к самой печи, откуда так и полыхало большое пламя.

— Ну, полезай в печь, — сказала ведьма, — да погляди, хорошо ли она натоплена, не пора ли хлеба сажать?

Только полезла было Гретель в печь, а старуха в это время хотела закрыть ее заслонкой, чтобы Гретель зажарить, а потом и съесть. Но Гретель догадалась, что затевает старуха, и говорит:

— Да я не знаю, как это сделать, как мне туда пролезть-то?

— Вот глупая гусыня, — сказала старуха, — смотри, какое большое устье, я и то могла бы туда залезть, — и она взобралась на шесток и просунула голову в печь.

Тут Гретель как толкнет ведьму, да так, что та очутилась прямо в самой печи. Потом Гретель прикрыла печь железной заслонкой и заперла на задвижку. У-ух, как страшно завывала ведьма! А Гретель убежала; и сгорела проклятая ведьма в страшных мученьях.

Бросилась Гретель поскорей к Гензелю, открыла хлев и крикнула:

— Гензель, мы спасены: старая ведьма погибла!

Выскочил Гензель из хлева, словно птица из клетки, когда откроют ей дверку. Как обрадовались они, как кинулись друг другу на шею, как прыгали они от радости, как крепко они целовались! И так как теперь им нечего уже было бояться, то вошли они в ведьмину избушку, а стояли там всюду по углам ларцы с жемчугами и драгоценными камнями.

— Эти, пожалуй, будут получше наших камешков, — сказал Гензель и набил ими полные карманы. А Гретель говорит:

— Мне тоже хочется что-нибудь принести домой, — и насыпала их полный передник.

— Ну, а теперь бежим поскорей отсюда, — сказал Гензель, — ведь нам надо еще выбраться из ведьминога леса.

Вот прошли они так часа два и набрали, наконец, на большое озеро.

— Не перебраться нам через него, — говорит Гензель, — нигде не видать ни тропинки, ни моста.

— Да и лодочки не видно, — ответила Гретель, — а вон плывет белая уточка; если я ее попрошу, она поможет нам переправиться на другой берег.

И кликнула Гретель:

Гензель протягивал ей косточку, и старуха, у которой были слабые глаза, не могла разглядеть, что это такое, и думала, что то пальцы Гензеля, и удивлялась, отчего это он все не жиреет.

Утя, моя уточка,
Подплыви к нам чуточку,
Нет дорожки, ни моста,
Переправь нас, не оставь!

Подплыла уточка, сел на нее Гензель и позвал сестрицу, чтоб и она села вместе с ним.

— Нет, — ответила Гретель, — уточке будет слишком тяжело; пускай перевезет она сначала тебя, а потом и меня.

Так добрая уточка и сделала, и когда они счастливо переправились на другой берег и пошли дальше, то стал лес им все знакомей и знакомей, и они заметили, наконец, издали отцовский дом. Тут на радостях они пустились бежать, вскочили в комнату и бросились отцу на шею.

С той поры как отец бросил детей в лесу, не было у него ни минуты радости, а жена его померла. Раскрыла Гретель передник, и рассыпались по комнате жемчуга и драгоценные камни, а Гензель доставал их из кармана целыми пригоршнями.

И настал конец их нужде и горю, и зажили они счастливо все вместе.

Тут и сказке конец идет,
А вон мышка бежит вперед;
Кто поймает ее, тот
Сошьет себе шапку меховую,
Да большую-пребольшую.

О МЫШКЕ, ПТИЧКЕ И КОЛБАСКЕ

Однажды мышка, птичка да колбаска порешили жить вместе. Стали они вести общее хозяйство и долго жили ладно и богато, в мире и согласии, и хозяйство их все росло и росло.

Работа у птички была такая — летать каждый день в лес за дровами. А мышка должна была воду носить, огонь разводить и стол накрывать, а колбаска оставалась стряпать.

Но кому и так хорошо живется, тому еще бóльшего хочется! Вот случилось птичке повстречаться в лесу с другой птицей, и рассказала она ей про свое хорошее житье-бытье и стала им похваться. А та, другая птица, стала ее бранить и говорить, что работает-де птичка слишком много, а получает мало; а те двое, что остаются дома, живут, мол, куда лучше. Вот хотя бы взять, например, мышку: разведет она огонь, принесет воду и идет себе отдыхать в свою каморку, пока не позовут ее на стол накрывать. А колбаска, та все у горшков торчит да присматривает, чтобы пища варилась как следует, а как придет время обедать, то стоит ей раза четыре повертеться в каше или в овощах, а они уже и жирны, и посолены, и к столу готовы.

Вот прилетела птичка домой, сбросила свою ношу, и сели они за стол, а после обеда как залегли, да так и проспали до самого утра, — вот уж жизнь-то была, что и говорить, расчудесная!

Но птичку раззадорили, и не захотелось ей на другой день лететь в лес. Она объявила, что слишком долго была у них служанкой и оставалась в дурах и что им следует поменяться работой и попробовать жить по-другому.

И как ни просили ее мышка и колбаска, но птичка, однако, на своем настаивала. Пришлось им согласиться; кинули жребий — и выпало колбаске дрова таскать, мышке стряпухой быть, а птичка должна была воду носить.

Но что же случилось потом? Отправилась колбаска за дровами, птичка развела огонь, мышка поставила горшок в печь, и стали они ждать, пока колбаска домой вернется и притащит запас дров. А ее все нету и нету, почуяли они недоброе, и полетела птичка ей навстречу. Увидела она неподалеку на дороге собаку, которая, напав на бедную колбаску, схватила ее и растерзала. Стала птичка обвинять собаку в грабеже и убийстве, но слова помогали мало. Собака ссылаясь на то, что нашла, мол, будто у колбаски подметные письма и потому решила ее казнить.

Грустно стало птичке, она взвалила на себя дрова, полетела домой и рассказала обо всем, что слыхала и видала. Очень они опечалились с мышкой, но решили, что лучше всего им оставаться вместе.

Пришлось птичке накрывать стол, а мышка стала обед готовить. И вот решила она последовать примеру колбаски и прыгнуть в горшок с овощами, повертеться в нем, поболтаться, чтобы было наваристей. Но едва залезла она в горшок, как обварилась, да так сильно, что у нее вылезла шерсть, слезла кожа, тут ей и конец настал.

Пришла птичка обед к столу подавать, глядь — нету стряпухи. Птичка в смущении побросала дрова, стала звать ее и кричать, но стряпухи своей она так и не нашла. И попал по неосторожности огонь на дрова; они загорелись, и начался пожар. Бросилась птичка второпях за водой, да упустила ведро в колодец, и сама за ним тоже в колодец упала, и не могла она спастись оттуда, — так и утонула.

ГОСПОЖА МЕТЕЛИЦА

Было у одной вдовы две дочери; одна была красивая и работящая, а другая — уродливая и ленивая. Но мать больше любила уродливую и ленивую, а той приходилось исполнять всякую работу и быть в доме золушкой.

Бедная девушка должна была каждый день сидеть на улице у колодца и прясть пряжу, да так много, что от работы у нее кровь выступала на пальцах.

И вот случилось однажды, что все веретено залилось кровью. Тогда девушка нагнулась к колодцу, чтобы его обмыть, но веретено выскочило у нее из рук и упало в воду. Она заплакала, побежала к мачехе и рассказала ей про свое горе.

Стала мачеха ее сильно бранить и была такой жестокой, что сказала:

— Раз ты веретено уронила, то сумей его и назад достать.

Вернулась девушка к колодцу и не знала, что ей теперь и делать; и вот прыгнула она с перепугу в колодец, чтоб достать веретено. И стало ей дурно, но когда она опять очнулась, то увидела, что находится на прекрасном лугу, и светит над ним солнце, и растут на нем тысячи разных цветов. Она пошла по лугу дальше и пришла к печи, и было в ней полным-полно хлеба, и хлеб кричал:

— Ах, вытащи меня, вытащи, а не то я сгорю, — я давно уж испекся!

Тогда она подошла и вытащила лопатой все хлебы один за другим.

Пошла она дальше и пришла к дереву, и было на нем полным-полно яблок, и сказала ей дерево:

— Ах, отряхни меня, отряхни, мои яблоки давно уж спели!

Она начала трясти дерево, и посыпались, словно дождь, яблоки наземь, и она трясла яблоню до тех пор, пока не осталось на ней ни одного яблока. Сложила она яблоки в кучу и пошла дальше.

Пришла она к избушке и увидела в окошке старуху, и были у той такие большие зубы, что стало ей страшно, и она хотела было убежать. Но старуха крикнула ей вслед:

— Милое дитячко, ты чего боишься! Оставайся у меня. Если ты будешь хорошо исполнять у меня в доме всякую работу, тебе будет хорошо. Только смо-

три, стели как следует мне постель и старательно взбивай перину, чтобы перья взлетали, и будет тогда во всем свете идти снег¹; я — госпожа Метелица.

Так как старуха обошлась с ней ласково, то на сердце у девушки стало легче, и она согласилась остаться и поступить к госпоже Метелице в работницы. Она старалась во всем угождать старухе и всякий раз так сильно взбивала ей перину, что перья взлетали кругом, словно снежинки; и потому девушке жилось у нее хорошо, и она никогда не слыхала от нее дурного слова, а вареного и жареного каждый день было у ней вдоволь.

Так прожила она некоторое время у госпожи Метелицы, да вдруг запечалилась и поначалу сама не знала, чего ей не хватает; но, наконец, она поняла, что тоскует по родному дому, и хотя ей было здесь в тысячу раз лучше, чем там, все же она стремилась домой. Наконец она сказала старухе:

— Я истосковалась по родимому дому, и хотя мне так хорошо здесь под землей, но дольше оставаться я не могу, мне хочется вернуться наверх — к своим.

Госпожа Метелица сказала:

— Мне нравится, что тебя тянет домой, и так как ты мне хорошо и прилежно служила, то я сама провожу тебя туда. — Она взяла ее за руку и привела к большим воротам.

Открылись ворота, и когда девушка оказалась под ними, вдруг пошел сильный золотой дождь, и все золото осталось на ней, так что вся она была сплошь покрыта золотом.

¹ Вот потому, когда идет в Гессене снег, и говорят, что это госпожа Метелица (фрау Холле) взбивает свою перину. (Прим. братьев Я. и В. Гримм.)

— Это тебе за то, что ты так прилежно работала, — сказала госпожа Метелица и вернула ей также и веретено, упавшее в колодец. Вот закрылись за ней ворота, и очутилась девушка опять наверху, на земле, и совсем недалеко от дома своей мачехи. И только она вошла во двор, запел петух, он как раз сидел на колодце:

Ку-ка-ре-ку!

Наша девица золотая тут как тут.

И вошла она прямо в дом к мачехе; и оттого что была она вся золотом покрыта, ее приняли и мачеха и сводная сестра ласково.

Рассказала девушка все, что с ней приключилось. Как услышала мачеха о том, как достигла она такого большого богатства, захотелось ей добыть такого же счастья и для своей уродливой, ленивой дочери.

И она посадила ее у колодца прясть пряжу; а чтоб веретено было у нее тоже в крови, девушка уколола себе палец, сунув руку в густой терновник, а потом кинула веретено в колодец, а сама прыгнула вслед за ним.

Попала она, как и ее сестра, на прекрасный луг и пошла той же тропинкой дальше. Подошла она к печи, а хлеб опять как закричит:

— Ах, вытащи меня, вытащи, а не то я сгорю, — я давно уж испекся!

Но ленивица на это ответила:

— Да что мне за охота пачкаться! — и пошла дальше.

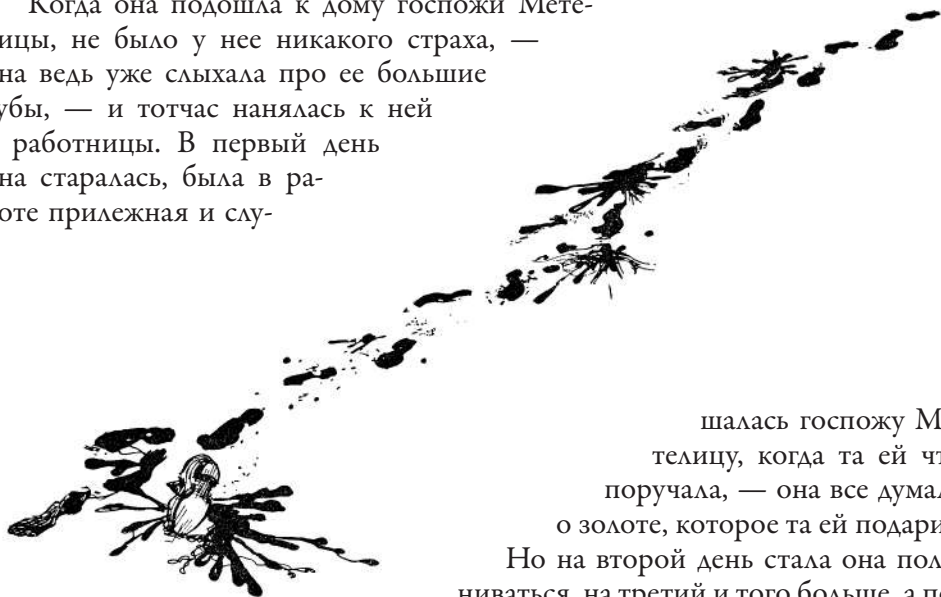
Подошла она вскоре к яблоне; и заговорила яблоня:

— Ах, отряхни меня, отряхни, мои яблоки давно уж спели!

Но ответила она яблоне:

— Еще чего захотела, ведь яблоко может упасть мне на голову! — и двинулась дальше.

Когда она подошла к дому госпожи Метелицы, не было у нее никакого страха, — она ведь уже слыхала про ее большие зубы, — и тотчас нанялась к ней в работницы. В первый день она старалась, была в работе прилежная и слу-

шалась госпожу Метелицу, когда та ей что поручала, — она все думала о золоте, которое та ей подарит.

Но на второй день стала она полениться, на третий и того больше, а потом и вовсе не захотела вставать рано утром.

Она не стала госпоже Метелице постель как следует и не взбивала ей перины так, чтобы перья взлетали вверх. Это, наконец, госпоже Метелице надоело, и она отказала ей в работе. Ленивица очень этому обрадовалась, думая, что теперь-то и посыплется на нее золотой дождь.

Госпожа Метелица повела ее тоже к воротам, но когда она стояла под ними, то вместо золота опрокинулся на нее полный котел смолы.

— Это тебе в награду за твою работу, — сказала госпожа Метелица и закрыла за ней ворота.

Вернулась ленивица домой вся в смоле; и как увидел ее петух, сидевший на колодце, так и запел:

Ку-ка-ре-ку!

Наша девушка грязнуха тут как тут.

А смола на ней так на всю жизнь и осталась, и не смыть ее было до самой смерти.

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Жила-была маленькая, милая девочка. И кто, бывало, ни взглянет на нее, всем она нравилась, но больше всех ее любила бабушка и готова была все ей отдать. Вот подарила она ей однажды из красного бархата шапочку, и оттого, что шапочка эта была ей очень к лицу и никакой другой она носить не хотела, то прозвали ее Красной Шапочкой.

Вот однажды мать ей говорит:

— Красная Шапочка, вот кусок пирога да бутылка вина, ступай отнеси это бабушке; она больная и слабая, пускай поправляется. Выходи из дому пораньше, пока не жарко, да смотри, иди скромно, как полагается; в сторону с дороги не сворачивай, а то, чего доброго, упадешь и бутылку разобьешь, тогда бабушке ничего не достанется. А как войдешь к ней в комнату, не забудь с ней поздороваться, а не то, чтоб сперва по всем углам туда да сюда заглядывать.

— Я уж справлюсь как следует, — ответила матери Красная Шапочка и с ней попрощалась.

А жила бабушка в самом лесу, полчаса ходьбы от деревни будет. Только вошла Красная Шапочка в лес, а навстречу ей волк. А Красная Шапочка и не знала, какой это злющий зверь, и вовсе его не испугалась.

— Здравствуй, Красная Шапочка! — сказал волк.

— Спасибо тебе, волк, на добром слове.

— Куда это ты, Красная Шапочка, собралась так рано?

— К бабушке.

— А что это у тебя в переднике?

— Вино и пирог, мы его вчера испекли, хотим чем-нибудь порадовать бабушку, она больная да слабая, пускай поправляется.

— Красная Шапочка, а где живет твоя бабушка?

— Да вон там, чуть подальше в лесу, надо еще с четверть часа пройти; под тремя большими дубами стоит ее домик, а пониже густой орешник, — ты-то, пожалуй, знаешь, — сказала Красная Шапочка.

«Славная девочка, — подумал про себя волк, — лакомый был бы для меня кусочек; повкусней, пожалуй, чем старуха; но чтоб схватить обеих, надо дело повести похитрей».

Только вошла Красная Шапочка в лес, а навстречу ей волк.

И он пошел рядом с Красной Шапочкой и говорит:

— Красная Шапочка, погляди, какие кругом красивые цветы, почему ты не помотришь вокруг? Ты разве не слышишь, как прекрасно распевают птички? Ты идешь, будто в школу торопишься, — а в лесу-то как весело время провести!

Глянула Красная Шапочка и увидела, как пляшут повсюду, пробиваясь сквозь деревья, солнечные лучи и все кругом в прекрасных цветах, и подумала: «Хорошо бы принести бабушке свежий букет цветов, — это будет ей, наверно, тоже приятно; еще ведь рано, прийти вовремя я успею».

И она свернула с дороги прямо в лесную чащу и стала собирать цветы. Сорвет цветок и подумает: «А дальше вон растет еще покрасивей», — и к тому побежит; и так уходила она все глубже и глубже в лес. А волк тем временем кинулся прямехонько к бабушкиному дому и в дверь постучался.

— Кто там?

— Это я, Красная Шапочка, принесла тебе вино и пирог, открой мне.

— А ты нажми на щеколду, — крикнула бабушка, — я очень слаба, подняться не в силах.

Нажал волк на щеколду, дверь быстро отворилась, и, ни слова не говоря, он подошел прямо к бабушкиной постели и проглотил старуху. Затем он надел ее платье, на голову — чепец, улегся в постель и задернул полог.

А Красная Шапочка все цветы собирала, и когда она уже их набрала так много, что больше нести не могла, вспомнила она о бабушке и отправилась к ней. Она удивилась, что дверь настежь открыта, а когда вошла в комнату, все показалось ей таким странным, и она подумала: «Ах, Боже мой, как мне нынче тут страшно, а ведь я всегда бывала у бабушки с такой охотой!» И она кликнула:

— Доброе утро! — но ответа не было.

Тогда она подошла к постели, раздвинула полог, видит — лежит бабушка, надвинут чепец у нее на самое лицо, и выглядит она так странно-странно.

— Ой, бабушка, отчего у тебя такие большие уши?

— Чтоб лучше тебя слышать!

— Ой, бабушка, а какие у тебя большие глаза!

— Это чтоб лучше тебя видеть!

— Ой, бабушка, а что это у тебя такие большие руки?

— Чтоб легче тебя схватить!

— Ох, бабушка, какой у тебя, однако, страшно большой рот!

— Это чтоб легче было тебя проглотить!

Только сказал это волк, и как вскочит с постели — и проглотил бедную Красную Шапочку.

Наелся волк и улегся опять в постель, заснул и стал громко-прегромко храпеть. А проходил в ту пору мимо дома охотник и подумал: «Как, однако, старуха сильно храпит, надо будет посмотреть, может, ей надо чем помочь». И он вошел к ней в комнату, подходит к постели, глядь — а там волк лежит.

*Тогда Красная Шапочка подошла к постели, раздвинула полог, видит —
лежит бабушка, надвинут чепец у нее на самое лицо, и выглядит она
так странно-странно.*

— А-а! Вот ты где, старый греховодник! — сказал он. — Я уж давненько тебя разыскиваю.

И он хотел было уже нацелиться в него из ружья, да подумал, что волк, может быть, съел бабушку, а ее можно еще спасти; он не стал стрелять, а взял ножницы и начал вспарывать брюхо спящему волку. Сделал он несколько надрезов, видит — просвечивает красная шапочка, надрезал еще, и выскочила оттуда девочка и закричала:

— Ах, как я испугалась, как было у волка в брюхе темно-темно!

Выбралась потом оттуда и старая бабушка, жива-живехонька, — еле могла отдышаться. А Красная Шапочка притащила поскорее больших камней, и набили они ими брюхо волку. Тут проснулся он, хотел было убежать, но камни были такие тяжелые, что он тотчас упал, — тут ему и конец настал.

И были все трое очень и очень довольны. Охотник снял с волка шкуру и отнес ее домой. Бабушка скушала пирог, выпила вина, что принесла ей Красная Шапочка, и начала поправляться да сил набираться, а Красная Шапочка подумала: «Уж с этих пор я никогда в жизни не буду сворачивать одна с большой дороги в лесу без материнского позволения».

Рассказывают еще, что однажды, когда Красная Шапочка опять несла бабушке пирог, заговорил с ней другой волк и хотел было увести ее с большой дороги. Но Красная Шапочка была теперь поосторожней и пошла своим путем прямо, и рассказала бабушке, что встретился ей по дороге волк и сказал «здравствуй» и так злобно посмотрел на нее своими глазами, что, случись это не на проезжей дороге, он съел бы ее.

— Так вот что, — сказала бабушка Красной Шапочке, — давай-ка запрем двери, чтоб не мог он сюда войти.

А тут вскоре и волк постучался и говорит:

— Бабушка, отопри мне, я — Красная Шапочка, пирог тебе принесла.

А они молчат, дверь не открывают. Тогда обошел серый, крадучись, вокруг дома несколько раз, прыгнул потом на крышу и стал дожидаться, пока Красная Шапочка станет вечером возвращаться домой: он хотел пробраться за ней следом и съесть ее в темноте. Но бабушка догадалась, что задумал волк. А стояло у них перед домом большое каменное корыто; вот бабушка и говорит внучке:

— Красная Шапочка, возьми ведро — я вчера варила в нем колбасу — и вылей воду в корыто.

Красная Шапочка стала носить воду, пока большое-пребольшое корыто наполнилось все доверху. И почуял волк запах колбасы, повел носом, глянул вниз и, наконец, так вытянул шею, что не мог удержаться и покатился с крыши и свалился вниз, да прямо в большое корыто, в нем и утонул он.

А Красная Шапочка счастливо домой воротилась, и никто уже с той поры ее больше не обижал.

РАЗБОЙНИК-ЖЕНИХ

Жил-был когда-то мельник, и была у него красавица-дочь. Вот выросла она, и захотелось отцу пристроить ее и выдать поудачнее замуж, и он подумал: «Если явится порядочный жених и станет к ней свататься, я выдам ее за него замуж».

Вскоре явился жених; казалось, был он очень богат, и так как мельнику придаться было тут не к чему, то и пообещал он ему свою дочь. А девушка любила его не так, как должна любить невеста своего жениха, и не было у нее к нему никакой приязни: поглядит она на него или о нем подумает, и почувствует какой-то страх в своем сердце.

Вот раз он ей и говорит:

— Ты вот — моя невеста, а ни разу даже ко мне в гости не пришла.

А девушка отвечает:

— Да я не знаю, где находится ваш дом.

Говорит ей тогда жених:

— Дом мой вон там, в темном лесу.

Стала она отговариваться, что дороги, мол, ей туда не найти. А жених говорит:

— В следующее воскресенье ты должна ко мне прийти, я уже и гостей пригласил; а чтоб тебе найти дорогу в лесу, я золы тебе по пути насыплю.

Вот наступило воскресенье, надо было девушке собираться в путь-дорогу, и сделалось ей так страшно, она не могла понять почему, и чтоб отметить дорогу, она насыпала полные карманы гороха и чечевицы. Шла она почти весь день напролет, пока не зашла в самую гущину, где было темным-темно, и стоял там единственный дом. Он ей не понравился, так выглядел он сумрачно и неуютно. Она вошла в дом, но там никого не оказалось, и было там тихо-тихо.

Вдруг послышался голос:

Осмотришь-ка ты, невеста,
Не в разбойном ли ты месте?

Огляделась девушка и увидела, что это голос птицы, сидевшей в клетке на стене. И еще раз повторила птица:

Осмотришь-ка ты, невеста,
Не в разбойном ли ты месте?

Прошла тогда красавица-невеста дальше из одной комнаты в другую, и так обошла весь дом, но всюду было пусто, ни единой человеческой души. Наконец спустилась она в погреб, видит — сидит там такая старая старуха да головой качает.

— Не можете ли вы мне сказать, — молвила девушка, — не здесь ли живет мой жених?

— Ах, бедняжка, — ответила старуха, — куда ты попала! Ведь ты в разбойничьем притоне. Ты думаешь, что ты невеста и скоро свадьбу справлять будешь, но придется тебе праздновать свадьбу со смертью. Вон, видишь, большой котел с водой, мне придется поставить его на огонь, когда они тебя схватят и порубят безжалостно на куски, а потом тебя сварят и съедят; ведь они людоеды. Если я тебя не пожалею и не спасу, то придется тебе пропадать.

Отвела ее затем старуха и спрятала за большую бочку, где ее никто не мог заметить.

— Сиди смирно, как мышка в норе, — сказала старуха, — не двигайся, не шелохнись, а не то пропадешь. А ночью, когда разбойники уснут, мы с тобой убежим; я давно уже жду удобного случая.

Только они обо всем условились, как вернулась домой разбойничья злая шайка. Притащили разбойники с собой какую-то девушку; они были пьяные и не обратили внимания на ее вопли и крики. Дали они ей выпить три полных стакана вина: один стакан белого, другой красного, а третий стакан янтарного, и у нее от этого напитка разорвалось сердце. Потом сорвали они с нее красивое платье, положили ее на стол, порубили на куски ее красивое тело и посыпали его солью.

Бедная невеста, сидя за бочкой, вся так и дрожала, она поняла, какую судьбу ей готовят разбойники. Заметил один из разбойников на мизинце убитой девушки золотое кольцо, но снять его сразу не смог, тогда он схватил топор и отрубил ей палец; но подскочил палец вверх как раз над самой бочкой и — упал невесте на колени.

Взяли разбойники свечу, начали искать палец, но найти его не могли. Вот и говорит один из разбойников:

— А ты за бочкой искал?

Тут старуха как крикнет:

— Ступайте скорей кушать, поищите завтра утром; палец от вас не убежит.

*«Ах, бедняжка, куда ты попала! Ведь ты в разбойничьем притоне...
Вон, видишь, большой котел с водой, мне придется поставить его
на огонь, когда они тебя схватят и порубят безжалостно на куски,
а потом тебя сварят и съедят; ведь они людоеды».*

— Верно говорит старуха, — сказали разбойники, бросили поиски и усе-
лись за еду; а старуха подсыпала им в вино сонного зелья, и они улеглись все
спать в погребѣ, уснули и захрапели.

Услыхала это невеста и выбралась из-за бочки; но пришлось ей шагать че-
рез спящих, — они лежали все на земле вповалку, и страшно ей было, чтоб ко-
го-нибудь из них не разбудить. Но Господь Бог помог ей счастливо пробрать-
ся; вышла с ней вместе и старуха, отворила двери, и бросились они бежать
во весь дух из разбойничьего притона. Но ветер развеял рассыпанную по до-
роге золу, а горох и чечевица пустили ростки и взошли и указывали при лун-
ном сияньѣ им дорогу. Шли они целую ночь и пришли под утро к мельнице.
И рассказала девушка своему отцу все, что случилось.

Вот наступил день, когда надо было праздновать свадьбу, и явился же-
них, а мельник созвал в гости всех своих родичей и знакомых. Уселись гости
за стол, и было предложено каждому что-нибудь рассказать. Невеста сидела
тихая и молчаливая. Вот жених и говорит невесте:

— Ну, моя душенька, разве ты ничего не знаешь? Рассказала бы и ты нам
что-нибудь.

Она ответила:

— Ну, так вот расскажу я вам сон. Иду я будто одна через лес, иду, подхожу,
наконец, к дому, а в нем ни единой живой души, висит на стене клетка с пти-
цей, и говорит птица:

Осмотришься-ка ты, невеста,
Не в разбойном ли ты месте?

И повторила птица это еще раз. Да это, мой милый, мне только снилось. Пошла я тогда по всем комнатам, все они были пустые, и уж так там было беспринутно!.. Вот спустилась я, наконец, в погреб, и сидела там старая-престарая женщина и головой качала. Спрашиваю я: «Не в этом ли доме живет мой жених?» А она отвечает: «Ах, бедняжка, да ведь ты в разбойный притон попала! Жених твой живет здесь, но он собирается тебя на куски порубить, а потом сварить да съесть». Милый мой, да это мне только приснилось. И спрятала меня старуха за большой бочкой, и только я там притаилась, как явились домой разбойники, приташили с собой какую-то девушку, дали ей выпить тройного вина — белого, красного и янтарного, и разорвалось у ней сердце. Милый мой, ведь это мне только снилось. Потом сорвали они с нее красивое платье, положили на стол, порубили на куски ее красивое тело и посыпали его солью. Милый мой, это мне только приснилось. И увидел один из разбойников, что на мизинце у ней золотое кольцо, а трудно было его с пальца стащить, взял он тогда топор и отрубил палец; но подскочил палец вверх, упал за большую бочку и попал как раз мне на колени. Вот он, этот палец с кольцом.

Сказала она это, вытащила его и показала гостям.

Как полотно побледнел при этом рассказе разбойник, вскочил из-за стола и собрался было бежать, но гости его схватили и привели на суд. И присудили его казнить, а с ним и его шайку за их разбойные дела.

МАЛЬЧИК-С-ПАЛЬЧИК

Жил когда-то на свете крестьянин-бедняк. Сидел он раз вечером у печки и разгребал жар, а жена сидела и пряла. Вот и говорит он жене:

— Как жаль, что нет у нас детей. Уж так у нас тихо, а вон в других домах, погляди, как шумно да весело.

— Да, — ответила жена и вздохнула, — если бы был у нас хоть один, даже такой маленький, как мизинец, и то я была бы довольна. И как бы мы его любили!

И вот случилось, что жена забеременела и спустя семь месяцев родила ребенка, и был он здоровый и сложен хорошо, но ростом был всего с палец. И они сказали:

— Вот так оно и случилось, как мы хотели: дитяtko наше мы будем любить, — и назвали его за его рост Мальчик-с-пальчик.

Они хорошо его кормили, но ребенок все не рос и не рос и оставался таким же, как и родился; но глаза были у него умные, и вскоре он показал себя понятливым и прилежным, и все, что он ни делал, ему удавалось.

Собрался раз крестьянин в лес дрова рубить и сказал про себя: «Хорошо, если б кто приехал за дровами с повозкой».

— Батюшка, — говорит Мальчик-с-пальчик, — повозку я привезу, уж ты на меня положишься, и доставлю ее в лес как раз вовремя.

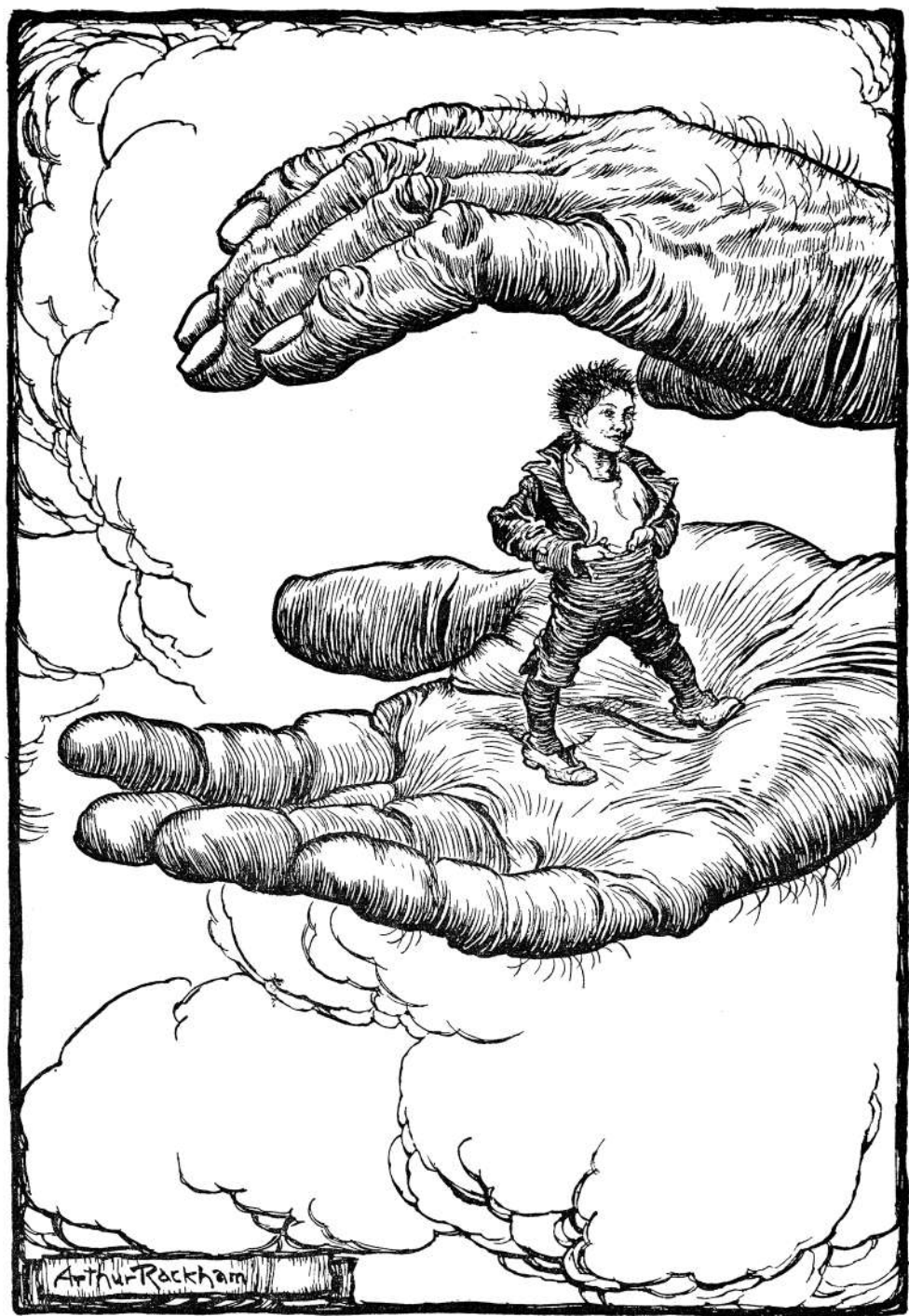
— Да как же ты с этим делом справишься, ведь ты слишком мал, чтоб лошаdью править?

— Это, батюшка, ничего! Если мать запряжет, то я заберусь лошади в ухо и буду кричать ей, куда ей следует ехать.

— Ладно, — ответил отец, — один раз, пожалуй, попробуем.

Пришло время, запрягла мать лошаdь и посадила Мальчика-с-пальчик лошади в ухо, и стал мальчонка покрикивать, куда ей ехать: «Но! но! Левей, правей!»

Все шло как следует, словно у опытного кучера, и повозка ехала верной дорогой прямо в лес. И случилось, что на повороте, когда Мальчик-с-пальчик крикнул: «Левей, левей!», показалось навстречу двое незнакомцев.

...и назвали его за его рост Мальчик-с-пальчик.

— Глянь, — сказал один из них, — что это такое? Едет повозка, возница на лошадь покрикивает, а самого его не видать.

— Тут что-то неспроста, — заметил другой, — давай-ка пойдем вслед за повозкой и посмотрим, где она остановится.

Но повозка все ехала дальше в глубь леса и прямехонько туда, где рубили деревья. Увидал Мальчик-с-пальчик отца и говорит ему:

— Вот, батюшка, я и приехал с повозкой. А теперь ты меня сними и спусти на землю.

Взял отец левой рукой лошадь под уздцы, а правой достал из лошадиного уха своего сыночка, который и уселся весело на былинку.

Увидели двое незнакомцев Мальчика-с-пальчик и не знали, что и сказать им от удивленья. Отвел один другого в сторону и говорит:

— Послушай, этот малыш мог бы нам принести счастье, мы бы показывали его в большом городе за деньги, — давай-ка купим его.

Они подошли к крестьянину и говорят:

— Продай нам своего маленького человечка, ему у нас будет неплохо.

— Нет, — говорит крестьянин, — это мой любимец, и я ни за какое золото на свете его не продам.

Но Мальчик-с-пальчик услышал, что его покупают, взобрался по складкам платья к отцу на плечи и стал нашептывать ему на ухо:

— Батюшка, ты меня продай, а назад я уж к тебе вернусь.

И вот продал его отец за большие деньги двум незнакомцам.

— А куда тебя посадить? — спросили они малютку.

— Да уж посадите меня на поля вашей шляпы, там мне можно будет прогуливаться и рассматривать окрестности, я оттуда не упаду.

Они исполнили его желание. Мальчик-с-пальчик попрощался с отцом, и они двинулись в путь-дорогу.

Так шли они некоторое время, а тут стало уже смеркаться, вот и говорит малютка:

— Спустите меня вниз по надобности.

— Да оставайся там наверху, — сказал человек, на голове у которого он сидел, — это ничего, от птиц тоже иной раз попадает.

— Нет, — ответил Мальчик-с-пальчик, — я уж знаю, как надо себя вести, скорей спустите меня вниз.

Снял человек шляпу и посадил малютку на придорожное поле. Тут он прыгнул и стал пробираться между комьями земли, заметил мышиную норку и вдруг скользнул в нее.

— До свиданья, господа, до свиданья, ступайте себе домой без меня, — крикнул он им из норки и стал над ними смеяться.

Подбежали те к мышинной норе, стали тыкать в нее палками, но напрасно, — Мальчик-с-пальчик заползал все глубже и глубже, а становилось уже темно, и пришлось им воротиться домой с досадой да с пустой сумой.

*Мальчик-с-пальчик попрощался с отцом,
и они двинулись в путь-дорогу.*

Когда Мальчик-с-пальчик заметил, что они ушли, он выбрался из подземного хода наружу. «В потемках идти по полю, пожалуй, будет опасно, — сказал он, — чего доброго, шею или ногу себе сломаешь!» К счастью, попалась ему по дороге пустая раковина улитки. «Слава Богу, — сказал он, — теперь я смогу провести ночь спокойно», — и забрался в раковину.

Только хотел он было уже уснуть, вдруг слышит — идут мимо два человека, и один из них говорит:

— Как бы это нам выкрасть у богатого пастора деньги и серебро?

— Я бы тебе сказал, как это сделать! — крикнул Мальчик-с-пальчик.

— Что это? — спросил испуганный вор. — Я слышу, кто-то говорит. — Они остановились и стали прислушиваться. Тогда Мальчик-с-пальчик снова сказал:

— Возьмите меня с собой, я вам помогу.

— А где же ты?

— А вы поищите меня на земле и слушайте, откуда голос идет, — ответил он.

Наконец воры отыскали его и подняли наверх.

— Ах ты, малышка, чем же ты нам можешь помочь? — сказали они.

— А вот чем, — ответил он: — я пролезу через решетку в кладовую пастора и достану вам то, что нужно.

— И то дело, — сказали они, — посмотрим, как ты с этим справишься.

Пришли они к дому пастора, и забрался Мальчик-с-пальчик в кладовую да как закричит оттуда во все горло:

— Вы все хотите забрать, что тут есть?

Испугались воры и сказали:

— Да ты говори потише, а то еще кто-нибудь проснется.

Но Мальчик-с-пальчик будто их не понял и как закричит опять во всю глотку:

— Вы что хотите: все забрать, что тут есть?

Услыхала это кухарка, — она спала в соседней комнате, — приподнялась на постели и стала прислушиваться. Но воры перепугались и со страху отбежали от дома, но потом приободрились и подумали: «Наш парнишка хочет нас, видно, подразнить». Они вернулись и шепнули ему:

— Ну, довольно баловаться, достань-ка нам что-нибудь из кладовой.

Но Мальчик-с-пальчик опять закричал, да так громко, как только мог:

— Да я вам все подам, вы только руки протяните!

А служанка прислушивалась и услышала все, что они говорили; тут соскочила она с постели и, спотыкаясь, подбежала к двери кладовой. Воры пустились наутек, точно за ними гнался волшебный стрелок, а служанка, никого не найдя, пошла зажечь свечу. Вошла она в кладовую, а Мальчик-с-пальчик тем временем незаметно пробрался в амбар.

Служанка, обшарив все углы, улеглась опять в постель, думая, что все это ей почудилось во сне. А Мальчик-с-пальчик забрался в сено и, найдя там укромное местечко для сна, решил отдохнуть до утра, а потом уж вернуться домой к отцу-матери.

Но суждено ему было испытать иное! Да, много случается на свете горя и несчастья...

Когда стало светать, служанка встала с постели, чтобы задать немного корму скотине. Пошла она на сеновал, взяла охапку сена, и случилось, что захватила она как раз клочок сена, в котором лежал и спал бедный Мальчик-с-пальчик. Но он спал так крепко, что ничего не заметил, и проснулся уже во рту у коровы, которая схватила его заодно с сеном.

«Ах, Господи, — воскликнул он, — я точно на сукновальню попал!», но вскоре сообразил, где очутился. И он старался как-нибудь проскользнуть между зубами коровы, чтоб не оказаться раздавленным, и ему пришлось, наконец, сползти вниз, в желудок. «А в каморке-то окна прорубить, должно быть, позабыли, — сказал он, — вишь, и солнце в нее не светит, да и огня здесь не зажигают». Правду сказать, квартирка эта ему мало понравилась, и что было хуже всего — в дверь вползало все новое и новое сено, а места становилось меньше и меньше. И он вскрикнул от страха так громко, как только мог:

— Не надо мне больше свежего корму, не давайте мне больше свежего корму!

А служанка в это время как раз доила корову; она услышала что кто-то кричит, а никого не видать, и показался ей голос похожим на тот, что слышала она ночью, и она так испугалась, что упала со скамейки и разлила все молоко. Побежала она, запыхавшись, к своему хозяину и говорит:

— Ах, Боже мой, господин пастор, а корова-то наша заговорила!

— Ты что это, с ума спятила? — сказал пастор, однако же отправился в коровник — поглядеть, что там случилось. Но только вошел он туда, а Мальчик-с-пальчик как закричит снова:

— Не давайте мне больше свежего корму, не давайте мне больше свежего корму.

Тут и сам пастор испугался и подумал, что в корову вселился злой дух, и он велел ее зарезать. Зарезали корову, а желудок, где спрятался Мальчик-с-пальчик, бросили в навозную кучу.

Мальчику-с-пальчик пришлось с большим трудом выбираться из коровьего желудка, и немало ему пришлось повозиться; и вот он почти уже было выбрался и даже голову высунул, как приключилась новая беда: бежал мимо голодный волк, увидел требуху, схватил ее и проглотил. Но Мальчик-с-пальчик не растерялся. «Пожалуй, — подумал он, — с волком можно будет сговориться», — и он закричал ему из волчьего брюха:

— Милый волк, а я знаю для тебя лакомый кусок.

— А где ж он? — спросил волк.

— Да в том вон доме, но пробраться в него можно через сточную канаву; там найдется для тебя и пирогов, и сала, и колбасы, всего, всего вдоволь. — И он подробно описал волку дом своего отца.

Волк, не долго раздумывая, забрался в дом через водосточную канаву и нажрался там в кладовой всего, чего только ни нашлось, вдоволь. Наевшись до отвала, он хотел было назад возвращаться, но брюхо у него так раздулось, что прежней дорогой он выбраться уже не мог! На это и рассчитывал Мальчик-с-пальчик и, подняв в волчьем брюхе страшный шум, стал кричать и барахтаться изо всех сил.

— Да замолчи ты там, — сказал волк, — а то, чего доброго, людей разбудишь!

— Да чего там, — ответил малютка, — ведь ты же наелся, дай и мне теперь повеселиться, — и стал снова кричать во все горло.

Тут от шума проснулись, наконец, отец с матерью, подбежали к кладовой и заглянули в щелку. Как увидели они, что забрался туда волк, кинулись прочь; схватил отец топор, а мать косу.

— Ты иди следом за мной, — сказал муж, когда они входили в кладовую, — когда я его ударю, а он будет еще живой, ты его добивай и брюхо косой вспарывай.

Услыхал Мальчик-с-пальчик голос своего отца и как закричит:

— Милый батюшка, я здесь, здесь, я спрятался в волчьем брюхе!

И воскликнул отец на радостях:

— Слава тебе, Господи, дитяtko наше нашлось! — и велел жене убрatь косу, чтоб Мальчика-с-пальчик не поранить. Потом он размахнулся да как ударит волка топором по голове, тот и упал замертво. Нашли они нож и ножницы и вспороли волку брюхо и вытащили оттуда малышку.

— А мы-то, — говорит отец, — сколько горя натерпелись из-за тебя.

— Да, батюшка, немало я пострaнствовал, но, слава Богу, снова выбрался на божий свет!

— Где же ты пропадал?

— Ах, батюшка, был я и в мышиной норке, и в коровьем желудке, и в волчьем брюхе, а теперь уж останусь у вас, никуда не уйду.

— А мы не продадим тебя ни за какие сокровища на свете, — сказали отец и мать и ласкали и миловали своего милого Мальчика-с-пальчик. Накормили его, напоили, пошили ему новое платье, — прежнее-то все в странствиях у него поистрепалось.

РУМПЕЛЬШТИЛЬЦХЕН

Жил когда-то на свете мельник. Был он беден, но была у него красавица-дочь. Случилось ему однажды вести с королем беседу; и вот, чтоб вызвать к себе уважение, говорит он королю:

— Есть у меня дочка, такая, что умеет прясть из соломы золотую пряжу.

Говорит король мельнику:

— Это дело мне очень нравится. Если дочь у тебя такая искусница, как ты говоришь, то приведи ее завтра ко мне в замок, я посмотрю, как она это умеет делать.

Привел мельник девушку к королю, отвел ее король в комнату, полную соломой, дал ей прялку, веретено и сказал:

— А теперь принимайся за работу; но если ты за ночь к раннему утру не перепрядешь эту солому в золотую пряжу, то не миновать тебе смерти. — Затем он сам запер ее на ключ, и осталась она там одна.

Вот сидит бедная мельникова дочка, не знает, что ей придумать, как свою жизнь спасти, — не умела она из соломы прясть золотой пряжи; и стало ей так страшно, что она, наконец, заплакала. Вдруг открывается дверь, и входит к ней в комнату маленький человечек и говорит:

— Здравствуй, молодая мельничиха! Чего ты так горько плачешь?

— Ах, — ответила девушка, — я должна перепрядь солому в золотую пряжу, а я не знаю, как это сделать.

А человечек и говорит:

— Что ты мне дашь за то, если я тебе ее перепряду?

— Свое ожерелье, — ответила девушка.

Взял человек у нее ожерелье, подсел к прялке, и — турр-турр-турр — три раза обернется веретено — вот и намотано полное мотовило золотой пряжи. Вставил он другое, и — турр-турр-турр — три раза обернется веретено — вот и второе мотовило полно золотой пряжи; и так работал он до самого утра и перепрял всю солому, и все мотовила были полны золотой пряжи.

Только начало солнце всходить, а король уже явился; как увидел он золотую пряжу, так диву и дался, обрадовался, но стало его сердце еще более жадным к золоту. И он велел отвести мельникову дочку во вторую комнату, а была она побольше первой и тоже полна соломы, и приказал ей, если жизнь ей дорога, перепрясть всю солому за ночь.

Не знала девушка, как ей быть, как тут горю помочь; но снова открылась дверь, явился маленький человек и спросил:

— Что ты дашь мне за то, если я перепряду тебе солому в золото?

— Дам тебе с пальца колечко, — ответила девушка.

Взял человек кольцо, начал снова жужжать веретеном и к утру перепрял всю солому в блестящую золотую пряжу. Король, увидя целые вороха золотой пряжи, обрадовался, но ему и этого золота показалось мало, и он велел отвести мельникову дочку в комнату еще побольше, а было в ней полным-полно соломы, и сказал:

— Ты должна перепрясть все это за ночь. Если тебе это удастся, станешь моей женой. «Хоть она и дочь мельника, — подумал он, — но богаче жены, однако ж, не найти мне во всем свете».

Вот осталась девушка одна, и явился в третий раз маленький человек и спрашивает:

— Что ты дашь мне за то, если я и на этот раз перепряду за тебя солому?

— У меня больше нет ничего, что я могла бы дать тебе.

— Тогда пообещай мне своего первенца, когда станешь королевой.

«Кто знает, как оно там еще будет!» — подумала мельникова дочка. Да и как тут было горю помочь? Пришлось посулить человечку то, что он попросил; и за это человек перепрял ей еще раз солому в золотую пряжу.

Приходит утром король, видит — все сделано, как он хотел. Устроил он тогда свадьбу, и красавица, дочь мельника, стала королевой.

Родила она спустя год прекрасное дитя, а о том человечке и думать позабыла. Как вдруг входит он к ней в комнату и говорит:

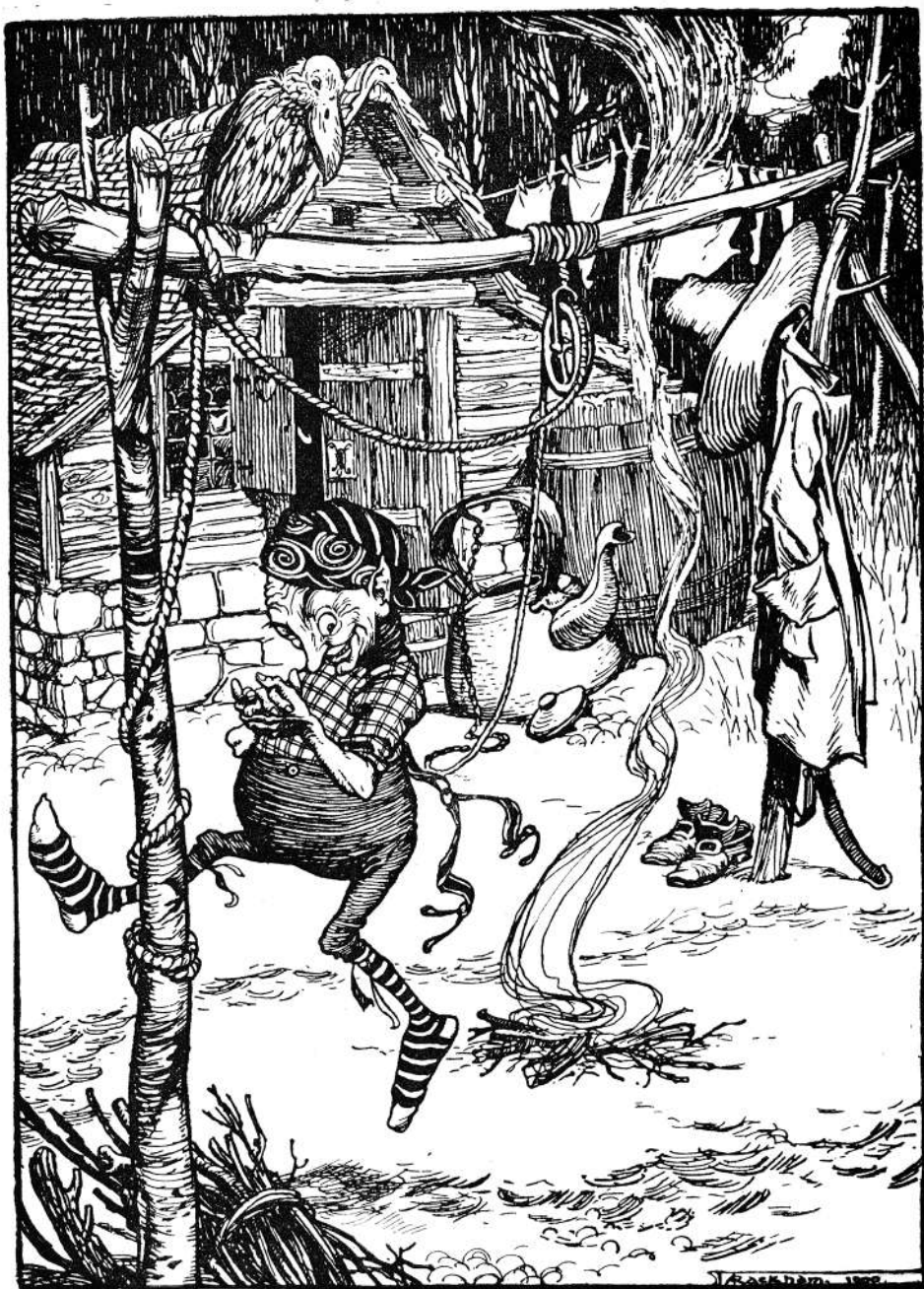
— А теперь отдай мне то, что пообещала.

Испугалась королева и стала ему предлагать богатства всего королевства, чтобы он только согласился оставить ей дитя. Но человек сказал:

— Нет, мне живое милей всех сокровищ на свете.

Запечалилась королева, заплакала, и сжалился над ней человек:

— Даю тебе три дня сроку, — сказал он, — если за это время ты узнаешь мое имя, то пускай дитя останется у тебя.

*«...когда подошел я к высокой горе, покрытой густым лесом, где живут
одни только лисы да зайцы, увидел я маленькую избушку, пылал перед ней
костер, и скакал через него очень смешной, забавный человек; он прыгал
на одной ножке и кричал...»*

Всю ночь королева вспоминала разные имена, которые когда-либо слышала, и отправила гонца по всей стране разведать, какие существуют еще имена. На другое утро явился маленький человечек, и она начала перечислять имена, начиная с Каспара, Мельхиора, Бальцера, и назвала все по порядку, какие только знала, но на каждое имя человечек отвечал:

— Нет, меня зовут не так.

На другой день королева велела разузнать по соседям, как их зовут, и стала называть человечку необычные и редкие имена:

— А может, тебя зовут Риппенбист, или Гаммельсваде, или Шнюрбейн?

Но он все отвечал:

— Нет, меня зовут не так.

На третий день вернулся гонец и сказал:

— Ни одного нового имени найти я не мог, а вот когда подошел я к высокой горе, покрытой густым лесом, где живут одни только лисы да зайцы, увидел я маленькую избушку, пылал перед ней костер, и скакал через него очень смешной, забавный человечек; он прыгал на одной ножке и кричал:

Нынче пеку, завтра пиво варю,
У королевы дитя отберу;
Ах, хорошо, что никто не знает,
Что Румпельштильцхен¹ меня называют!

Можете себе представить, как обрадовалась королева, услышав это имя! И вот, когда к ней в комнату вскоре явился человечек и спросил:

— Ну, госпожа королева, как же меня зовут? — она сначала спросила:

— Может быть, Кунц?

— Нет.

— А может быть, Гейнц?

— Нет.

— Так, пожалуй, ты Румпельштильцхен!

— Это тебе сам черт подсказал, сам черт подсказал! — завопил человечек и так сильно топнул в гнев правой ногой, что провалился в землю по самый пояс. А потом схватил в ярости обеими руками левую ногу и сам разорвал себя пополам.

¹ Румпельштильцхен — или Хламушка.

УМНАЯ ГРЕТЕЛЬ

Жила-была кухарка, звали ее Гретьель; носила она башмаки на красных каблуках, и как выйдет, бывало, в них из дому, повернется то в одну, то в другую сторону, обрадуется и подумает: «А я, однако, девушка красивая». Вернется домой, хлебнет на радостях глоток вина, а после того, конечно, и есть захочется, вот и начнет она пробовать самое вкусное, что готовит к обеду; все попробует, пока не наестся вдосталь, потом скажет:

— Ведь кухарка должна знать, вкусная ли пища.

Вот раз хозяин ей и говорит:

— Гретьель, нынче ко мне гость придет; зажарь мне две курицы, да смотри, чтоб повкусней вышло.

— Ладно, хозяин, я уж сготовлю, — ответила Гретьель.

Зарезала она кур, обварила их кипятком, ощипала, насадила на вертел и понесла их в печь жариться, а дело было уже под вечер. Начали куры поджариваться и были совсем готовы, а гость все не являлся. Вот и говорит Гретьель хозяину:

— Если гость не придет, то надо кур из печи вынуть, какая будет досада, если их тотчас не съесть, ведь они-то сейчас в самом соку!

Хозяин говорит:

— Ну, раз так, то я сам побегу за гостем.

Только хозяин ушел, отставила Гретьель вертел с курами в сторону, а сама подумала: «Если долго придется стоять у печки, то еще вспотеешь и пить захочется: почем знать, когда они там явятся, — сбегаю-ка я в погреб и перехвачу глоточек». Спустилась она в погреб, подставила кружку и говорит:

— Да поможет тебе Господь Бог, Гретьель, — и хлебнула порядочный глоток. — Вино к вину тянет, — молвила она, — не хорошо отрываться, — и выпила еще порядочный глоток. Пришла она и поставила кур снова на огонь, помазала их маслом и стала весело поворачивать вертел. А жаркое пахло так вкусно, что Гретьель подумала: «Мне будто чего-то недостает, надо бы кур отведать!» — потрогала она пальцем, лизнула и говорит:

— Ой, какие вкусные куры! Прямо-таки грешно не есть их теперь же!

Подбежала она к окошку поглядеть, не идет ли хозяин с гостем, видит — нет никого. Подошла она снова к курам и подумала: «Одно крылышко под-

горело, будет лучше, если я его съем». Отрезала она его, съела, и как же оно ей по вкусу пришлось! Съела она и подумала: «Надо будет и другое отрезать, а не то хозяин заметит, что чего-то недостает». Съела она оба крылышка, и пошла опять поглядеть, не идет ли хозяин, но видит, что его нету. «Кто знает, — пришло ей в голову, — может, они и вовсе не придут; пожалуй, куда-нибудь зашли». Вот она и говорит:

— Эй, Гретель, будь веселей, одна уже начата, выпей-ка еще добрый глоток вина и съешь всю ее целиком, а как съешь все, то и успокоишься: чего божьему дару пропадать!

Сбегала она еще раз в погреб, хлебнула порядочный глоток и на радостях съела курицу. Не стало одной курицы, а хозяин домой все не возвращается. Посмотрела Гретель на другую курицу и говорит:

— Где одно, там и другое, — одно к одному приходится. Что правильно для одного, то и для другого справедливо; я так полагаю: ежели выпить еще разок, то от этого никакого вреда не будет.

Хлебнула она еще порядочный глоток и вслед за первой покончила и со второй курицей.

Наслась она вволю, а тут приходит хозяин и говорит:

— Ну, Гретель, живей, сейчас гость придет.

— Ладно, хозяин, я уж все готовлю, — ответила Гретель.

Посмотрел хозяин, накрыт ли как следует стол, взял большой нож, чтобы кур разрезать, и начал его тут же точить. Приходит как раз в это время гость, стучится вежливо и тихонько в дверь. Гретель бежит посмотреть, кто там такой; увидела она гостя, приложила палец к губам и говорит ему:

— Тише! Тише! Скорей убирайтесь отсюда; если хозяин вас поймает, то плохо вам придется. Он хотел вас пригласить на ужин, но у него одно на уме: как бы вам уши отрезать. Слышите, вот он и нож для этого точит.

Услыхал гость, что нож натачивают, и давай бежать со всех ног с лестницы. А Гретель, не будь ленива, бросилась к хозяину с криком:

— Хорошего вы гостя пригласили, нечего сказать!

— Гретель, а что такое? Что ты говоришь?

— Да вот, — говорит, — выхватил он из миски обе курицы, которых я только что подавать собралась, и убежал с ними.

— Вот так-так! — сказал хозяин, и жаль ему стало хороших кур. — Хотя бы одну мне оставил на ужин.

И он крикнул вслед гостю, чтобы тот остановился, но гость сделал вид, будто ничего не слышит. Кинулся хозяин вслед за ним, как был, с ножом в руке, и закричал:

— Одну только! Одну только! — желая этим сказать, чтоб гость оставил ему хотя бы одну курицу и не брал бы обеих; а гостю показалось, что тот требует дать ему одно ухо, и как угорелый бросился домой, чтобы как-нибудь да спасти свои уши.

И он крикнул вслед гостю, чтобы тот остановился, но гость сделал вид, будто ничего не слышит. Кинулся хозяин вслед за ним, как был, с ножом в руке...

СТАРЫЙ ДЕД И ВНУЧЕК

Жил-был старый-престарый дед: глаза у него ослепли, уши оглохли, и дрожали у него колени. Когда сидел он за столом, то еле держал ложку в руках и проливал суп на скатерть, да еще изо рта суп капал на стол. Надокучило сыну и невестке на это глядеть, и вот посадили они старого деда в угол за печкой и стали подавать ему еду в глиняной мисочке, да и кормили его подчас впроголодь. И глядел дед с грустью на стол, и на глазах у него показывались слезы.

Вот раз не удержал он в дрожащих руках мисочку, упала она наземь и разбилась. Стала его бранить молодая невестка, но он ничего не сказал, только тяжело вздохнул. Купила ему невестка деревянную мисочку за два геллера, и пришлось ему теперь есть из нее. Вот сидят они раз, и приносит маленький внучек — было ему четыре года — небольшие дощечки и начинает их складывать.

— Что ты там делаешь? — спрашивает отец.

— Я делаю корытце, — отвечает ребенок, — буду кормить из него отца с матерью, когда я стану большим.

Посмотрели муж и жена друг на друга — и заплакали. Подвели тотчас старого деда к столу и позволили ему с той поры есть всегда вместе с ними и не попрекали его, если он немного проливал на стол.

...и вот посадили сын с невесткой старого деда в угол за печкой
и стали подавать ему еду в глиняной мисочке, да и кормили его
подчас впроголодь.

МУЖИЧОК

Была одна деревня, где жили все сплошь одни только крестьяне-богатеи; и был один только среди них бедняк, звали они его Мужичком. Не было у него никогда коровы, да и денег на ее покупку тоже не было; а ему и жене его вот как хотелось бы ее иметь! Вот и говорит он ей однажды:

— Послушай, жена, мне пришла в голову добрая мысль: кум-то ведь наш столяр, пусть сделает он нам из дерева телочку да покрасит ее бурой краской, чтоб была она похожа на телят; со временем она подрастет, вот и будет у нас корова.

Жене это тоже понравилось. И смастерил им кум-столяр и выстругал телочку как следует; краской ее покрасил, как полагается, да устроил еще так, что и голову она наклоняла, будто пасется.

Вот на другое утро погнали коров пастись в поле, а Мужичок зазвал к себе пастуха и говорит:

— Видишь, есть теперь у меня телочка, да она еще мала, ее надо нести на руках.

Сказал пастух:

— Что ж, ладно, — взял он ее на руки, вынес на пастбище и поставил на травку.

Телочка все стоит, будто траву щиплет, а пастух и говорит: «Скоро она станет и сама бегать; глянь-ка, она уже и есть умеет».

Вечером собрался он гнать стадо домой и говорит телке:

— Коли можешь стоять и есть уж умеешь как следует, то должна сама и ходить, — не стану я тащить тебя домой на руках.

А Мужичок стоит у ворот, дожидается своей телочки. Вот гонит пастух коров по деревне, а телочки и нету. Спрашивает Мужичок о ней у пастуха. А пастух отвечает:

— Она на лугу все пасется да пасется, никак уходить не хочет.

Тогда Мужичок говорит:

— Как это так, ты должен был скотину ко мне домой пригнать.

И вернулись они вместе с пастухом на луг; но кто-то телочку, видно, украл, они там ее не нашли. Вот пастух и говорит:

— Она куда-нибудь забежала.

А Мужичок ему в ответ:

— Как бы не так! — и повел пастуха к старосте; а тот и присудил, что должен пастух за свое нерадение дать Мужичку вместо пропавшей телочки корову.

Вот и получил Мужичок со своей женой корову, которую им так давно хотелось иметь. Они очень обрадовались, но корму-то у них не было и корову им нечем было кормить, и вот пришлось ее зарезать. Мясо они засолили, и Мужичок пошел в город, собираясь продать там шкуру, а на вырученные деньги купить себе новую телочку. Проходил он мимо мельницы; видит — сидит там ворон со сломанным крылом. Пожалел он его, взял и завернул его в шкуру. Но погода стала плохая, поднялся ветер, и дождь начал лить как из ведра, — дальше идти было трудно.

Он вернулся на мельницу и попросил его приютить. Мельничиха была дома одна и говорит Мужичку:

— Что ж, ложись на солому, — и дала ему кусок хлеба с сыром.

Мужичок поел и лег спать, а шкуру положил около себя. Женщина подумала: «Он устал и, пожалуй, уже спит». А тут приходит в гости поп. Мельничиха приняла его ласково и говорит:

— Мужа моего сейчас дома нет, давай вместе закусим.

Мужичок стал прислушиваться, и когда речь зашла об угощении, он подосадовал, что пришлось ему довольствоваться одним только хлебом да сыром. А мельничиха принесла еду и наставила всякой всячины — и вареного, и жареного, окрошку, пироги и вино.

Только они сели за стол и начали есть, как кто-то постучался в дверь. Мельничиха говорит:

— Ах, Господи, это, пожалуй, мой муж.

Живо сунула она жаркое в печурку, вино — под подушку, окрошку — на постель, пироги — под постель, а попа в шкаф спрятала, что в сенцах стоял. Затем открыла она дверь мужу и говорит:

— Слава Богу, что ты воротился! Вот уж погода, точно конец света настал!

Увидал мельник Мужичка на соломе и спрашивает:

— А этому чего тут надо?

— Ах, — ответила жена, — да вот бедняга попал в бурю и дождь, ну и попросился переночевать. Дала я ему кусок хлеба с сыром и позволила лечь на соломе.

Муж говорит:

— Пускай его спит, только дай-ка ты мне чего-нибудь поесть.

А жена говорит:

— Нет у меня ничего, кроме хлеба да сыра.

— Я и тем буду доволен, — ответил муж, — давай, пожалуй, хлеба с сыром.

Глянул он на Мужичка и говорит:

— Эй ты, ступай да поешь с нами еще раз!

Мужичок не заставил себя долго просить, поднялся и стал есть. Увидел мельник, что лежит на земле коровья шкура и в нее ворон завернут, вот он и спрашивает:

— Что это у тебя там такое?

А Мужичок и говорит:

— Да там у меня предсказатель запрятан.

— Может, он и мне что-нибудь предскажет? — спросил мельник.

— Пожалуй, — ответил ему Мужичок, — но он предсказывает только четырежды, а пятый раз таит про себя.

Мельнику стало любопытно, и он стал просить:

— Так вели ты ему что-нибудь предсказать.

Прижал Мужичок ворона за голову, тот так и крикнул и закаркал: «кар-кар».

Мельник спросил:

— Ну, что же он сказал?

Мужичок ответил:

— Во-первых, сказал он, что вино спрятано под подушкой.

— Это было бы неплохо! — воскликнул мельник; пошел он туда и нашел вино.

— Ну, говори дальше! — сказал мельник.

Мужичок заставил ворона снова закаркать и сказать.

— Во-вторых, он говорит, что жаркое стоит в печурке.

— Это было бы кстати! — воскликнул мельник; пошел он туда и нашел жаркое.

Мужичок заставил ворона еще предсказывать и объявил:

— В-третьих, он говорит, что салат лежит на постели.

— Это тоже было б неплохо! — воскликнул мельник; пошел он туда и нашел салат.

Еще раз прижал Мужичок ворона, да так, что тот запищал и закаркал. И объявил Мужичок:

— А в-четвертых, сказал он, что пироги лежат под кроватью.

— Это было б недурно! — воскликнул мельник, полез под кровать и нашел там пироги.

Сели они оба за стол, а мельничиха до смерти перепугалась, легла в постель и все ключи у себя попрятала. Захотелось мельнику узнать и пятое, а Мужичок говорит:

— Давай сначала поедим все четыре, а пятое — оно будет, пожалуй, похуже.

Вот поели они, стали торговаться, сколько должен дать мельник за пятое предсказанье, и сошлись они на трехстах талерах. Вот прижал Мужичок еще раз голову ворону — тот так и закаркал во всю глотку. Спрашивает мельник:

— Что же он сказал?

А Мужичок отвечает:

— Он сказал, что в шкафу в сениях спрятался черт.

Мельник говорит:

— Ну, черта надо будет оттуда выгнать, — открыл дверь, и вот пришлось жене отдать мужу ключ.

И Мужичок отпер шкафа. И выскочил оттуда стремглав этот самый поп. А мельник говорит:

— Видал я своими глазами черного человека — это и был черт.

Мужичок на другое утро, только стало светать, захватил свои триста талеров и давай Бог ноги. Воротился Мужичок домой и привел мало-помалу хозяйство свое в порядок, выстроил себе красивый дом, и крестьяне стали о нем говорить:

— А Мужичок-то, пожалуй, побывал там, где падает дождь золотой и где деньги гребут прямо лопатами.

И потребовали Мужичка к старосте, чтоб сказал он, откуда у него явилось такое богатство. И ответил он:

— Был я в городе и продал коровью шкуру за триста талеров.

Услыхали это крестьяне, захотелось и им тоже получить такие же деньги. Прибежали они домой, всех коров своих позарезали, шкуры содрали, чтобы продать их в городе да барыш взять побольше. А староста и говорит:

— Моя работница пусть в город идет первая.

Пришла та к купцу в город, и дал он ей всего три талера за шкуру; а когда явились и другие, дал он им и того меньше и сказал:

— Да куда мне все эти шкуры девать-то?

Рассердились крестьяне, что Мужичок их так ловко обманул, и порешили ему отомстить: подали жалобу старосте, что ввел он их-де в обман. И ни в чем не повинный Мужичок был единогласно присужден к смерти; и должны были его спустить в продырявленной бочке в реку.

Привели Мужичка и вызвали попа, чтоб прочитал он по нем заупокойную. А всем остальным велено было разойтись. Как увидел Мужичок попа, узнал в нем того самого, что был в гостях у мельничихи. Вот и говорит он ему:

— Я освободил вас из шкафа, а вы освободите меня из бочки.

А как раз на ту пору пастух гнал овец, а о том пастухе он знал, что давно ему хочется сделаться старостой. И вот закричал он во всю глотку:

— Нет, я не согласен! Даже если бы весь мир того пожелал, то и тогда я бы не согласился.

Услыхал это пастух, подошел и спрашивает:

— Что с тобой? На что ты не согласен?

А Мужичок отвечает:

— Да вот хотят они сделать меня старостой, если сяду я в ту бочку, но я никак не согласен.

Тогда пастух и говорит:

— Если только это и нужно, чтоб стать старостой, я сейчас сяду в бочку.

А Мужичок говорит:

— Если согласен ты сесть, то и старостой будешь.

Пастух согласился, сел в бочку, и Мужичок доньшко в бочке заколотил, а сам подошел к стаду и погнал его вместо пастуха. А поп пошел к своим прихожанам и сказал, что заупокойную он уже прочитал. И пришли крестьяне и скатили бочку в реку. Только начала бочка катиться, а пастух из нее как закричит:

— Да, я охотно старостой буду!

Подумали они, что то кричит Мужичок, и говорят:

— И мы думаем то же; но ты сначала осмотришь-ка, что делается там внизу, — и скатили они бочку в реку.

Стали затем крестьяне по домам расходиться; пришли в деревню, видят — и Мужичок возвращается тоже, гонит стадо овец, как ни в чем не бывало. Удивились крестьяне и спрашивают:

— Мужичок, ты это откуда взялся? Ты из воды, что ли, вылез?

— Ну да, — ответил им Мужичок, — я спустился глубоко-глубоко и попал на самое дно; выбил я из бочки донышко, вылез, а там внизу такие прекрасные луга, и пасется на них много ягнят, — вот и взял я себе целое стадо.

Спрашивают крестьяне:

— А много ли их там еще осталось?

— О, много! — ответил Мужичок. — Куда побольше, чем вам нужно.

Сговорились тогда меж собой крестьяне, что и они тоже не прочь бы овец раздобыть — каждый по целому стаду. А староста и говорит:

— Я пойду первый.

Вот пришли они все вместе к реке, а по синему небу как раз на ту пору ходили облачка, те, которых называют барашками: они отражались в воде. И вот закричали крестьяне:

— Овец-то уж видно на дне!

Пробился староста вперед и говорит:

— Я первый кинусь на дно, ведь надо поглядеть да осмотреться; если все будет как надо, я вас кликну.

И вот бросился он в воду, «бултых» — отдалось по воде. А крестьяне подумали, что кричит он: «идите», — и вот они всей гурьбой кинулись вслед за ним в воду.

И вымерла вся деревня, и остался один Мужичок наследником всего их добра и сделался человеком богатым.

ФРИДЕР И КАТЕРЛИЗХЕН

Жил-был человек, звали его Фридер, и была девушка, звали ее Катерлизхен; вот поженились они и стали жить вместе, как молодые муж и жена. Однажды говорит Фридер:

— Я поеду на поле, а ты, Катерлизхен, приготовь к моему возвращению чего-нибудь поесть, чтоб голод заморить, да свежего пива глоток, чтоб жажду утолить.

— Ступай, Фридерхен, — отвечала Катерлизхен, — ступай, я все тебе приготовлю.

Подошло время обедать, и достала она из трубы копченую колбасу, взяла сковородку, положила на нее масла и поставила ее на огонь. Начала колбаса поджариваться и шипеть, а Катерлизхен стоит, держит сковородку за ручку и думает: «Пока колбаса изжарится, надо бы сходить в погреб да пива нацедить». Поставила она сковородку на огонь, взяла кружку, спустилась в погреб и стала наливать пиво. Бежит пиво в кружку; смотрит Катерлизхен, и вдруг ей приходит в голову: «Эх, а собака-то ведь не привязана; чего доброго, она колбасу со сковородки стащит. Хорошо, что я еще вовремя вспомнила», — и вмиг выбежала она из погреба.

Но дворняжка тем временем схватила уже колбасу и тащит ее по двору. А Катерлизхен, не будь ленива, погналась за собакой; гонит она ее по полю. А собака-то была куда попроворней, чем Катерлизхен: колбасы изо рта не выпускала и стала удирать со всех ног. «Ну, что пропало, то пропало!» — сказала Катерлизхен, вернулась назад, а так как бежать она утомилась, то стала идти медленней, чтобы отдышаться.

А в это время пиво все бежало и бежало из бочки, — кран-то ведь Катерлизхен завернуть позабыла; и когда кружка наполнилась до самого края, начало пиво литься на пол и лилось оно до тех пор, пока вся бочка не вылилась. Уже на лестнице Катерлизхен увидала, что за беда приключилась.

«Вот так-так! — воскликнула она. — Что же мне теперь делать; чтобы Фридер не заметил?» Она подумала и, наконец, вспомнила, что стоит у нее на чердаке мешок хорошей пшеничной муки, купленный еще в прошлом году

на ярмарке, и она решила снести его в погреб и посыпать мукой там, где разлилось пиво.

«Да, — сказала она, — кто вовремя что сберегает, тому оно в беде помогает», — полезла она на чердак, притащила мешок с мукой и бросила его как раз на кружку с пивом; опрокинулась кружка, и разлилось пиво на пол. «Правильно говорится, — сказала Катерлизхен, — что беда беду погоняет», — и стала она рассыпать муку по всему погребу. Сделав это, она осталась своей работой очень довольна и сказала: «Как стало здесь, однако, чисто и хорошо».

В полдень воротился Фридер домой.

— Ну, жена, что ж ты мне на обед приготовила?

— Ах, Фридерхен, — ответила она, — хотела я тебе колбасы изжарить, да стала пиво к обеду наливать, а собака колбасу со сковородки стащила; пока я за собакой гналась, все пиво из бочки выбежало; хотела я пиво мукой присыпать, да кружку с пивом опрокинула; но ты будь спокоен — в погребе уже сухо.

И сказал Фридер:

— Ах, Катерлизхен, Катерлизхен, не надо было так делать! Можно ли было оставлять колбасу, чтоб собака ее стащила, а пиво из бочки выбежало, да еще засыпать его самой лучшей мукой.

— Да ведь я же, Фридерхен, не знала, ты бы мне раньше об этом сказал.

Муж подумал: «Если и дальше будут с моей женой такие случаи приключаться, то придется мне самому кое-что придумать».

Он скопил круглую сумму талеров, обменял их на золото и говорит Катерлизхен:

— Видишь, эти вот желтые кружочки спрячу я в кубышку и закопаю в хлеву под коровьими яслями. Но ты смотри, кубышки этой не трогай, а не то плохо тебе будет.

— Нет, Фридерхен, я трогать ее не стану, — ответила Катерлизхен.

Вот раз мужа не было дома, а в это время явились в деревню купцы продавать глиняные горшки и миски, и они спросили молодую женщину, не купит ли она у них чего из их товара.

— Да вот, милые люди, — говорит им Катерлизхен, — денег-то у меня нету, купить мне не на что; если вам нужны желтые кружочки, то я, пожалуй, тогда и купила бы что-нибудь.

— Желтые кружочки пожалуй что и пригодятся, а покажи-ка их нам.

— А вы ступайте в хлев да поройтесь, они закопаны под коровьими яслями, вот там и найдете желтые кружочки, а мне с вами вместе идти туда никак нельзя.

Вошли плуты-продавцы в хлев, стали там копаться и нашли чистое золото. Схватили они его и убежали, а свои горшки да миски в доме оставили. Катерлизхен подумала, что новая-то посуда ей пригодится; а было ее в кухне у нее достаточно, и вот повыбивала она у всех горшков донышки и нацепила горшки на заборные столбы вокруг дома вместо украшения.

Воротился Фридер домой, увидал такую обнову и говорит:

— Катерлизхен, что это ты наделала?

— Да я купила их, Фридерхен, за те желтые кружочки, что спрятаны были под коровьими яслями; сама я туда не ходила, торговцы их сами выкопали.

— Ах, жена, жена, — говорит Фридер, — что же ты наделала! Да ведь это ж были не желтые кружочки, было то чистое золото — все наше богатство; разве можно было так делать?

— Фридерхен, да ведь я, — говорит жена, — об этом не знала. Надо было мне раньше о том сказать.

Постояла Катерлизхен, подумала и говорит:

— Послушай, Фридерхен, ведь золото можно назад вернуть, давай побегим за воротами.

— Что ж, — говорит Фридер, — давай попробуем; только захвати с собой хлеба и сыру, чтоб было чем в дороге закусить.

— Ладно, Фридерхен, я возьму.

Отправились они в погоню, и так как Фридер ходил быстрее, то и шел он впереди Катерлизхен.

«А мне еще лучше, — подумала она, — когда надо будет домой возвращаться, я окажусь впереди». Вот подошла она к горе, где по обеим сторонам дороги были глубокие рывины. «Гляди-ка, — молвила Катерлизхен, — как они землю-то всю поизрезали, поизрыли, измяли. За весь свой век она никогда не заживет». А было сердце у нее жалостливое, взяла она масло и на-

мазала им колени справа и слева, чтоб колеса не так их давили; нагнулась она, их жалеючи, а сыр у ней из сумки и выпал и покатился с горы.

Говорит Катерлизхен: «Ну, раз уж взобралась я на гору, то вниз за тобой спускаться не стану, пусть уж другой за ним побежит и приведет его назад». Взяла она другой сыр и скатила его вниз. Но сыры назад не вернулись. Тогда сбросила она и третий сыр и подумала: «Может быть, они ждут третьего, — одни не хотят возвращаться?» А три сыра все не возвращаются и не возвращаются; вот она и говорит: «Не знаю, что тут и подумать. Пожалуй, третий не нашел дороги да заблудился; надо будет послать за ним четвертый, чтоб позвал он их назад». Но и с четвертым сыром случилось то же, что и с третьим.

Рассердилась тогда Катерлизхен, сбросила вниз и пятый, и шестой, а они были у нее последние. Некоторое время стояла она и ждала, не вернутся ли они назад, а они все не возвращались; тогда она и говорит: «О, вас хорошо бы за смертью посылать; долго вы что-то ходите; небось думаете, что я буду вас тут дожидаться? Я пойду, а вы уж меня сами нагоните, ноги-то у вас помоложе моих будут».

И Катерлизхен ушла и нашла Фридера; он стоял, ее дожидаясь, — есть ему очень захотелось.

— Ну, дай-ка мне чего-нибудь поесть. — Она подала ему сухой хлеб.

— А где же масло и сыр? — спрашивает муж.

— Ах, Фридерхен, — говорит Катерлизхен, — маслом я колени вымазала, а сыры, те скоро вернутся; один у меня из сумки выкатился, я и послала за ним вдогонку другие, чтоб позвали они его назад.

Говорит Фридер:

— Не надо было, Катерлизхен, так делать! Не надо было маслом дорогу намазывать и сыры с горы скатывать.

— Это правда, Фридерхен; чего же ты мне раньше о том не сказал?

Поели они сухого хлеба, а Фридер и спрашивает:

— А заперла ли ты дом, когда уходила?

— Нет, Фридерхен; отчего ты мне раньше о том не сказал?

— Так ступай домой, сначала дом запри, а потом уж пойдем дальше; да принеси чего-нибудь поесть, а я подожду тебя здесь.

Пошла Катерлизхен домой и думает: «Надо будет принести Фридерхену поесть чего-нибудь другого, сыр и масло ему, видно, не нравятся, — принесу-ка ему мешок сушеных груш да кружку уксуса». Заперла она на засов верхнюю дверь в доме, а нижнюю сняла с петель, взвалила ее на плечи и пошла, думая, что если дверь возьмет с собой, то в дом никто уже не заберется. Катерлизхен идет себе медленно, не торопясь и думает: «Пусть Фридерхен отдохнет подольше». Подошла она к нему и говорит:

— Вот, Фридерхен, тебе и дверь от дома; теперь ты можешь сам дом сторожить.

— Ах, Господи, — сказал он, — какая у меня умная жена! Нижнюю дверь сняла, чтобы всякий мог в дом забраться, а верхнюю заперла на засов. Теперь

поздно уже домой назад возвращаться, а раз ты дверь сюда принесла, то и тащи ее теперь сама дальше.

— Дверь-то, Фридерхен, я потащу, а сушеные груши да кружку уксуса мне будет нести тяжело. Повешу я их на дверь, пускай она их несет.

Пошли они в лес, стали разыскивать плутов-продавцов, но не нашли их. Стало уже, наконец, в лесу темнеть; взобрались они на дерево и решили там заночевать. Только уселись они на верхушке дерева, как подошли к дереву люди, которые уносят то, что за ними само идти не хочет, и находят вещи, прежде чем кто-нибудь их потеряет. Они уселись как раз под дерево, на котором сидели Фридер и Катерлизхен, развели костер, собираясь делить между собой добычу. Тогда Фридер спустился с дерева на другую сторону и набрал камней, а затем снова влез на дерево и хотел убить воров насмерть. Стал он бросать в них камни, но все не попадал, а воры и говорят: «Скоро, пожалуй, начнет светать, вот ветер сбивает уже с елей шишки».

А Катерлизхен все держала дверь на плечах, но стало ей под конец тяжело, и подумала она, что виной тому сушеные груши, и говорит:

— Фридерхен, сброшу-ка я сушеные груши вниз.

— Нет, Катерлизхен, сейчас делать этого не надо, а то воры могут нас заметить.

— Ах, Фридерхен, я не могу, очень уж мне тяжело.

— Ну, так бросай, черт возьми!

И посыпались груши вниз сквозь ветки, а плуты-продавцы внизу и говорят: «Это птицы помет сбрасывают». А дверь все по-прежнему давит плечи; тут вскоре Катерлизхен и говорит:

— Ах, Фридерхен, надо и уксус, пожалуй, вылить.

— Нет, Катерлизхен, не делай ты этого, не то они нас заметят.

— Ах, Фридерхен, я больше не могу, уж больно мне тяжело.

— Ну что ж, выливай, черт возьми!

Вылила она уксус и облила им плутов-продавцов. Вот они и говорят меж собой: «Это падает уже роса».

И подумала, наконец, Катерлизхен: «А не дверь ли это такая тяжелая?» и говорит:

— Фридерхен, сброшу-ка я дверь.

— Нет, Катерлизхен, сейчас не надо этого делать, а то они нас заметят.

— Ах, Фридерхен, я не могу больше, уж больно мне тяжело.

— Нет, Катерлизхен, а ты держи крепче.

— Ах, Фридерхен, я ее уроню.

— Ну, — ответил Фридер сердито, — и роняй, черт возьми!

И упала дверь с грохотом вниз; а плуты-продавцы как закричат: «Черт спускается с дерева!» — да как бросятся бежать и все, что было у них, побросали. На рассвете спустились Фридер и Катерлизхен с дерева и нашли внизу все свое золото и понесли его домой.

Воротились они домой, а Фридер и говорит:

— Ну, Катерлизхен, теперь ты уж должна быть прилежной и хорошо работать.

— Ладно, Фридерхен, буду работать, — пойду на поле жать пшеницу.

Вышла Катерлизхен на поле и говорит про себя: «Поесть ли мне прежде, или жать, или сначала поспать, а потом уже жать? Э-э, поем я сначала». Поела Катерлизхен, а после еды ей спать захотелось; начала она жать, а была она сонная и порезала себе передник, юбку и рубашку. Вот проснулась после долгого сна Катерлизхен, встала полуголая и говорит про себя:

— Я ли это или не я? Ах, нет, это не я.

А меж тем наступила ночь; побежала Катерлизхен в деревню, стала в окошко к мужу стучаться и кричать:

— Фридерхен!

— Что там такое?

— Скажи мне, дома ли Катерлизхен?

— Да, да, — ответил Фридер, — она дома, лежит и спит.

А она говорит:

— Хорошо; стало быть, я уж дома, — и убежала.

Встретила Катерлизхен на улице воров, они воровать собирались. Подходит она к ним и говорит:

— Я вам помогу воровать.

Воры подумали: она, должно быть, здешние места знает, — и согласились. Катерлизхен подходила к домам и кричала:

— Люди добрые, есть ли у вас что? А то мы красть собираемся.

Подумали воры: «Так дело не пойдет», — и решили от Катерлизхен избавиться. Вот и говорят они ей:

— На краю деревни растет у пастора в огороде репа, ступай туда и нарви нам ее.

Пошла Катерлизхен на огород и начала рвать репу, села, и лень ей было подняться. А на ту пору шел мимо прохожий, посмотрел он, остановился и подумал, что это сам черт, должно быть, тащит репу. Побежал он в деревню к пастору и говорит:

— Господин пастор, а в вашем огороде черт репу тащит.

— Ах, Господи, — ответил пастор, — нога-то у меня хромя, не могу я пойти на огород и черта прогнать.

Прохожий предложил:

— А я вам вместо костыля буду, — и он повел пастора на огород.

Приходят они на огород, а Катерлизхен в это время поднимается и встает во весь рост.

— Ох, да ведь это же черт! — закричал пастор, и как бросились они оба бежать! Ну, тут пастор со страху и хромать перестал, и бежал он со своей хромою ногой куда проворней, чем тот, кто привел его на огород на своих здоровых ногах.

МИЛЫЙ РОЛАНД

Жила когда-то женщина, и была она настоящая ведьма. Было у нее двое дочерей; одна из них уродливая и злая, и женщина любила ее потому, что приходилась она ей родной дочерью; а другая — добрая и красивая, и женщина ее ненавидела потому, что та приходилась ей падчерицей.

Надела раз падчерица красивый передник, он понравился другой дочери, и та стала сводной сестре завидовать и сказала матери, что хочет во что бы то ни стало иметь этот передник.

— Успокойся, мое дитяtko, — сказала старуха, — ты его получишь. Твою сводную сестру давно уже пора убить; нынче ночью, когда она уснет, я приду и отрублю ей голову. Только смотри, ты ложись в постель поближе к стене, а ее подвинь на край кровати.

И пришлось бы бедной девушке погибнуть, но как раз в это время она стояла в углу и все слышала. Девушку целый день из дому не выпускали, а когда подошло время ложиться спать, ей велели лечь в постель первой, чтоб сестра ее могла улечься поближе к стенке, сзади нее. Когда сестра уснула, девушка подвинула ее тихонько на край кровати, а сама улеглась сзади у стены, на ее месте.

Подкралась ночью старуха, и был у ней в правой руке топор, а левой она сначала пощупала, лежит ли кто на краю кровати; потом она схватила топор обеими руками и отрубила голову своей собственной дочери.

Когда старуха ушла, девушка поднялась и пошла к своему милому, звали его Роландом, и постучалась к нему в дверь. Он вышел, а она ему и говорит:

— Послушай, милый Роланд, нам надо поскорей отсюда бежать. Мачеха хотела меня убить, а вместо меня убила собственную дочку. Настанет утро, и она увидит, что она наделала, и тогда мы пропадем.

— Я советую тебе сначала, — сказал Роланд, — забрать у нее ее волшебную палочку, а то нам никак нельзя будет спастись, если она кинется за нами в погоню.

Достала девушка волшебную палочку, взяла потом мертвую голову и капнула на пол три капли крови: одну у постели, другую на кухне, а третью на лестнице. А затем убежала со своим милым.

*Достала девушка волшебную палочку, взяла потом мертвую
голову и капнула на пол три капли крови: одну у постели,
другую на кухне, а третью на лестнице.*

Утром поднялась ведьма-старуха, кликнула свою дочку, хотела дать ей передник, но та не явилась. Тогда она крикнула:

— Где ты?

— Да я здесь, на лестнице, подметаю, — ответила капля крови.

Вышла старуха, но на лестнице никого не оказалось, и она крикнула еще раз:

— Где ты?

— Да я вот здесь, греюсь на кухне, — крикнула вторая капля крови.

Пошла ведьма на кухню, но там никого не оказалось. Крикнула она еще раз:

— Где ты?

— Ах, да я здесь, на кровати, я сплю! — крикнула третья капля крови.

Входит старуха в комнату, подошла к постели. И что же она увидела? Свое родное дитя, что плавало в луже крови и которому она сама же голову отрубила.

Разъярилась ведьма, подскочила к окну, а так как видеть она могла кругом далеко-далеко, то сразу заметила свою падчерицу, которая бежала со своим милым Роландом.

— Это вам не поможет! — крикнула ведьма. — Как бы вы далеко от меня не ушли, а убежать вам все-таки не удастся.

Надела она свои семимильные сапоги, в которых что ни шаг — то на целый час вперед продвигалась, и в скором времени нагнала обоих. Как увидела девушка, что старуха уже близко, обратила она с помощью волшебной палочки своего любимого Роланда в озеро, а сама обернулась уткой и поплыла на середину озера. Остановилась ведьма на берегу, стала бросать в воду хлебные крошки; она всячески хотела подманить к себе утку. Но утка приманить себя не дала, и пришлось старухе вернуться вечером домой ни с чем.

А девушка вместе со своим милым Роландом приняла свой прежний образ, и пошли они вместе дальше, и шли целую ночь до самого рассвета. Потом обернулась девушка прекрасным цветком, что вдруг вырос в терновой заросли, а своего любимого Роланда обратила она в скрипача.

Вскоре явилась ведьма и говорит музыканту:

— Милый музыкант, можно мне сорвать этот красивый цветок?

— О, разумеется, можно, — ответил он, — а я тебе еще к тому ж и сыграю.

И только ведьма забралась второпях в колючую заросль и хотела было сорвать цветок, — она прекрасно знала, кто был этим цветком, — как начал музыкант играть, и хотелось ли ведьме или не хотелось, а пришлось ей плясать, так как танец тот был волшебный. И чем быстрее играл музыкант, тем все выше приходилось ей делать прыжки.

И вот изорвали колючки всю одежду на ведьме, искололи ее всю до крови, а музыкант все продолжал играть; и пришлось ведьме плясать до тех пор, пока не свалилась она замертво наземь.

Вот спаслись они наконец, и сказал Роланд:

*И вот изорвали колючки всю одежду на ведьме, искололи ее всю до крови,
а музыкант все продолжал играть; и пришлось ведьме плясать
до тех пор, пока не свалилась она замертво наземь.*

— А теперь я пойду к своему отцу и попрошу его, чтоб он устроил нам свадьбу.

— А я здесь останусь, — сказала девушка, — буду тебя дожидаться, а чтоб меня никто не узнал, я обернусь придорожным столбом из красного камня.

Вот Роланд ушел, а девушка тем временем стояла красным столбом у дороги и ждала своего любимого. Когда Роланд пришел домой, его обольстила другая девушка, — она подстроила так, что он вовсе позабыл про свою милую.

Долго-долго стояла бедная девушка в поле, но когда Роланд совсем не вернулся, она запечалилась, обернулась цветком и подумала: «Может, будет кто проходить мимо и меня растопчет».

Но случилось так, что на том самом поле пас своих овец пастух. Он увидел цветок, и был цветок такой красивый, что он сорвал его, взял с собой, принес и спрятал к себе в сундучок. И с того времени пошли волшебные дела в доме у пастуха. Встанет он утром, глядь, вся работа уже сделана: комната подметена, стол и скамьи убраны, в очаге горит огонь, и вода принесена; а вернется он в полдень домой — и стол уж накрыт, и расставлена на нем всякая еда.

И никак не мог пастух понять, как все это делается, — ведь у себя в доме он ни разу никого постороннего не замечал, да и кто бы мог в маленькой избушке спрятаться? Хороший уход, конечно, ему понравился, но ему стало, наконец, все-таки страшно; и он отправился к ведунье за советом.

Ведунья сказала:

— Тут не иначе, как кроется какое-то колдовство. Ты как-нибудь утром пораньше прислушайся на заре, не двигается ли что в комнате, и ежели что заметишь, то набрось мигом на него платок, вот колдовство и поймается.

Пастух так и сделал, как сказала ему ведунья, и на другое утро, только стало светать, увидел он, что сундучок открылся и вышел оттуда цветок. Вмиг подскочил пастух к цветку и набросил на него белый платок. И вмиг чары исчезли, и стояла перед ним прекрасная девушка.

Она рассказала ему все: что была она цветком и все это время заботилась об его хозяйстве, рассказала ему и про свою судьбу. И так как девушка пастуху понравилась, то он спросил у нее, согласна ли она выйти за него замуж. Но она ответила:

— Нет, я хочу остаться верной своему милому Роланду, хотя он меня и покинул. — Но она обещала от пастуха не уходить и вести его хозяйство по-прежнему.

А подошло уже время, когда Роланд должен был праздновать свадьбу. И были, по старому обычаю, приглашены на свадьбу все деревенские девушки петь в честь жениха и невесты песни.

Услыхала о том верная девушка и так запечалилась, что ей казалось, что сердце у ней от тоски разорвется, и она не захотела идти на свадьбу. Но за ней

пришли другие девушки и потащили ее с собой. Вот настал ей черед петь песню, но она отошла назад и не пела до тех пор, пока не осталась одна, иначе она не могла. Но только она запела свою песню и услышал ее Роланд, как тотчас вскочил и воскликнул:

— Мне этот голос знаком, вот это моя настоящая невеста, никакой я другой не хочу!

И все, что он позабыл, что исчезло у него из памяти, вдруг, будто домой, вернулось опять к нему в сердце.

Отпраздновала тогда верная девушка свадьбу со своим милым Роландом, и пришел конец ее мученьям, и настало время радости и веселья.

БЕЛОСНЕЖКА

Это было в середине зимы. Падали снежинки, точно пух с неба, и сидела королева у окна, — рама его была из черного дерева, — и королева шила. Когда она шила, загляделась на снег и уколола иглой палец, — и упало три капли крови на снег. И красное на белом снегу выглядело так красиво, что подумала она про себя: «Вот, если б родился у меня ребенок, белый, как этот снег, и румяный, как кровь, и черноволосый, как дерево на оконной раме!»

И родила королева вскоре дочку, и была она бела, как снег, румяна, как кровь, и такая черноволосая, как черное дерево, — и прозвали ее потому Белоснежкой. А когда ребенок родился, королева умерла.

Год спустя взял король себе другую жену. Эта была красивая женщина, но гордая и надменная, она терпеть не могла, когда кто-нибудь превосходил ее красотой. Было у нее волшебное зеркальце, и когда становилась она перед ним и глядела в него, то спрашивала:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И зеркало отвечало:

Вы, королева, красивее всех в стране.

И она была довольна, так как знала, что зеркало говорит правду.

А Белоснежка за это время подросла и становилась все краше, и когда ей исполнилось семь лет, была она такая прекрасная, как ясный день, и красивей самой королевы. Когда королева спросила у своего зеркальца:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

Зеркальце ответило так:

Вы, госпожа королева, красивы собой,
Но Белоснежка в тысячу раз богаче красой.

Испугалась тогда королева, пожелтела, позеленела от зависти. Увидит, бывало, Белоснежку — и сердце у нее разрывается, так невзлюбила она девочку. И зависть и высокомерие разрастались, как сорные травы, в ее сердце все выше и выше, и не было ей отныне покоя ни днем, ни ночью.

Тогда она позвала одного из своих егерей и сказала:

— Заведи эту девочку в лес, — я больше видеть ее не могу. Ты должен ее убить и принести мне в знак доказательства ее легкие и печень.

Егерь послушался и завел девочку в лес; но когда он вытащил свой охотничий нож и хотел было уже пронзить ни в чем не повинное сердце Белоснежки, та стала плакать и просить:

— Ах, милый егерь, оставь меня в живых! Я убегу далеко-далеко в дремучий лес и никогда не вернусь домой.

И оттого, что была она такая красивая, егерь над ней сжалился и сказал:

— Так и быть, беги, бедная девочка!

И подумал про себя: «Все равно там тебя скоро съедят дикие звери», — и будто камень свалился у него с сердца, когда не пришлось ему убивать Белоснежку.

И как раз в это время подбежал молодой олень, егерь его заколол, вырезал у него легкие и печень и принес их королеве в знак доказательства, что ее приказанье исполнено. Повару было

велено сварить их в соленой воде, и злая женщина их съела, думая, что это легкие и печень Белоснежки.

Осталась бедная девочка в дремучем лесу одна-одинешенька, и в страхе она оглядела все листики на деревьях, не зная, как ей быть дальше, как своему горю помочь.

Она пустилась бежать, и бежала по острым камням, через колючие заросли; и прыгали около нее дикие звери, но ее не трогали. Бежала она сколько сил хватило, но вот стало, наконец, смеркаться. Вдруг она увидела маленькую

избушку и зашла в нее отдохнуть. И было в той избушке все таким маленьким, но красивым и чистым, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Стоял там накрытый белой скатертью столик, а на нем семь маленьких тарелочек, возле каждой тарелочки по ложечке, а еще семь маленьких ножей и вилок и семь маленьких кубков. Стояли у стены в ряд семь маленьких кроваток, и были они покрыты белоснежными покрывалами.

Захотелось Белоснежке поесть и попить, она взяла из каждой тарелочки понемногу овощей и хлеба и выпила из каждого кубочка по капельке вина, — ей не хотелось пить все из одного. А так как она очень устала, то легла в одну из постелек, но ни одна из них для нее не подходила: одна была слишком длинной, другая слишком короткой; но седьмая оказалась, наконец, ей как раз в пору; она в нее улеглась и, отдавшись на милость Господню, уснула.

Когда уже совсем стемнело, пришли хозяева избушки; были то семеро карликов, которые в горах добывали руду. Они зажгли семь своих лампочек, и когда в избушке стало светло, они заметили, что у них кто-то был, потому что не все оказалось в том порядке, в каком было раньше. И сказал первый карлик:

— Кто это на моем стуле сидел?

Второй:

— Кто это из моей тарелочки ел?

Третий:

— Кто взял кусок моего хлеба?

Четвертый:

— А кто мои овощи ел?

Пятый:

— Кто моей вилочкой брал?

Шестой:

— А кто моим ножичком резал?

Седьмой спросил:

— Кто это пил из моего маленького кубка?

Оглянувшись первый и заметил на своей постельке маленькую складочку, и спросил:

— А кто это лежал на моей кровати?

Тут сбежались остальные и стали говорить:

— И в моей тоже кто-то лежал.

Глянул седьмой карлик на свою постель, видит — лежит в ней Белоснежка и спит. Кликнул он тогда остальных; подбежали они, стали от удивления кричать, принесли семь своих лампочек и осветили Белоснежку.

— Ах, Боже мой! Ах, Боже мой! — воскликнули они. — Какой, однако, красивый ребенок!

Они так обрадовались, что не стали ее будить и оставили ее спать в постельке. А седьмой карлик проспал у каждого из своих товарищей по часу, — так вот и ночь прошла.

Наступило утро. Проснулась Белоснежка, увидела семь карликов и испугалась. Но были они с ней ласковы и спросили ее:

— Как тебя звать?

— Меня зовут Белоснежкой, — ответила она.

— Как ты попала в нашу избушку? — продолжали спрашивать карлики.

И она рассказала им о том, что мачеха хотела ее убить, но егеря сжалился над ней, и что бежала она целый день, пока, наконец, не нашла их избушку.

Карлики спросили:

— Хочешь вести у нас хозяйство? Стряпать, постели взбивать, стирать, шить и вязать, все содержать в чистоте и порядке, — если ты на это согласна, то можешь у нас остаться, и будет у тебя всего вдосталь.

— Хорошо, — сказала Белоснежка, — с большой охотой, — и осталась у них.

Она содержала избушку в порядке. Утром карлики уходили в горы копать руду и золото, а вечером возвращались домой, и она должна была к их приходу готовить им ужин. Целый день девочке приходилось оставаться одной, и потому добрые карлики ее предостерегали и говорили:

— Берегись своей мачехи: она скоро узнает, что ты здесь. Смотри, никого не впускай в дом.

А королева, съев легкие и печень Белоснежки, стала опять думать, что она теперь самая первая красавица в стране. Она подошла к зеркалу и спросила:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И ответило зеркало:

Вы, королева, красивы собой,
Но Белоснежка там, за горами,
У карлов семи за стенами,
В тысячу раз богаче красой!

Испугалась тогда королева, — она ведь знала, что зеркальце говорит правду, и поняла, что егерь ее обманул, что Белоснежка еще жива. И она стала снова думать и гадать, как бы ее извести. И не было ей от зависти покоя, оттого что не она самая первая красавица в стране.

И вот под конец она кое-что надумала: она накрасила себе лицо, переоделась старой торговкой, и теперь ее никак нельзя было узнать. Направилась она через семь гор к семи карликам, постучалась в дверь и говорит:

— Продаю товары хорошие! Продаю!

Глянула Белоснежка в окошко и говорит:

— Здравствуй, голубушка! Ты что продаешь?

— Хорошие товары, прекрасные товары, — ответила та, — шнурки разноцветные, — и достала ей один из них показать, и был он сплетен из пестрого шелка.

«Эту почтенную женщину можно, пожалуй, и в дом пустить», — подумала Белоснежка. Она отодвинула дверной засов и купила себе красивые шнурки.

— О, как они тебе идут, девочка, — молвила старуха, — дай-ка я зашнурую тебе лиф как следует.

Белоснежка, не предвидя ничего дурного, стала перед ней и дала затянуть на себе новые шнурки. И начала старуха шнуровать, да так быстро и так туго, что Белоснежка задохнулась и упала замертво наземь.

— Это за то, что ты самой красивой была, — сказала королева и быстро исчезла.

А вскоре, к вечеру, вернулись семь карликов домой, и как они испугались, когда увидели, что их милая Белоснежка лежит на полу — не двинется, не шелохнется, словно мертвая! Они подняли ее и увидели, что она крепко-накрепко зашнурована; тогда разрезали они шнурки, и стала она понемногу дышать и постепенно пришла в себя.

А вскоре, к вечеру, вернулись семь карликов домой, и как они испугались, когда увидели, что их милая Белоснежка лежит на полу — не двинется, не шелохнется, словно мертвая!

Когда карлики услышали о том, как все это случилось, они сказали:

— Старая торговка была на самом-то деле злой королевой. Берегись, не впускай к себе никого, когда нас нет дома.

А злая женщина возвратилась тем временем домой, подошла к зеркальцу и спросила:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

Ответило ей зеркало, как прежде:

Вы, королева, красивы собой,
Но Белоснежка там, за горами,
У карлов семи за стенами,
В тысячу раз богаче красой!

Когда она услышала такой ответ, вся кровь прилила у нее к сердцу, так она испугалась, — она поняла, что Белоснежка ожила снова.

— Ну, уж теперь, — сказала она, — я придумала такое, что погубит тебя наверняка, — и, зная разное колдовство, она приготовила ядовитый гребень. Потом переделалась она и притворилась другой старухой. И отправилась за семь гор к семи карликам, постучалась в дверь и говорит:

— Продаю товары хорошие! Продаю!

Белоснежка выглянула в окошко и говорит:

— Проходи себе дальше, в дом пускать никого не велено!

— Поглядеть-то, пожалуй, можно, — молвила старуха, достала ядовитый гребень и, подняв его вверх, показала Белоснежке.

Он так понравился девочке, что она дала себя обмануть и открыла дверь. Они сошлись в цене, и старуха сказала:

— Ну, а теперь дай-ка я тебя как следует причешу.

Бедная Белоснежка, ничего не подозревая, дала старухе себя причесать; но только та прикоснулась гребешком к ее волосам, как яд стал тотчас действовать, и девочка упала без чувств наземь.

— Ты, писаная красавица, — сказала злая женщина, — уж теперь-то пришел тебе конец! — И сказав это, она ушла.

Но, по счастью, дело было под вечер, и семеро карликов вскоре вернулись домой. Заметив, что Белоснежка лежит на полу мертвая, они тотчас заподозрили в этом мачеху, стали доискиваться, в чем дело, и нашли ядовитый гребень; и как только они его вытащили, Белоснежка опять пришла в себя и рассказала им обо всем, что случилось. Тогда карлики еще раз предупредили ее, чтоб она была поосторожней и дверь никому не открывала.

А королева возвратилась домой, села перед зеркалом и говорит:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И ответило зеркало, как прежде:

Вы, королева, красивы собой,
Но Белоснежка там, за горами,
У карлов семи за стенами,
В тысячу раз богаче красой!

Услыхав, что говорит зеркало, она вся задрожала-затрепетала от гнева.

— Белоснежка должна погибнуть, — крикнула она, — даже если бы это мне самой стоило жизни!

И она отправилась в потайную комнату, куда никто никогда не входил, и приготовила там ядовитое-преядовитое яблоко. Было оно на вид очень красивое, белое с красными крапинками, и всякий, кто его бы увидел, захотел бы его съесть; но кто съел хотя бы кусочек, тот непременно бы умер.

Когда яблоко было готово, королева наредила себе лицо, переделалась крестьянкой и отправилась в путь-дорогу — за семь гор, к семи карликам. Она постучалась; Белоснежка высунула голову в окошко и говорит:

— Пускать в дом никого не велено — семь карликов мне это запретили.

— Оно правильно, — ответила крестьянка, — но куда же я дену свои яблоки? Хочешь, я тебе одно из них подарю?

— Нет, — сказала Белоснежка, — мне брать ничего не велено.

— Ты, что ж, отравы боишься? — спросила старуха. — Погляди, я разрежу яблоко на две половинки: румяную съешь ты, а белую я.

А яблоко было сделано так хитро, что только румяная его половинка была отравленной. Захотелось Белоснежке отведать прекрасного яблока, и когда она увидела, что крестьянка его ест, девочка не удержалась, высунула из окошка руку и взяла отравленную половинку. Только откусила она кусок, как тотчас упала замертво наземь. Посмотрела на нее своими страшными глазами королева и, громко захохотав, сказала:

— Бела, как снег, румяна, как кровь, черноволоса, как черное дерево! Уж теперь-то твои карлики не разбудят тебя никогда!

Она вернулась домой и стала спрашивать у зеркала:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И ответило зеркало наконец:

Вы, королева, красивей во всей стране.

Успокоилось тогда ее завистливое сердце, насколько может подобное сердце найти себе покой.

Карлики, возвратясь вечером домой, нашли Белоснежку лежащей на земле, бездыханной и мертвой. Они подняли ее и стали искать отраву: они расшнуровали ее, причесали ей волосы, обмыли ее водой и вином, но ничего не помогло, — бедная девочка как была мертвой, так мертвой и осталась.

Положили они ее в гроб, уселись все семеро вокруг нее, стали ее оплакивать, и проплакали так целых три дня. Потом они решили ее похоронить, но она выглядела, как живая, — щеки у нее были по-прежнему красивые и румяные.

И сказали они:

— Как можно ее такую в землю закапывать?

И они велели сделать для нее стеклянный гроб, чтоб можно было ее видеть со всех сторон, и положили ее в тот гроб, написали на нем золотыми буквами ее имя и что была она королевской дочерью. Отнесли они гроб на гору, и всегда один из них оставался при ней на страже. И явились также звери и птицы оплакивать Белоснежку: сначала сова, потом ворон и, наконец, голубок.

И долго-долго лежала в своем гробу Белоснежка, и казалось, что она спит, — была она бела, как снег, румяна, как кровь, и черноволоса, как черное дерево.

Но однажды случилось, что заехал королевич в тот лес и попал в дом карликов, чтобы там переночевать. Он увидел на горе гроб, а в нем прекрасную Белоснежку, и прочел, что было написано на нем золотыми буквами. И сказал он тогда карликам:

— Отдайте мне этот гроб, я дам вам за это все, что вы пожелаете.

Но карлики ответили:

— Мы не отдадим его даже за все золото на свете.

Тогда он сказал:

— Так подарите мне его, — я не могу жить, не видя Белоснежки, я буду ее глубоко уважать и почитать, как свою возлюбленную.

Когда он это сказал, добрые карлики жалились над ним и отдали ему гроб; и велел королевич своим слугам нести его на плечах. Но случилось так, что они споткнулись в кустах, и от сотрясения кусок отравленного яблока выпал из горла Белоснежки. Тут открыла она глаза, подняла крышку гроба, а потом встала из него и ожила снова.

— Ах, Господи, где ж это я? — воскликнула она.

Королевич, обрадованный, ответил:

— Ты со мной, — и рассказал ей все, что произошло, и молвил: — Ты мне милее всего на свете; пойдем вместе со мной в замок моего отца и ты будешь моей женой.

Белоснежка согласилась и пошла вместе с ним; и отпраздновали они свадьбу с большой пышностью.

Но на свадебный пир была приглашена и злая мачеха Белоснежки. Нарядилась она в красивое платье, подошла к зеркалу и сказала:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И ответило зеркало:

Вы, госпожа королева, красивы собой,
Но королева в тысячу раз богаче красой!

И вымолвила тогда злая женщина свое проклятье, и стало ей так страшно, так страшно, что она не знала, как ей с собой совладать. Сначала она решила совсем не идти на свадьбу, но не было ей покоя — ей хотелось пойти и посмотреть на молодую королеву. Она вошла во дворец и узнала Белоснежку, и от страха и ужаса — как стояла, так на месте и застыла.

Но были уже поставлены для нее на горящие угли железные туфли, их принесли, держа щипцами, и поставили перед ней. И она должна была ступить ногами в докрасна раскаленные туфли и плясать в них до тех пор, пока, наконец, не упала, мертвая, наземь.

ГВОЗДИКА

Жила-была королева, и судил ей так Господь Бог, что детей у нее не было. И она ходила каждое утро в сад и молила Бога, чтоб послал он ей сына или дочь. И вот однажды она услышала голос:

— Радуйся, будет у тебя сын-счастливец, все его желания будут исполняться, и все, что он ни пожелает, то и сбудется.

Она пришла к королю и рассказала ему эту радостную весть; и когда подошло время, родила она сына, и король был в великой радости.

Она ходила каждое утро с младенцем в сад, где находился зверинец, и умывалась у прозрачного родника. Случилось однажды так, что когда ребенок был уже постарше, он лежал у нее на коленях, и она в это время уснула. И явился старый повар; он знал, что это ребенок такой, что если он что задумает, то и исполнится, — и похитил его. Он взял затем курицу, зарезал ее и окропил кровью передник и платье ребенку. Ребенка он унес и спрятал в потаенном месте, где его должна была выкормить мамка; а сам побежал к королю и обвинил королеву в том, будто она допустила диких зверей похитить своего ребенка. Увидел король кровь на переднике, поверил всему и так разгневался, что велел построить высокую башню, куда не заглядывал бы ни один луч солнца и луны, приказал посадить туда свою жену и там ее замуровать. И пришлось ей томиться там целых семь лет без питья и пищи. Но Господь послал двух белых голубей, они должны были дважды в день прилетать и приносить ей еду, пока не пройдет семь лет.

Но повар подумал про себя: «Ведь это такой ребенок, что все его желанья исполняются, и он может накликасть на меня несчастье». И он ушел из замка и явился к мальчику; а тот за это время вырос настолько, что начал уже говорить. Вот повар ему и сказал:

— Пожелай себе прекрасный замок с садом и все, что к замку полагается.

И только мальчик вымолвил слово, как в ту же минуту явилось все, что он пожелал.

Спустя некоторое время повар ему говорит:

— Нехорошо тебе жить в одиночестве; пожелай, чтоб была с тобой вместе красивая девушка.

И королевич ее пожелал, и она вмиг перед ним явилась, и была такая прекрасная, что ни один живописец не мог бы написать подобной. Вот стали они вместе играть и полюбили друг друга от всего сердца. А старый повар ходил на охоту, будто какой знатный господин. Но вот пришла ему раз в голову мысль, что королевич может однажды пожелать жить вместе со своим отцом, и тогда это принесло бы ему большое несчастье. Он вышел из дому, взял с собой девушку и сказал:

— Этой ночью, когда мальчик уснет, подойди к его постели, всади ему нож в сердце и принеси мне его сердце и язык; если же ты этого не выполнишь, то сама умрешь.

Повар ушел, а на другой день вернулся и видит, что она этого не сделала; девушка ему говорит:

— Зачем мне проливать невинную кровь, ведь он-то еще никого не обидел.

Говорит повар опять:

— Если ты этого не сделаешь, придется тебе жизнью своей поплатиться.

Только он ушел, велела девушка привести небольшого оленя и заколоть его; она взяла его сердце и язык, положила их на тарелку, а когда повар-старик явился домой, она сказала мальчику:

— Ложись в постель и укройся одеялом.

Вот входит злодей и говорит:

— Где сердце и язык мальчика?

Подала ему девушка тарелку, а королевич сбросил с себя одеяло и сказал:

— Ты что ж, старый злодей, задумал меня убить? Я вынесу тебе за это приговор. Отныне ты станешь черным пуделем с золотой цепью на шее и будешь пожирать раскаленные угли, и будет у тебя из шеи выбиваться пламя.

Только вымолвил королевич эти слова, как вмиг обратился старик в пуделя, и была у него на шее цепь золотая. И велено было поварам принести горящие угли, — и он сожрал их все, и выбилось пламя у него из шеи. Пробыл королевич там недолгое время и вспомнил о своей матери: жива ли она еще? И сказал девушке:

— Мне хотелось бы вернуться домой на родину; если хочешь, поедем вместе со мной, и я буду тебя кормить.

— Ах, — отвечала она, — дорога туда далека, и что я буду делать на чужбине, где меня никто не знает?

И так как желания ехать у нее не было, а разлучаться они не хотели, то заколдовал он ее в красивую гвоздику и взял ее вместе с собой.

И вот королевич уехал оттуда, а пудель должен был бежать следом за ним. Наконец он вернулся к себе на родину. Подошел королевич к башне, где сидела его мать; а была башня очень высокая, и он пожелал, чтоб явилась лестни-

ца, которая доходила бы до самого верха. Он взобрался по той лестнице, заглянул в башню и крикнул:

— Милая матушка, госпожа королева, вы живы еще или умерли с голоду?

Ответила она:

— Я только что поела и вполне сыта, — она подумала, что то были ангелы.

А он говорит:

— Я любимый ваш сын, которого будто бы похитили у вас дикие звери; но я жив и в скором времени вас спасу.

Спустился королевич с башни и пошел к своему отцу; велел доложить, что он, мол, охотник из чужой земли и не может ли он поступить к королю на службу.

Ответил король:

— Да, если он достаточно опытный и может доставлять дичь, пусть явится ко мне.

Но дичи в тех краях никогда не водилось. И пообещал охотник доставлять ему дичи всегда столько, сколько будет необходимо для королевского стола. Потом он велел всем егерям собраться, чтоб отправиться с ним вместе в лес. Вот пошли егеря вместе с охотником, и он велел устроить в лесу облаву, но так, чтоб в одном месте большой круг оставался бы открытым; а сам стал в середину и начал желать. И вмиг явилось больше двухсот с лишним штук дичи, и егерям оставалось только ее стрелять. И они нагрузили дичь на целых шестьде-

сят крестьянских телег и привезли ее королю; и король мог, наконец, украсить свой стол дичью, которой долгие годы у него вовсе не было.

По этому случаю король очень обрадовался и пригласил на другой день на обед к себе всех придворных и устроил большое пиршество. Когда все гости собрались, сказал король своему охотнику:

— Так как ты очень ловок, то садись рядом со мной.

И ответил ему охотник:

— Ваше величество, господин король, позвольте заметить, что я охотник плохой.

Но король настаивал на своем и сказал:

— Нет, ты должен сидеть рядом со мной, — и пришлось тому подчиниться.

Когда охотник сидел за торжественным столом, он подумал про свою любимую мать; и вот он пожелал, чтобы кто-нибудь из придворных спросил бы о ней, как поживает, мол, госпожа королева в башне, жива ли она или уже погибла. И стоило ему только это пожелать, как заговорил о ней маршал и сказал:

— Ваше величество, нам-то вот здесь радостно, а как там поживает в башне госпожа королева, в живых ли она еще или, может, уже умерла?

И ответил король:

— Она позволила диким зверям разорвать моего любимого сына, и о ней слышать я не хочу!

Тогда поднялся охотник и говорит:

— Мой милостивейший батюшка, она еще жива, а я — ваш родной сын, меня не дикие звери разорвали, а похитил меня злодей, повар-старик; он унес меня из замка, когда она уснула, и выкрал меня у нее, когда я лежал у нее на коленях, и он обрызгал ее передник кровью курицы.

Потом он взял черного пуделя с золотой цепью на шее и сказал:

— Вот он, этот злодей, — и велел принести раскаленных углей, и пудель все их сожрал, и выбилось пламя у него из шеи.

И спросил королевич у отца, не угодно ли будет ему увидеть злодея в настоящем виде; и он пожелал, чтобы тот обратился снова в повара: глядь — стоит перед ним повар в белом фартуке и с ножом на боку. Увидев его, король разгневался и велел бросить его в самую глубокую темницу, в подземелье.

А охотник продолжал:

— Батюшка, не угодно ли вам увидеть ту девушку, что нежно меня воспитывала? Ее заставляли меня убить, но она не сделала этого, хотя за отказ свой должна была поплатиться жизнью.

Ответил король:

— Да, я бы с удовольствием посмотрел на нее.

И сказал сын:

— Милостивейший батюшка, я покажу ее вам в образе красивого цветка.

Он сунул руку в карман, достал оттуда гвоздику и положил ее на королевский стол, и была она такая прекрасная, что подобной король еще ни разу не видывал.

И говорит тогда сын:

— А теперь я покажу ее вам в настоящем виде, — и он расколдовал ее, и стала она девушкой, и была такой прекрасной, что ни один живописец не смог бы написать лучшей.

Послал тогда король двух своих камеристок и слуг, чтобы поднялись они в башню, вывели бы оттуда королеву и привели ее к королевскому столу. Вот привели ее в пиршественный зал, но она не стала ничего есть и сказала:

— Милостивый Господь, что поддерживал меня в башне, скоро пошлет мне освобождение.

Она прожила еще три дня, а потом тихо и спокойно умерла.

Старый король велел повара четвертовать; но печаль терзала его сердце, и он вскоре умер. А сын женился на прекрасной девушке, которую принес с собой в кармане в образе цветка; а живут ли они сейчас, о том одному Богу известно.

УМНАЯ ЭЛЬЗА

Жил-был человек, и была у него дочь, звали ее Умной Эльзой. Вот выросла она, а отец и говорит:
— Пора бы отдать ее замуж.

— Да, — сказала мать, — если только найдется такой человек, что захочет ее взять.

И вот пришел, наконец, из дальних мест человек, звали его Ганс; стал он к ней свататься, но поставил условие, чтобы Умная Эльза была к тому же и весьма рассудительной.

— О, — сказал отец, — смекалка у нее в голове имеется.

А мать добавила:

— Ах, да уж что и говорить-то: она все понимает, видит даже, как ветер по улице гуляет, и слышит, как мухи кашляют.

— Ну, — сказал Ганс, — а если она окажется не очень смышленной, то я на ней не женюсь.

Вот сидят они за столом, обедают, а мать и говорит:

— Эльза, сходи-ка в погреб да принеси нам пива.

Взяла Умная Эльза с полки кувшин и спустилась в погреб, весело постукивая крышкой, чтобы время шло побыстрей. Пришла она в погреб, поставила перед пивной бочкой скамейку, чтобы не надо было нагибаться, и спина чтоб не заболела, и чтоб не слишком устать. Поставила она перед собой кувшин, отвернула кран и, чтобы глаза не оставались без дела, пока пиво нальется, стала она стену разглядывать; вот смотрит она да разглядывает и заметила вдруг над собой кирку на стене, что забыли там по ошибке каменщики.

И вот начала Умная Эльза плакать и причитать: «Коли выйду я замуж за Ганса, и родится у нас ребенок, и вырастет он, и пошлем мы его в погреб пива нацедить, вдруг упадет ему на голову кирка и убьет его насмерть». Вот сидит она и плачет, изо всех сил причитает по поводу предстоящего несчастья. А в доме наверху ждут в это время пива, а Умная Эльза все не возвращается. Хозяйка и говорит работнице:

— Сходи-ка ты в погреб да погляди, что там с Эльзой случилось.

Пошла работница, видит — сидит Эльза перед бочкой и плачет-заливается.

— Эльза, чего ты плачешь? — спрашивает работница.

— Ох, — отвечает она, — да как же мне не плакать? Коли выйду я замуж за Ганса, и родится у нас ребенок, вырастет он большой, и придется ему пойти в погреб пива нацедить, то вдруг невзначай может упасть ему на голову кирка и убить его насмерть...

И сказала работница:

— Вот какая у нас Эльза умная!

Подсела она к ней и начала тоже горе оплакивать. А в доме все пива ждут не дождутся, а работница не возвращается. Тогда отец и говорит работнику:

— Сходи-ка ты в погреб да погляди, что там Эльза с работницей делают.

Спустился работник в погреб, видит — сидит Умная Эльза с работницей, и обе плачут. Спрашивает он у них:

— Чего вы плачете?

— Ох, — отвечает Эльза, — да как же мне не плакать? Коли выйду я замуж за Ганса, и родится у нас ребенок, вырастет он большой, и придется ему пойти в погреб пива нацедить, то вдруг упадет ему на голову кирка и убьет его насмерть...

Работник и говорит:

— Вон какая у нас Эльза умная! — подсел к ней и тоже заплакал. А в доме ждут работника, а он все не возвращается. Тогда отец говорит матери:

— Сходи-ка ты сама в погреб да погляди, что там с Эльзой случилось.

Спустилась мать в погреб, видит — все трое плачут. Спрашивает она у них, чего это они плачут; и рассказала ей Эльза, что ее будущего ребенка, когда он подрастет, может убить кирка, — будет он наливать пиво, а кирка вдруг и упадет ему на голову. И сказала мать:

— Ох, какая же у нас умная Эльза! — и подсела к ним и тоже заплакала.

Подождал отец немного, видит — мать тоже не возвращается, а выпить пиво все больше и больше хочется. Вот и говорит он:

— Надо будет мне самому в погреб сходить да посмотреть, что это там с Эльзой случилось.

Спустился он в погреб, видит — сидят все рядышком и горько плачут; узнал он, что причиной тому Эльзин ребенок, которого она, пожалуй, когда-нибудь родит, и что может его убить кирка, если, наеживая пиво, он будет сидеть как раз под киркой, а в это время она может упасть, и он воскликнул:

— Какая же у нас, однако, умная Эльза! — сел и тоже вместе с ними заплакал.

Долго дожидался жених в доме один, но никто не возвращался, и подумал он: «Пожалуй, они меня внизу дожидаются, надо будет и мне тоже туда сходить да поглядеть, что они там делают». Спустился он вниз, видит — сидят они все впятером и плачут-рыдают, да так жалобно — один пуще другого.

— Что у вас за беда случилась? — спрашивает он.

— Ах, милый Ганс, — ответила Эльза, — когда мы с тобой поженимся и будет у нас ребенок, вырастет он большой, то может случиться, что пошлем мы его в погреб пива нацедить, а кирка, что торчит на стене, может, чего доброго, упасть и разбить его голову и убить его насмерть. Ну, как же нам не плакать об этом.

— Ну, — сказал Ганс, — большего ума для моего хозяйства и не надо. Эльза, ты такая умная, что я на тебе женюсь, — и взял ее за руку, повел наверх и отпраздновал с ней свадьбу.

Пожила она с Гансом немного, а он и говорит:

— Жена, я пойду на заработки. Надо нам деньгами разжиться, а ты ступай на поле жать пшеницу, чтоб был у нас в доме хлеб.

— Хорошо, милый Ганс, я так и сделаю.

Ушел Ганс, наварила она себе вкусной каши и взяла с собой на поле. Пришла туда и сама себя спрашивает:

— Что мне делать? Жать ли сначала, или сперва поесть? Э, пожалуй, поем я сначала.

Съела она целый горшок каши, наелась до отвала и опять спрашивает:

— Что мне делать? Жать ли, или, может, сперва поспать? Пожалуй, посплю я сперва. — Легла она в пшеницу и уснула.

А Ганс в это время давно уже домой воротился, а Эльзы все нету и нету. Вот он и говорит:

— Какая у меня умная Эльза, она такая прилежная — и домой не возвращается, и ничего не ест.

А ее все нету и нету. Вот уже и вечер наступил, вышел Ганс в поле поглядеть, сколько она пшеницы нажала; видит, что ничего не сжато и лежит Эльза в пшенице и спит. Побежал Ганс поскорей домой, принес с собой птицеловную сеть с бубенцами и накинул ее на Эльзу; а она все продолжает спать. Побежал он домой, запер двери, уселся на лавку и принялся за работу.

Наконец совсем уж смерклось, проснулась Умная Эльза, и только она поднялась, а бубенцы на ней и зазвенели, и что ни сделает она шаг, а бубенцы все звенят и звенят. Испугалась она и призадумалась: а вправду ли она Умная Эльза? И стала сама себя спрашивать: «Я ли это, или не я?» И сама не знала, как ей на это ответить, и стояла она некоторое время в сомнении; наконец она подумала: «Пойду-ка я домой да спрошу, я ли это, или не я, — они уж наверное знают».

Прибежала она домой, а двери закрыты. Постучала она в окошко и спрашивает:

— Ганс, дома ли Эльза?

— Да, — ответил Ганс, — она дома.

Испугалась она и говорит:

— Ах, Боже мой, значит это не я! — и кинулась к другим дверям. А люди услышали звон бубенцов и не захотели ей отпирать, и нигде не нашлось ей приюта. И убежала она тогда из деревни; и никто ее с той поры больше не видел.

МОНАХ В ТЕРНОВНИКЕ¹

Жил когда-то крестьянин-богач, и был у него батрак; работал он на богача старательно и честно, каждое утро подымался первым, а вечером ложился последним; если попадалась какая-нибудь тяжелая работа, за которую никто не хотел браться, он всегда принимался за нее первым. К тому же он не жаловался, а всем был доволен и всегда был весел.

Вот проработал батрак год, и хозяин не заплатил ему ничего и подумал: «Этак будет разумней всего, я что-нибудь себе сберегу, он теперь от меня не уйдет и будет прекрасно продолжать работать».

Батрак на этот раз смолчал, выполнял и второй год, как и прежде, свою работу; в конце второго года он опять не получил своего заработка, но стерпел и остался работать дальше. Прошел и третий год, пораздумал хозяин, полез к себе в карман, но ничего оттуда не достал.

Тут батрак, наконец, не выдержал и говорит:

— Хозяин, я вам честно работал три года, будьте добры, уплатите мне то, что надлежит получить мне по праву; я от вас ухожу, хочу поглядеть, что на белом свете делается.

Ответил скряга:

— Да, мой любезный работничек, ты мне служил усердно, и за то будешь ты щедро награжден, — он сунул руку в карман и отсчитал батраку три геллера денег, — вот тебе по целому геллеру за год, это плата большая и более чем достаточная; редко у кого из хозяев ты получил бы столько.

Простодушный батрак в деньгах понимал мало, загреб свой капитал и подумал: «Ну, теперь карман мой полон, чего мне тужить и зачем дальше на тяжелой работе мучиться?»

¹ Название этой сказки мы берем по ее первоисточникам, опубликованным бр. Гримм; персонажами в них являются батрак и монах, бежавший из монастыря, как рассказано это в веселой комедии XVI века «История про батрака и монаха», о чем сообщается в «Примечаниях к отдельным сказкам» бр. Я. и В. Гримм; см. т. III «Kinder und Hausmarchen» Göttingen, 1856. (*Прим. перев.*)

И он ушел и двинулся через горы, по долинам, распевая песни да приплясывая сколько его душе было угодно. Приходилось ему раз проходить мимо лесной чащи, вдруг вышел оттуда маленький человечек и окликнул его:

— Куда это ты, брат-Весельчак, собрался? Вижу, ты не больно озабочен и грустить не собираешься.

— А чего мне быть грустным? — ответил батрак. — Всего у меня в досталь, и заработок за целых три года в кармане у меня позвякивает.

— А сколько же у тебя богатств-то? — спрашивает его человечек.

— Сколько? Целых три геллера, отсчитано верно.

— Послушай, — сказал карлик, — человек я бедный, подари мне свои три геллера: работать я больше не в силах, а ты еще молод и можешь себе легко заработать на хлеб.

А было у батрака сердце доброе, сжалился он над человечком, отдал ему свои три геллера и сказал:

— Ну, Бог с тобой, мне и этого хватит.

Сказал человечек:

— Я вижу, сердце у тебя доброе, и обещаю тебе исполнить твои три желанья — за каждый геллер по желанью, и все они исполнятся.

— Ого, — сказал батрак, — да ты, видно, из тех, кто на выдумки горазд! Ну, что ж, если так, то я пожелаю себе, во-первых, такой самопал, что во все, куда ни нацелишься, он попадет; во-вторых, такую скрипочку, что ежели на ней заиграть, то всяк, кто услышит игру, начнет плясать; в-третьих, если я у кого что попрошу, то чтоб не было мне ни в чем отказу.

— Это все у тебя и будет, — сказал человечек, сунул руку в куст, и — кто бы мог только подумать! — была уже перед батраком и скрипочка, и самопал, готовый выстрелить, — будто их кто по заказу сделал. Дал человечек их батраку и сказал:

— Если ты что у кого попросишь, то ни один человек на свете тебе в этом не откажет.

— Ну, милый, чего ж тебе теперь и желать-то? — сказал себе батрак и весело двинулся дальше.

Вскоре повстречался ему по дороге беглый монах: он стоял и прислушивался к пению птицы, которая сидела на самой макушке дерева.

— Божье чудо! — воскликнул монах. — Такая маленькая птичка, а какой необычайно сильный голос! Эх, если бы мне ее заполучить! Кто б это мог насыпать ей соли на хвост?

— Если это и все, — сказал батрак, — то птичка враз на земле очутится, — приложил он самопал, нацелился, и упала птица в терновую заросль.

— Ступай, плут, — сказал он монаху, — и достань теперь оттуда птицу.

— О да, позвольте уж мне, а то прибежит собака. Уж раз вы в птицу попали, то дайте подобрать ее мне, — он лег на землю и начал пробираться в кусты.

Вот залез монах в самую гущу терновника, и захотелось доброму батраку над ним посмеяться, — снял он свою скрипку и начал играть. И мигом начал монах на ноги подыматься и прыгать, и чем больше батрак играл, тем быстрее становилась пляска. Но колющие шипы разорвали ему потертый подрясник, причесали как следует ему волосы, всего его искололи и впились в тело.

— Ой, — закричал монах, — зачем мне такая игра! Бросьте играть на скрипке, плясать мне вовсе не хочется.

Но батрак его не послушал и подумал: «Ты довольно с людей шкуру драл, пускай с тобой поступит так же терновая заросль». Он принялся снова играть, и пришлось монаху подпрыгивать все выше и выше, и лохмотья его подрясника повисли на шипах.

— Ай! Ай! Ай! — кричал монах. — Я готов вам отдать все, что потребуете, только оставьте свою игру на скрипке, дам полный кошелек денег.

— Уж если ты такой щедрый, — сказал батрак, — то так и быть, я брошу свою музыку; но надо будет о тебе порассказать всюду, как здорово ты пляшешь! — и он забрал кошелек и пошел себе дальше.

А монах, как стоял, так и застыл на месте, он смотрел батраку вслед, пока тот отошел далеко и совсем уже скрылся из виду; потом монах закричал во все горло:

— Эх ты, несчастный музыкант, музыкантишко ты трактирный! погоди, поймаю я тебя одного, будешь ты от меня удирать, аж пятки засверкают. Эх ты, оборванец, заткни себе грош в глотку, вся цена тебе шесть грошей! — и он продолжал его ругать на чем свет стоит. Наконец он удовлетворился, отдышался и побежал в город к судье.

— Ой-ой-ой! Господин судья, посмотрите, как меня злодей на большой дороге ограбил, избил! Камень, и тот сжалиться может. Всю одежду на мне изорвал! Всего меня исколол, исцарапал! Все мои жалкие гроши забрал у меня вместе с кошельком. А были там все дукаты, один красивей другого. Ради Бога, упрячьте вы этого злодея в тюрьму!

Сказал судья:

— Так что ж, это был, наверно, солдат, который тебя так изрубил саблей?

— Боже упаси! — ответил монах. — Никакой сабли у него не было: висел у него самопал за плечами и скрипка на шее, — злодея легко опознать.

Выслал тогда судья своих стряпчих, чтобы его изловить; нашли они доброго батрака, — он шел медленно по дороге, и оказался у него кошелек с золотом. Привели его на суд, а батрак говорит:

— Я монаха не трогал и денег у него не брал, он сам мне их предложил, оттого что не мог вынести моей музыки.

— Боже мой! — закричал монах. — Да он врёт, как водой бредет.

И судья батраку не поверил и сказал:

— Плохо ты оправдываешься, так ни один монах не поступит, — и приговорил доброго батрака повесить за то, что он будто совершил грабеж на большой дороге.

Стали батрака уводить, и закричал монах ему вслед:

— Эй ты, бродяга, дрянной музыкант! Теперь-то ты получишь заслуженное тобой наказание!

Стал батрак спокойно подыматься вместе со своим палачом по лестнице, а на последней ступеньке повернулся и говорит судье:

— Прежде чем мне умереть, исполните одну мою просьбу.

— Хорошо, — сказал судья, — если ты не будешь просить, чтоб тебя помиловали.

— Нет, я прошу не о помиловании, — сказал батрак, — а дозвоьте мне сыграть в последний разок на своей скрипке.

Поднял монах страшный крик:

— Ради Бога, не разрешайте ему, не разрешайте!

Но судья сказал:

— Почему не позволить ему этой маленькой радости? Это и по закону положено, и это будет исполнено.

Но не могло быть батраку отказано еще и потому, что имел он такой дар, что ни в чем ему не было отказа.

Завопил монах снова:

— Ой, ой, ой, привяжите меня покрепче!

Снял батрак с шеи свою скрипочку, приладил ее, и только ударил он смычком, как зашаталось, заколыхалось все — и судья, и писаря, и судейские; и выпала у палача из рук веревка, которой он должен был привязать монаха. Ударил батрак смычком еще раз — и все подняли ноги, и отпустил палач, собираясь

пустить в пляс, доброго батрака. Ударил батрак смычком в третий раз — и подпрыгнули все и пошли в пляс; были судья и монах впереди остальных и плясали лучше всех. А вскоре за ними заплясали и те, кто явился на рынок из любопытства, и посмешались между собой все, и старые и молодые, и толстые и худые. Даже собаки, прибежавшие вместе со своими хозяевами, и те поднялись на задние лапы и тоже запрыгали. И чем дольше играл батрак, тем все выше подпрыгивали плясуны, толкая друг друга головами, и начали, наконец, жалостно кричать. Крикнул тогда судья, уже совсем запыхавшись:

— Я дарю тебе жизнь, только перестань играть на скрипке!

Стало доброму батраку его жалко, оставил он скрипку, повесил ее на шею и спустился с лестницы. Подошел он затем к монаху, который лежал на земле, еле дыша, и говорит ему:

— Мошенник, сознайся теперь, откуда ты деньги взял, а не то я сниму скрипку и опять заиграю.

— Я их украл, я их украл! — закричал монах. — А ты их честно заработал.

И велел судья отвести монаха на виселицу и повесить его, как вора.

ЗОЛУШКА

Заболела раз у одного богача жена и почувствовала, что конец ей приходит. Подозвала она свою единственную дочку к постели и говорит:

— Мое милое дитя, будь скромной и ласковой, и Господь тебе всегда поможет, а я буду глядеть на тебя с неба и всегда буду возле тебя.

Потом закрыла она глаза и умерла. Девочка ходила каждый день на могилу к матери и плакала, и была смирной и ласковой.

Вот наступила зима, и снег укутал белым саваном могилу, а когда весной опять засияло солнышко, взял богач себе в жены другую жену.

Привела мачеха в дом своих дочерей. Были они лицом красивые и белые, но сердцем злые и жестокие. И настало тогда тяжелое время для бедной падчерицы.

— Неужто эта дура будет сидеть у нас в комнате? — сказала мачеха. — Кто хочет есть хлеб, пускай его заработает. А ну-ка, живей на кухню, будешь стряпухой.

Отобрали они у нее красивые платья, надели на нее старую посконную рубаху и дали ей деревянные башмаки.

— Поглядите-ка на эту гордую принцессу, ишь как вырядилась, — говорили они, смеясь, и отвели ее на кухню.

И должна она была там с утра до самого позднего вечера исполнять черную работу: вставать рано утром, носить воду, топить печь, стряпать и мыть. А кроме того, сводные сестры всячески старались, как бы ее по сильнее огорчить — насмехались над ней, высыпали горох и чечевицу в золу, и ей приходилось сидеть и выбирать их оттуда опять.

Вечером, когда она от работы уставала, ей приходилось ложиться спать не в постель, а на полу, рядом с печкой, на золе. И оттого, что была она всегда в золе, в пыли и грязная, прозвали ее сестры Золушкой.

Случилось однажды, что отец собрался ехать на ярмарку, и спросил у своих падчериц, что привезти им в подарок.

— Красивые платья, — сказала одна.

— Жемчуга и драгоценные камни, — попросила другая.

*И настало тогда тяжелое время для бедной падчерицы.
Отбрали они у нее красивые платья, надели на нее старую посконную
рубаху и дали ей деревянные башмаки.*

— Ну, а ты что, Золушка, хочешь?

— Привези мне, батюшка, ветку, что на обратном пути первая зацепит тебя за шапку, — отломи ее и привези мне с собой.

Накупил отец своим падчерицам красивые платья, жемчуга и самоцветные камни, и когда на обратном пути ехал он через лесок, ветка орешника хлестнула его, да так сильно, что и шапку с головы у него сбила, он сорвал эту ветку и привез ее с собой. Воротился он домой и подарил падчерицам то, что они просили, а Золушке отдал ветку орешника.

Поблагодарила его Золушка, пошла на могилу к матери и посадила там ветку и так сильно плакала, что слезы катились у нее из глаз на землю, и они полили ту ветку. Вот выросла веточка и стала красивым деревом. Золушка трижды в день приходила к дереву, плакала и молилась; и каждый раз прилетала на дерево белая птичка; и когда Золушка ей говорила какое-нибудь желание, птичка сбрасывала ей то, что она просила.

Но вот случилось однажды, что король затеял пир, который должен был длиться целых три дня, и созвал на праздник всех красивых девушек страны, с тем чтобы сын его мог выбрать себе невесту. Когда две названные сестры узнали о том, что им тоже надо явиться на пир, они стали добрые, кликнули Золушку и говорят:

— Причеши нам волосы, почисти туфли и застегни застегжки, да покрепче, мы ведь идем в королевский дворец на смотрины.

Золушка их послушалась, но заплакала — ей тоже хотелось пойти потанцевать; она стала просить мачеху, чтобы та отпустила ее.

— Ты ведь Золушка, — сказала ей мачеха, — вся ты в золе да в грязи, куда уж тебе идти на пир? У тебя ведь ни платья нету, ни туфель, а ты хочешь еще танцевать.

Перестала Золушка ее просить, а мачеха ей и говорит:

— Вот просыпала я миску чечевицы в золу. Коль выберешь ее за два часа, тогда можешь идти вместе с сестрами.

Вышла Золушка черным ходом в сад и молвила так:

— Вы, голубки ручные, вы, горлянки, птички поднебесные, летите, помогите мне выбрать чечевицу!

Хорошие — в горшочек,

Поплоше, те в зобочек.

И прилетели к кухонному окошку два белых голубка, а за ними и горлянка, и наконец прилетели-послетались все птички поднебесные и опустились на золу. Наклонили голубки свои головки и начали клевать: тук-тук-тук-тук, а за ними и остальные тоже: тук-тук-тук-тук, и так повыбрали все зернышки в мисочку. Не прошло и часу, как кончили они работу и все улетели назад.

Принесла Золушка мисочку своей мачехе, стала радоваться, думая, что ей можно будет идти на пир, но мачеха сказала:

— Нет, Золушка, ведь у тебя нет платья, да и танцевать ты не умеешь, — там над тобой только посмеются.

Заплакала Золушка, а мачеха и говорит:

— Вот если выберешь мне за один час из золы две полных миски чечевицы, то можешь пойти вместе с сестрами, — а сама подумала про себя: «Этого уж ей не сделать никогда». Высыпала мачеха две миски чечевицы в золу, а Золушка вышла через черный ход в сад и молвила так:

— Вы, голубки ручные, вы, горлинки, птички поднебесные, летите, помогите мне выбрать чечевицу!

Хорошие — в горшочек,
Поплоше, те в зобочек.

И прилетели к кухонному окошку два белых голубка, а вслед за ними и горлинка, и наконец прилетели-послетались все птички поднебесные и спустились на золу. Наклонили голубки головки и начали клевать: тук-тук-тук-тук, а за ними и остальные тоже: тук-тук-тук-тук, и повибрали все зернышки в миску. Не прошло и получаса, как кончили они работу и улетели все назад.

Принесла Золушка две миски чечевицы мачехе, стала радоваться, думая, что теперь-то ей можно будет идти на пир, а мачеха и говорит:

— Ничего тебе не поможет: не пойдешь ты вместе со своими сестрами, — и платья у тебя нету да и танцевать ты не умеешь, — нам будет за тебя только стыдно.

Повернулась она спиной к Золушке и поспешила со своими двумя дочерьми на пир.

Когда дома никого не осталось, пошла Золушка на могилу к своей матери под ореховое деревцо и кликнула:

Ты качнися-отряхнися, деревцо,
Кинься златом-серебром ты мне в лицо.

И сбросила ей птица золотое и серебряное платье, шитые шелком да серебром туфельки. Надела она быстро это платье и явилась на смотрины.

А сводные ее сестры и мачеха об этом не знали и подумали, что это, должно быть, какая-то чужая королева, — такая красивая была она в своем золотом платье. Им и в голову не приходило, что это Золушка; они думали, что сидит она дома в грязи и выбирает из золы чечевицу.

Вот вышел ей навстречу королевич, взял ее за руку и стал с ней танцевать. И не хотел он танцевать ни с какой другой девушкой, все держал ее за руку, и если кто подходил приглашать ее на танец, он говорил:

— Я с ней танцую.

Проплясала она до самого вечера и хотела уже домой возвращаться, а королевич ей и говорит:

— Я пойду тебя проводить. — Ему хотелось узнать, чья это дочка-красавица; но она от него убежала и взобралась на голубятню.

И дождался королевич до тех пор, пока не пришел отец, и сказал ему королевич, что какая-то неизвестная девушка взобралась на голубятню. Старик подумал: «А не Золушка ли это?» и велел принести топор и багор, чтобы разрушить голубятню, но в ней никого не оказалось.

Вернулись родители домой, видят — лежит Золушка в своей посконной рубахе на золе, и горит у печки тусклая масляная лампочка. А дело было так: Золушка быстро выпрыгнула с другой стороны голубятни и побежала к ореховому деревцу, там она сняла свое красивое платье и положила его на могилу; унесла его птица назад, и надела Золушка опять свою серую посконную рубашу и села в кухне на кучу золы.

На другой день, когда пир начался снова и родители и сводные сестры ушли опять из дому, направилась Золушка к ореховому дереву и молвила так:

Ты качнися-отряхнися, деревцо,
Кинься золотом-серебром ты мне в лицо.

И сбросила ей птица еще более пышное платье, чем в прошлый раз. И когда явилась она в этом платье на пир, каждый дивился, глядя на ее красоту. Королевич ждал ее, пока она не пришла, и тотчас взял ее за руку и танцевал только с ней одной. Когда к ней подходили другие и приглашали ее на танец, он говорил:

— Я с ней танцую.

Вот наступил вечер, и она собралась уходить, и пошел королевич следом за ней, чтобы посмотреть, в какой дом она войдет. Но она убежала прямо в сад, который находился за домом. И росло в том саду красивое большое дерево, и висели на нем чудесные груши. Она проворно взобралась на него, как белочка по веткам, а королевич и не заметил, куда она исчезла. Стал он ее поджидать, и когда явился отец, королевич ему говорит:

— От меня убежала неизвестная девушка, мне кажется, что она взобралась на грушу.

Отец подумал: «Уж не Золушка ли это?», и велел принести топор и срубил дерево, но на нем никого не оказалось. Пришли они в кухню, видят — лежит Золушка, как и в прошлый раз, на золе; как и тогда, она спрыгнула с другой стороны дерева и отдала птице, что прилетела на ореховое дерево, свое прекрасное платье и надела опять серую посконную рубашу.

На третий день, когда родители и сводные сестры ушли на пир, отправилась Золушка снова на могилу к матери и молвила деревцу:

*Вот вышел ей навстречу королевич, взял ее за руку и стал с ней танцевать.
И не хотел он танцевать ни с какой другой девушкой, все держал ее за руку,
и если кто подходил приглашать ее на танец, он говорил: «Я с ней танцую!»*

Ты качнися-отряхнися, деревцо,
Кинься золотом-серебром ты мне в лицо.

И сбросила ей птица платье, такое сияющее и великолепное, какого еще никогда ни у кого не было; а туфельки были из чистого золота.

Вот явилась она на пир в этом платье, и никто не знал, что и сказать от изумленья. Королевич танцевал только с ней одной, а если кто ее приглашал, он говорил:

— Я с ней танцую.

Вот наступил вечер, и собралась Золушка уходить; и хотелось королевичу ее проводить, но она так ловко от него ускользнула, что он даже этого и не заметил. Но придумал королевич хитрость: он велел вымазать всю лестницу смолой; и когда она от него убегала, то туфелька с ее левой ноги осталась на одной из ступенек. Королевич поднял эту туфельку, и была она такая маленькая и нарядная и вся из чистого золота.

На другое утро пошел королевич с той туфелькой к отцу Золушки и говорит:

— Моей женой будет только та, на чью ногу придется эта золотая туфелька.

Обрадовались обе сестры — ноги у них были очень красивые. Старшая отправилась в комнату, чтобы примерить туфельку, и мать была тоже с ней. Но никак не могла она натянуть туфельку на ногу: мешал большой палец, и туфелька оказалась ей мала. Тогда мать подала ей нож и говорит:

— А ты отруби большой палец; когда станешь королевой, все равно пешком ходить тебе не придется.

Отрубила девушка палец, натянула с трудом туфельку, закусил губы от боли и вышла к королевичу. И взял он ее себе в невесты, посадил на коня и уехал с ней.

Но надо было им проезжать мимо могилы, а сидело там два голубка на ореховом деревце, и запели они:

Погляди-ка, посмотри,
А башмак-то весь в крови,
Башмачок, как видно, тесный,
Дома ждет тебя невеста.

Посмотрел королевич на ее ногу, видит — кровь из нее течет. Повернул он назад коня, привез самозванную невесту домой и сказал, что это невеста не настоящая, — пускай, мол, наденет туфельку другая сестра.

Пошла та в комнату, стала примерять, влезли пальцы в туфельку, а пятка оказалась слишком большая. Тогда мать подала ей нож и говорит:

— А ты отруби кусок пятки: когда будешь королевой, пешком тебе все равно ходить не придется.

Отрубила девушка кусок пятки, всунула с трудом ногу в туфельку, закусила губы от боли и вышла к королевичу. И взял он ее себе в невесты, посадил на коня и уехал с ней.

Но проезжали они мимо орехового дерева, а сидело на нем два голубка, и они запели:

Погляди-ка, посмотри,
А башмак-то весь в крови,
Башмачок, как видно, тесный,
Дома ждет тебя невеста.

Глянул он на ее ногу, видит — кровь течет из туфельки, и белые чулки совсем красные стали. Повернул он коня и привез самозванную невесту назад в ее дом.

— И эта тоже не настоящая, — сказал он, — нет ли у вас еще дочери?

— Да вот, — сказал отец, — осталась от покойной моей жены маленькая, несмышленная Золушка, — да куда уж ей быть невестой!

Но королевич попросил, чтоб ее привели к нему: а мачеха и говорит:

— Да нет, она такая грязная, ей нельзя никому и на глаза показываться.

Но королевич захотел во что бы то ни стало ее увидеть; и пришлось привести к нему Золушку. И вот умыла она сначала руки и лицо, потом вышла к королевичу, склонилась перед ним, и он подал ей золотую туфельку. Села она на скамейку, сняла с ноги свой тяжелый деревянный башмак и надела туфельку, и пришлось она ей как раз впору. Вот встала она, посмотрел королевич ей в лицо и узнал в ней ту самую красавицу-девушку, с которой он танцевал, и он воскликнул:

— Вот это и есть настоящая моя невеста!

Испугались мачеха и сводные сестры, побледнели от злости; а он взял Золушку, посадил на коня и ускакал с ней.

Когда проезжали они мимо орехового дерева, молвили два белых голубка:

Оглянися, посмотри,
В башмачке-то нет крови,
Башмачок, видать, не тесный,
Вот она — твоя невеста!

Только они это вымолвили, улетели оба с дерева и уселись на плечи к Золушке: один на правое плечо, другой на левое, — так и остались они сидеть.

Когда пришло время быть свадьбе, явились и вероломные сестры, хотели к ней подольститься и разделить с ней ее счастье. И когда свадебный поезд отправился в церковь, сидела старшая по правую руку, а младшая по левую;

и вот выклевали голуби каждой из них по глазу. А потом, когда возвращались назад из церкви, сидела старшая по левую руку, а младшая по правую; и выклевали голуби каждой из них еще по глазу.

Так вот были они наказаны за злобу свою и лукавство на всю свою жизнь слепотой.

БЕЛАЯ ЗМЕЯ

Давно тому назад жил на свете король, и был он славен по всей земле своей мудростью. Все было ему известно, будто кто по воздуху подавал ему вести о самых сокровенных вещах. Но был у него странный обычай: каждый полдень, когда все со стола убирали и никого постороннего не оставалось, приносил ему надежный слуга еще одно блюдо. Но было оно прикрыто, и даже слуга, и тот не знал, что находится на этом блюде; и не знал об этом ни один человек, ибо король открывал блюдо и приступал к еде только тогда, когда оставался совершенно один.

Так продолжалось долгое время, но вот однажды одолело слугу любопытство, он не мог с собой совладать и отнес блюдо в свою комнату. Он прикрыл как следует двери, поднял с блюда крышку, видит — лежит там белая змея. Глянул он на нее и не мог удержаться, чтоб ее не попробовать; он отрезал кусок и положил его в рот. И только он прикоснулся к нему языком, как тотчас услышал у окна странный шепот нежных голосов. Он подошел ближе, прислушался — видит, что это беседуют между собой воробы и рассказывают друг другу всякую всячину, виденную ими на поле и в лесу: вкус змеиного мяса дал ему возможность понимать птичий язык.

И вот случилось, что как раз в этот день у королевы пропало ее самое красивое кольцо, и подозрение пало на этого ближайшего слугу, который имел всюду доступ. Король кликнул слугу и начал ему грозить, всячески его ругая, что ежели он к утру не назовет виновника, то будет признан вором и отдан под суд. Но ничего не помогло, слуга настаивал на своей невинности, и его отпустили с тем же решением. В страхе и беспокойстве вышел он во двор и стал раздумывать, как ему из беды выбраться. А сидели у ручья мирно рядышком утки и отдыхали; они чистили и приглаживали себя клювами и вели между собой беседу. Слуга остановился и стал прислушиваться. А рассказывали утки друг другу, где они нынче утром бывали, где плавали, какой нашли корм; и вот говорит одна из них с досадой:

— У меня такая тяжесть в желудке, я второпях проглотила кольцо, что лежало под окном королевы.

Схватил слуга утку тотчас за шею, принес ее на кухню и говорит повару:

— Зарежь мне эту утку, видишь — какая она жирная.

— Да, — сказал повар, взвешивая ее на руке, — она, что и говорить, хорошо откормилась, постаралась, видно, и давненько дожидается, чтоб ее зажарили.

Он отрубил ей голову и стал ее потрошить, и вот нашлось у нее в желудке кольцо королевы. И мог теперь слуга легко доказать королю свою невиновность; а так как королю хотелось загладить свою несправедливость, то он позволил ему что-нибудь у него попросить и обещал самую почетную должность при дворе, какую он только пожелает.

Но слуга от всего отказался и попросил только коня и денег на дорогу, — хотелось ему свет повидать и некоторое время постранствовать. Его просьба была исполнена, и он отправился в путь-дорогу.

Однажды, проезжая мимо озера, увидел он трех рыб, которые застряли в камыше и старались выбраться к воде. Хотя и говорят, что рыбы будто немые, но слуга услышал их жалобу, что вот приходится им теперь погибать такой жалкой смертью. А было у него сердце жалостливое, — он встал с коня и бросил трех пленниц обратно в озеро. Начали они на радостях трепыхаться, высунули из воды головы и молвили ему:

— Мы этого тебе не забудем и отблагодарим тебя за то, что ты спас нам жизнь.

Поехал он дальше; и вскоре ему почудилось, будто у самых его ног на песке слышится чей-то голос. Он стал прислушиваться и услышал, как царь муравьиный жаловался:

— Хотя бы оставили нас люди в покое, а заодно и неуклюжие животные!

И он свернул на обочину; и тогда сказал ему царь муравьиный:

— Мы этого тебе не забудем и отблагодарим тебя за это.

Дальше привела дорога его в лес, и увидел он там ворона и ворону, они стояли у гнезда и выбрасывали оттуда своих птенцов.

— Прочь отсюда, шалопаи вы такие! — кричали они. — Вас теперь не накормишь, вы уже достаточно выросли и можете сами себя прокормить.

Бедные воронята лежали на земле и, пытаясь подняться, размахивали крыльями и кричали:

— Ведь мы беспомощные птенчики, вы должны нас кормить, мы летать еще не умеем! Теперь нам одно остается — помереть с голоду.

Слез тогда добрый парень с коня, убил его шпагой и оставил на прокорм молодым воронятам. Они подскочили, наелись досыта и закричали:

— Мы этого тебе никогда не забудем и поможем тебе в беде!

Пришлось теперь парню идти пешком; прошел он немало долгих путей и дорог, пока попал, наконец, в столицу. И были там на улицах большой шум и суeta, и явился всадник и объявил во всеуслышанье:

*Однажды, проезжая мимо озера, увидел он трех рыб, которые застряли
в камыше и старались выбраться к воде.*

— Королевна ищет себе мужа, и кто хочет за нее посвататься, тот должен сперва выполнить трудную задачу; а кто не сможет с ней удачно справиться, тот жизнью поплатится.

Много людей пыталось уже выполнить это, но только напрасно жизнью своей заплатились. Но когда парень увидел королевну, он был так ослеплен ее несказанной красотой, что забыл про всякую опасность, пришел к королю и объявил себя ее женихом.

Его привели тотчас на морской берег, и был брошен в море на глазах у него перстень, и король велел ему достать этот перстень со дна моря и прибавил:

— А если ты вернешься назад без него, то будут тебя сбрасывать все время в воду, пока ты не утонешь в волнах.

Все пожалели красивого парня и покинули его одного у моря. Стоял он на берегу и раздумывал, что ему теперь делать. Вдруг видит — подплывают к нему три рыбы, то были те самые, которым он спас жизнь. И держала средняя во рту раковину, она положила ее на берег к ногам юноши. Он поднял раковину, открыл ее, и лежал там золотой перстень. Радостный, принес он его королю и ждал, что тот даст ему обещанную награду. Но когда надменная королевна услышала, что он простой слуга, отказала ему и потребовала, чтобы выполнил он сначала вторую задачу. Она сошла в сад и рассыпала там на траве десять больших мешков проса.

— К утру, прежде чем подымется солнце, ты должен мне все это просо выбрать, — сказала она, — да так, чтоб ни одно зернышко не пропало.

Сел парень в саду и стал раздумывать, как выполнить ему такую задачу, но ничего придумать не мог и сидел пригорюнившись и ждал, что с наступлением утра его поведут на казнь. Но вот засияли в саду первые лучи солнца, и он увидел, что все десять мешков полны проса, и стоят все в ряд, и не пропало при этом ни одного зернышка. Явился ночью царь муравьиный со своими тысячами муравьев, и благодарные насекомые с великим усердием выбрали просо и сложили его в мешки.

Вот сошла сама королевна в сад и увидала, к своему удивлению, что парень выполнил то, что было ему поручено. Но она не могла осилить своей гордыни и сказала:

— Хотя он и выполнил обе задачи, но не стать ему моим мужем прежде, чем не принесет он мне яблока с дерева жизни.

Парень не знал, где растет дерево жизни; но он собрался в путь-дорогу и решил искать его до тех пор, пока ноги будут идти, но у него не было никакой надежды его отыскать. Вот обошел он уже три королевства и зашел под вечер в лес. Сел под деревом, и захотелось ему спать, — но он услышал в ветвях шелест, и упало ему в руку золотое яблоко. А тут слетели к нему вниз три ворона, уселись к нему на колени и сказали:

— Мы три молодых вороненка, которых ты спас от голодной смерти. Мы теперь выросли и, когда услышали, что ты ищешь золотое яблоко, прилете-

ли из-за моря, долетели до самого края земли, где растёт дерево жизни, и принесли тебе это яблоко.

Сильно обрадовался парень, и пустился в обратный путь, и принес прекрасной королевне золотое яблоко; и уж теперь отговариваться ей было невозможно: они поделили яблоко жизни и съели его вдвоем; и исполнилось ее сердце к нему любовью, и дожили они в безмятежном счастье до самой глубокой старости.

ВОЛК И СЕМЕРО КОЗЛЯТ

Жила-была старая коза. Было у нее семеро козлят, и она их так любила, как может любить своих детей только мать. Раз собралась она идти в лес, корма принести; вот созвала она всех своих семерых деток и говорит:

— Милые детки, хочу я в лес пойти, а вы смотрите волка берегитесь. Если придет он сюда, то всех вас поест, заодно со шкурой и шерстью. Этот злодей часто прикидывается, но вы его сразу узнаете по толстому голосу и по черным лапам.

Ответили козлятки:

— Милая матушка, уж мы постережемся, вы ступайте себе, не беспокойтесь.

Заблеяла старая коза и преспокойно отправилась в путь-дорогу.

Прошло немного времени, вдруг кто-то стучится в дверь и кричит:

— Детки милые, отомкнитесь, ваша мать пришла, вам гостинцев принесла!

Но козляточки по толстому голосу услышали, что это волк.

— Не откроемся, — закричали они, — ты не матушка наша; у той голос добрый и тонкий, а твой голос толстый: ты — волк.

Пошел тогда волк к купцу и купил себе мела большой кусок, съел его, и стал у него голос тонкий. Вернулся назад, постучался в дверь и говорит:

— Детки, милые, отомкнитесь, ваша мать пришла, вам гостинцев принесла.

Положил волк свою черную лапу на окошко, увидели ее козлятки и закричали:

— Не откроемся, у матушки нашей не черные лапы: ты — волк!

Побежал тогда волк к хлебопеку и говорит:

— Я зашиб себе ногу, помажь мне ее тестом.

Помазал ему хлебопек лапу тестом, побежал волк к мельнику и говорит:

— Присыпь мне лапу белой мукой.

Мельник подумал: «Волк, видно, хочет кого-то обмануть», и не согласился. А волк говорит:

— Если ты этого не сделаешь, я тебя съем.

*Жила-была старая коза. Было у нее семеро козлят, и она их так любила,
как может любить своих детей только мать.*

Испугался мельник и побелел ему лапу. Вот какие бывают люди на свете!

Подошел злодей в третий раз к двери, постучался и говорит:

— Детки милые, отомкнитесь, ваша мать пришла, вам из лесу гостинцы принесла!

Закричали козляточки:

— А ты покажи нам сначала свою лапу, чтобы мы знали, что ты наша матушка.

Положил волк свою лапу на окошко, увидели они, что она белая, и подумали, что он правду говорит, — и отворили ему дверь. А тот, кто вошел, был волк.

Испугались они и решили спрятаться. Прыгнул один козленочек под стол, другой — на кровать, третий — на печку, четвертый — в кухню, пятый — в шкаф, шестой — под умывальник, а седьмой — в футляр от стенных часов. Но всех их нашел волк и не стал долго разбираться: разинул пасть и проглотил их одного за другим; одного только он не нашел, того младшего, что спрятался в часах.

Наевшись досыта, волк ушел, растянулся на зеленом лужку под деревом и заснул.

Приходит вскоре старая коза из лесу домой. Ах, что ж она там увидела!.. Дверь настежь раскрыта. Стол, стулья, скамьи опрокинуты, умывальник разбит, подушки и одеяла с постели сброшены. Стала она искать своих деток, но найти их нигде не могла. Стала она их кликать по именам, но никто не отзывался. Наконец подошла она к младшему, и раздался в ответ тоненький голосок:

— Милая матушка, я в часах спрятался!

Вынула она его оттуда, и он рассказал, что приходил волк и всех поел. Можете себе представить, как оплакивала коза своих бедных деточек!

Наконец вышла она в великом горе из дому, а младший козленочек побежал за ней следом. Пришла она на лужок, видит — лежит у дерева волк и храпит так, что аж ветки дрожат. Оглядела она его со всех сторон и увидела, что в раздувшемся брюхе у него что-то шевелится и барахтается.

«Ах, Боже ты мой, — подумала она, — неужто мои бедные деточки, которых поел он на ужин, еще живы-живехоньки?» И велела она козленку бежать поскорее домой и принести ножницы, иглу и нитки. Вот вспорола она чудищу брюхо, но только сделала надрез, а тут и высунул козленочек свою голову. Стала выпарывать брюхо дальше, — тут и повysкочили один за одним все шестеро, живы-живехоньки, и ничего с ними плохого не случилось, потому что чудище от жадности заглатывало их целиком. Вот уж радость-то была! Стали они ласкаться да голубиться к милой своей матушке, скакать и прыгать, словно портной на свадьбе. Но старая коза сказала:

— Ступайте скорей и найдите камней-голышей, мы набьем ими брюхо проклятому зверю, пока он еще сонный.

Наташили тут семеро козлят много-много камней и засунули их волку в брюхо столько, сколько влезло. Зашила старая коза ему наскоро брюхо, а тот ничего не заметил, даже ни разу не двинулся.

Выспался наконец волк, поднялся на ноги и почувствовал от камней в брюхе такую жажду, что пошел к колодцу воды напиться. Только он двинулся, а камни в брюхе один о другой стучат да постукивают. И крикнул волк:

Что урчит и стучит,
В моем брюхе бурчит?
Думал я — шесть козлят,
А то камни гремят.

Подошел к колодцу, наклонился к воде, хотел напиться, и потянули его тяжелые камни вниз, так он там и утонул. Увидали это семеро козлят, прибежали к матери и давай кричать:

— Волк мертвый! Волк уже мертвый! — и стали на радостях плясать вместе со своей матушкой вокруг колодца.

ПЧЕЛИНАЯ МАТКА

Вышли однажды два королевича на поиски приключений, и стали они вести жизнь разгульную да распутную, и даже домой не возвращались. И отправился младший, которого звали Дурнем, в путь-дорогу, на поиски братьев. И вот он нашел их, и стали они над ним смеяться, что вздумал он своей простотой себе в жизни дорогу пробить, — ведь они двое куда его поумней, да и то не сумели той дороги найти.

И отправились они все трое дальше, и пришли к муравейнику. Двое старших порешили его раскопать, чтоб поглядеть, как маленькие муравьи будут в страхе бежать и уносить свои личинки, но Дурень сказал:

— Оставьте муравьев в покое, я не позволю, чтобы вы их тревожили.

Пошли они дальше и пришли к озеру, на котором плавало много уток. Двое братьев хотели поймать и зажарить несколько уток, но Дурень им этого не позволил и сказал:

— Оставьте уток в покое, я не позволю, чтоб вы их убивали.

Пришли они, наконец, к дуплу, где было пчелиное гнездо, и было там так много меда, что он даже по стволу стекал. Двое братьев решили развести под деревом костер, чтоб выкурить пчел, а мед забрать себе. Но Дурень снова их удержал и сказал:

— Оставьте пчел в покое, я не позволю, чтоб вы их уничтожали.

Наконец пришли трое братьев к замку, и стояли на конюшне одни только окаменевшие кони, и не было видно кругом ни одной живой души. Прошли они по всем залам и подошли, наконец, к дверям, и висело на них три замка; но в двери была щель, через которую они смогли разглядеть комнату; и увидели они седого человечка, что сидел у стола. Они окликнули его раз, другой, но он не слышал. Наконец окликнули его в третий раз, и он тогда встал, отпер замки и вышел им навстречу. Но он не вымолвил ни слова и повел их к богато убранному столу. Вот послали они и попили, и отвел он каждого из них в особую опочивальню.

На другое утро седой человечек явился к старшему из братьев, кивнул ему и повел его к каменному столу, и написаны были на нем три задачи, — если

Вот пришел к озеру Дурень, и подплыли к нему утки, которых он однажды спас, нырнули в воду и достали со дна ключ.

их решить, то замок будет расколдован. А состояла первая задача в том, что надо было разыскать в лесу подо мхом жемчуга королевны, и было их счетом целая тысяча. А если до захода солнца не хватит хотя бы одной жемчужины до тысячи, то тот, кто будет искать их, обратится в камень.

Старший брат отправился в лес и целый день провел в поисках, но день подходил к концу, когда нашел он только сотню жемчужин; и случилось с ним то, что начертано было на столе, — обратился он в камень. На другой день вышел на поиски второй брат. Но и ему не очень-то повезло: нашел он не больше чем две сотни жемчужин, и обратился он в камень.

И настал, наконец, черед идти Дурню; стал он искать во мхах, но найти жемчуга было так трудно, и дело подвигалось медленно. Сел он тогда на камень и заплакал. Вот сидит он на камне и плачет, и явился к нему царь муравьиный, которому он однажды спас жизнь; а явился тот царь муравьиный с пятью тысячами муравьев, и вскоре они собрали одну за другой все жемчужины и сложили их в кучу.

А вторая задача состояла в том, чтоб достать со дна озера ключ к опочивальне королевны.

Вот пришел к озеру Дурень, и подплыли к нему утки, которых он однажды спас, нырнули в воду и достали со дна ключ.

Третья задача была самая трудная — надо было выбрать из трех спящих королевен самую младшую и самую хорошую. А были они похожи одна на другую и ничем одна от другой не отличались, — разве только тем, что перед сном ели они разные сладости: старшая съела кусок сахара, средняя — немного сиропа, а младшая — целую ложку меда.

И явилась тогда пчелиная матка тех пчел, которых Дурень защитил от огня; прикоснулась она к губам каждой из трех королевен и осталась на губах той, которая мед ела; и вот королевич узнал, что это младшая. И были сняты чары — все освободилось ото сна, и тот, кто был обращен в камень, снова принял свой человеческий образ.

И женился Дурень на младшей и самой милой, и стал после смерти ее отца королем; а двум остальным братьям достались в жены две другие сестры.

РЕПА

Жили когда-то два брата. Оба служили в солдатах, и был один из них богатый, а другой — бедный. Вот задумал бедняк от бедности своей избавиться, снял он солдатский мундир и стал крестьянствовать. Вспахал он и взборонил свою полоску земли и посеял на ней репу. Вышли семена, и выросла среди реп одна такая большая да крепкая, и становилась она на глазах все толще и толще и никак не переставала расти, — и ее можно было назвать прямо королевой всех реп, потому что другой такой на свете и видано не было, да и вряд ли можно будет когда и увидеть. Наконец стала она такой огромной, что едва поместилась на повозке, и тащить ее надо было на двух быках; и не знал крестьянин, что ему тут и делать, — к счастью ли оно вышло или к несчастью.

Наконец он подумал: «Если ее продать, то получишь за нее немного, а съешь сам, то ведь и от малой репы сыт будешь. Лучше всего отвезу-ка я ее к королю и окажу ему этим свое уважение». Вот взвалил он ее на повозку, запряг двух быков, привез ко двору и подарил ее королю.

— Что за диковина такая? — сказал король. — Много видал я на свете чудесного, но такого чудища ни разу еще и не видывал. Из какого это семени могла она вырасти, такая огромная? Тебе, что ли, одному так повезло? Да ты, пожалуй, будешь счастливцем.

— Да нет, — ответил крестьянин, — какой уж я счастливец! Я бедный солдат; есть мне было нечего, скинул с себя я свой солдатский мундир и стал землю пахать. Есть у меня брат, тот человек богатый, и вам, господин король, хорошо он известен, а я человек бедный и всем миром забытый.

И пожалел король тогда крестьянина и говорит:

— С бедностью своей ты должен покончить; я так тебя награжу, что станешь ты равным своему богатому брату.

И он подарил ему великое множество золота, землю, луга и стада и сделал он его таким богатым, что все богатство другого брата и равняться никак не могло бы с тем, что у него теперь было. И услышал богач, что получил его брат за одну только репу, позавидовал ему и стал раздумывать, как бы это самому добиться такого счастья.

Но хотел он дело начать свое куда половчее: взял он золото да коней и привез их королю в подарок, думая, что никак уж иначе, а подарок будет ему куда больший, — ведь получил же его брат так много за одну только репу; и вот рассчитал он, что ему и не донести будет теперь домой королевских подарков.

Принял король его подарок и сказал при этом, что не сможет он ничем лучшим и редким отдариться, как этой вот огромной репой. И пришлось богачу положить репу своего брата на повозку и отвезти ее к себе домой. И не знал он, на ком выместить дома свой гнев и досаду, и пришли ему в голову злые мысли, и порешил он убить своего брата.

Нанял он убийц и велел им засесть в засаду, а сам отправился к своему брату и говорит:

— Милый мой братец, знаю я одно место, где зарыт богатый клад. Давай-ка его вместе выкопаем и поровну разделим.

Бедному брату дело такое понравилось, и он пошел с ним вместе без всякой опаски. Только они вышли, как набросились на бедного брата убийцы, связали его и хотели на дереве повесить. Начали они свое злое дело, как вдруг раздалось издалика громкое пенье и послышался топот копыт. Испугались убийцы, сунули своего пленника с головой в мешок, вздернули его на сук и бросились бежать без оглядки. Хотел он из мешка высвободиться, бился-бился, пока не проделал, наконец, в мешке дырку и просунул в нее свою голову. А проезжий тот был не кто иной, как странствующий студент, молодой парень, который распевал весело песню, проезжая по лесной дороге. Как только висевший в мешке заметил, кто это проезжает, он крикнул:

— Привет тебе, дорогой путник!

Студент оглянулся, но никак не мог понять, откуда это доносится голос; наконец он сказал:

— Кто это меня зовет?

Тогда тот, с верхушки дерева, ему и говорит:

— Погляди-ка наверх, я сижу в мешке мудрости и в короткий срок успел изучить важные вещи; перед ними все ваши школы ничего не стоят, еще повишу я немного и, научившись всему, сойду вниз и стану мудрее всех людей на свете. Я разбираюсь в звездах, и в небесных знаках, и в движенье ветров, и в песке на дне моря; я сведущ во врачеванье болезней, в силах трав и знаю всех птиц и все камни. Вот если б мог ты хоть раз побывать в этом мешке, ты бы почувствовал, какое величие проистекает из этого мешка мудрости.

Услышав обо всем этом, студент удивился и сказал:

— Да будет благословен тот час, когда я встретил тебя! Нельзя ли и мне, хотя б ненадолго, побывать в этом мешке?

Пленник ответил ему сверху, что соглашается, дескать, на это неохотно:

— Да не надолго и за известную награду и доброе слово, пожалуй, пущу я тебя; но придется тебе часок подождать, мне еще осталось кое-чему доучиться.

Студент подождал немного, но показалось ему, что время тянется слишком долго, и он стал просить, чтобы тот пустил его в мешок поскорее, — жажда мудрости-де у него очень уж большая. Тогда тот наверху притворился, что, наконец, готов уступить его просьбе, и сказал:

— Чтобы мне выбраться из этого дома премудрости, ты должен спустить мешок на веревке вниз, тогда уж я и пущу тебя в него.

Вот студент спустил мешок вниз, развязал его, и только тот из мешка вылез, студент крикнул ему:

— Ну, а теперь подымай меня наверх, да поживее, — и хотел было уж влезть в мешок.

— Постой, — сказал ему тот, — так дело не выйдет. — И он схватил его и сунул вниз головой в мешок, затем завязал его и вздернул ученика мудрости на веревке на дерево, раскачал его в воздухе и говорит:

— Ну, каково, любезный приятель? Видишь, ты уже чувствуешь, что мудрость приливает к тебе в голову и становишься ты опытней. Ну, сиди теперь смиренно, пока не станешь еще умней.

Затем вскочил он на лошадь студента и уехал, но все-таки прислал через час человека, чтобы спустить его вниз.

СМЫШЛЕННЫЙ ГАНС

Спрашивает мать Ганса:
— Ты куда, Ганс?
Ганс отвечает:

- К Гретель.
- Смотри, Ганс, чтоб все было ладно.
- Все будет ладно. Прощай, матушка.
- Прощай, Ганс.

Приходит Ганс к Гретель.

- Добрый день, Гретель!
- Добрый день, Ганс. Что принес ты хорошего?
- Ничего не принес, получить бы хотел.

Дарит Гретель Гансу иголку.

Говорит Ганс:

- Прощай, Гретель.
- Прощай, Ганс.

Берет Ганс иглу, втыкает ее в повозку с сеном и идет вслед за повозкой домой.

- Добрый вечер, матушка.
- Добрый, вечер, Ганс. Где ты был?
- Был я у Гретель.
- А что ж ты ей подарил?
- Ничего не дарил, она мне дала.
- Что ж тебе Гретель дала?
- Иголку дала.
- Ганс, а где же иголка?
- Воткнул в повозку с сеном.
- Глупо ты поступил, Ганс, — надо было ее в рукав воткнуть.
- Ничего, в другой раз сделаю лучше.
- Ты куда, Ганс?
- К Гретель, матушка.

— Смотри ж, Ганс, чтоб все было ладно.

— Все будет ладно. Прощай, матушка.

— Прощай, Ганс.

Приходит Ганс к Гретель.

— Добрый день, Гретель.

— Добрый день, Ганс. Что принес ты хорошего?

— Ничего не принес, получить бы хотел.

Подарила Гретель Гансу нож.

— Прощай, Гретель.

— Прощай, Ганс.

Берет Ганс нож, втыкает его в рукав и идет домой.

— Добрый вечер, матушка.

— Добрый вечер, Ганс. Где ты был?

— Был я у Гретель.

— А что подарил ей?

— Ничего не дарил, она мне дала.

— А что ж тебе Гретель дала?

— Нож дала.

— Где же нож, Ганс?

— Да я его в рукав воткнул.

— Глупо ты, Ганс, поступил, — нож надо было в карман положить.

— Ничего, уж в другой раз сделаю лучше.

— Ты куда, Ганс?

— К Гретель, матушка.

— Смотри, чтоб все было ладно.

— Уж будет ладно. Прощай, матушка.

— Прощай, Ганс.

Приходит Ганс к Гретель.

— Добрый день, Гретель!

— Добрый день, Ганс. Что принес ты хорошего?

— Ничего не принес, получить бы хотел.

Дарит Гретель Гансу молодую козочку.

— Прощай, Гретель.

— Прощай, Ганс.

Берет Ганс козу, связывает ей ноги и кладет ее в карман. Приходит домой, а козочка по дороге задохнулась.

— Добрый вечер, матушка.

— Добрый вечер, Ганс. Где ты был?

— Был я у Гретель.

— Что ж ты ей подарил?

— Ничего не дарил, она мне дала.

— А что ж тебе Гретель дала?

— Козочку дала.

— А где же, Ганс, козочка?

— Я в карман ее положил.

— Глупо ты сделал, Ганс, — надо было козу на веревку привязать.

— Ничего, уж в другой раз сделаю лучше.

— Ты куда, Ганс?

— К Гретель, матушка.

— Смотри, чтобы все было ладно.

— Уж будет ладно. Прощай, матушка.

— Прощай, Ганс.

Приходит Ганс к Гретель.

— Добрый день,
Гретель!

— Добрый день, Ганс. Что принес ты хорошего?

— Ничего не принес, получить бы хотел.

Дарит Гретель Гансу сала кусок.

— Прощай, Гретель.

— Прощай, Ганс.

Берет Ганс кусок сала, привязывает его на веревку и тащит за собой. Сбежались по дороге собаки и сало все съели. Приходит Ганс домой, а в руке у него одна лишь веревка, а на ней ничего.

— Добрый вечер, матушка.

— Добрый вечер, Ганс. Где же ты был?

— Был я у Гретель.

— Что ж ты ей подарил?

— Ничего не дарил, она мне дала.

— А что ж тебе Гретель дала?

— Кусок сала дала.

- А куда же ты, Ганс, сало-то дел?
- Привязал на веревку, повел домой, да собаки стащили.
- Глупо ты сделал, Ганс, — надо было сало на голове нести.
- Ничего, уж в другой раз сделаю лучше.
- Ты куда, Ганс?
- К Гретель, матушка.
- Смотри, Ганс, чтоб все было ладно.
- Уж будет ладно. Прощай, матушка.
- Прощай, Ганс.

Приходит Ганс к Гретель.

- Добрый день, Гретель!
- Добрый день, Ганс. Что принес ты хорошего?
- Ничего не принес, получить бы хотел.

Дарит Гретель Гансу теленка.

- Прощай, Гретель.
- Прощай, Ганс.

Берет Ганс теленка, кладет его на голову, и разбил теленок все лицо Гансу.

- Добрый вечер, матушка.
- Добрый вечер, Ганс. Где ты был?
- Был я у Гретель.
- Что ж ты ей подарил?
- Ничего не дарил, она мне дала.
- А что же тебе Гретель дала?

- Теленка дала.
- Ганс, а где же теленок?
- Положил его себе на голову, а он мне лицо разбил.

— Эх, глупо ты сделал, Ганс, — надо было теленка привести да в стойло поставить.

— Ничего, уж в другой раз сделаю лучше.

— Ты куда, Ганс?

— К Гретель, матушка.

— Смотри, чтобы все было ладно.

— Уж будет ладно. Прощай, матушка.

— Прощай, Ганс.

Приходит Ганс к Гретель.

— Добрый день, Гретель!

— Добрый день, Ганс. Что ж принес ты хорошего?

— Ничего не принес, получить бы хотел.

Говорит Гретель Гансу:

— Пойду я сама с тобой.

Берет Ганс Гретель, привязывает ее на веревку, ведет, приводит к стойлу и крепко-накрепко привязывает. Идет потом Ганс к матери.

— Добрый вечер, матушка.

— Добрый вечер, Ганс. Где же ты был?

— Был я у Гретель.

— Что ж ты ей подарил?

— Ничего не дарил, она со мной вместе пришла.

— Где же ты Гретель оставил?

— Привел ее на веревке, привязал к стойлу, подложил ей травы.

— Это ты, Ганс, глупо сделал, надо было на нее ласково глазами вскинуть.

— Ничего, в другой раз сделаю лучше.

Идет Ганс в стойло, выкалывает всем телятам и овцам глаза и кидает их в лицо Гретель. Рассердилась тут Гретель, вырвалась и убежала, а была ведь невестой Ганса.

ТРИ ЯЗЫКА

Жил однажды в Швейцарии старый граф; был у него единственный сын, да и тот был дурак, ничему не мог научиться. Вот отец и говорит:

— Послушай, сынок, в голову тебе все равно ничего не вобьешь, надо будет тебе за дело приняться. Придется тебе из дому уйти: я решил отдать тебя одному знаменитому мастеру, пускай он попробует из тебя что-нибудь сделать.

Отослали юношу в чужой город, и пробыл он там у мастера целый год. Прошел срок, воротился юноша домой, а отец его и спрашивает:

— Ну, сынок, чему же ты научился?

— Научился я, батюшка, понимать, о чем лают собаки, — ответил он.

— Боже ты мой! — воскликнул отец. — И это все, чему ты научился? Надо будет тебя послать в другой город, к другому мастеру.

Вот отвели юношу в другой город, и пробыл он там у мастера тоже целый год. Вернулся он домой, а отец опять его спрашивает:

— Ну, сын мой, чему же ты научился?

Тот отвечает:

— Научился я, батюшка, понимать, о чем говорят птицы.

Разгневался отец и говорит:

— Эх, пропащий ты человек, дорогое ты время потратил, а ничему не научился. И не стыдно тебе мне на глаза показываться? Пошлю я тебя к третьему мастеру, а не научишься ты и на сей раз, то не хочу я больше твоим отцом называться.

Пробыл сын у третьего мастера тоже целый год, воротился домой, а отец его и спрашивает:

— Сын мой, чему же ты научился?

А он отвечает:

— Милый батюшка, этот год учился я понимать, о чем лягушки квакают.

Тут уж и вовсе разгневался отец, вскочил, позвал своих слуг и говорит:

— Этот человек мне больше не сын, я прогоняю его из дому и велю вам завести его в лес и там с ним покончить.

Вывели его в лес и должны были его там убить, но слуги его пожалели и отпустили. Они вырезали у лани язык и глаза, чтобы принести старику знак доказательства.

А юноша двинулся дальше и спустя некоторое время пришел к укрепленному замку и попросился там переночевать.

— Хорошо, — сказал хозяин замка, — если ты согласен заночевать внизу в старой башне, то ступай туда, но предупреждаю тебя, что это для жизни опасно, ибо там полно диких собак, они все время лают и воют, и в урочный час им надо бросать человека, и они его тотчас съедают.

Вся округа была из-за этого в горе и печали, но никто помочь им в беде, однако, не мог. Но юноша был бесстрашен и сказал:

— Вы уж меня только пустите вниз к лающим псам и дайте мне им что-нибудь бросить. Со мной они ничего не сделают.

И так как он сам того пожелал, то дали ему немного еды для диких зверей и отвели в башню. Вот спустился он туда, но собаки на него не залаяли и, окружив его, ласково замахали хвостами, поели все, что он дал им, и не причинили ему никакого вреда. На другое утро, к общему удивлению, он вернулся жив и невредим и говорит хозяину замка.

*По пути юноша проезжал мимо болота,
а сидели в нем лягушки и квакали.*

— Собаки мне рассказали на собачьем своем языке, почему они там поселились и отчего наносят вред округе. Они заколдованы и должны охранять большой клад, что закопан под башней, и до той поры они не успокоятся, пока этот клад не будет вырыт; а как это сделать, я тоже узнал из их разговоров.

И все обрадовались, услышав об этом, и хозяин замка сказал, что примет его вместо сына родного, если ему посчастливится это сделать.

Юноша снова спустился вниз, и так как он знал, что ему должно делать, то и выполнил все и принес оттуда полный ларец золота. И не слышно стало с той поры воя диких собак, они пропали, и вся округа освободилась от злой напасти.

И вот спустя некоторое время надумал юноша отправиться в Рим. По пути он проезжал мимо болота, а сидели в нем лягушки и квакали.

Он прислушался, и когда услышал, о чем они говорят, он стал задумчив и печален.

Наконец он прибыл в Рим, и как раз в это время умер папа, и было у кардиналов большое сомнение, кого им назначить его преемником. Наконец они порешили на том, что надо будет выбрать в папы того, кому откроется божественное знамение. Только они это решили, как входит в храм молодой граф, и вдруг спускаются к нему и садятся на плечи два белоснежных голубя. И признало тогда в этом духовенство знак божий, и его тут же спросили, не хочет ли он сделаться папой. Он был в нерешительности, не зная, достоин ли он этого. Но голуби ему шепнули, что он может на это согласиться, и он сказал наконец: «Да».

И вот был он помазан и посвящен в папы, и случилось то, о чем он слышал по дороге от лягушек и что его так сильно огорчило: будто должен он сделаться святым папой. Пришлось ему потом петь мессу, он не знал из нее ни одного слова, но два голубя сидели всегда у него на плечах и подсказывали ему все на ухо.

ЛИСА И КОТ

Случилось раз коту в лесу с госпожой лисой повстречаться. «Она умная и такая опытная, что ее все на свете уважают», — подумал кот и ласково к ней обратился:

— Добрый день, милая госпожа лиса, как вам живется? Как справляетесь вы в наши трудные времена? Ведь дороговизна-то какая!

Посмотрела лиса надменно на кота, смерила его с ног до головы и помедлила, не зная, стоит ли ему и отвечать. Наконец она сказала:

— Ах ты, несчастный Мурлыка, дурень ты этакий, голодный ты мышелов, что это тебе в голову пришло, что ты осмеливаешься еще спрашивать, как мне живется? Чему ты учился? Какие науки прошел?

— Я прошел только одну, — скромно ответил кот.

— А какая же это наука? — спросила лиса.

— Если за мной гонятся собаки, то я умею прыгнуть на дерево и спастись.

— Это и все? — сказала лиса. — А вот я на целую сотню искусств мастерица, да, кроме того, у меня полный мешок хитростей. Мне тебя жаль, пойдем-ка вместе со мной, и я тебя научу, как лучше от собак убегать.

А тут как раз на эту пору проходил охотник с четырьмя собаками. Кот быстро прыгнул на дерево и уселся на самой верхушке, и ветки и листья его укрыли.

— Развяжите ваш мешок, госпожа лиса, развяжите мешок! — крикнул ей кот, но собаки ее уже схватили и крепко держали в зубах.

— Эх, госпожа лиса! — воскликнул кот. — Вот вы со своей сотней искусств и попались! А могли б вы взобраться, как я, на дерево, не пришлось бы вам с жизнью своей проститься.

ЧЕТВЕРО ИСКУСНЫХ БРАТЬЕВ

Жил-был бедняк, и было у него четверо сыновей; вот когда они выросли, говорит он им:

— Милые дети, пора вам идти странствовать по свету, — ведь помочь вам я ни в чем не могу; собирайтесь да идите в чужие края и земли и научитесь там какому-нибудь ремеслу, а там оно уж видней будет, как себе дорогу дальше пробить.

Взяли четверо братьев дорожные посохи, попрощались с отцом и двинулись вместе к городским воротам. Прошли они часть дороги и подошли к перекрестку, где путь расходился в четыре разные стороны. И сказал тогда старший:

— Здесь мы должны расстаться, но спустя четыре года, в этот самый день, давайте сойдемся на этом самом месте, а за это время счастья своего поищем.

И вот каждый пошел своей дорогой; и повстречался старшему на пути человек, который его спросил, куда он идет и что собирается делать.

— Хочу какому-нибудь ремеслу научиться, — ответил старший. А человек и говорит:

— Ну, ступай вместе со мной, и будешь ты вором.

— Нет, — ответил старший, — теперь уж это ремесло за честное не почитается, и песне этой — один конец; языком на колоколе в поле болтаться.

— О, — сказал человек, — виселицы тебе бояться нечего: я тебя уж так обучу, что ни один человек тебя не поймает и следа твоего не разыщет.

Уговорил он его, и стал старший благодаря ему опытным вором, да таким ловким, что ничего от него и уберечь невозможно было: что уж взять захочет, то и возьмет.

Второй брат тоже повстречал человека, который спросил его то же самое: чему бы он хотел научиться.

— Да я еще и сам не знаю, — ответил он.

— Так ступай вместе со мной, и будешь ты звездочетом, — нет ничего лучше, и ничто от тебя не будет сокрыто.

*Взяли четверо братьев дорожные посохи, попрощались с отцом
и двинулись вместе к городским воротам.*

Это ему понравилось, и стал он таким опытным звездочетом, что мастер по окончании ученья подарил ему на прощанье подзорную трубу и сказал ему так:

— В эту трубу ты сможешь увидеть все, что делается на земле и на небе, и ничто не останется перед тобой сокрытым.

А третьего брата взял к себе в обучение охотник и выучил его так хорошо всему, что относится к охотничьему делу, что сделался тот ловким охотником. Подарил ему на прощанье мастер ружье и сказал:

— Оно бьет без промаха, — во что ни нацелишься, в то и попадешь.

И младший брат тоже повстречал человека, который с ним заговорил и спросил его, что он собирается делать:

— Есть ли у тебя охота сделаться портным?

— И слышать о том не хочу, — ответил юноша, — сидеть, согнувшись, с утра и до самого вечера, да водить иглой туда и сюда, да утюжить, — нет, это мне не по душе.

— Да что ты, — ответил ему человек, — дело обстоит совсем не так, как ты себе представляешь. У меня научишься ты совсем иному портняжному ремеслу, дело оно приличное, подходящее и весьма почетное.

Он уговорил юношу, и тот отправился с ним вместе и изучил портняжное дело весьма основательно. Дал портной ему на прощанье иглу и сказал:

— Ты ею сможешь сшить все, что тебе под руку подвернется, будь то мягкое, как яйцо, или твердое, как сталь; и получится так, будто сделано оно из цельного куска, и шва даже видно не будет.

Прошли четыре условленных года, и четверо братьев встретились в одно и то же время на перекрестке. На радостях они обнялись, расцеловали друг друга и воротились домой к своему отцу.

— Ну, — сказал обрадованный отец, — каким ветром вас опять занесло ко мне?

Они рассказали все, что с ними было и какому каждый из них выучился ремеслу. Сели они перед домом под большим деревом, а отец им и говорит:

— Ну, а теперь хочу я проверить, что каждый из вас умеет делать.

Поглядел он наверх и сказал среднему сыну:

— Вон, на макушке этого дерева, между двух веток, есть гнездо зяблика; скажи мне, сколько лежит в нем яиц?

Взял звездочет свою трубу, посмотрел наверх и ответил:

— Пять.

Говорит тогда отец старшему:

— Достань мне оттуда яйца, не потревожив птицы, которая на них сидит.

Взобрался ловкий вор наверх и вытащил из-под птицы пять яиц, а она ничего и не заметила и продолжала спокойно сидеть в гнезде; и он подал те яйца отцу. Отец взял их, положил на каждом углу стола по яйцу, а пятое положил на середину и сказал охотнику:

*Пошла по всей стране большая тревога,
что королевну похитил дракон.*

— Ты вот попробуй одним выстрелом расколоть все пять яиц пополам.

Приложил охотник ружье к плечу и расколол яйца так, как сказал ему отец, — все пять, притом одним выстрелом. Должно быть, порох был у него такой, что стреляет в разные стороны.

— Ну, теперь твой черед, — обратился отец к четвертому сыну, — шей ты мне все эти яйца, а заодно и тех птенчиков, которые в них находятся, да сделай это так, чтоб от выстрела не было им никакого вреда.

Достал портной свою иглу и сшил все так, как велел ему отец. Когда он закончил, должен был вор те яйца положить снова в гнездо на дерево, — и положил он их под птицу, да так, что она этого не заметила. И вот высидела птичка все яйца, и через несколько дней вылупились из них птенцы, и на шейке у них оказалось по красной полоске, как раз там, где сшивал их портной ниткой.

— Да-а, — сказал старик своим сыновьям, — что ж, приходится вас хвалить да похваливать; время-то у вас прошло, видно, не даром, и кой-чему путному вы научились; не знаю уж, кому из вас отдать предпочтение. Вот выйдет случай искусство свое показать на деле, тогда оно видней будет.

А как раз вскоре после того пошла по всей стране большая тревога, что королевну похитил дракон. Король день и ночь об этом грустил и печалился и велел объявить, что тот, кто вернет ему дочь, получит ее в жены. Говорят тогда четверо братьев между собой: «Вот случай, когда мы могли бы себя показать». И они порешили выступить все вместе и освободить королевну.

— Я скоро узнаю, где она находится, — сказал звездочет; глянул он в свою подзорную трубу и говорит: — Я уже вижу ее; она далеко отсюда, сидит она на скале посреди моря, и охраняет ее дракон.

Отправился он к королю и попросил у него корабль для себя и своих братьев; вышел он с ними в море, и подплыли они к той самой скале. И сидела на ней королевна, а у ног ее лежал, положив ей голову на колени, дракон и спал.

Охотник и говорит:

— Стрелять я не решаюсь, а то, чего доброго, можно убить прекрасную девушку.

— Тогда уж я попробую свое средство, — сказал вор, подкрался он сзади и вытащил ее из-под дракона, и сделал это так тихо да ловко, что чудовище ничего не заметило и продолжало храпеть.

Обрадовались они, поспешили сесть с ней на корабль и вышли в открытое море. Но проснулся дракон и, не найдя королевны, погнался за ними и в ярости поднялся вверх в воздух. Он кружился уже над кораблем и хотел было на него опуститься, но схватил охотник свое ружье, нацелился и выстрелил дракону прямо в сердце. Рухнуло чудовище замертво вниз, но было оно такое громадное и тяжелое, что, упав, разбило весь корабль в щепки. По счастью, им удалось схватить несколько досок, и поплыли они на них по широкому морю. И опять им угрожала большая опасность, но портной вовремя схва-

*И сидела на скале королевна, а у ног ее лежал,
положив ей голову на колени, дракон и спал.*

тил свою чудесную иглу и ловко, несколькими большими стежками, сшил все доски, сел на них, а затем собрал и все остальные обломки корабля. Потом он сшил и их, да так искусно и ловко, что вскоре корабль стоял снова под парусами, и они смогли счастливо вернуться домой.

И была великая радость, когда снова увидел король свою дочь. Он сказал четверым братьям:

— Один из вас получит дочь мою в жены, но кто это будет — решайте вы сами.

Вышел тогда между братьями яростный спор, ибо каждый домогался ее получить.

Звездочет говорит:

— Если бы я не увидел королевну, то все ваше старание и умение были б напрасны, — поэтому принадлежит она мне.

Вор сказал:

— Да какой был толк в том, что ты ее увидел, если б я не вытащил ее из-под дракона, — поэтому принадлежит она мне.

Охотник сказал:

— Вас растерзало бы чудовище заодно с королевной, если бы пуля моя не попала, — поэтому она принадлежит мне.

А портной сказал:

— Если бы я не сшил вам иглой корабль, то вы бы все потонули, — поэтому принадлежит она мне.

И вынес король такое решение:

— Каждый из вас имеет на нее равное право, и поэтому ни один из вас ее не получит, но дам я в награду каждому из вас по полкоролевства.

Братьям это решение понравилось, и они сказали:

— Лучше пусть будет так, чем быть нам между собой в раздоре.

Тогда каждый из них получил по полкоролевства, и жили они счастливо со своим отцом до той поры, пока это было угодно Богу.

ПЕВЧИЙ ПОПРЫГУН-ЖАВОРОНОК

Жил-был на свете человек, и собрался он в дальнюю дорогу. И вот спрашивает он на прощанье у своих трех дочерей, что привезти им в подарок. Попросила старшая жемчуга, средняя — брильянты, а младшая сказала:

— Милый батюшка, хочу я, чтоб привез ты мне певчего прыгуна-жаворонка.

Ответил отец:

— Ладно, если я такого достану, то привезу.

Поцеловал он всех трех дочерей и отправился в путь-дорогу. Но вот пришло время ему домой возвращаться, и накупил он для двух старших дочерей жемчугов и брильянтов, но напрасно искал он для младшей певчего прыгуна-жаворонка; и было это ему досадно, потому что была она его любимой дочкой. А путь лежал через лес, и стоял в самом лесу прекрасный замок, и росло вблизи замка дерево, а на самой его вершине увидел он певчего прыгуна-жаворонка. «Э, да ты кстати мне повстречался!» — сказал он, обрадовавшись. Позвал своего слугу и велел ему взлезть на верхушку и поймать птичку. Но только подошел тот к дереву, как выскочил сзади лев, тряхнул гривой и так заревел, что листья на деревьях задрожали.

— Кто посмеет украсть моего певчего прыгуна-жаворонка, — закричал он, — того я съем живьем!

А человек и говорит:

— Я не знал, что птица принадлежит тебе. Я готов исправить свою ошибку и дорогой ценой откупиться, только оставь меня в живых.

Говорит тогда лев:

— Одно тебя может спасти: пообещай мне то, что первым тебе дома повстречается. Если ты на это согласен, то, так и быть, дарю тебе жизнь и в придачу птицу для твоей дочери.

Но человек отказался и говорит:

— Ведь это может оказаться моей младшей дочерью, — она любит меня сильнее всех и всегда выбегает мне навстречу, когда я возвращаюсь домой.

Но слуге стало страшно, и говорит он:

— Неужто вас непременно встретит дочь? Это может оказаться кошка или собака.

И он уговорил своего хозяина, и тот взял певчего прыгуна-жаворонка и пообещал льву отдать первое, что встретится ему дома.

И вот воротился он домой. Входит к себе в дом, и первая, кого он встретил, была не кто иная, как его младшая любимая дочь. Бросилась она к нему навстречу, стала его целовать и обнимать, а как увидела, что привез он ей певчего прыгуна-жаворонка, была она вне себя от радости. Но отцу было не до веселья, он заплакал и говорит:

— Милая моя дочка, дорогой ценой заплатил я за эту маленькую птичку, — пришлось мне пообещать отдать тебя дикому льву; он растерзает тебя и съест. — И рассказал ей все, что произошло, и стал просить ее, что бы ни случилось, а ко льву не идти. Стала она его утешать и говорит:

— Милый батюшка, что обещано, то надо исполнить; я пойду, но льва постараюсь задобрить и вернуться домой целой и невредимой.

На другое утро попросила она указать ей дорогу, простилась и спокойно отправилась в самую чащу лесную. А был лев не кто иной, как заколдованный королевич, днем он был львом, и вместе с ним и все его слуги были тоже львами, а ночью они опять превращались в людей.

Когда она пришла, встретил лев ее ласково и проводил в свой дворец. А когда наступила ночь, стал он прекрасным юношей; тут и свадьбу сыграли с большой пышностью. И стали они жить счастливо вместе, ночью бодрствовали, а днем спали. Вот приходит он раз и говорит:

— Завтра в доме у твоего отца будет пир по случаю свадьбы старшей твоей сестры; если хочешь, то мои львы проводят тебя туда.

Она сказала, что охотно повидала бы своего отца, и направилась домой, и провожали ее львы. И была великая радость, когда она явилась, — ведь все думали, что ее растерзал лев и что давно ее уже нет в живых. Рассказала она, какой у нее красивый муж и как хорошо ей живется, и пробыла она дома, пока продолжалась свадьба, а затем вернулась назад в лес. Когда выходила замуж средняя дочь, ее опять пригласили на свадьбу, и она сказала льву:

— На этот раз не хочу я идти одна, пойдем вместе со мной.

Но лев ответил, что это будет для него слишком опасно, — ведь если упадет на него луч от зажженной свечи, то обернется он голубем, и придется ему семь лет летать вместе с голубями.

— Ах, — сказала она, — уж пойдем вместе со мной, я буду тебя охранять и защищу от всякого света.

И вот отправились они вместе и взяли с собой и своего маленького ребенка. Она велела построить там зал с прочными и толстыми стенами, куда не проникал бы ни один луч, чтобы лев мог сидеть в нем, когда зажгутся свадебные свечи. Но дверь была сделана из сырого дерева, она рассохлась и дала небольшую трещину, которую никто из людей не заметил. Стали праздновать

*Она сказала, что охотно повидала бы своего отца, и направилась домой,
и провожали ее львы.*

пышную свадьбу, и когда свадебный поезд возвращался из церкви с факелами и свечами мимо зала, упал тонкий, как волос, луч на королевича, и в тот же миг был он обращен в голубя. Когда жена вернулась домой и стала искать мужа, найти его нигде не могла, — перед ней сидел белый голубь. И голубь сказал:

— Семь лет должен буду летать я по свету. Но каждые семь шагов я буду ронять по капельке алой крови и по белому перышку, они укажут тебе дорогу, и если ты пойдешь по следу, то сможешь меня освободить.

Сказав это, голубь вылетел в дверь, и она пошла вслед за ним; и каждые семь шагов падали наземь алые капельки крови и белые перышки и указывали ей дорогу. И так шла она все дальше и дальше по свету, не оглядывалась и не отдыхала. И прошло уже почти семь лет. Стала она радоваться, думая, что скоро будут они освобождены от чар, но было это еще так далеко!

Шла она все дальше, и вот однажды не упало перышко наземь, не скатилась алая капелька крови. Глянула она наверх, видит — голубь исчез. Она подумала: «Люди мне ничем помочь не могут», и она поднялась к солнцу и сказала ему:

— Светишь ты во все углы темные и на вершины горные, не видало ли ты, где белый голубь летает?

— Нет, — ответило солнце, — не видало я голубя белого, но подарю тебе ларец, ты открой его, когда будешь в великой беде и опасности.

Поблагодарила она солнце и пошла дальше; шла она до самого вечера, пока не взошел уже и месяц, и спросила она у месяца:

— Ты целую ночь светишь на поля широкие, на леса на высокие, не видал ли ты, где белый голубь летает?

— Нет, — ответил ей месяц, — не видал я белого голубя, вот подарю я тебе яйцо, ты разбей его, когда будешь в большой беде и опасности.

Поблагодарила она месяц и пошла дальше; шла она, пока явился ветер ночной и подул на нее прохладой. И молвила она ветру ночному:

— Ты веешь над всеми деревьями, подо всеми листьями дуешь, не видал ли ты, где белый голубь летает?

— Нет, — сказал ей ветер ночной, — не видел я белого голубя, но спрошу у других трех ветров, может, они видали.

Явился ветер восточный и западный ветер, но они не видели ничего, а южный ветер ответил:

— Видел я белого голубя, полетел он к Красному морю, там обернулся он снова львом, ведь минуло семь лет, и борется лев там с драконом, а дракон тот — зачарованная королева.

И сказал ей ветер ночной:

— Дам я тебе совет: ступай к Красному морю, растут на правом его берегу большие лозы: ты их сосчитай, и срежь одиннадцатую, и ударь ею дракона — тогда лев его одолеет, и вернется к обоим снова их человеческий образ. Потом оглянись назад, и увидишь ты птицу-грифа, что сидит у Красного моря; вско-

чи вместе с милым своим на спину к нему, и перенесет вас птица через море домой. На тебе еще орешек; когда будешь ты посреди моря, кинь его в воду, и вырастет из воды большой орешник, и отдохнет на нем птица-гриф. Если ей отдохнуть не удастся, то не хватит у нее сил перенести вас через море; а забудешь ты бросить в воду орешек, то уронит вас птица-гриф в море.

Пошла она к морю и нашла там все, о чем говорил ей ветер ночной. Сосчитала она лозы на морском берегу, одиннадцатую срезала, ударила ею дракона, и лев его одолел; и вмиг обратились они снова в людей. Только освободилась от чар королевна, что прежде была драконом, взяла она за руки юношу, села на птицу-грифа и исчезла с ним вместе. И осталась бедная странница опять одна, села она на землю и заплакала. Но, наконец, она успокоилась и сказала: «Я пойду дальше, так далеко, куда только ветер дует и доколе петух будет петь, пока его не найду». И пошла она дальше, и прошла много путей и дорог, пока не пришла, наконец, к замку, где жили они вдвоем, и узнала, что скоро будут справлять они свадьбу. И сказала она:

— Бог мне поможет еще раз! — и она открыла ларец, подаренный солнцем, и лежало в том ларце платье, и сияло так же, как самое солнце. Она достала его, надела и поднялась в замок, и все люди и даже невеста посмотрели на нее с удивлением; и это платье так понравилось невесте, что захотелось ей надеть его под венец, и она спросила, не может ли та его продать.

— Не продам я его ни за деньги, ни за какое добро, — ответила она, — а за плоть и за кровь.

Невеста спросила, что она этим хочет сказать. И она ответила:

— Позволь мне переночевать ночь в той комнате, где спит твой жених.

Невеста не согласилась; но ей так хотелось получить платье, что, наконец, она дала согласие, приказав слуге подсыпать королевичу сонного зелья.

Когда наступила ночь и королевич уснул, ее отвели в спальню. Села она у его постели и сказала:

— Я шла за тобой семь лет, была я у солнца и месяца, и у четырех ветров я была — все о тебе узнала, я помогла тебе одолеть дракона, неужто ты меня совсем позабыл?

Но королевич спал крепко, и казалось ему, будто ветер шумит среди елей в лесу. Когда наступило утро, ее увели из спальни, и пришлось ей отдать свое золотое платье.

Но когда и это не помогло, запечалилась она, вышла на луг, села и заплакала. Сидя там, она вспомнила о яйце, что подарил ей месяц; она разбила яйцо — и вылупилась из него наседка с двенадцатью золотыми цыплятами, они побежали, поклевали и залезли опять под крылья наседки, — и не было ничего милее на свете, как смотреть на это.

Потом она встала и пошла по лугу, но невеста заметила из окошка маленьких цыплят, и они ей так понравились, что она вышла из замка и спросила, не продаст ли их странница.

— Ни за деньги, ни за добро, а за плоть и за кровь. Дозволь мне еще одну ночь пробывать в спальне, где спит жених.

Невеста согласилась, но решила ее обмануть, как и в прошлый вечер. Когда королевич ложился в постель, он спросил своего слугу, что это был за шум и за шепот в прошлую ночь. И слуга рассказал ему обо всем: что велено было дать ему сонного зелья, потому что какая-то бедная девушка спала тайком в его спальне, и что в эту ночь он должен дать ему снова сонного зелья. Тогда королевич сказал:

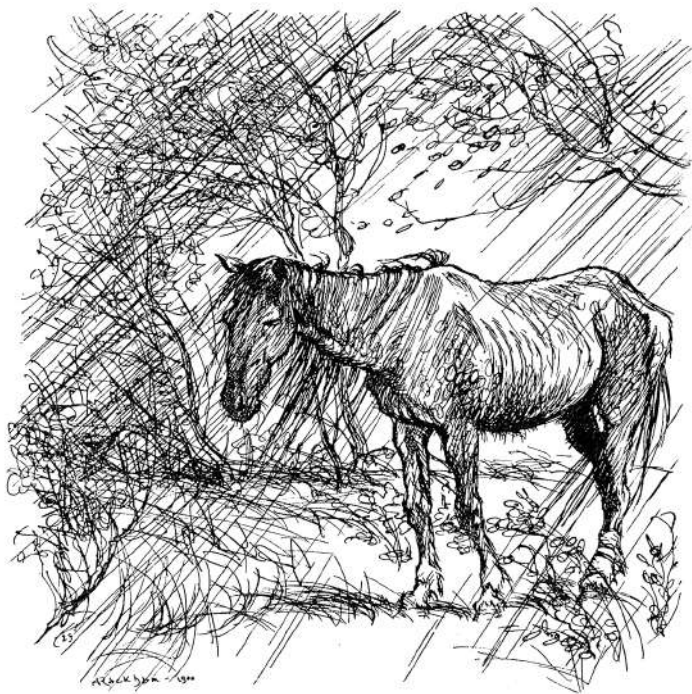
— Вылей это зелье на пол у моей постели.

Ночью девушку ввели снова, и стала она рассказывать, как ей тяжело пришлось; и он тотчас по голосу узнал свою милую жену, вскочил с постели и воскликнул:

— Только теперь впервые я воистину освобожден от чар, а был я будто во сне, ибо меня околдовала чужая королева и заставила меня тебя позабыть, но Бог вовремя снял с меня наваждение.

Тогда они вышли оба ночью тайком из замка, — они боялись отца королевны, который был колдуном, — сели на птицу-грифа, и перенесла их птица-гриф через Красное море. И когда были они посреди моря, бросила она в воду орешек. И тотчас выросло большое дерево орешник, отдохнула на нем птица-гриф и принесла их потом домой, где нашли они своего ребенка; он за это время вырос и сделался красивым мальчиком; и жили они с той поры счастливо до самой смерти.

ЛИСА И ЛОШАДЬ

Была у одного крестьянина верная лошадь, она состарилась и работать уже совсем не могла, вот и бросил хозяин ее кормить и говорит:

— К работе ты, конечно, больше негодна, но я к тебе отношусь хорошо; если покажешь себя настолько сильной, что сможешь принести мне льва, то я оставляю тебя жить у себя, а теперь убирайся прочь из моего стойла, — и он прогнал ее далеко-далеко в поле.

Запечалилась лошадь и пошла в лес, чтоб найти себе там хоть какое-нибудь пристанище от непогоды. Повстречалась ей лиса и говорит:

— Ты чего голову повесила и бродишь тут одна?

— Ах, — говорит лошадь, — скупость и верность никогда не живут вместе! Мой хозяин позабыл про мою верную службу, которую я несла ему долгие годы, а так как пахать я больше не в силах, он не хочет меня больше кормить и прогнал меня прочь.

— И нету у тебя никаких надежд?

— Плохи мои надежды! Он сказал, что ежели я настолько сильна, что смогу принести ему льва, он оставит меня у себя, но ему-то ведь хорошо известно, что этого сделать я не в силах.

Говорит лиса:

— А я тебе помогу, ты только ложись да протянись, и не двигайся, будто мертвая.

Лошадь так и сделала, как сказала ей лиса. Направилась лиса ко льву, — была у него поблизости пещера, — и говорит:

— Лежит вон там мертвая лошадь: пойдём вместе со мной, и ты сытно пообедаешь.

Отправился лев вместе с ней, они подошли к лошади, а лиса ему и говорит:

— Тут тебе будет все-таки не так удобно. Знаешь что, привяжу-ка я ее к тебе за хвост, и ты сможешь притащить ее в свою пещеру и там преспокойно съесть.

Этот совет льву понравился, он стал задом, чтоб лиса могла привязать к нему лошадь, и стоял не шевелясь. А лиса связала ему лошадиным хвостом ноги, да так крепко узлы поскручивала, что никакая сила не могла бы их разорвать. Только кончила она свою работу, похлопала по спине лошадь и говорит:

— Ну, тащись, сивка, тащись!

Вскочила лошадь на ноги и потащила за собой льва. Заревел лев, да так, что птицы по всему лесу от страха повзлетали; а лошадь хоть бы что: тот ревет, а она идет себе и тащит льва через поле к дверям своего хозяина. Увидал это хозяин и говорит лошади:

— Теперь ты можешь у меня оставаться, и будет тебе хорошо. — И кормил ее всегда досыта, пока она не околела.

СИНЯЯ СВЕЧКА

Жил-был солдат, и служил он верой и правдой королю многие годы; но кончилась война, и солдат, получив много ран, служить больше не мог. Вот и говорит ему король:

— Можешь домой отправляться, теперь ты мне не нужен; жалованья получать ты больше не будешь, — деньги плачу я только тому, кто мне службу несет.

И не знал солдат, чем ему теперь и жить, и он ушел озабоченный и шел целый день, а вечером пришел в лес. Наступила уже темень, и увидел он вдали огонек, пошел ему навстречу и пришел к дому, — а жила в нем ведьма.

— Пусти меня переночевать и дай мне чего-нибудь поесть и попить, — сказал он ей, — а то пропадать мне придется.

— Ого! — ответила она. — Да кто же даст что-нибудь беглому солдату? Но так уж и быть, я сжаюсь над тобой и пущу тебя, если сделаешь ты то, что я от тебя потребую.

— А что же ты потребуешь? — спросил солдат.

— Чтoб завтра вскопал ты мне огород. — Солдат согласился, и на другой день усердно принялся за работу, но до вечера все же не управился.

— Вижу я, — сказала ведьма, — что ты нынче больше не можешь. Ну, пробудь у меня еще одну ночь, а завтра нарубишь ты мне за то поленницу дров и щепок наколешь.

Весь день проработал солдат, а к вечеру ведьма предложила ему остаться у нее еще на одну ночь.

— Завтра работа тебе предстоит небольшая: есть у меня за домом старый пустой колодец; упала в него моя свечка, горит она синим пламенем и не гаснет, — вот ты и должен будешь мне ее оттуда достать.

На другой день повела его старуха к колодцу и спустила туда в корзине. Нашел он синюю свечку и подал ведьме знак, чтобы вытащила она его из колодца. Стала она его тащить вверх, но только стал он подыматься к краю колодца, а ведьма протянула руку вниз и хотела было отнять у него синюю свечку.

— Нет, — сказал солдат, заметив ее злой умысел, — свечку я отдам тебе только тогда, когда стану обеими ногами на землю.

Пришла ведьма в ярость, сбросила его снова в колодец, а сама ушла.

Упал бедный солдат на мягкое дно колодца, не причинив себе никакого вреда, а синяя свечка продолжала гореть, но что ему было в том толку? Видит, не уйти ему теперь от смерти. Сидит он в колодце грустный, и сунул он случайно руку в карман и нашел там свою трубку, а набита она была до половины табаком. «Это будет последней моей радостью», — подумал он, достал ее, зажег от синей свечки и начал курить. Разошелся дымок по дну колодца, и явился вдруг перед ним черный человечек и спрашивает:

— Что, хозяин, прикажешь?

— Что ж мне тебе приказать? — ответил ему солдат в изумлении.

— Я обязан выполнять все, — сказал человечек, — что потребуешь.

— Ладно, — сказал солдат, — помоги мне сначала выбраться из колодца.

Взял его черный человечек за руку и повел через подземный ход, но солдат синюю свечку взять с собой не забыл. Показал он ему по пути богатства, собранные и запрятанные ведьмой, и набрал солдат золота столько, сколько нести мог. Поднялся он наверх и говорит человечку:

— Ну, а теперь ступай да свяжи старую ведьму и отведи ее на суд.

Тут вскоре промчалась она, точно ветер, с страшным криком, на диком коте, а черный человечек вернулся назад.

— Все исполнено, — сказал он, — ведьма уж висит на виселице. Что ж прикажешь теперь, хозяин, мне делать? — спросил человечек.

— Сейчас пока ничего, — ответил солдат. — Можешь себе идти домой, но чуть что — тотчас явись, когда я тебя позову.

— Звать меня не надо, — сказал человечек, — только зажги свою трубку синей свечой, и я тотчас явлюсь перед тобой. — Затем он исчез на его глазах.

Воротился солдат в город, откуда он и пришел. Направился в самую лучшую гостиницу, велел сшить себе красивый камзол и приказал хозяину убрать свою комнату как можно красивей и богаче. Когда комната была готова, солдат поселился в ней, кликнул черного человечка и говорит:

— Служил я королю верой и правдой, а он меня прогнал да еще голодать заставил, хочу я ему теперь за это отомстить.

— Что же должен я сделать? — спросил человечек.

— Поздно вечером, когда королева будет в постели, принеси ее сюда спящей, пусть поработает она у меня служанкой.

— Для меня это дело легкое, а для тебя будет опасное: если об этом доведутся, плохо тебе придется.

Пробило двенадцать, распахнулась дверь, и принес человечек ему королеву.

— Ага, вот ты и здесь! — крикнул солдат. — Ну, живей принимайся за работу. Ступай принеси метлу да подмети мне комнату.

Подмела она ему комнату, он зовет ее к своему креслу, протягивает ей ноги и говорит:

— Снимай с меня сапоги.

Сняла она с него сапоги, и кинул он их ей в лицо, и должна она была их поднять, почистить и глянец на них навести. Все она исполняла, что он ей ни приказывал, беспрекословно, молча, с полужакрытыми глазами. Но с первым пением петуха отнес ее черный человечек назад в королевский замок и положил в постель.

На другое утро встала королева с постели, пошла к своему отцу и рассказала, что видела она удивительный сон: «Будто несло меня с быстротой молнии по улицам, и попала я в комнату к одному солдату, должна была прислуживать ему, как служанка, и исполнять всякую черную работу, подметать комнату и сапоги чистить. Это был сон, но, однако, я так устала, будто было это все на самом деле».

— Сон мог оказаться и явью, — сказал король. — Я дам тебе совет: набей полный карман гороху и проделай дырку в кармане, и если тебя снова унесут, то горошины выпадут, и на улице будет виден след.

Когда король это говорил, то черный человечек стоял незримо рядом и все слышал. Ночью, когда он снова понес королеву по улицам, выпало несколько горошин у ней из кармана, но след они указать не могли: хитрый человечек заранее разбросал горох по всем улицам. И королева должна была снова до первых петухов исполнять работу служанки.

На другое утро король выслал своих людей разыскать след, но все поиски были напрасны, — на всех улицах сидели бедные дети и подбирали горох, говоря: «А сегодня-то ночью шел гороховый дождь».

— Надо будет что-нибудь другое придумать, — сказал король. — Ты сегодня, ложась в постель, башмаков не снимай, а когда будешь возвращаться отсюда, спрячь один из них там; а я уж его найду.

Черный человечек доведася и про этот замысел, и когда вечером солдат стал требовать, чтобы тот принес ему снова королевну, стал ему отсоветовать и сказал, что против такой хитрости нету никакого средства, и если башмак у него найдут, то плохо ему придется.

— Делай, что я велю, — ответил солдат, и должна была и на третью ночь королевна исполнять работу служанки. Но она спрятала, прежде чем ее понесли назад домой, свой башмак у него под кроватью.

На другое утро король приказал искать по всему городу башмак своей дочери; и нашли его у солдата; но, по совету человечка, вышел солдат за городские ворота; ну, тут его и схватили и в тюрьму бросили. И забыл он во время бегства самое свое дорогое — синюю свечку и золото, и остался у него в кармане один только дукат. Когда стоял он, закованный в цепи, у окошка тюрьмы, увидел он проходящего мимо тюрьмы одного из своих товарищей. Стал он стучать в окошко, и когда тот подошел, говорит он ему:

— Окажи мне услугу, принеси мне мой маленький узелок, что оставил я в гостинице, дам я тебе за это дукат.

Побежал его товарищ туда и принес ему узелок. Только солдат снова остался один, набил он свою трубку и кликнул черного человечка. И сказал черный человечек своему хозяину:

— Ты не бойся, ступай туда, куда тебя поведут, пусть будет что будет. Только не забудь захватить с собой синюю свечку.

На другой день был суд над солдатом, и хотя он ничего дурного не сделал, но присудили его судьи к смертной казни. Когда его вывели, стал он просить короля оказать ему последнюю милость.

— Какую? — спросил его король.

— Дозволь выкурить мне по дороге трубку.

— Выкури хотя и целых три, — ответил король, — но не думай, однако, что я тебя помилю.

Достал солдат свою трубку, закурил ее от синей свечки, и только поднялось несколько колец дыма, как явился черный человечек, и была у него в руке небольшая дубинка, и он спросил у солдата:

— Что прикажешь, хозяин?

— Убей насмерть этих лживых судей и стражу, да и короля не пощади, он поступил со мной плохо.

Стал носиться тогда черный человечек, точно молния, то туда, то сюда, и кого он только касался своей дубинкой, тот падал наземь и ни встать, ни шелохнуться больше не мог. Стало королю страшно, и начал просить он пощады, чтобы оставил его тот в живых; и отдал он солдату королевство и дочь свою в жены.

ВОРОНА

Жила-была некогда королева; была у нее дочка, совсем еще маленькая, — ее еще на руках носили. Однажды стала девочка капризничать, и что мать ей ни говорила, девочка никак не могла успокоиться. Потеряла мать терпенье, а летали вокруг замка в то время вороны; вот открыла она окно и сказала:

— Хоть бы ты стала вороной и от меня улетела, мне было бы тогда спокойней!

Только вымолвила она это слово, обернулась девочка вороной и выпорхнула у нее из рук прямо в окошко. Улетела она в темный лес и оставалась там долгое время, и родители ничего о ней не знали. Спустя некоторое время проезжал через тот лес один человек, услышал он, что кричат вороны, и пошел туда; подошел он ближе, а ворона ему и говорит:

— Я родилась королевной, но меня заколдовали, и ты можешь меня освободить от заклятья.

— А что же надо мне для этого сделать? — спросил он.

Говорит ворона:

— Ступай дальше в лес, и увидишь там дом, сидит в том доме старуха; она предложит тебе поесть и попить, но ты этого делать не смей, а не то упадет на тебя сон и тогда ты не сможешь меня освободить. В саду за тем домом стоит большая сторожевая вышка; ты взойди на ту вышку и там меня дождайся. Три дня подряд я буду являться к тебе в карете, каждый раз в два часа, и будет она запряжена сначала четверкой белых жеребцов, потом четверкой буланых, наконец четверкой вороных; и если ты будешь бодрствовать и не уснешь, я буду расколдована.

Человек пообещал выполнить все, что она пожелает, а ворона говорит:

— Ах, я уж знаю, ты меня от колдовства не освободишь, ты что-нибудь да возьмешь у старухи.

Но человек пообещал еще раз, что ничего у старухи брать не станет, ни еды, ни питья. Когда подошел он к тому дому, вышла к нему навстречу старуха и говорит:

— Бедный вы человек, как вы истощали! Заходите и подкрепитесь, покушайте чего-нибудь да выпейте.

— Нет, — говорит человек, — я не хочу ни есть и ни пить.

Но она все приставала к нему и говорила:

— Если вы есть не хотите, то отпейте хоть из этого вот стакана, ведь это все равно что ничего.

И вот она уговорила его, и он выпил. После полудня, около двух часов, вышел он в сад, взобрался на вышку и стал дожидаться ворону. Стоит он там, и вдруг такая на него напала усталость, что он не мог себя пересилить и прилег немного; но уснуть ему все-таки не хотелось. Но только он лег поудобней, как сами собой глаза у него закрылись, он заснул и спал так крепко, что ничто на свете не могло бы его разбудить.

В два часа подъехала ворона на четверке белых жеребцов, она сильно грустила и сказала:

— Я знаю, он спит.

Вошла она в сад, — так оно и оказалось: он лежал на вышке и спал. Вышла она из кареты, подошла к нему, стала его расталкивать, окликнула, но он не проснулся.

На другой день в полдень явилась опять старуха, принесла ему еды и питья, но он не хотел их брать. Она не давала ему покоя и уговаривала его до тех пор, пока он не хлебнул из стакана. Около двух часов вышел он в сад, поднялся на вышку и стал ждать ворону, но вдруг он почувствовал такую усталость, что устоять был не в силах; он ничего не мог поделать, захотелось ему лечь, и его одолел глубокий сон.

Явилась ворона на четверке буланых коней, была она в великой печали и молвила:

— Я знаю, он спит.

Вошла она к нему на вышку, где он лежал, но не могла его никак разбудить. На другой день говорит ему старуха:

— Что это такое? Ты не ешь ничего и не пьешь, неужто ты умирать задумал?

Он ответил:

— Я есть и пить не хочу и не смею.

Но она поставила перед ним блюдо с едой и стакан вина. Услыхал он запах, не мог удержаться и хлебнул большой глоток. Пришло время, и вышел он в сад, на вышку, и стал дожидаться королевну; а был он еще больше утомлен, чем в те дни, лег на землю и уснул, да так крепко, точно весь окаменел.

В два часа явилась ворона; приехала она на четверке вороных жеребцов, в черной карете и вся в черном. И была ворона совсем уже в глубокой печали и сказала:

— Я знаю, он спит и освободить меня не сможет.

Пришла она к нему, а он лежит и спит крепким-крепким сном. Толкнула она его, окликнула, но разбудить не могла. Положила она тогда рядом с ним

хлеб и кусок мяса, а на третье бутылку вина, чтоб он мог поесть и выпить столько, сколько бы захотел, а пища и вино не уменьшались бы. Потом сняла она с пальца золотое кольцо и надела ему на палец, а было на том кольце ее имя вырезано. Оставила она ему и письмо, было в нем перечислено, что она ему принесла, и сказано, что пища и питье никогда не будет уменьшаться; и было в этом письме еще написано: «Я вижу, что ты освободить меня здесь не сможешь; если хочешь освободить, то приходи в золотой замок Стекло-ванной горы, — сделать это в твоей власти, я знаю это наверняка». Положила она все это, села потом в карету и поехала в золотой замок Стекло-ванной горы.

Он проснулся, видит, что спал, и стало ему на сердце грустно, и он сказал: — Видно, она только проехала мимо, а я ее не освободил.

Вдруг он заметил — что-то лежит около него; он прочитал письмо, и было в нем описано, как все случилось. Вот поднялся он и направился к золотому замку Стекло-ванной горы, но он не знал, где тот замок находится. Странствовал он по свету долгое время и попал, наконец, в темный лес. Шел он тем лесом целых четырнадцать дней и никак не мог из него выбраться. Однажды к вечеру он так устал, что лег под кустом и уснул. На другой день двинулся он дальше, а под вечер собрался снова прилечь под кустом, — и вдруг услышал вой, плач, и никак не мог уснуть. Был час, когда люди зажигают свет, и он увидел, что где-то вдали светится огонек; он поднялся и пошел ему навстречу; он пришел к какому-то дому, и дом показался ему совсем крошечным оттого, что перед ним стоял великан. Подумал он: «Если войти в этот дом, великан меня заметит и можно легко своей жизнью поплатиться». Но, наконец, он решился и вошел. Увидал его великан и говорит:

— Это хорошо, что ты явился, я давненько уже ничего не ел. Я проглочу тебя на ужин.

— Посмотрим, — сказал человек, — я не так-то легко дам себя проглотить. Если ты хочешь есть, то еды у меня вдоволь, чтоб тебя накормить досыта.

— Если это правда, — сказал великан, — можешь спокойно оставаться; я хотел съесть тебя потому, что у меня нет ничего другого. — Они пошли, под-сели к столу, и он достал хлеб, вино и мясо, и сколько они ни ели и ни пили, всегда оставалось столько же.

— Это мне нравится, — сказал великан и ел сколько влезет.

Потом человек ему говорит:

— Не можешь ли ты мне сказать, где находится золотой замок Стекло-ванной горы?

Великан сказал:

— А я посмотрю по своей карте, на ней можно найти все города и деревни и все дома.

Принес он полевую карту, что была у него в комнате, и стал искать на ней замок, но на карте такого замка не было.

— Это ничего, — сказал великан, — есть у меня в шкафу наверху еще карты побольше, посмотрим по ним. — Но и на них замка не оказалось.

Золотой замок Стекло́нной горы.

Собрался человек идти дальше; но великан стал его просить остаться еще день-другой у него, пока не вернется домой его брат, который ушел на поиски пищи. Воротился домой брат великана, и стали они его спрашивать, где находится золотой замок Стекло́нной горы; тот ответил:

— Вот как поужинаю да наемся, поищу его на карте.

Вошли они вместе с ним в его горницу и стали искать на его карте, но замка такого найти никак не могли. Принес тогда брат великана другие старинные карты, стали они искать по тем картам; искали-искали, пока, наконец, не нашли золотой замок Стекло́нной горы, но был он за много тысяч миль отсюда.

— А как же мне туда попасть? — спросил человек.

Великан и говорит:

— Есть у меня два часа свободного времени, я готов отнести тебя почти до самого замка, а потом мне надо будет домой возвращаться и кормить грудью ребенка, который у нас живет.

Понес великан человека, и оставалось до замка сто часов ходу, вот он и говорит:

— Остальную часть дороги ты пройде́шь без труда и сам.

Повернул потом великан назад, а человек пошел дальше, и шел он день и ночь, пока, наконец, не пришел к золотому замку Стекло́нной горы. Этот замок стоял на горе из стекла, и заколдованная девушка объехала вокруг него в своей карете, а затем вошла туда. Увидел он ее, обрадовался и хотел было взобраться к ней, наверх, но как ни старался, а все по стеклу вниз скатывался. Понял он, что ему к ней не добраться, крепко запечалился и молвил про себя: «Останусь-ка я тут внизу и стану ее дожидаться». Построил он себе хижину, просидел в ней целый год и каждый день глядел на королевну, как ездila она там наверху, но наверх к ней взобраться он никак не мог.

Заметил он однажды из своей избушки, как бились между собой трое разбойников-великанов, и крикнул им:

— Господь с вами!

Услыхав это, они остановились, но никого не заметили и продолжали драться вовсю. Он крикнул им опять:

— Господь с вами!

Они остановились было, оглянулись, но, никого не заметив, продолжали биться. Крикнул он в третий раз:

— Господь с вами! — и подумал: «Надо поглядеть, что эти трое задумали».

Он подошел к ним и спрашивает, почему они между собой дерутся. И сказал один из великанов, что нашел он-де палку, такую, что если ею ударить в дверь, то дверь разлетится; другой великан сказал, что нашел он такой плащ, что если его на себя накинуть, то станешь невидимкой; а третий сказал, что поймал он такого коня, что всюду на нем можно проехать и даже на Стекло́нную гору взобраться. И вот, не знают они теперь, как им быть — оставаться ли им вместе или разойтись. Тогда человек сказал:

— Хотел бы я у вас эти три вещи выменять; хотя денег у меня и нет, но зато имеются у меня другие предметы, что будут подороже всяких денег. Но я должен сперва вашу находку испытать, чтоб узнать, правду ли вы говорите.

И они позволили ему сесть на коня, набросили на него плащ и дали ему в руки палку; только он все это получил, как стал вмиг невидимкой. Ударил он разбойников со всего маху и крикнул:

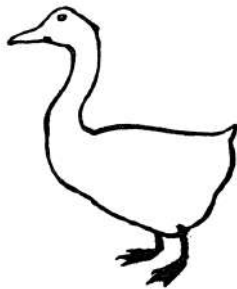
— Ну, медвежатники, получайте теперь, что вам следует! Вы этим довольны?

Потом въехал он на коне на Стекланную гору и был уже перед самым замком — но замок был закрыт. Ударил он палкой в ворота, они вмиг распахнулись, он вошел туда, поднялся по лестнице наверх и вошел в зал; сидела там девушка, а перед ней стояла золотая чаша с вином. Девушка не могла его заметить, оттого что был он укутан плащом. Он подошел к ней, снял с пальца кольцо, что она когда-то ему подарила, бросил его в чашу, и оно на дне зазвенело. И она воскликнула:

— Это мое кольцо! Значит, и тот человек, который меня освободит от заклятья, должен здесь находиться.

Стали его искать по всему замку, но нигде не нашли; он вышел, сел на коня и сбросил с себя плащ. Вот подошли к воротам, и все увидели его и от радости закричали. Тогда он сошел с коня и обнял королевну; а она поцеловала его и сказала:

— Теперь ты меня освободил от злых чар, завтра мы отпразднуем нашу свадьбу.

ЗОЛОТОЙ ГУСЬ

Жил-был человек. Было у него три сына, звали младшего Дурнем; его презирали, смеялись над ним и всегда обижали. Собрался раз старший идти в лес — дрова рубить, и дала ему мать на дорогу вкусный сдобный пирог и бутылку вина, чтоб не знал он ни голода, ни жажды. Он пришел в лес и вот повстречал там старого седого человечка. Поздоровался с ним человечек и говорит:

— Дай мне кусок пирога, что у тебя в кармане, и глоток вина — я очень проголодался и хочу пить.

Но умный сын ответил:

— Если я отдам тебе пирог да вино, то мне самому ничего не останется. Ступай своей дорогой.

Так и остался человечек ни с чем, а умный сын пошел себе дальше. Вот начал он рубить дерево; ударил топором да угодил себе прямо в руку, — пришлось ему домой возвращаться и делать себе перевязку. А вышло все из-за того седого человечка.

Потом пошел в лес средний сын, и дала ему мать, как и старшему сыну, сдобный пирог и бутылку вина. Ему тоже повстречался старый седой человечек и попросил у него кусок пирога и глоток вина. Но и средний сын, тоже разумный, ответил:

— Дам я тебе — мне меньше достанется. Ступай своей дорогой.

Так и остался человечек ни с чем, а средний сын пошел себе дальше. Но и он был наказан: ударил он несколько раз по дереву и попал топором в ногу, вот и пришлось его домой на руках относить.

Тогда Дурень и говорит:

— Дозволь мне, батюшка, хоть раз в лес пойти дров нарубить.

Ответил отец:

— Братья твои уже ходили, да только себе навредили, — куда уж тебе, ты в этом деле ничего не смыслишь.

Но Дурень все просил да просил, и отец, наконец, сказал:

— Ну, ступай, авось в беде поумнеешь.

И дала ему мать пирог, а был он на воде замешен да в золе испечен, и бутылку кислого пива. Пришел Дурень в лес; повстречался ему тоже старый седой человечек, поздоровался с ним и говорит:

— Дай мне кусок пирога и глоток из твоей бутылки, — я так голоден и мне очень хочется пить.

Ответил Дурень:

— Но у меня-то ведь пирог на золе испечен, а пиво кислое; но если это тебе по вкусу, давай присядем и вместе закусим.

Сели они; достал Дурень свой пирог, что был на золе испечен, а оказался он сдобным и вкусным, а кислое пиво стало хорошим вином. Поели они, попили, и сказал человечек:

— Оттого, что у тебя сердце доброе и ты охотно со мной поделился, я награжу тебя счастьем. Вон стоит старое дерево, ты сруби его, и между корнями для тебя кое-что найдется. — Потом человечек попрощался и ушел.

Пошел Дурень, подрубил дерево, оно свалилось, вдруг видит он — сидит на корнях гусь, а перья у гуся все из чистого золота. Поднял он гуся, взял его с собой и пошел в харчевню, где и решил заночевать. А у хозяина харчевни

были три дочери; увидали они гуся, стало им любопытно, что это за диковинная птица такая, и захотелось им добыть одно из его золотых перьев. Старшая подумала: «Случай к тому, пожалуй, подвернется, я вытащу себе золотое перо». Только Дурень отлучился, схватила она гуся за крыло, но тут пальцы ее так к крылу и пристали. Пришла вскоре вторая сестра, и было у нее одно на уме: как бы это вытащить и себе золотое перо; но только она прикоснулась к своей сестре, так тотчас к ней и прилипла. А тут пришла и третья сестра, чтоб добыть себе золотое перо, но сестры ей крикнули:

— Ради Бога, не подходи к нам, отойди!

Но она не поняла, почему это нельзя подойти, и подумала: «Если сестры мои там,

то и я могу быть тоже с ними», — и только она подбежала и прикоснулась к одной из сестер, так тотчас к ней и прилипла. Вот и пришлось им провести ночь возле гуся.

На другое утро взял Дурень гуся под мышку и ушел, мало беспокоясь о том, что трое девушек тащатся за ним следом. Пришлось им все время бежать следом за гусем то туда, то сюда, куда ноги Дурня надумают. Повстречался им в поле пастор; увидал он такое шествие и говорит:

— Постыдитесь, бесстыжие девушки! Чего бежите следом за парнем, куда это годится? — И он схватил младшую за руку, собираясь ее оттащить. Но только он к ней прикоснулся, как тоже прилип, и пришлось ему самому бежать следом за ними.

Повстречался им вскоре на пути причетник; увидел он пастора, спешащего следом за тремя девушками, удивился и закричал:

— Эй, господин пастор, куда это вы так спешите? Не забудьте, что нынче надо еще ребенка крестить, — и он подбежал к пастору, схватил его за рукав и тоже прилип.

Когда они все впятером бежали следом друг за дружкой, повстречалось им двое крестьян, возвращавшихся со своими мотыгами с поля; пастор крикнул им, чтоб они освободили его и причетника. Но только прикоснулись крестьяне к причетнику, как тоже прилипли, — и стало их теперь семеро бегущих следом за Дурнем и его гусем.

Вот пришел Дурень в город, а правил в том городе король; и была у него дочка, такая строгая да мрачная, что ни один человек не мог ее никак рассмешить. И потому королем был объявлен указ, что кто, мол, ее рассмешит, тот на ней и женится.

Услыхал Дурень об этом и отправился со своим гусем и целой ватагой спутников к королевне. Увидела та семерых, бегущих друг за дружкой, и так начала смеяться, что и остановиться ей было трудно. Потребовал тогда Дурень ее себе в невесты, но королю будущий зять что-то не очень понравился. Стал король придумывать всякие отговорки и сказал, чтоб привел он ему такого человека, который бы смог целый подвал вина выпить. Тут Дурень и вспомнил про седого человечка и подумал, что тот сможет, пожалуй, прийти ему на по-

мощь. Отправился Дурень в лес и увидел на том самом месте, где рубил он однажды дерево, какого-то человечка; тот сидел, и по лицу его было видно, что он сильно пригорюнился. Стал Дурень его расспрашивать, чего он горюет. Тот ответил:

— Мучит меня сильная жажда, никак не могу я ее утолить. Холодной воды я не пью, бочку вина я уже опорожнил, но для меня это все одно, что капля на раскаленный камень.

— Я могу в этом деле тебе помочь, — сказал Дурень. — Ступай за мной, и ты вдосталь напьешься.

Повел его Дурень в королевский подвал. Подсел человечек к огромным бочкам и стал пить; пил и пил, пока живот у него не раздулся, и не прошло и дня, как выпил он целый подвал.

Потребовал во второй раз Дурень себе невесту, но король рассердился, что такой простой парень, которого всяк величает Дурнем, может взять его дочь себе в жены, и поставил тогда новое условие: должен Дурень сначала найти такого человека, который бы смог целую гору хлеба поесть.

Не долго думая, отправился Дурень прямо в лес; и сидел на том самом месте какой-то человек; он подтянул свой пояс потуже, лицо у него было грустное, и он сказал:

— Я уже съел целую печь ситного хлеба, да что это для меня, когда у меня такой сильный голод! Утробы моей никак не насытишь, и приходится мне пояс подтягивать все туже, чтоб с голоду не пропасть!

Обрадовался Дурень и говорит:

— Так вставай и ступай за мной: уж ты досыта наешься.

Привел он его к королевскому двору, а туда свезли на ту пору всю муку со всего королевства и напекли огромную гору хлебов; ну, тут лесной человек подошел и начал есть, — и в один день вся хлебная гора исчезла.

В третий раз потребовал Дурень себе невесту, но королю хотелось от него избавиться, и потребовал он у Дурня такой корабль, чтобы мог по воде и по суше плавать.

— Как только ты на том корабле ко мне подплывешь, — сказал он Дурню, — тотчас получишь дочь мою в жены.

Отправился Дурень прямой дорогой в лес; сидел там старый седой человек, которому он отдал когда-то свой пирог, и сказал человек:

— Это ты меня накормил, напоил, дам я тебе за это корабль; я это делаю потому, что ты меня пожалел.

И дал он ему корабль, что мог ходить и по суше и по морю. Увидел король тот корабль и не мог отказаться выдать дочь свою замуж за Дурня. Вот сыграли свадьбу, и после смерти короля наследовал Дурень все королевство и жил долгие годы счастливо со своей женой.

ЖИВАЯ ВОДА

Жил когда-то король; был он больной, и никто уже не верил, что он сможет когда-нибудь выздороветь. А было у короля три сына; вот запечалились они из-за этого, сошли вниз в королевский сад и заплакали. Но повстречался им в саду какой-то старик, стал про их горе расспрашивать. Они ему говорят, что отец у них сильно болен, наверно, помрет, а помочь ему никак невозможно. А старик и говорит:

— Я знаю еще одно средство — это живая вода; если кто той воды напьется, то снова выздоровеет; но воду эту найти нелегко.

Старший сын и говорит:

— Уж я эту воду найду.

Пошел он к больному королю, начал его просить, чтоб тот отпустил его на поиски живой воды, что это только и может его исцелить.

— Нет, — сказал король, — это дело слишком опасное, уж лучше мне умереть.

Но сын долго его упрашивал, и, наконец, король согласился. А принц подумал в душе: «Принесу я ту воду, стану у отца самым любимым сыном и наследую королевство».

И он двинулся в путь-дорогу; проехал он некоторое время, глядь: стоит на дороге карлик. Карлик окликнул его и говорит:

— Куда это ты так торопишься?

— Глупый малыш, — гордо ответил принц, — тебе об этом незачем знать, — и поскакал дальше.

Разгневался маленький человечек и пожелал ему зла. Попал принц вскоре в горное ущелье, и чем дальше он ехал, тем все больше сходились горы, и наконец дорога стала такая узкая, что дальше нельзя было и шагу ступить; невозможно было и коня повернуть или встать с седла; и вот очутился принц взаперти в скалах. Долгое время прождал его больной король, но он все не возвращался.

Говорит тогда средний сын:

— Отец, позвольте мне отправиться на поиски живой воды, — а сам про себя подумал: «Если брат мой умер, то королевство достанется мне».

Король поначалу тоже не хотел его отпускать, но наконец уступил его просьбам. Поехал принц той же дорогой, что и его брат, и тоже повстречался ему карлик, который его остановил и спросил, куда это он так торопится.

— Эх ты, малыш, — сказал принц, — о том знать тебе незачем, — и поскакал дальше, даже не оглянувшись.

Но карлик его заколдовал, и принц тоже попал, как и его брат, в горное ущелье и не мог двинуться ни назад, ни вперед. Так-то оно бывает с людьми высокомерными!

Не воротился назад и средний сын, и вызвался тогда идти на поиски живой воды младший сын, и пришлось королю в конце концов его отпустить.

Повстречал меньшой принц карлика, и тот спросил его тоже, куда это он так торопится. Принц остановил коня, поговорил с карликом, ответил ему на вопрос и сказал:

— Я ищу живую воду, — отец мой лежит при смерти.

— А ты знаешь, где найти ее?

— Нет, — ответил принц, — не знаю.

— Оттого, что ты держишь себя как следует и не чванишься, как твои лицемерные братья, я укажу тебе дорогу, как к живой воде добраться. Эта вода течет из родника во дворе заколдованного замка. Но ты туда пробраться не сможешь, если я не дам тебе железного прутика и двух маленьких коврижек хлеба. Ты ударь тем прутиком трижды в железные ворота замка, и они тогда распахнутся; лежат на дворе два льва, они разинут пасть, но если ты бросишь каждому из них по коврижке, они будут молчать; но ты не мешкай, набери себе живой воды, пока не пробьет полночь, а не то ворота закроются и ты окажешься там взаперти.

Поблагодарил его принц, взял прутик и коврижки и двинулся с тем в путь-дорогу. Когда он прибыл туда, все было, как сказал ему карлик. Ворота распахнулись после третьего удара прутиком, и когда он задобрил львов хлебом, он проник в замок и вошел в большой прекрасный зал; а сидели в том зале зачарованные принцы. Поснимал он у них с пальцев кольца; и лежали тут же меч и хлеб, и он взял их с собой. Потом зашел он в комнату, и стояла там прекрасная девушка. Увидев его, она обрадовалась, поцеловала его и сказала, что он ее освободил от злых чар и может теперь получить все ее королевство; а если он вернется через год назад, то они отпразднуют с ним свадьбу. Потом она сказала ему, где родник с живой водой, но что должен он торопиться и набрать из него воды, прежде чем пробьет полночь. Пошел принц дальше, зашел, наконец, в комнату, где стояла красивая, только что постеленная кровать; а был он утомлен и захотелось ему немного отдохнуть. Он лег и уснул; а когда проснулся, пробило без четверти двенадцать. Он вскочил в испуге, побежал к роднику, зачерпнул воды в кубок, что стоял там, и поспешил скорее уйти. Только он вышел за ворота, как раз пробило двенадцать, и ворота захлопнулись так сильно, что оторвали ему кусок пятки.

Но ему было радостно и весело, что достал он живой воды, и он отправился домой. Пришлось ему проходить опять мимо карлика. Увидел карлик меч и хлеб и говорит:

— Ты добыл для себя великое благо: этим мечом ты можешь разбить целое войско, а этого хлеба тебе будет невпоед.

Не захотел принц домой возвращаться без своих братьев и говорит:

— Милый карлик, не можешь ли ты мне сказать, где находятся мои оба брата? Они отправились за живой водой и назад до сих пор не вернулись.

— Они сидят взаперти между двумя горами, — сказал карлик, — я там их заколдовал, оттого что были они такие надменные.

Стал принц упрашивать карлика и просил его до тех пор, пока тот их не выпустил. Но карлик его предостерег и сказал:

— Ты их берегись, у них злое сердце.

Явились его братья, он обрадовался им и рассказал, что с ним было, — как нашел он живую воду, что набрал ее полный кубок и освободил прекрасную принцессу; что будет она его ждать целый год, а потом они отпразднуют свадьбу и он получит большое королевство. Потом поехали они вместе и попали в такую страну, где были война и голод, и король той страны думал, что ему придется пропадать, так была велика опасность. Тогда пришел к тому королю принц, дал ему хлеба, и король накормил этим хлебом все свое королевство; дал принц ему меч, — он разгромил им войско врагов и мог с той поры жить в мире и спокойствии. Взял принц назад свой хлеб и меч, и трое братьев двинулись дальше. Но пришлось им побывать еще в двух странах, где царили война и голод; и принц давал королям каждый раз свой хлеб и меч, — и так он спас три страны. Потом сели братья на корабль и поплыли по морю.

Дорогой старшие братья говорят друг другу:

— Ведь меньшой брат нашел живую воду, а не мы; отец отдаст ему за это все королевство, а оно по праву принадлежит нам, он отымет у нас наше счастье.

И они порешили ему отомстить и условились между собой младшего брата погубить. Они выбрали время, когда он крепко уснул, вылили живую воду из кубка, забрали ее себе, а ему налили в кубок горькой морской воды.

Вернулись они домой, и принес младший сын больному королю свой кубок, чтобы тот выпил из него и стал бы здоров. Но только отпил он немного горькой морской воды, разболелся еще пуще прежнего. Стал он на болезнь жаловаться; тогда явились к нему старшие сыновья, начали младшего обвинять, будто хотел он отца отравить; принесли ему настоящей живой воды и подали ему напиток. Только он отпил той воды, как почувствовал, что болезнь у него прошла и стал он сильным и здоровым, каким был в молодые годы.

Пришли старшие братья к младшему, стали над ним насмехаться и говорят:

— Хотя ты живую воду и нашел и уж как старался, а награду-то за это получим мы. Надо было быть тебе поумней и смотреть в оба; мы ее у тебя забра-

Повстречал меньшой принц карлика, и тот спросил его тоже, куда это он так торопится. Принц остановил коня, поговорил с карликом...

ли, когда ты уснул на корабле, а через год один из нас возьмет себе и прекрасную королевну. Но смотри, берегись, нас не выдай; ведь отец тебе не верит, и если ты скажешь хоть слово, поплатишься жизнью, а будешь молчать, то мы тебя помиluем.

Разгневался старый король на младшего сына: он поверил, что тот замышлял его погубить. И велел он собрать придворных, чтоб его судить, и было решено его тайно пристрелить. Выехал принц раз на охоту, ничего не подозревая дурного, и отправился с ним вместе королевский егерь. Они очутились в лесу совершенно одни, вид у егеря был такой грустный, и вот говорит ему принц:

— Что с тобой, милый мой егерь?

А егерь отвечает:

— Об этом сказать я не смею, а все-таки должен.

А принц говорит:

— А ты все мне скажи, я тебя прощу.

— Ах, — ответил егерь, — я вас должен убить, мне приказал это король.

Испугался принц и говорит:

— Милый егерь, оставь меня в живых; я дам тебе свою королевскую одежду, а ты дай мне взамен ее свою простую.

— Я это охотно сделаю, — сказал егерь, — все равно я стрелять бы в вас не мог.

И они обменялись одеждами. Воротился егерь домой, а принц направился дальше в лес. Спустя некоторое время прибыло к старому королю для его младшего сына три повозки золота и драгоценных камней; а были они присланы тремя королями, что разбили своих врагов мечом принца и накормили свои королевства его хлебом. Подумал старый король: «Неужто мой сын ни в чем не повинен?» — и сказал своим слугам:

— Если бы сын мой остался в живых! Как я жалею, что приказал его убить.

— Он еще жив, — сказал егерь, — я не мог осилить своего сердца и выполнить ваше приказанье, — и он рассказал королю все, как было.

Словно камень свалился с сердца короля, и он приказал оповестить по всем королевствам, что сын его может вернуться назад и будет им ласково принят.

Королевна велела проложить перед своим замком дорогу, да чтоб была она вся золотая, блестящая, и сказала своим людям, что кто по дороге той будет скакать прямо к ней, тот и есть ее настоящий жених, и его должны пропустить, а кто будет ехать окольной тропой, тот не настоящий жених, и чтоб они его не впускали.

Вот подошло время, и старший брат подумал, что надо скорее спешить к королевне и выдать себя за ее избавителя, и тогда он возьмет ее себе в жены и получит еще королевство в придачу. Он выехал и, подъезжая к замку, увидел прекрасную золотую дорогу и подумал: «Как жаль скакать по такой до-

роге», и он свернул с нее и поехал правой стороной, по обочине. Он подъехал к воротам, но люди сказали ему, что он ненастоящий жених и пусть, мол, уезжает себе отсюда. Вскоре после того собрался в путь-дорогу второй принц; он подъехал к золотой дороге, и только ступил конь на нее копытом, принц подумал: «Жалко такую дорогу сбивать», и свернул, поехал левой стороной, по обочине. Подъехал он к воротам, но люди сказали, что он ненастоящий жених, пускай, мол, себе уезжает отсюда. Как раз исполнился год, и собрался выехать из лесу к своей возлюбленной меньшей брат, чтоб вместе с ней развеять свое горе. Собрался он в путь-дорогу и все думал только про королевну, и так хотелось ему быть поскорее с ней, что не заметил он вовсе той золотой дороги. Поскакал его конь прямо посередине; вот он подъехал к воротам, распахнулись ворота, и радостно встретила его королевна и сказала, что он — ее избавитель и всему королевству хозяин; и отпраздновали свадьбу в великом веселье и радости. Когда свадебный пир закончился, она сказала ему, что его отец приглашает его к себе и прощает. Он поехал к отцу и рассказал ему обо всем — как обманули его братья и как пришлось ему при этом молчать. Старый король хотел их казнить, но они сели на корабль и уплыли за море и с той поры так назад и не вернулись.

ДВЕНАДЦАТЬ ОХОТНИКОВ

Жил королевич, и была у него невеста; он сильно ее любил. Раз сидел он у нее счастливый, и вдруг пришло известие, что отец его заболел и лежит при смерти и хочет перед своей кончиной с ним проститься.

Сказал тогда королевич своей возлюбленной:

— Я должен уехать, мне придется тебя покинуть; так вот, даю я тебе на память кольцо. Когда я стану королем, то вернусь назад и увезу тебя вместе с собой.

Сел он на коня и поскакал; и когда он приехал к отцу, тот был уже при смерти. И сказал ему отец:

— Любезный мой сын, я хотел в последний раз повидаться с тобой перед смертью, обещаю тебе, что ты женишься по моей воле, — и назвал он одну королевну, что должна была стать его женой. Сын был так опечален, что, не подумав, сказал:

— Хорошо, дорогой мой батюшка, пусть будет по воле вашей.

Затем король закрыл глаза и умер.

Прошло время поминок, и должен был сын исполнить обещанье, данное им отцу, и он велел отправить к той королевне сватов, и родители согласились выдать ее за него замуж. Но услышала о том его первая невеста и так запечалилась из-за его неверности, что чуть было не умерла с горя. И сказал ей тогда отец:

— Доченька моя дорогая, чего ты так печалишься? Что ты захочешь, то и получишь.

Призадумалась она на минуту и сказала так:

— Дорогой мой батюшка, хочу я, чтобы было у меня одиннадцать девушек, похожих на меня и лицом, и станом, и ростом.

И ответил король:

— Если это сделать возможно, пусть желание твое исполнится.

И приказал он искать по всему королевству девушек, пока не найдется одиннадцать, совершенно похожих на его дочь и лицом, и станом, и ростом.

Вот привели их к королевне, и она велела сшить им двенадцать охотничьих костюмов, похожих один на другой, и должны были одиннадцать девушек нарядиться в эти охотничьи костюмы, а королевна надела двенадцатый. Затем она простилась со своим отцом и ускакала вместе с девушками, и прибыла ко двору своего прежнего жениха, которого она так любила.

Она спросила, не нужны ли ему будут охотники и не возьмет ли он всех их вместе к себе на службу. Посмотрел на нее король, но не узнал; а так как были они все красивые, то он и согласился и сказал, что примет их на службу охотно; и стали они двенадцатью охотниками у короля.

Но был у короля лев, и был он зверем волшебным, он ведал обо всем сокрытом и тайном. И случилось так, что однажды вечером он сказал королю:

— Ты думаешь, что и вправду у тебя двенадцать охотников?

— Да, — ответил король, — это двенадцать охотников.

А лев говорит:

— Ты ошибаешься, — это двенадцать девушек.

А король ему говорит:

— Это уж никак не похоже на правду; ну, как ты мне это докажешь?

— О, вели только рассыпать в прихожей горох, — ответил лев, — и ты сразу увидишь. У мужчин шаг твердый, уверенный: если они пройдут по горошинам, то ни одна из них не сдвинется; а девушки — те ногами семят да шаркают, ступают осторожно, — вот горошины и раскатываются у них под ногами.

Королю совет этот понравился, и велел он рассыпать в прихожей горох.

Но был у короля слуга, он к охотникам хорошо относился, и только он услышал, что хотят их испытать, пришел к ним, рассказал обо всем и говорит:

— Лев хочет открыть королю, что вы девушки.

Поблагодарила слугу королевна и обратилась затем к своим девушкам:

— Ну, теперь набирайтесь сил и ступайте по горошинам твердым, уверенным шагом.

Когда на другое утро король призвал к себе двенадцать охотников и они явились к нему в прихожую, где был рассыпан горох, то прошли они по гороху уверенно и твердо, и походка у них была крепкая и верная, и ни одна горошина не покатилась, даже с места не сдвинулась.

Вот ушли они, а король и говорит льву:

— Ты мне наврал: они прошли, как мужчины.

Лев ответил:

— Они проведали, что их будут испытывать, и понабрались сил. Ты вот поставь в прихожей двенадцать прялок; придут они, увидят их, обрадуются, а мужчины — те радоваться не станут.

Этот совет королю понравился, и он велел поставить в прихожей двенадцать прялок.

Но слуга, который желал охотникам добра, пошел и открыл им и этот замысел короля. И сказала королевна, оставшись наедине со своими одиннадцатью девушками:

— Держитесь как следует и на прялки вовсе не глядите.

И вот, когда на другое утро король призвал своих двенадцать охотников, то прошли они через прихожую, а на прялки и вовсе не глянули. Тогда говорит король снова своему льву:

— Ты мне солгал: это мужчины, на прялки они ведь и не посмотрели.

Лев ответил:

— Они проведали о том, что хотят их испытать, и себя пересилили. — Но король льву больше верить не стал.

И двенадцать охотников всегда сопровождали короля на охоту, и чем дальше, тем больше они ему полюбились. И случилось так, что раз во время охоты пришло известие о том, что невеста короля уже в пути. Услыхала о том настоящая невеста, и стало ей так обидно и больно, что сердце у ней почти перестало биться, и она упала без чувств. Король, решив, что с его милым охотником случилось что-то недоброе, подбежал к нему, желая помочь, и сдернул с руки у него перчатку. И вдруг увидел он кольцо, подаренное им своей первой невесте, заглянул он ей в лицо и узнал ее. И растрогалось его сердце, поцеловал он ее, а когда она открыла глаза, он сказал:

— Ты — моя, а я — твой, и никто на свете не может нас разлучить.

И он послал навстречу другой невесте гонца и велел просить ее вернуться назад в свое королевство, потому что, мол, есть у него уже жена, а кто старый ключ найдет, тому нового не надо. Тут и свадьбу они сыграли. И лев снова попал к королю в милость, — ведь он ему всю правду сказал.

КОРОЛЬ С ЗОЛОТОЙ ГОРЫ

Было у одного купца двое детей, мальчик и девочка; были они маленькие и не умели еще ходить. Отправил однажды купец за море корабли, и находилось все его состояние на тех кораблях, и он думал много денег оттого заработать; но вот пришло известие, что корабли утонули. И стал он вместо богатого человека бедняком, остался у него всего только клочок земли за городом. Чтоб как-нибудь про свое горе забыть, вышел он из дому в поле, стал прохаживаться, и вдруг явился перед ним маленький черный человечек и спрашивает, чего он запечалился, какая у него на сердце грусть.

Сказал купец:

— Если б ты мог мне помочь, я бы охотно тебе рассказал.

— Почем знать, — ответил черный человечек, — может, и помогу.

Рассказал тогда купец о том, что все его богатства на море утонули, и остался у него всего лишь вот этот клочок земли.

— А ты не горюй, — молвил человечек, — если ты мне пообещаешь доставить сюда через двенадцать лет на это вот самое место, то, что первое дома тебя в ногу толкнет, то получишь денег столько, сколько захочешь.

Подумал купец: «Ну, это, наверно, моя собака», — а про своего маленького сына он и забыл, — и согласился; дал черному человечку расписку, печать к ней приложил и домой отправился.

Пришел купец домой, а маленький сын обрадовался ему; стал, держась за скамейку, к нему пробираться и крепко вцепился ему в колени. Испугался отец, вспомнил про свое обещанье и понял теперь, в чем он сам расписался. А так как никаких денег в ящиках он нигде у себя пока что не находил, то и подумал, что человечек, пожалуй, подшутил. Месяц спустя пошел купец на чердак, хотел собрать там старую оловянную посуду и ее продать, как вдруг увидел он там целую кучу денег. И радостно-весело стало ему опять. Начал он покупать снова товары и вскоре сделался купцом еще поважней прежнего, и тужить ему теперь ни о чем не приходилось. Тем временем сын его вырос и стал таким умным и рассудительным.

Но чем ближе подходило время к двенадцати годам, тем озабоченней становился купец, и по лицу его было видно, что он чувствует страх. Вот и спрашивает у него однажды сын, что с ним такое. Отцу не хотелось говорить ему об этом, но сын так долго его упрашивал, что в конце концов он рассказал, что пришлось ему пообещать, — не зная этого, — отдать его черному человечку и что получил он за это много денег; дал он в том человечку расписку и печать приложил, и вот должен он, когда исполнится двенадцать лет, его отдать.

— Вы уж, батюшка, — сказал сын, — не бойтесь, все будет хорошо, черный человечек не имеет надо мной никакой силы.

Попросил сын у пастора благословенья, и когда подошел срок, он вышел вместе с отцом на поле; начертил сын круг и стал вместе с отцом в середину круга. Явился черный человечек и говорит старику-отцу:

— Ну, принес ты мне, что обещал?

Промолчал отец, ничего не сказал, а сын спрашивает:

— Чего тебе тут надобно?

Черный человечек говорит:

— Мне надо с твоим отцом поговорить, а не с тобой.

Ответил сын:

— Ты моего отца обманул и ввел в соблазн, давай расписку назад.

— Нет, — говорит черный человечек, — от своего права я не откажусь.

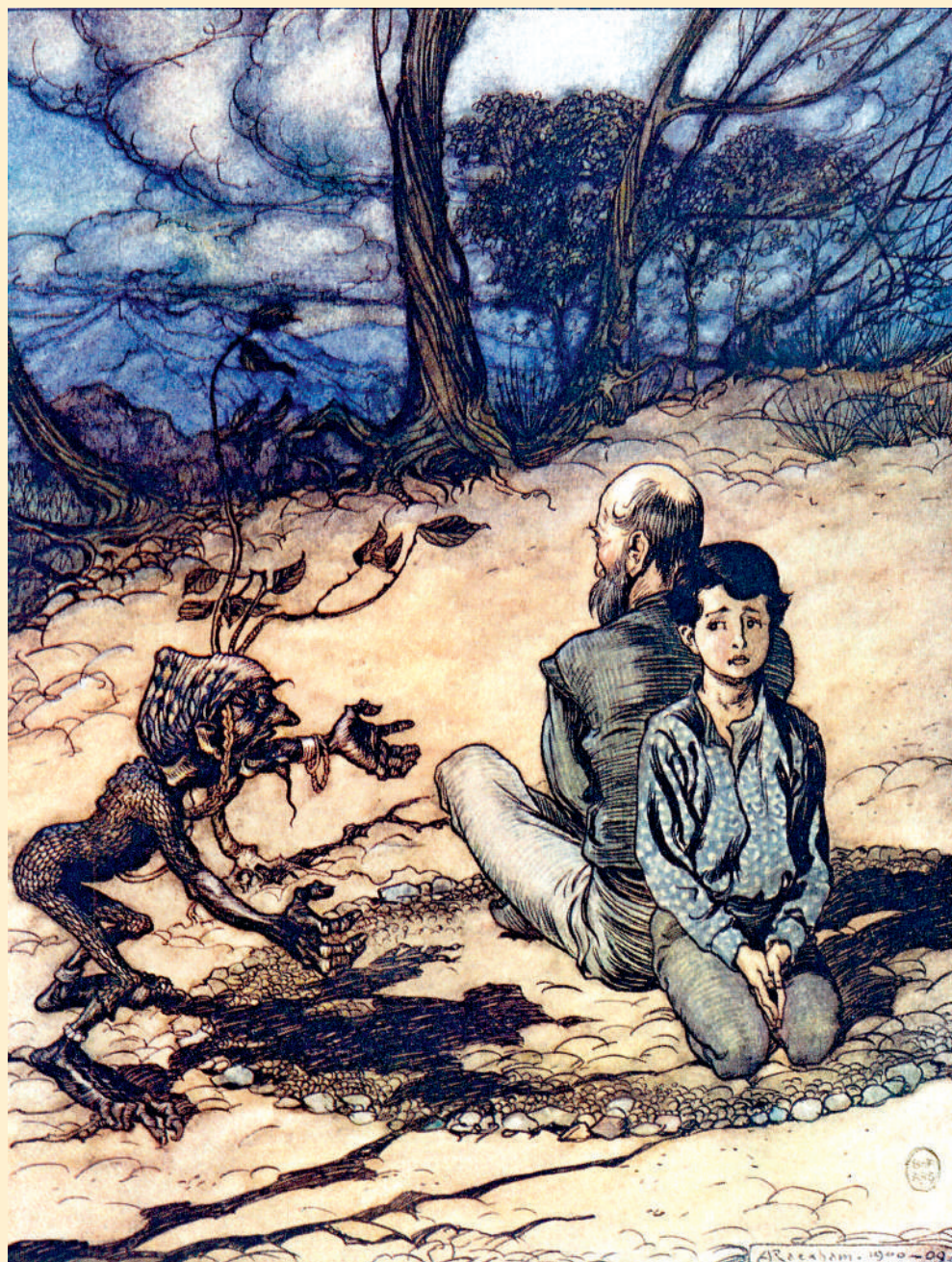
Долго они между собой спорили и, наконец, порешили на том, что сын принадлежит отныне нечистому, а не своему родному отцу, и должен сын сесть на кораблик, что стоит на реке, а отец обязан своей собственной ногой оттолкнуть кораблик от берега, и пусть себе сын плывет по воле волн. Простился сын со своим отцом, сел на кораблик, и пришлось отцу оттолкнуть тот кораблик своей собственной ногой. Перевернулся кораблик вверх дном, оказалась палуба в воде, и подумал отец, что его сыну придется погибнуть. Вернулся отец домой, стал о нем горевать и его оплакивать.

Но кораблик не утонул, а спокойно поплыл себе дальше, и сидел в нем юноша в безопасности; и плыл кораблик долго-долго, пока, наконец, не пристал к неведомым берегам. Вышел юноша на берег, видит — стоит перед ним прекрасный замок, и он пошел прямо к тому замку. Но только вступил он в замок, видит, что тот заколдован. Обошел он все комнаты, они оказались пустые; зашел он в последнюю комнату, и лежала там, извиваясь, змея. А была змея заколдованной девушкой; увидев его, она обрадовалась и говорит:

— Ты явился, мой избавитель? Я ждала тебя, дожидалась целых двенадцать лет. Это королевство заколдовано, и ты должен его расколдовать.

— А как же мне это сделать? — спросил он.

— Сегодня ночью явятся двенадцать черных человечков, все они увешаны цепями; они станут тебя спрашивать, что ты тут делаешь, но ты молчи, ни слова не говори, не отвечай им, и пусть они делают с тобой, что хотят. Они станут тебя мучить, бить и колоть, а ты терпи, ничего не говори; в пол-

*Попросил сын у пастора благословенья, и когда подошел срок,
он вышел вместе с отцом на поле; начертил сын круг
и стал вместе с отцом в середину круга.*

ночь они должны будут уйти. На вторую ночь явятся снова другие двенадцать, на третью ночь — двадцать четыре, и отрубят они тебе голову; но в полночь их власть окончится, и если ты выдержишь и не вымолвишь ни единого слова, то я буду расколдована. Я приду к тебе и принесу с собой пузырек с живой водой. Я окроплю тебя этой водой, и ты снова воскреснешь и будешь здоров, как прежде.

И он сказал ей:

— Я с радостью тебя освобожу.

И вот случилось все, как она говорила; черные человечки не могли вынудить у него ни единого слова, и на другую ночь стала змея прекрасной королевой; она явилась с живой водой и воскресила юношу. Бросилась она к нему на шею, стала его целовать, и были радость и ликование во всем замке. Отпраздновали свадьбу, и он стал королем с Золотой горы.

И вот зажили они вместе в счастье и довольстве, и родила королева прекрасного мальчика. Прошло уже восемь лет, и вспомнил король про своего отца; заговорило у него сердце и захотелось ему навестить отца. Но королева не хотела его отпускать и сказала:

— Я знаю наперед, что это принесет мне несчастье.

Однако он не давал ей покоя до тех пор, пока она не согласилась. Дала она ему на прощанье волшебное кольцо и сказала:

— Возьми это кольцо, надень его себе на палец, и оно вмиг перенесет тебя туда, куда ты захочешь; но дай мне обещанье, что ты не воспользуешься кольцом для того, чтоб унести меня отсюда к твоему отцу.

Он пообещал ей это, надел на палец кольцо и пожелал перенестись на родину, к тому городу, где жил его отец. И вмиг он там очутился, и захотелось ему попасть в город. Подошел он к воротам, но стража не хотела его пропускать, оттого что была на нем странная, хотя богатая и роскошная одежда. Тогда он взошел на гору, где пас свое стадо пастух, обменялся с ним одеждой, надел старую пастушью куртку, и никто тогда не стал его задерживать, и он прошел в город. Вот пришел он к своему отцу и объявил ему, что он такой; но отец никак не мог поверить, что это его родной сын, и сказал:

— Хотя и был у меня сын, но он давно уже умер. Я вижу, что ты бедный, убогий пастух, и я готов накормить тебя досыта.

И говорит пастух своим отцу-матери:

— Нет, я вправду ваш сын. Может, вы знаете какой-либо знак у меня на теле, по которому вы могли бы меня узнать?

— Да, — сказала мать, — была у нашего сына под правым плечом красная родинка.

Он приподнял рубаху, и они увидели у него под правым плечом красную родинку и перестали тогда сомневаться, что это и вправду их родной сын. Потом он рассказал им, что он — король с Золотой горы, что жена у него королева и что есть у них прекрасный сын семи лет.

И сказал отец:

— Я никогда этому не поверю! Какой же славный король станет ходить в изодранной пастушьей одежде?

Тут разгневался сын и повернул, позабыв про свое обещанье, вокруг пальца кольцо и пожелал, чтобы жена и ребенок тотчас к нему явились; и вмиг они были уже здесь. Но королева начала плакать и горевать и сказала, что он нарушил свое слово и сделал их оттого несчастными.

Он ответил:

— Я сделал это по забывчивости, а не по злой воле, — и стал ее утешать. Она сделала вид, будто ему простила, но в душе затаила злобу.

Тогда он повел ее за город, в поле, и показал ей ту реку, где когда-то оттолкнули его кораблик, и сказал:

— Я устал, давай сядем на землю, и я немного вздремну у тебя на коленях. — Положил он ей голову на колени, и она стала искать у него в голове, пока он уснул. Когда он уснул, сняла королева сначала у него с пальца кольцо, потом тихонько высвободила ногу, но осталась туфелька; потом взяла она на руки своего ребенка и пожелала вернуться к себе в королевство.

Проснулся он, видит, что лежит один, всеми покинут; жены и ребенка нет, и кольца на пальце нет тоже, осталась в знак доказательства одна лишь туфелька.

«Вернуться домой к родителям я не могу, — подумал он, — а то они еще скажут, что я колдун; надо мне собираться и уходить отсюда и идти до тех пор, пока не вернусь в свое королевство». Он ушел и, наконец, прибыл к горе; а стояли у той горы три великана и спорили между собой, не зная, как поделить им отцовское наследство. Увидели они, что идет мимо юноша, окликнули его и говорят: — Маленькие люди толковые; подели между нами отцово наследство. А наследство это состоит, во-первых, из сабли, — у кого находится в руках эта сабля и кто скажет: «Все головы с плеч долой, кроме моей одной!» — то будут лежать вмиг все головы на земле; во-вторых, из плаща, — кто им закутается, тот делается невидимкой; и в-третьих, из пары сапог, — кто те сапоги на себя наденет, то, куда он ни пожелает попасть, вмиг там и очутится.

Вот юноша и говорит:

— А вы дайте мне эти три вещи, я испробую, в исправности ли они.

Дали они ему плащ, накинул он его на себя — и вмиг стал невидимкой и обратился в муху. Потом он принял опять свой прежний вид и сказал:

— Плащ хорош, а теперь дайте мне меч.

А они говорят:

— Нет, мы его тебе не дадим! Ведь если ты скажешь: «Все головы с плеч долой, кроме моей одной!», то полетят наши головы с плеч и останется голова только у тебя одного.

Но они все ж таки дали ему меч, взяв с него слово, что он испробует его силу на дереве. Так он и сделал, и меч разрубил ствол дерева, точно соломинку.

Захотелось ему испробовать и сапоги, но великаны сказали:

— Нет, мы сапог тебе не дадим; ведь если ты их наденешь и пожелаешь по-
пасть на вершину горы, мы останемся тут внизу, и у нас ничего не будет.

— Нет, — сказал он, — я этого не сделаю.

Они дали ему сапоги. И вот оказались у него все эти три вещи, а он думал
только о своей жене и ребенке и молвил про себя: «Ах, если б попасть мне
на Золотую гору!» — и миг на глазах великанов он исчез; так было поделе-
но их наследство.

Был уже юноша вблизи замка; услышал он радостные крики, звуки скрипок
и флейт, и люди сказали ему, что это его жена празднует свадьбу с другим. Раз-
гневался он и сказал:

— Живая женщина, она меня обманула и покинула город, когда я уснул. —
И он накинуд на себя свой плащ и вошел невидимкой в замок.

Вошел он в зал, и стоял там большой стол, уставленный богатой едой; го-
сти ели и пили, смеялись, шутили. А королева сидела среди них в прекрасных
одеждах, на королевском троне, и была у нее на голове корона. Он стал поза-
ди нее, и его никто не видел. Когда ей клали на тарелку кусок мяса, он брал его
и съедал: наливали ей стакан вина, он брал его и выпивал; ей все время под-
кладывали еду, но у нее ничего не было, — тарелка и стакан миг исчезали.
Она была этим огорчена, ей стало стыдно, она ушла к себе в комнату и запла-
кала, а он пошел следом за ней.

Сказала она:

— Неужто дьявол мной овладел, разве ни разу не приходил мой избави-
тель?

Он ударил ее по лицу и сказал:

— Разве никогда не приходил твой избавитель? Да ведь он рядом с тобой,
обманщица! Разве я это заслужил от тебя?

И он сделался видим, вошел в зал и крикнул:

— Пиру конец, настоящий король явился!

Короли, князья и советники, которые там
собрались, начали над ним издеваться и сме-
яться; но он коротко молвил:

— Уйдете вы отсюда или нет?

Они хотели было его схватить
и уже кинулись на него, но он вых-
ватил свой меч и сказал:

— Все головы с плеч долой, кро-
ме моей одной!

И покатались все головы на-
земь, и он остался один хозяином
замка и стал опять королем с Золо-
той горы.

ДОКТОР ВСЕЗНАЙКА

Жил-был бедный крестьянин, звали его Рак. Повез он однажды на двух волах телегу дров в город и продал их за два талера одному доктору. Стали с крестьянином расплачиваться, и как раз в это время доктор сидел за столом; увидал крестьянин, как вкусно тот ест и пьет, и крепко ему захотелось, чтоб и у него все было так же и чтоб сделался он тоже доктором. Постоял крестьянин маленько и спрашивает, не может ли он тоже доктором сделаться?

— О! — сказал доктор, — дело это, конечно, можно быстро устроить.

— А что же я должен для этого сделать? — спросил крестьянин.

— Сперва ты купи себе букварь, есть такой, что спереди на картинке петух на нем нарисован; потом продай свою телегу и двух волов и купи на те деньги одежду и все, что к врачебному делу относится; в-третьих, закажи написать себе вывеску, чтоб на ней значилось: «Я — доктор Всезнайка», и вели прибить ее у себя над дверью.

Так крестьянин и сделал, как сказано ему было. Вот позанимался он лекарским делом некоторое время, но не так уж долго, и украли в то время у одного богатого и важного господина деньги. Рассказали ему про доктора Всезнайку, — что живет, мол, в такой-то деревне человек и может свободно узнать, куда деньги делись. Велел господин запрячь карету, поехал в ту самую деревню и спрашивает у крестьянина, не он ли будет тот самый доктор Всезнайка.

— Да, это я и есть.

— Так поедemте вместе со мной и отыщите мне украденные деньги.

— Что ж, ладно, но жена моя Грета должна ехать вместе со мной.

Господин на это согласился и велел их обоих посадить в карету, и они поехали вместе. Вот приехали они в помещичью усадьбу; стол уже был накрыт, и зовут доктора Всезнайку сперва вместе откусать.

— Да, но и жену мою Грету надо тоже позвать, — сказал он и уселся вместе с ней позади стола. Вот подходит первый слуга, приносит блюдо с богатой едой; тут крестьянин толкнул жену свою в бок и говорит:

— Грета, а это ведь первый.

Он хотел сказать, что это первый слуга, что блюдо принес. А слуга понял, что он будто хотел сказать: «Это, мол, и есть первый вор», и так как он и был им на самом деле, то испугался и рассказал во дворе своим товарищам:

— А доктор-то ведь все знает, нам плохо придется; он сказал, что я первый и есть.

Не хотелось второму слуге идти, но все же пришлось ему подавать. Входит он со своим блюдом, а крестьянин толкнул свою жену в бок:

— Грета, — говорит, — а это второй.

Стало слуге страшно, и он поспешил скорее уйти. Третьему слуге тоже пришлось не лучше, сказал крестьянин опять:

— Грета, а это вот третий.

Четвертому слуге пришлось нести накрытое блюдо; вот хозяин обращается к доктору, пусть-де покажет теперь свое искусство угадывать и скажет, что в этом блюде находится; а были там раки. Посмотрел крестьянин на блюдо и, не зная, как тут быть, говорит:

— Ах, бедный я Рак!

Услыхал это господин и воскликнул:

— Да, он отгадал: стало быть, знает, у кого и деньги находятся.

И стало слуге очень страшно, подмигнул он доктору, чтобы тот вышел к нему на минутку. Крестьянин вышел, — и сознались перед ним все четверо слуг, что деньги они украли; и рады, мол, будут все деньги ему отдать да в придачу еще крупную сумму обещали, если он их не выдаст: а не то их повесят. Повели они доктора туда, где лежали спрятанные деньги. Доктор остался этим доволен, вернулся в комнату, уселся за стол и говорит:

— Сударь, а теперь поищу я по своей книге, куда деньги девались. — А пятый слуга залез тем временем в печь, чтоб подслушать, не знает ли доктор чего еще. А доктор уселся, раскрыл свой букварь, начал его перелистывать да искать петушка на картинке. Но найти его сразу не мог, вот и говорит он:

— Ты ведь здесь, ну так вылазь.

И подумал тот, кто в печку забрался, что это сказано про него, выскочил в большом испуге оттуда и завопил:

— Этот человек все знает!

Потом показал доктор Всезнайка господину, где деньги запрятаны, но не сказал, кто их украл, и получил и с той и с другой стороны много денег в награду и стал весьма знаменит.

*Жил-был бедный крестьянин, звали его Рак.
Повез он однажды на двух волах телегу дров в город...*

СЕМЬ ВОРОНОВ

Было у одного человека семеро сыновей и ни одной дочки, а ему очень хотелось ее иметь. Вот, наконец, жена подала ему добрую надежду, что будет у них дитя; и родилась у них девочка. Радость была большая; но дитя оказалось хилое и маленькое, так что пришлось его крестить раньше срока.

Послал отец одного из мальчиков к роднику принести поскорее воды для крещения; шестеро остальных побежало вслед за ним — каждому из них хотелось первому набрать воды, — вот и упал кувшин в колодец. И они стояли и не знали, что им теперь делать, и никто не решался вернуться домой. Отец ждал их, ждал, а они все не возвращались, потерял он, наконец, терпенье и говорит:

— Пожалуй, гадкие мальчишки опять заигрались, а про дело забыли. — И он стал опасаться, что девочка помрет некрещеной, и с досады крикнул:

— А чтоб вас всех в воронов обратило!

Только вымолвил он это слово, вдруг слышит над головой шум крыльев. Глянул он вверх, видит — кружат над ним семеро черных как смоль воронов.

И не могли отец с матерью снять своего заклатья, и как они ни горевали об утрате своих семерых сыновей, но все же мало-помалу утешились, глядячи на свою любимую дочку. Она вскоре подросла, окрепла и с каждым днем становилась все красивей и красивей.

Долгое время она не знала, что были у нее братья, — отец и мать избегали говорить ей об этом. Но вот однажды она случайно от людей услышала, как те говорили, что девочка-де и вправду хороша, да виновата в несчастье своих семерых братьев.

Услышав об этом, она сильно запечалилась, подошла к отцу-матери и стала у них спрашивать, были ли у нее братья и куда они пропали. И вот, — правды не скроешь, — им пришлось ей объяснить, что это случилось по воле свыше и рождение ее было лишь нечаянной тому причиной. Стала девочка каждый день себя попрекать и крепко призадумалась, как бы ей вызволить своих братьев.

*Взяла тогда добрая сестрица нож, отрезала себе мизинец,
сунула его в ворота и легко их открыла.*

И не было ей покоя до той поры, пока не собралась она тайком в дальнюю путь-дорогу, чтоб отыскать своих братьев и освободить их во что бы то ни стало. Взяла она с собой в дорогу на память об отце-матери одно лишь колечко, хлебец — на случай, если проголодается, и скамеечку, чтобы можно было отдохнуть, если устанет.

И пошла она далеко-далеко, на самый край света. Вот подошла она к солнцу, но было оно такое жаркое, такое страшное, и оно пожирало маленьких детей. Бросилась она поскорей от солнца к месяцу, но был он такой холодный, мрачный и злой, и как увидел он девочку, сказал ей:

— Чую, чую мясо человечесь.

Она убежала от него и пришла к звездам. Они были ласковые и добрые, и сидела каждая из звезд на особой скамеечке. Поднялась утренняя звезда, дала ей костылек и сказала:

— Если не будет с тобой этого костылька — не разомкнуть тебе Стекло́нной горы, где заточены твои братья.

Взяла девочка костылек, завернула его хорошенько в платочек и пошла. Шла она долго-долго, пока не подошла к Стекло́нной горе. Ворота были закрыты; хотела она достать костылек, развернула платок, глядь — а он пустой, потеряла она подарок добрых звезд.

Что тут делать? Ей так хотелось спасти своих братьев, а ключа от Стекло́нной горы не оказалось. Взяла тогда добрая сестрица нож, отрезала себе мизинец, сунула его в ворота и легко их открыла. Входит она, а навстречу ей карлик, и говорит ей:

— Девочка, ты что здесь ищешь?

— Ищу я своих братьев, семерых воронов.

А карлик ей говорит:

— Воронов нет дома. Если хочешь их пождать, пока они вернутся, то входи.

Потом карлик принес воронам пищу на семи тарелочках; отведала сестрица из каждой тарелочки по крошке и выпила из каж-

*Вот прилетели вороны, есть-пить захотели,
стали искать свои тарелочки и кубочки.*

дого кубочка по глоточку, а в последний кубочек опустила колечко, взятое с собой в дорогу.

Вдруг слышит в воздухе шум крыльев и свист. И говорит ей карлик:

— Это летят домой вороны.

Вот прилетели они, есть-пить захотели, стали искать свои тарелочки и кубочки. А ворон за вороном и говорит:

— Кто это ел из моей тарелочки? Кто пил из моего кубочка? Никак человечьи уста?

Допил седьмой ворон до дна свой кубок, тут и выкатилось колечко. Посмотрел он на него и узнал, что то колечко отца-матери, и говорит:

— Дай Боже, чтобы наша сестрица тут оказалась, тогда мы будем расколдованы.

А девочка стояла тут же за дверью; она услышала их желание и вошла к ним, — и вот обернулись вороны опять в людей. И целовались они, миловались и весело вместе домой воротились.

СВАДЬБА ГОСПОЖИ ЛИСЫ

СКАЗКА ПЕРВАЯ

Жил-был старый Лис с девятью хвостами. И показалось ему, что жена ему не верна, и он решил ее испытать. Растянулся он под лавкой, лежит, ни двинется, ни шелохнется, притворился, будто совсем мертвый.

Ушла госпожа Лиса в свою комнату, заперлась там, а кошка, что в служанках у нее жила, на шестке сидела и стряпала. И вот стало всюду известно, что старый Лис помер, и объявились тогда женихи. Услыхала служанка, что кто-то за дверью стоит и стучится; пошла она открывать, а был то молодой Лис, вот он и говорит:

Как поживаете вы, барышня кошка?
Вы все в трудах иль поживаете немножко?

Ответила кошка:

Я не сплю, я хозяйство сторожу,
А что делаю — скажу:
Хочешь, пива наварю, в него масла наложу,
Тебя в гости приглашу?

— Спасибо вам, барышня, — сказал Лис. — А что делает госпожа Лиса?
Ответила служанка:

Она в комнате сидит,
Все горюет да не спит.
Все повыплакала глазки,
Вспоминает Лиса ласки.

— А ты, барышня, ей скажи, что явился, мол, Лис молодой и на ней хотел бы жениться.

— Ладно, сударь молодой, я скажу.

Кошка прыгнула — туп-туп,

Двери стукнули — тук-тук.

— Госпожа Лиса, вы дома?

— Ах, конечно, дома, дома.

— Во дворе жених стоит.

— А каков же он на вид?

— А у него таких же девять красивых и пушистых хвостов, как и у покойного господина Лиса?

— Ах, нет, — ответила кошка, — у него один только хвост.

— Если так, то мне такого не надо.

Спустилась кошка-служанка вниз и прогнала жениха прочь. Вскоре после того кто-то опять постучался, и стоял то у дверей другой Лис, хотел посвататься за госпожу Лису, и было у него два хвоста; но и ему повезло не больше, чем первому. Потом приходили еще другие, и было у каждого из них на один хвост больше, но всем им было отказано, пока не явился, наконец, Лис с девятью хвостами, как и у старого господина Лиса. Услыхала это вдова и говорит на радостях кошке:

Настежь двери отворяйте,

Скорей Лиса убирайте!

Но только собрались праздновать свадьбу, как зашевелился старый Лис под лавкой и начал бить и колотить всех этих бродяжек и выгнал их всех заодно с госпожой Лисой из дому прочь.

СКАЗКА ВТОРАЯ

Как только помер старый Лис, объявился вскоре женихом волк, постучался в дверь, а кошка, что жила у госпожи Лисы в служанках, и впустила его. Поздоровался с ней волк и говорит:

Кошка, здравствуйте! Скажите,

Вы чего одна сидите?

Что вы делаете тут?

А кошка отвечает:

В молоко бросаю крошки,
Угощу и вас немножко.

— Спасибо, госпожа кошка, — ответил волк, — а разве госпожи Лисы нет дома?

Кошка говорит:

Она в горнице сидит.
Все горюет да не спит,
Горько плачет, причитает
И все Лиса поминает.

И ответил волк:

Хочет мужа поважней,
Пусть спускается скорей.
Кошка прыг — и у дверей,
Машет хвостиком сильней,
Вот и к залу подошла.
Золотыми кольцами звенит:
— Госпожа Лиса, вы дома? — говорит, —
Коль хотите мужа поважней,
То спускайтесь поживей.

Госпожа Лиса спрашивает:

— А есть ли у этого господина красные штанишки, и острая ли у него мордочка?

— Нет, — ответила кошка.

— Тогда мне такого не надо.

Только отказали волку, как явились пес, олень, заяц, медведь, лев, а потом за ними все прочие звери лесные. Но все не находилось такого, у которого были бы все добрые качества, которыми обладал старый господин Лис. И пришлось кошке каждый раз жениха выпроваживать.

Явился, наконец, молодой Лис. Вот госпожа Лиса и говорит:

— А есть ли у этого господина красные штанишки, и острая ли у него мордочка?

— Да, — сказала кошка, — у этого есть.

— Пусть тогда ко мне подымается, — сказала госпожа Лиса и велела служанке готовить свадебный пир:

Убери мне дом скорей, миленькая кошка,
Лиса старого живей выбрось за окошко.

Ты мышей ловила сколько
И сама их подала,
Мне небось-то не давала.

И начали они с молодым Лисом праздновать свадьбу; то-то было там плясок да веселья! И если они уже не отпировали, то, пожалуй, пляшут еще и сейчас.

САЛАТНЫЙ ОСЕЛ

Жил-был когда-то молодой охотник, вышел он раз в лес поохотиться. На душе у него было весело и радостно, он сорвал листочек, стал на нем насвистывать, но явилась вдруг перед ним старая-престарая уродливая старуха, заговорила с ним и сказала:

— Здравствуй, милый охотничек! Ты вон какой веселый и довольный, а я мучаюсь от голода и жажды, подай мне милостыньку.

Пожалел охотник бедную старушку, сунул руку в карман и подал ей что мог. Собрался он идти дальше, но старуха остановила его и говорит:

— Послушай, милый охотник, что я тебе скажу: хочу я за твое доброе сердце сделать тебе подарок. Ступай дальше своим путем-дорогой, и в скором времени ты подойдешь к дереву, будут сидеть на нем девять птиц, будут они держать в когтях плащ и вырывать его друг у друга. Ты возьми приложи ружье и выстрели как раз в середину: они сбросят тебе плащ на землю, но ты попадешь в одну из птиц, и она упадет мертвая наземь. Плащ ты возьми с собой, это плащ волшебный: если ты накинешь его себе на плечи, он выполнит все, что ты пожелаешь, и куда ты захочешь попасть, там и окажешься. А из мертвой птицы ты вынь сердце, проглоти его целиком, — и будешь каждое утро, когда проснешься, находить у себя под подушкой золотой.

Поблагодарил охотник вещую старуху и подумал про себя: «Чудесные вещи она мне наобещала, если бы только все это исполнилось». Но не прошел он и ста шагов, как услышал вверху на ветвях птичий крик и щебет. Он глянул наверх и увидел стаю птиц, которые рвали клювами и когтями какое-то покрывало, кричали, клевали одна другую и дрались между собой, будто каждая из них хотела захватить его себе.

— Вот удивительное дело, — сказал охотник, — выходит, как говорила старушка. — Он снял с плеча ружье, приложил его и выстрелил прямо в середину, и посыпались кругом перья. Вмиг все птицы с шумом разлетелись, но одна упала мертвая наземь, и плащ тоже упал на землю. Охотник сделал так, как велела ему старуха: распотрошил птицу, вынул у нее сердце, проглотил его, а плащ взял с собой домой.

На другое утро, только он проснулся, вспомнил про обещание и решил проверить, исполнилось ли оно. Он поднял подушку — и перед ним блеснул золотой. На другое утро он нашел еще золотой, и так было каждое утро, когда он просыпался. Он собрал целую кучу золота и, наконец, подумал:

«На что мне все это золото, если сижу я все дома? Пойду-ка я странствовать, погляжу, что на белом свете делается».

Простился он со своими отцом-матерью, взял охотничью сумку и ружье и отправился странствовать по свету. Случилось ему однажды идти дремучим лесом и когда тот лес кончился, он увидел, что перед ним, на равнине, стоит стройный замок. Стояла у окна замка старуха с девушкой чудесной красоты и смотрела вниз. А была та старуха ведьмой, и молвила она девушке:

— Вон идет из лесу человек, у него внутри находится волшебный клад, надо бы этого человека, милая доченька, ввести в обман: тем кладом нам больше пристало владеть, чем ему. У него находится птичье сердце, и потому у него каждое утро под подушкой оказывается золотой. — Старуха объяснила девушке, как с этим делом справиться, какую надо повести с ним игру, а потом она пригрозила ей и сказала, гневно на нее поглядев:

— А если ты меня не послушаешься, то плохо тебе придется!

Подошел охотник ближе, увидел девушку и молвил про себя: «Я так долго бродил, что хотелось бы мне, наконец, отдохнуть, хорошо бы зайти в этот прекрасный замок, денег-то у меня вдосталь». Но, правду сказать, причиной тому было то, что увидел он издали прекрасную девушку.

Он вошел в замок; его приняли там радушно и любезно угощали. И вот прошло немного времени, и он так влюбился в ведьмину дочь, что ни о ком другом и думать не хотел, и все глядел ей в глаза и исполнял все, что она хотела. И сказала тогда старуха:

— А теперь надо отобрать у него птичье сердце, он и подозревать не будет, если его лишится.

Они приготовили зелье, и когда оно было готово, старуха подлила его в кубок, дала его девушке, и та должна была поднести его охотнику.

— Возьми, мой милый, — сказала девушка, — да выпей за мое здоровье.

Он взял кубок, и только выпил напиток, как тотчас выплюнул из себя птичье сердце. Девушка должна была его тайком унести, потом его проглотить, потому что старухе хотелось обладать тем сердцем. С той поры он перестал находить у себя под подушкой золотые, они оказались теперь под подушкой у девушки, и каждое утро старуха тот золотой забирала. А охотник так безум-

но влюбился в девушку, что думал только о том, как бы провести ему время вместе с ней.

И сказала старая ведьма:

— Птичье сердце у нас имеется, надо будет отобрать у него и волшебный плащ.

Девушка ответила:

— Давай мы плащ оставим ему, он и так лишился всего богатства.

Рассердилась старуха и сказала:

— Да это ведь плащ волшебный, такой редко на свете сыщется, я должна иметь его во что бы то ни стало.

Дала она девушке совет, что ей надо делать, и объявила, что если она ее не послушается, то плохо ей придется. Сделала девушка так, как велела ей старуха. Стала она однажды у окна и начала смотреть вдаль, будто ей очень взгрустнулось. Спрашивает ее охотник:

— Чего ты стоишь тут пригорюнившись?

— Ах, мой любимый, — ответила девушка, — вон стоит гранатовая гора, и находятся в ней прекрасные драгоценные камни. И у меня такое большое желание их иметь, что когда я об этом думаю, мне становится очень грустно. Но кто может их добыть? На ту гору могут долететь разве одни только птицы, а человеку туда никогда не взобраться.

— Если ты только об этом и грустишь, — сказал охотник, — я твое горе развею.

Он обнял девушку, укрыл ее своим плащом и пожелал попасть на гранатовую гору, — и вмиг они уже сидели на ее вершине. Всюду сверкали благородные камни, и видеть это было так радостно; и вот отобрали они из них самые красивые и самые драгоценные. Но старуха начала колдовать, — и вдруг у охотника отяжелели глаза. Он сказал девушке:

— Давай немного посидим да отдохнем, я так устал, что стоять больше не в силах.

Они уселись на земле, и он положил ей голову на колени и уснул. Только он уснул, отвязала девушка у него с плеч плащ, набросила его на себя, собрала гранаты и разные камни и пожелала вернуться с ними домой.

Когда юноша выпался, он очнулся и увидел, что возлюбленная его обманула и оставила его одного в диких горах.

— О, — сказал он, — как сильна на свете измена! — И сидел он в горе и печали, не зная, как ему теперь быть.

А принадлежала эта гора диким и страшным великанам, они там жили и занимались разбоем. Просидел охотник недолго и вскоре заметил, что к нему приближаются трое из них. Он улегся на землю, будто погруженный в глубокий сон. Вот подошли великаны, первый из них толкнул его ногой и сказал:

— Что это за червяк лежит тут на земле и все поглядывает?

Второй сказал:

— А ты его раздави ногой.

Но третий презрительно заметил:

— Да стоит ли это делать! Бросьте его, пусть себе живет; остаться здесь он все равно не сможет, а если подымется на самую вершину горы, его подхватят облака и утащат за собой.

Поговорили они так и прошли мимо, но охотник эти слова хорошо запомнил; и как только великаны ушли, он поднялся и взобрался на вершину горы. Просидел он там некоторое время, и вот подплыло облако, схватило его и понесло. Облако блуждало некоторое время по небу, потом стало опускаться, и спустилось над большим, обнесенным стеной огородом, и охотник мягко опустился на землю, прямо среди капустных грядок и овощей.

Огляделся охотник и говорит:

— Вот если бы мне теперь чего-нибудь покушать! Я так проголодался, что идти дальше мне будет трудно, а здесь не видно ни яблок, ни груш, ни ягод каких-нибудь, растет одна только зелень. Наконец он подумал: «В крайнем случае я мог бы поесть салата, — правда, он не особенно вкусный, но он все же меня подкрепит». Он выбрал себе хороший пучок и принялся есть; но только проглотил он несколько листьев, как вдруг стало у него на душе так странно, и он почувствовал, что совершенно изменился. У него выросли четыре ноги, большая голова, два длинных уха, — и он в ужасе увидел, что обратился в осла. А так как он все еще чувствовал большой голод и по его теперешней натуре салат пришелся ему как раз по вкусу, он принялся за него с большой жадностью. Наконец он попал на другой сорт салата, и только он немного его поел, как почувствовал снова превращение, и к нему вернулся опять его человеческий образ.

Прилег охотник на землю, выспался как следует, и усталость у него прошла. Проснулся он на другое утро, сорвал пучок злого салата и пучок доброго салата и подумал: «Это поможет мне добиться своего и наказать неверность». Он спрятал оба пучка салата, перелез через стену и направился на поиски замка своей возлюбленной. Он проблуждал несколько дней, но, по счастью, нашел его снова. Он быстро выкрасил себе лицо в смуглый цвет, и его не узнала бы даже родная мать, потом направился в замок и попросил там ночлега.

— Я устал, — сказал он, — и дальше идти не в силах.

Ведьма спросила:

— Земляк, а скажи мне, кто ты такой? Чем ты занимаешься?

Он ответил:

— Я скороход королевский, был послан на поиски самого вкусного салата, который только растет на земле. И мне посчастливилось его найти; теперь я несу его с собой, но солнце печет так сильно, что я опасаюсь, как бы нежный салат не увял, и не знаю, смогу ли его донести.

Как услышала старуха про вкусный салат, ей захотелось его отведать, и она сказала:

— Милый земляк, дай мне попробовать этого чудесного салата.

— Что ж, можно, — ответил он. — Я захватил с собой два пучка, один из них готов вам отдать, — он развязал свою сумку и подал ей злой салат.

Ведьма не подозревала ничего дурного, и при виде нового кушанья у ней потекли слюнки, и она сама отправилась на кухню и начала его готовить. Когда салат был готов, она никак не могла дождаться, пока он будет подан на стол, взяла два листочка и сунула их в рот. Но только она их проглотила, как потеряла тотчас свой человеческий образ, обратилась в ослицу и бросилась во двор. Пришла на кухню служанка, видит — стоит приготовленный салат; хотела было его отнести, но ей так захотелось его отведать, что она, по своей старой привычке, съела несколько листков. Колдовство тотчас подействовало, и она тоже обратилась в ослицу и бросилась к старухе, а блюдо с салатом упало на землю.

Скороход сидел в это время у красивой девушки; салата никто не принёс, а девушке тоже очень хотелось его отведать, и она спросила:

— А где же салат?

Охотник подумал: «А трава, видно, уже подействовала», и ответил:

— Я пойду на кухню, узнаю.

Спустился он вниз, видит — бегает во дворе две ослицы, а салат лежит на полу.

— Хорошо, — сказал он, — две свою долю уже получили, — и он подобрал с пола листья салата, положил их на блюдо и принёс красивой девушке.

— Чтоб вам долго не дожидаться, — сказал он, — я сам вам принёс эту вкусную еду.

Она съела салат и вмиг, как и те две, потеряла свой человеческий вид, обратилась в ослицу и убежала во двор.

Умыл тогда охотник лицо, чтоб обращенные в ослиц могли его узнать, спустился во двор и сказал:

— Теперь получайте награду за вашу неверность, — и он привязал всех троих на веревку, повел за собой и пришёл на мельницу.

Он постучался в окошко, высунул оттуда голову мельник и спросил, что ему надо.

— Да вот есть у меня три строптивых ослицы, — ответил он, — я не хочу их держать больше у себя. Ежели вы согласитесь взять их себе, предоставить им корм и стойло и обращаться с ними так, как я вам скажу, я заплачу вам за это сколько вы потребуете.

Мельник сказал:

— Что ж, я согласен. А как же я должен с ними обращаться?

И охотник объяснил, что старую ослицу, — а была то ведьма, — он должен бить трижды в день, а кормить один раз; ослицу помоложе, — а была то служанка, — он должен бить один раз в день, а кормить трижды; самую молодую, — а была то девушка-красавица, — бить не надо, а кормить следует

ее трижды в день, — охотник никак не мог пересилить своего сердца и допустить, чтобы девушку били. Потом он вернулся назад в замок, и там оказалось все, что ему было надо.

Спустя несколько дней явился старый мельник и сказал, что должен, мол, доложить, что старая ослица, получавшая одни только побои, а корм один раз в день, околела.

— А две остальных, — продолжал он, — хотя и не околели еще и свой корм получают три раза на день, но так загрустили, что проживут, пожалуй, недолго.

Сжалился тогда охотник, гнев у него поостыл, и он сказал мельнику, чтобы тот привел их сюда. Как только ослицы явились, дал он им поесть доброго салата, и они опять обратились в людей. Бросилась прекрасная девушка перед ним на колени и сказала:

— Ах, мой любимый, простите мне все, что я причинила вам злого, это меня заставляла делать моя мать; это вышло против моей воли, а я люблю вас от всего сердца. Ваш волшебный плащ висит здесь, в шкафу, а чтоб вернуть вам птичье сердце, я выпью рвотного лекарства.

Но в мыслях у него было теперь совсем другое, и он сказал:

— Пусть оно остается у тебя, теперь мне это все равно, я хочу, чтоб ты стала моей верной женой.

И вот справили они свадьбу и прожили счастливо вместе до самой смерти.

СКАЗКА О ТОМ, КТО ХОДИЛ СТРАХУ УЧИТЬСЯ

Было у отца двое сыновей. Старший был умен и толков, все у него ладилось, а младший был дурень: ничего как следует не понимал и к ученью был неспособен; посмотрят на него люди, бывало, и скажут:

— С этим придется отцу немало еще повозиться!

Если надо было что-нибудь сделать, то старший сын с делом всегда управится; но если отец велит ему что-нибудь принести, а время позднее или совсем к ночи, а дорога идет через кладбище или мимо какого-нибудь другого мрачного места, он всегда отвечал:

— Ох, батюшка, не пойду я туда, мне страшно! — потому что был он боязлив.

Или, бывало, вечером начнут рассказывать у камелька всякие такие небылицы, что у иного мороз по коже пробирает, и скажут подчас слушатели: «Ах, как страшно!», а младший сидит себе в углу, тоже слушает, и никак ему невдомек, что это значит — страшно.

— Вот все говорят: «Мне страшно! Страшно!», а мне вот ничуть не страшно. Это, пожалуй, дело такое, в котором я тоже ничего не смыслю.

Однажды и говорит ему отец:

— Эй, послушай, ты, там в углу! Ты вон гляди какой уже большой вырос и силы набрался, надо будет тебе тоже чему-нибудь научиться, чтобы хлеб себе зарабатывать. Видишь, как брат твой старается, а ты ни к чему не гож.

— Эх, батюшка, — ответил младший сын, — я бы охотно чему-нибудь научился; и раз уж на то пошло, то хотелось бы мне научиться, чтоб было мне страшно; в этом деле, видно, я еще ничего не смыслю.

Услышав это, старший брат посмеялся и подумал: «Боже ты мой, какой, однако, у меня брат дурень, из него никогда ничего не получится; кто хочет чем-нибудь сделаться, должен быть изворотлив».

Вздыхнул отец и говорит младшему сыну:

— Уж чему-чему, а страху ты должен научиться; но на хлеб себе этим вряд ли ты заработаешь.

А тут вскоре зашел к ним в гости пономарь. Стал ему отец на свою беду жаловаться и рассказал, что младший сын у него несмышленный — ничего не знает, ничему не учится.

— Вы только подумайте, спрашиваю я у него, чем ты хлеб себе зарабатывать хочешь, а он говорит: хотел бы я страху научиться.

— Если уж на то пошло, — ответил пономарь, — этому он мог бы у меня научиться; вы его только ко мне пришлите, а я уж его пообтешу как следует.

Отец остался этим доволен и подумал: «Вот все ж таки парня как-нибудь да пристрою».

И вот взял его пономарь жить у себя в доме, и должен был парень звонить в колокол. Спустя несколько дней разбудил его раз пономарь в полночь, велел ему встать, взобраться на колокольню и звонить в колокол.

«Уж теперь-то ты страху научишься», — подумал пономарь, а сам тайком пробрался на колокольню; и только парень взобрался наверх и успел повернуться, чтоб взяться за веревку от колокола, видит — стоит на лестнице, как раз напротив окошка, какая-то фигура в белом.

— Кто это? — крикнул он; но фигура в белом ничего не ответила и не двинулась, не шелохнулась.

— Отвечай, — закричал парень, — или убирайся прочь отсюда, здесь тебе по ночам делать нечего!

Но пономарь продолжал стоять и даже с места не сдвинулся, чтоб парень подумал, что это стоит привидение.

Крикнул парень второй раз:

— Чего тебе здесь надобно? Коли ты человек порядочный, то отвечай, а не то я сброшу тебя вниз с лестницы.

Тут пономарь подумал: «До этого дело, пожалуй, не дойдет», — он не проронил ни звука и стоял, точно вкопанный. Парень окликнул его в третий раз, но напрасно: тогда он подбежал и сбросил привидение с лестницы вниз, и покатилося оно с десяти ступенек, да так и осталось лежать в углу.

Отзвонил парень в колокол, вернулся домой и, ни слова не сказав, улегся в постель и продолжал себе спать дальше. Долго дожидалась своего мужа пономариха, а он все не возвращался. Наконец стало ей страшно, она разбудила парня и спрашивает:

— Не знаешь ли ты, куда это мой муж запропал? Ведь он на колокольню взобрался раньше тебя.

— Не знаю, — ответил парень, — но я видел, что кто-то стоял на лестнице напротив слухового окошка, ничего не отвечал, уходить не хотел, я и счел его за вора и сбросил вниз. Сходите туда да поглядите, не он ли это, а то мне, право, будет жалко.

Кинулась пономариха туда и нашла своего мужа; он лежал в углу и стонал, — сломал себе ногу.

Она принесла его с колокольни и бросилась, громко причитая, к отцу парня.

— А парень-то ваш, — сказала она, — большой беды наделал, сбросил моего мужа вниз с лестницы, и тот сломал ногу. Забирайте-ка вы от нас своего шалопаю.

Испугался отец, прибежал туда и начал бранить сына:

— Что это у тебя за проделки такие, уж не сам ли черт тебе их внушил?

— Батюшка, — ответил сын, — да выслушайте меня, я-то вовсе тут не виноват. Пономарь стоял на колокольне ночью, как человек, замысливший недоброе дело; я не знал, кто это, и трижды просил его отозваться или уйти.

— Эх, — сказал отец, — будет мне с тобой одно только горе. Убирайся ты с моих глаз долой, я и знать тебя больше не хочу.

— Хорошо, батюшка, я охотно уйду, но вы уж погодите, пока наступит день; я тогда уйду от вас и пойду страху учиться, — вот и обучусь ремеслу, что меня прокормить сможет.

— Учись себе чему хочешь, — сказал отец, — мне все равно. На тебе пятьдесят талеров, ступай с ними куда хочешь, да только не смей говорить никому, откуда ты родом и кто твой отец, а то мне за тебя стыдно будет.

— Ладно, батюшка, как вам будет угодно; а если вы от меня большего не требуете, то я выполняю все как следует.

Только стало светать, сунул юноша в карман свои пятьдесят талеров и вышел на большую дорогу; шел он и все твердил про себя одно и то же: «Вот если б стало мне страшно! Вот если б стало мне страшно!»

Услыхал эти слова какой-то прохожий и подошел к нему. Прошли они некоторое время вместе и увидели виселицу, и говорит ему тот прохожий:

— Видишь, вон стоит дерево, а на нем семеро с дочкой заплечных дел мастера свадьбу справили и теперь летать обучаются. Садись-ка ты под этим деревом, и как дождешься ночи, то и страху научишься.

— Ежели это все, — ответил парень, — то дело это нетрудное; раз я так скоро научусь страху, то ты получишь от меня за это пятьдесят талеров; только приходи ко мне утром пораньше.

Подошел парень к виселице, уселся под ней и стал сумерек дожидаться. Стало ему холодно, и он развел костер; но к полуночи поднялся такой холодный ветер, что, несмотря на костер, он никак не мог согреться. И начал ветер раскачивать повешенных, и они толкали один другого то туда, то сюда, и он подумал: «Я вот зябну внизу у костра, а каково же им там наверху мерзнуть да друг об дружку стукаться». А так как был он жалостлив, то приставил лесенку, взобрался на виселицу, отвязал всех одного за другим и стащил всех семерых вниз. Потом он раздул огонь, разгорелось пламя сильнее, и он усадил всех вокруг костра греться. Сидели они не двигаясь, и вдруг загорелась на них одежда. Тогда он говорит:

— Вы будьте с огнем поосторожней, а не то я вас вздерну опять на виселицу.

Но мертвецы ничего не слышали, они молчали и не обратили вниманья на то, что их лохмотья горят. Тут рассердился он и говорит:

— Ежели вы не будете осторожны, то я выручать вас не стану, а сгореть вместе с вами у меня нет никакой охоты, — и повесил их всех одного за другим опять. Потом он подсел к костру и уснул. Является на другое утро к нему тот прохожий получить с него пятьдесят талеров и говорит:

— Ну, теперь ты узнал, что такое страх?

— Нет, — ответил парень, — да откуда же мне было его узнать-то? Ведь те, что там наверху, и рта не раскрыли и такими дураками оказались, что сожгли все свои старые лохмотья.

Понял тогда прохожий, что пятидесяти талеров ему с него не получить, и сказал, уходя:

— Такого я еще ни разу на свете не видывал.

И отправился парень дальше своей дорогой и принялся снова про себя бормотать:

— Ах, если бы стало мне страшно! Ах, если бы стало мне страшно!

Услыхал это один извозчик, который шел сзади него, и спрашивает:

— Кто ты такой?

— Не знаю, — ответил парень.

Начал извозчик его расспрашивать:

— А ты откуда?

— Не знаю.

— А кто твой отец?

— Этого мне говорить не велено.

— А что ж ты это все про себя бормочешь?

— Э-э, — ответил парень, — да я хотел, чтоб мне стало страшно, да никто не может меня этому научить.

— Не болтай глупостей, — сказал извозчик, — только ступай со мной, и уж я тебе докажу, что я это сделаю.

Отправился парень вместе с извозчиком. Подошли они под вечер к харчевне и решили в ней заночевать. Входит парень в комнату и говорит опять:

— Вот если б стало мне страшно! Если б стало мне страшно!

Услыхал то хозяин харчевни, засмеялся и сказал:

— Если тебе этого так хочется, то случай для этого здесь, пожалуй, подвернется.

— Ах, помолчал бы ты лучше, — сказала хозяйка, — не один уже смельчак жизнью своей поплатился, и жаль мне красивых глаз, если они больше света не увидят.

Но парень ответил:

— Ежели это и вправду так трудно, то мне бы хотелось этому научиться, ведь ради этого я и отправился странствовать.

И он не давал хозяину покоя до тех пор, пока тот наконец не рассказал ему, что неподалеку находится заколдованный замок, где страху научиться уж наверняка можно, если парень только согласится провести там три ночи подряд.

И обещал король тому, кто на это дело отважится, отдать дочь свою в жены; а королевна — самая красивая девушка, какая только есть на свете; и запрятаны в замке большие сокровища, которые стерегут злые духи; и если эти сокровища расколдовать, то сделают они бедняка богатым. И будто много людей побывало в этом замке, но никто из них до сих пор назад не вернулся.

Пришел парень на другое утро к королю и говорит:

— Если будет дозволено, то хотелось бы мне очень провести три ночи в заколдованном замке.

Посмотрел на него король, и так как парень ему понравился, то сказал он:

— Вдобавок ты можешь попросить у меня еще три вещи, но это должны быть предметы неодушевленные; ты их можешь взять с собой в замок.

Парень ответил:

— В таком случае я прошу дать мне огня, столярный станок и токарный вместе с резцом.

Король велел отнести все это днем для него в замок. С наступлением ночи поднялся парень туда, развел в комнате огонь, поставил рядом с собой столярный станок, а сам на токарный уселся.

— Ах, если б стало мне страшно! — сказал он. — Но, пожалуй, я и здесь страху не научусь.

Собрался он в полночь разворошить огонь, стал его раздувать, и вдруг в углу что-то закричало: «Мяу-мяу! Как нам холодно!»

— Эй, вы, дураки, — крикнул парень, — чего кричите? Ежели вам холодно, то ступайте сюда, подсаживайтесь к огню и грейтесь.

И только он это сказал, как прыгнули к нему две громадные черные кошки, уселись рядом с ним по бокам и дико на него поглядели своими огненными глазами. Только они согрелись, и говорят:

— Приятель, а давай-ка в карты сыграем.

— Отчего ж не сыграть, — ответил парень, — но покажите-ка сперва мне ваши лапы.

И выпустили кошки свои когти.

— Э-э, — сказал он, — да какие у вас, однако, длинные когти! Постойте-ка, их надо будет сначала маленько пообстричь.

И он схватил кошек за шиворот, поднял их на столярный станок и крепко прикрутил им лапы.

— Я вас узнал по когтям, — сказал он, — и в карты играть у меня охота пропала.

Он убил их и выбросил за окошко в воду. Только утомился он этих двух и хотел было подсесть опять к своему камельку, как вдруг появились из всех углов и закоулков черные кошки и черные псы на раскаленных цепях; их становилось все больше и больше, и ему некуда было от них податься; они страшно кричали, наступали на огонь, разбросали его и хотели было его потушить.

Некоторое время он смотрел на это спокойно, но наконец это его разозлило, он схватил свой резец и крикнул: «Прочь отсюда, сволочь!» — и кинулся на них. Часть из них успела отскочить в сторону, а других он убил и выбросил в пруд. Потом он вернулся назад, раздул опять из искры огонек, и глаза стали у него смежаться: захотелось ему поспать. Оглянувшись он — видит в углу большую кровать.

— Это как раз мне кстати, — сказал он и улегся в нее. Но только хотел он закрыть глаза, как начала кровать сама двигаться и покатилась по всему замку.

— Оно, пожалуй, ничего, — сказал он, — но лучше бы она остановилась.

Но кровать продолжала катиться, будто в нее запрягли шестерик лошадей, — через пороги и лестницы, то вниз, то вверх; и вдруг — гуп-гуп! — опрокинулась кровать вверх ножками, и словно какая гора на него навалилась. Но парень посбрасывал с себя одеяла и подушки, выбрался и сказал:

— Ну, пусть себе катается тот, у кого есть на это охота, — лег у своего очага и проспал до самого утра.

Наутро явился король и, увидев, что парень лежит на земле, подумал, что его погубили привидения и что он уже мертвый. И сказал король:

— А жалко мне парня-красавца.

Услыхал это парень, поднялся и говорит:

— Нет, до этого еще далеко!

Удивился король, обрадовался и спросил, что здесь с ним было.

— Все было хорошо, — ответил юноша, — одна ночь прошла, пройдут и две остальные.

Пришел парень к хозяину харчевни, а тот так и вытаращил глаза от изумления.

— Не думал я никак, — сказал он, — увидеть тебя в живых. Ну что, научился страху?

— Нет, — ответил тот, — все было попусту. Ах, если бы кто рассказал мне, что это такое!

На вторую ночь отправился парень опять в старый замок, подсел к камельку и завел снова свою старую песенку: «Если б стало мне страшно!» Наступила полночь, слышались шумы и стуки, сперва тихие, потом посильнее, потом опять стало тихо; и показалась наконец из трубы с громким воплем половина человека и рухнула прямо перед ним.

— Гей, — крикнул парень, — а где же другая половина? Этого мало!

Снова поднялся шум, все загрохотало, загремело, завывало, и вот выпала из трубы и другая половина.

— Постой, — сказал парень, — я сперва раздую для тебя огонек.

Раздул, оглянулся, видит — сомкнулись обе половины, и страшный человек уселся на его место.

— Такого уговору у нас не было, — сказал парень, — скамейка моя.

Хотел было человек его толкнуть, но парень не поддался, толкнул его со всей силы и уселся опять на свое место.

И выпало затем из трубы один за другим много еще таких же людей. Они притащили кости мертвецов и два черепа, расставили их и начали играть в кегли.

Захотелось и парню сыграть тоже, вот он и спрашивает:

— Послушайте-ка, вы, нельзя ли и мне с вами сыграть?

— Пожалуй, если деньги у тебя водятся.

— Денег достаточно, — сказал парень, — да кегли-то у вас недостаточно круглые.

Взял он черепа, поставил их на токарный станок, пообточил, и стали они покруглей.

— Так-то будут они лучше кататься, — сказал он. — Эге, теперь дело пойдет веселей!

Сыграл он с ними и проиграл немного денег. Но вот пробило двенадцать часов, и вмиг все перед ним исчезло. Он улегся и спокойно уснул.

Приходит на другое утро король узнать, как там было дело.

— Ну, каково пришлось тебе на сей раз? — спросил он.

— Да я в кегли играл, — ответил парень, — и несколько геллеров проиграл.

— А разве тебе не было страшно?

— Да что вы, — сказал парень, — весело было. Эх, узнать бы мне только, что такое страх!

На третью ночь уселся парень опять на станок и с такой досадой говорит:

— Эх-х, если бы стало мне страшно!

А время уже подошло к ночи, и вот явилось шестеро громадных людей, они принесли погребальные носилки.

А парень и говорит:

— Ага, это, должно быть, мой двоюродный братец, что несколько дней тому назад умер, — и он поманил его пальцем и кликнул:

— Ступай сюда, братец, ступай!

Они опустили гроб на землю, парень подошел к нему и снял крышку: и лежал в нем мертвец. Пощупал парень ему лицо, и было оно как лед холодное.

— погоди, — сказал он, — я тебя маленько обогрею, — подошел к очагу, согрел руку и положил ее мертвецу на лицо, но тот остался холодным. Тогда вытащил парень мертвеца из гроба, подсел к камельку, положил мертвеца к себе на колени и начал растирать ему руки, чтоб кровь разошлась по жилам. Но когда и это не помогло, то парню пришло в голову: «Если лечь с ним в постель вместе, то можно будет лучше его согреть», — и он перенес мертвеца на постель, укрыл его и улегся с ним рядом. Тут вскоре мертвец согрелся и зашевелился. А парень и говорит:

— Вот видишь, братец, я тебя и отогрел!

Тут поднялся мертвец и крикнул:

— А теперь я тебя задушу!

— Что? — сказал парень. — Так-то ты меня хочешь отблагодарить? Раз так, то возвращайся опять к себе в гроб, — и он поднял мертвеца, бросил его в гроб и прикрыл крышкой; потом явилось шестеро человек и его унесли.

— Все никак не становится мне страшно, — сказал парень, — этак, пожалуй, я за всю свою жизнь страху не научусь!

Тогда выступил вперед один из людей, он был ростом повыше остальных и на вид такой страшный; но был он стар, и была у него длинная седая борода.

— Ах ты мальчишка! — крикнул он. — Ты скоро узнаешь, что такое страх, ты должен умереть.

— Не так-то уж скоро, — ответил парень, — ведь я-то должен сам при этом присутствовать.

— Нет, уж тебя я схвачу, — пригрозило страшилище.

— Потихе, потихе, нечего руки протягивать! Если ты силен, то и я не слабей тебя, а может, и посильней буду.

— Это мы посмотрим, — сказал старик, — если ты посильнее меня, то я тебя отпущу; подходи, давай-ка померяемся!

И он повел его по темным переходам в кузницу, взял топор и одним махом вогнал наковальню в землю.

Старик, желая посмотреть, стал рядом, и белая его борода опустилась до самой земли. Тут схватил парень топор, расколол наковальню надвое и зажег заодно бороду старика.

— Я сумею еще почище, — сказал парень, — и подошел к другой наковальне.

Старик, желая посмотреть, стал рядом, и белая его борода опустилась до самой земли. Тут схватил парень топор, расколол наковальню надвое и защемил заодно бороду старика.

— Вот ты и попался, — сказал парень, — теперь твой черед помирать. — Он схватил железный лом и кинулся с ним на старика. Начал старик стонать и просить над ним сжалиться и пообещал парню большие богатства. Вытащил тогда парень топор и отпустил старика.

Повел его старик опять в замок и показал ему в подземелье три сундука, полных золота.

— Одна часть золота, — сказал он, — беднякам, другая — королю, а третья часть — тебе.

Между тем пробило двенадцать часов, и дух исчез, и парень остался один в потемках.

— Однако выбраться отсюда я, пожалуй, сумею, — сказал он и стал пробираться ощупью; нашел дорогу в комнату и уснул у своего очага.

Приходит утром король и спрашивает:

— Ну что, теперь-то ты страху научился?

— Нет, — ответил юноша, — да и что тут было? Побывал здесь мой покойный двоюродный братец, и приходил какой-то бородач, много денег мне указал в подземелье, но что такое страх, так мне до сих пор никто и не сказал.

И сказал король:

— Ты замок этот расколдовал и можешь теперь на моей дочери жениться.

— Это очень хорошо, — ответил парень, — но что такое страх, я так до сих пор и не знаю.

Вот принесли наверх из подземелья золото и отпраздновали свадьбу, но молодой король, как ни любил свою жену и как ни был ею доволен, все же всегда повторял:

— Если бы стало мне страшно, если бы стало мне страшно!

Наконец ей это надоело. И говорит раз служанка королеве:

— В этом деле я помогу, уж он страху научится.

Пошла она к ручью, что протекал в саду, и набрала полный ушат пескарей. Ночью, только молодой король уснул, стащила жена с него одеяло и вылила на него полный ушат холодной воды с пескарями, и начали маленькие рыбки прыгать и барахтаться по телу молодого короля, тут он проснулся да как закричит:

— Ой, милая жена, как мне страшно, как страшно! Да, теперь я уж знаю, что такое страх!

КОРОЛЬ-ДРОЗДОВИК

Была у одного короля дочь; она была необычайно красивая, но притом такая гордая и надменная, что ни один из женихов не казался для нее достаточно хорош. Она отказывала одному за другим да притом над каждым еще смеялась.

Велел однажды король устроить большой пир и созвал отовсюду, из ближних и дальних мест, женихов, которые хотели бы за нее посвататься. Расставили их всех в ряд по порядку, по чину и званию; впереди стояли короли, потом герцоги, князья, графы и бароны, и наконец — дворяне.

И повели королевну по рядам, но в каждом из женихов она находила какой-нибудь изъян. Один был слишком толст: «Да этот, как винный бочонок!» — сказала она. Другой был слишком длинного роста: «Долговязый, слишком тонкий, да и статной нет походки!» — сказала она. Третий был слишком низкого роста: «Ну, какая в нем удача, если мал и толст впридачу?» Четвертый был слишком бледен: «Этот выглядит, как смерть». Пятый был слишком румян: «Это прямо какой-то индюк!» Шестой был слишком молод: «Этот юн и больно зелен, он, как дерево сырое, не загорится».

И так находила она в каждом, к чему можно было бы придраться, но особенно посмеялась она над одним добрым королем, что был выше других, и чей подбородок был чуть кривоват.

— Ого, — сказала она и рассмеялась, — да у этого подбородок, словно клюв у дрозда! — И с той поры прозвали его Дроздовиком.

Как увидел старый король, что дочка его только одно и знает, что над людьми насмехается и всем собравшимся женихам отказала, он разгневался и поклялся, что она должна будет взять себе в мужа первого встречного нищего, что к нему в дверь постучится.

Спустя несколько дней явился какой-то музыкант и начал петь под окном, чтоб заработать себе милостыню. Услыхал это король и говорит:

— Пропустите его наверх.

Вошел музыкант в своей грязной, оборванной одежде и начал петь перед королем и его дочерью песню; и когда кончил, он попросил подать ему милостыню.

Король сказал:

— Мне твое пение так понравилось, что я отдам тебе свою дочь в жены.

Испугалась королева, но король сказал:

— Я дал клятву выдать тебя за первого попавшегося нищего, и клятву свою я должен сдержать.

И не помогли никакие уговоры; позвали попа, и пришлось ей тотчас обвенчаться с музыкантом. Когда это сделали, король сказал:

— Теперь тебе, как жене нищего, в моем замке оставаться не подобает, можешь себе отправляться со своим мужем куда угодно.

Вывел ее нищий за руку из замка, и пришлось ей идти с ним пешком. Пришли они в дремучий лес, и спрашивает она:

— Это чьи леса и луга?

— Это все короля-Дроздовика.

Не прогнала бы его, было б все тогда твое.

— Ах, как жалко, что нельзя

Мне вернуть Дроздовика!

Проходили они по полям, и спросила она опять:

— Это чьи поля и река?

— Это все короля-Дроздовика!

Не прогнала бы его, было б все тогда твое.

— Ах, как жалко, что нельзя

Мне вернуть Дроздовика!

Проходили они затем по большому городу, и спросила она опять:

— Чей прекрасный этот город?

— Короля-Дроздовика с давних пор он.

Не прогнала бы его, было б все тогда твое.

— Ах, как жалко, что нельзя

Мне вернуть Дроздовика!

— Мне вовсе не нравится, — сказал музыкант, — что ты все хочешь себе в мужья кого-то другого: разве я тебе не мил?

*Вывел королевну нищий за руку из замка,
и пришлось ей идти с ним пешком.*

Подошли они, наконец, к маленькой избушке, и она сказала:

— Боже мой, а домишко-то какой!
Чей же он, такой плохой?

И музыкант ответил:

— Это дом мой да и твой, мы будем жить здесь с тобой вместе.

И пришлось ей нагнуться, чтобы войти в низкую дверь.

— А где же слуги? — спросила королева.

— Какие-такие слуги? — ответил нищий. — Ты должна все делать сама, если хочешь, чтоб было что-нибудь сделано. Ну-ка, живей растапливай печь и ставь воду, чтоб мне приготовить обед, я очень устал.

Но разводить огонь и стряпать королева совсем не умела, и пришлось нищему самому приняться за работу; и дело кое-как обошлось. Посели они кое-чего впроголодь и легли спать.

Но только стало светать, он согнал ее с постели, и ей пришлось заняться домашней работой. Так прожили они несколько дней, ни плохо, ни хорошо, и все свои запасы посели. Тогда муж говорит:

— Жена, этак у нас ничего не получится, мы вот едим, а ничего не зарабатываем. Принимайся-ка ты за плетенье корзин.

Он пошел, нарезал ивовых прутьев, принес их домой, и начала она плести, но жесткие прутья изранили ее нежные руки.

— Я вижу, дело это у тебя не пойдет, — сказал муж, — возьми-ка ты лучше за пряжу, — пожалуй, ты с этим справишься.

Она села и попробовала было прясть пряжу; но грубые нитки врезались в ее нежные пальцы, и из них потекла кровь.

— Видишь, — сказал муж, — ты ни на какую работу не годишься, трудненько мне с тобой придется. Попробую-ка я приняться за торговлю горшками и глиняной посудой. Ты должна будешь ходить на рынок и продавать товар.

«Ах, — подумала она, — еще чего доброго придут на рынок люди из нашего королевства и увидят, что я сижу и продаю горшки, то-то они надо мной посмеются!»

Но что было делать? Она должна была подчиниться, а не то пришлось бы им пропадать с голода.

В первый раз дело пошло хорошо — люди покупали у нее товар, так как была она красивая, и платили ей то, что она запрашивала; даже многие платили ей деньги, а горшки ей оставляли. Вот так и жили они на это.

Накупил муж опять много новых глиняных горшков. Уселась она с горшками на углу рынка, а товар вокруг себя расставила и начала торговать. Но вдруг прискакал пьяный гусар, налетел прямо на горшки, — и остались от них одни лишь черепки. Начала она плакать и от страху не знала, как ей теперь быть.

— Ах, что мне за это будет! — воскликнула она. — Что скажет мне муж?

И она побежала домой и рассказала ему про свое горе.

— Да кто ж на углу рынка с глиняной посудой садится? — сказал муж. — А плакать ты перестань; я вижу, ты к приличной работе не годишься. Вот был я давеча в замке у нашего короля и спрашивал, не нужна ли там будет судомойка, и мне пообещали взять тебя на работу; там будут тебя за это кормить.

И стала королева судомойкой, ей пришлось помогать повару и исполнять самую черную работу. Она привязывала к своей сумке две мисочки и приносила в них домой то, что доставалось ей на долю от обедков, — тем они и питались.

Случилось, что на ту пору должны были праздновать свадьбу старшего королевича, и вот поднялась бедная женщина наверх в замок и стала у дверей в зал, чтоб поглядеть. Вот зажглись свечи, и входили туда гости один красивей другого, и все было полно пышности и великолепия. И подумала она с горестью в сердце про свою злую долю и стала проклинать свою гордость и надменность, которые ее так унизили и ввергли в большую нищету. Она слышала запах дорогих кушаний, которые вносили и выносили из зала слуги, и они бросали ей иной раз что-нибудь из обедков, она складывала их в свою мисочку, собираясь унести все это потом домой.

Вдруг вошел королевич, был он одет в бархат и шелк, и были у него на шее золотые цепи. Увидев у дверей красивую женщину, он схватил ее за руку и хотел было с ней танцевать; но она испугалась и стала отказываться, — узнала в нем короля-Дроздовика, что за нее сватался и которому она с насмешкой отказала. Но как она ни упиралась, а он все-таки втащил ее в зал; и вдруг оборвалась тесемка, на которой висела у нее сумка, и выпали из нее на пол мисочки и разлился суп.

Как увидели это гости, стали все смеяться, над нею подшучивать, и ей было так стыдно, что она готова была лучше сквозь землю провалиться. Бросилась она к двери и хотела убежать, но на лестнице ее нагнал какой-то человек и привел ее назад. Глянула она на него, и был то король-Дроздовик. Он ласково ей сказал:

— Ты не бойся, ведь я и музыкант, с которым ты вместе жила в бедной избушке, — это одно и то же. Это я из любви к тебе притворился музыкантом; а гусар, что перебил тебе все горшки, — это тоже был я. Все это я сделал, чтобы сломить твою гордость и наказать тебя за твое высокомерие, когда ты надо мной посмеялась.

Она горько заплакала и сказала:

— Я была так несправедлива, что недостойна быть твоей женой.

Но он ей сказал:

— Успокойся, трудные дни миновали, а теперь мы отпразднуем нашу свадьбу.

И явились королевские служанки, надели на нее пышные платья; и пришел ее отец, а с ним и весь двор; они пожелали ей счастья в замужестве с королем-Дроздовиком; и настоящая радость только теперь и началась.

И хотелось бы мне, чтобы ты да я там побывали тоже.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ГАНС

Жил однажды король, и возле его замка был дремучий лес, в котором водилась разная дичь.

Послал раз король туда своего егеря, чтоб убить косулю, но егерь назад не вернулся.

— Видно, с ним какое-нибудь несчастье случилось, — сказал король и послал на другой день двух егерей на поиски его; они тоже назад не вернулись.

Тогда созвал король на третий день всех своих егерей и говорит:

— Исходите весь лес вдоль и поперек и не оставляйте поисков до тех пор, пока всех троих не найдете.

Однако из тех егерей домой никто не вернулся, а из своры собак, которых они взяли с собой, ни одной больше не видели. С той поры больше никто ходить в тот лес не отваживался, и стоял он в глубокой тишине, одинокий, и видно было только, как пролетал иногда над ним орел или ястреб. Так продолжалось долгие-долгие годы.

Но явился однажды к королю неизвестный охотник, он хотел поступить на службу и вызвался отправиться в тот страшный лес. Но король согласия своего давать не хотел и сказал:

— В этом лесу нечистая сила водится; я боюсь, что и с тобой случится то же, что и с другими, и ты назад из него не вернешься.

Охотник ответил:

— Король, я уж рискну; я ничего не боюсь. — И он отправился со своей собакой в тот лес.

Прошло некоторое время, и напала собака на след дичи и начала было за нею гнаться, но только пробежала она несколько шагов, видит — раскинулось перед ней глубокое болото, дальше идти нельзя, и протянулась из воды голая рука, схватила собаку и потащила ее на дно. Увидал это охотник, воротился назад и привел с собой трех людей; они пришли с ведрами и начали вычерпывать воду. Вот уже показалось дно; и видят они — лежит там дикий человек, тело у него все рыжее, как ржавое железо, а волосы висят до самых колен.

Связали они его веревками и привели в замок. И немало там удивлялись лесному человеку, и велел король посадить его в железную клетку в своем дворе и под страхом смертной казни запретил открывать дверь той клетки, а ключи поручил хранить самой королеве. С той поры каждый мог ходить в тот лес спокойно.

Был у короля сын восьми лет. Играл он раз во дворе, и во время игры попал его золотой мяч в клетку. Подбежал мальчик к клетке и говорит:

— Кинь мне мой мяч назад.

— Нет, — ответил лесной человек, — я его не отдам, пока ты не откроешь мне дверь.

— Нет, — сказал мальчик, — я этого не сделаю, это король запретил, — и убежал.

На другой день пришел он опять и стал требовать свой мяч. А лесной человек говорит: «Открой мне дверь», но мальчик опять отказался.

На третий день король выехал на охоту, а мальчик подошел снова к клетке и говорит:

— Если бы даже я и хотел тебе дверь открыть, то все равно бы не смог, у меня нет ключа.

— Он лежит под подушкой у твоей матери, — сказал лесной человек, — ты его можешь достать.

Мальчику очень хотелось вернуть свой мяч, он позабыл про всякую осторожность и принес ключ. Дверь открывалась с трудом, и мальчик прищемил себе палец. Как только дверь открылась и лесной человек вышел наружу, он отдал мальчику золотой мяч, и сам стал быстро уходить.

Сделалось мальчику страшно, и он крикнул вдогонку:

— Ах, лесной человек, не уходи отсюда, а не то меня побьют.

Лесной человек вернулся, поднял его, посадил себе на плечи и быстрыми шагами направился в лес.

Вернулся король домой, увидел пустую клетку и спросил королеву, как все это случилось. Королева ничего не знала, начала искать ключ, но его не оказалось. Стала она звать мальчика, но никто не отвечал. Разослал тогда король повсюду людей на розыски мальчика, но они его нигде не нашли. Тогда король догадался, что случилось, и великая печаль воцарилась при королевском дворе.

А лесной человек вернулся снова в дремучий лес, снял там мальчика с плеча и сказал ему:

— Отца и мать свою ты больше не увидишь, но я буду о тебе заботиться, потому что ты меня освободил и мне тебя жаль. Если ты будешь исполнять все, что я тебе скажу, то будет тебе хорошо. А драгоценностей и золота у меня вдоволь, больше чем у кого-либо на свете.

Он устроил мальчику подстилку из мха, и тот уснул; а на другое утро лесной человек привел его к колодцу и говорит:

— Видишь этот золотой колодец? Он чист и прозрачен, как хрусталь; ты должен будешь около него сидеть и следить, чтоб ничего в него не упало, а не то он станет нечистый. Каждый вечер я буду приходить и смотреть, наполнил ли ты мой наказ.

Сел мальчик на краю колодца, и ему было видно, как мелькала в нем то золотая рыба, то золотая змея, и он следил, чтоб ничто не упало в колодец.

Когда он сидел, вдруг заболел у него палец, да так сильно, что мальчик невольно сунул его в воду. Он быстро вытащил руку назад и вдруг увидел, что весь палец стал золотой; и какие он старания ни прилагал, чтоб стереть золото, все было напрасно.

Вечером вернулся Железный Ганс — так звали лесного человека, — посмотрел на мальчика и сказал:

— Что случилось с колодцем?

— Ничего, ничего не случилось, — ответил мальчик и спрятал палец за спину, чтоб лесной человек не мог его увидеть.

Но тот сказал:

— Ты погрузил палец в колодец; на этот раз я, так уж и быть, прощаю тебя, но смотри, берегись, чтоб больше ничего в него не попало.

И вот на ранней заре сидел мальчик снова у колодца и его сторожил. Но заболел у него опять палец, и он провел рукой по голове, и упал невзначай один волос в колодец. Он быстро вытащил его оттуда, но волос стал весь золотой.

Явился Железный Ганс, он знал уже все, что случилось.

— Ты уронил волос в колодец, — сказал он, — я прощаю тебя и на этот раз, но если это случится и в третий раз, то станет колодец нечистый, и тебе нельзя будет у меня оставаться.

Сидел на третий день мальчик у колодца и уж пальцем не шелохнул, а он болел у него еще очень сильно. Стало ему очень скучно, и он начал разглядывать себя в водяном зеркале. При этом он все больше и больше наклонялся вниз; захотелось ему заглянуть себе в глаза; и вдруг упали его длинные волосы в воду. Он быстро поднялся, но все волосы на голове стали вдруг золотыми и засияли, как солнце.

Можете себе вообразить, как бедный мальчик испугался! Вытащил он из кармана платок и обвязал им голову, чтоб лесной человек ничего не заметил. Но Железный Ганс пришел и знал уже все и сказал:

— А ну, развяжи платок.

И рассыпались золотые волосы у него по плечам, и как мальчик ни оправдывался, ничего не помогло.

— Ты испытания не выдержал, и оставаться тебе здесь больше нельзя. Ступай странствовать по свету, и ты узнаешь тогда, как в бедноте живет. Но так как сердце у тебя не злое и я желаю тебе добра, то я позволю тебе вот что: когда попадешь ты в беду, то ступай в лес и кликни: «Железный Ганс!», и я при-

ду к тебе на помощь. Могущество мое велико, больше, чем ты полагаешь, а золота и серебра у меня вдоволь.

Покинул королевич лес и пошел по дорогам и нехоженным тропам все вперед и вперед, пока, наконец, не пришел в большой город. Стал он искать там работы, но найти ее никак не мог да и обучен он ничему не был, чем мог бы прокормиться. Наконец отправился он в замок и спросил, не возьмут ли его там на работу. Придворные не знали, к какому делу можно бы его определить, но мальчик им понравился, и они велели ему остаться. Взял его, наконец, к себе на работу повар и велел ему дрова и воду носить да золу выгребать.

Однажды, когда под рукой никого не оказалось, велел повар ему отнести кушанья к королевскому столу. Мальчику не хотелось показывать своих золотых кудрей, и он своего поварского колпака не снял. А к королю в таком виде никто еще ни разу не являлся, и он сказал:

— Если ты являешься к королевскому столу, должен свой колпак снять.

— Ах, господин мой король, — ответил ему мальчик, — я никак не могу, у меня вся голова в стружьях.

Тогда велел король позвать повара, выбранил его и спросил, как же он смел такого мальчишку принимать к себе на работу; и приказал его тотчас прогнать. Но повар мальчика пожалел и обменял его на садовничьего ученика.

И должен был теперь мальчик в саду деревья сажать, поливать их, мотыжить, землю копать и терпеть стужу и зной. Однажды летом работал он один в саду, а день был такой жаркий, и вот снял он свою шапочку, чтоб на ветру

освежиться. Но засияло солнце на его волосах, и они так засверкали-заблестели, что упали лучи в спальню королевны, и она вскочила, чтоб поглядеть, что это такое. Увидала она юношу и окликнула его:

— Паренек, принеси мне букет цветов.

Надел он второпях свою шапочку, нарвал простых полевых цветов и связал их в букет. Когда он подымался по лестнице, его встретил садовник и говорит:

— Как ты смеешь нести королевне такие плохие цветы? Скорей нарви других, да самых красивых, душистых.

— Ах, нет, — ответил юноша, — полевые цветы пахнут сильнее, они ей больше понравятся.

Вошел он в комнату королевны, а она и говорит:

— Сними свою шапочку, тебе не гоже передо мной в шапке стоять.

А он опять-таки отвечает:

— Мне никак нельзя, у меня голова в стружьях.

Тогда королевна схватила шапочку, сняла ее, и рассыпались его золотые волосы по плечам, и глядеть на них было так приятно.

Он хотел убежать, но она удержала его за руку и дала ему целую пригоршню золотых. Он взял их, но на золото никакого внимания не обратил, принес золотые садовнику и говорит:

— Я дарю их твоим детям, пусть они ими играют.

На другой день королевна кликнула его снова и велела принести ей букет полевых цветов, и когда он с ним явился, она тотчас схватила его за шапочку и хотела снять, но юноша крепко держал шапочку обеими руками. Королевна дала ему опять пригоршню золотых, но он оставлять их у себя не захотел, а отдал их детям садовника вместо игрушек. На третий день случилось то же самое, — королевна не могла снять с него шапочку, а он никак не хотел брать у нее золота.

Вскоре началась в этой стране война. Собрал король свой народ, и не знал, сможет ли он отразить натиск врага более сильного, у которого имелось большое войско.

И говорит тогда садовничий ученик:

— Я уже вырос и хочу тоже идти на войну вместе с другими, дайте мне только коня.

Но над ним посмеялись и сказали:

— Вот когда мы уедем, ты и лошадь себе подберешь: мы оставим тебе одну на конюшне.

Выступили они в поход, а юноша пошел на конюшню и вывел оттуда лошадь, она на одну ногу хромала, была заморенная и на ходу похрипывала: «гуп-гуп». Но он все-таки сел на нее и двинулся в дремучий лес. Подъехал юноша к опушке леса и трижды крикнул: «Железный Ганс!», да так громко, что разнеслось по всему лесу. И вмиг явился лесной человек и спросил:

— Что требуешь ты?

— Я требую сильного коня, собираюсь ехать на войну.

— Будет у тебя конь, и ты получишь еще больше, чем требуешь.

Вернулся лесной человек в чащу, и в скором времени вышел оттуда конюх, он вел коня. Конь фыркал, храпел и его еле можно было удержать. А за ним следовал большой отряд воинов, закованных в броню, и мечи их сверкали на солнце.

Отдал юноша конюху свою хромоногую кобылу, вскочил на коня и поехал впереди войска. Когда он подъехал к полю сражения, к тому времени большая часть королевских солдат была уже перебита, и еще бы немного, и пришлось бы оставшимся обратиться в бегство. Тут налетел юноша со своей железной ватагой, обрушился на врагов, как гроза, и перебил всех, кто ему на пути попадался. Пришлось врагам обратиться в бегство, но юноша гнал их по пятам и до тех пор не останавливался, пока не осталось в живых ни одного человека.

Но вместо того чтобы вернуться назад к королю, юноша повел свой отряд окольными дорогами опять в лес и кликнул Железного Ганса.

— Что требуешь ты? — спросил лесной человек.

— Возьми своего коня и свой отряд назад и верни мне назад мою хромоногую лошадь.

Исполнилось все, что он потребовал, и поехал юноша на своей трехногой кобыле домой.

Вернулся король снова в свой замок, вышла к нему навстречу его дочь и стала поздравлять его с победой.

— Это не я одержал победу, — сказал король, — а один неведомый рыцарь, подоспевший со своим отрядом к нам на помощь.

Захотелось королевне узнать, кто этот незнакомый рыцарь, но король сам этого не знал и сказал:

— Он погнался за врагами, и с той поры я больше его не видел.

Спросила королевна у садовника про его ученика, а тот засмеялся и говорит:

— Да он только что вернулся домой на своей трехногой кобыле. И все, посмеиваясь, кричали ему: «Вот и подъехала наша заморенная кобыла!» И спрашивали: «А за каким это плетнем ты отсиживался да спал?» Но он от-

вечал: «Я совершил подвиг, и без меня плохо пришлось бы». Но над ним еще больше смеялись.

Сказал король своей дочери:

— Я велю устроить большой праздник, он должен будет длиться три дня, а ты будешь бросать золотое яблоко, — может, тогда незнакомец явится сюда, чтоб его поймать.

И вот, когда был объявлен праздник, юноша вышел в лес и кликнул Железного Ганса.

— Чего требуешь ты? — спросил Железный Ганс.

— Чтоб поймал я золотое яблоко королевны.

— Это легко, — считай, что оно у тебя уже в руках, — сказал Железный Ганс, — но ты получишь еще вдобавок красные доспехи и будешь ехать на статном рыжем коне.

Вот наступил назначенный день, и прискакал юноша во весь опор, стал между рыцарями, и его никто не узнал. Вышла королевна и бросила рыцарям золотое яблоко, но никто не поймал золотого яблока, кроме юноши, — только он его и поймал и вмиг ускакал прочь.

На другой день Железный Ганс снарядил его доспехами белого рыцаря и дал ему белого коня. Снова только один юноша поймал яблоко, но, схватив его, тотчас умчался.

Рассердился король и сказал:

— Этак не годится: он должен явиться ко мне и назвать свое имя.

И отдал король приказ: если рыцарь, который поймает яблоко, ускачет опять из замка, то надо броситься за ним в погоню, а если он по доброй воле назад не вернется, следует на него накинуться и ударить его мечом.

На третий день получил юноша от Железного Ганса черные доспехи и вороного коня и снова поймал яблоко. Но когда он помчался из замка, королевские слуги бросились за ним в погоню, и один из них подскочил к юноше так близко, что ранил его острием меча в ногу. Юноша все-таки ускакал, но конь его мчался так быстро, что у рыцаря свалился шлем с головы, и все увидели, что у него золотые волосы. Слуги поскакали назад и доложили обо всем королю.

На следующий день королевна спросила у садовника про его ученика.

— Он работает в саду. Этот чудной парень был тоже на празднике и только вчера под вечер воротился домой. Он показывал моим детям три золотых яблока, которые он выиграл.

Тогда король велел позвать юношу к себе. Он явился, и у него на голове, как и прежде, шапочка. Но королевна подошла к нему и сняла ее с него, — и вдруг упали его золотые волосы на плечи, и это было так красиво, что все изумились.

— Не ты ли тот рыцарь, что каждый день являлся на праздник, облаченный всегда в разные доспехи, и поймал три золотых яблока?

— Да, — ответил юноша, — а вот и яблоки эти, — и он достал их из кармана и подал королю. — Но если вам нужны еще знаки доказательства, то можете посмотреть на рану, нанесенную мне вашими людьми во время погони за мной. А к тому ж — я тот самый рыцарь, что помог вам одержать победу над врагами.

— Если ты можешь совершать такие подвиги, ты, видно, вовсе не садовничий ученик. Скажи мне, кто же твой отец?

— Мой отец — могущественный король, и у меня много золота, столько, сколько я захочу.

— Я вижу, — сказал король, — что должен тебя отблагодарить. Могу ли сделать я тебе что-нибудь приятное?

— Да, — ответил королевич, — конечно, вы можете это сделать, если отдадите мне дочь вашу в жены.

Засмеялась королева и сказала:

— Он говорит все напрямик, и я по его золотым волосам уже догадалась, что он вовсе не садовничий ученик, — и она подошла к нему и его поцеловала.

На свадьбу прибыли отец и мать королевича, они были в великой радости, ведь они потеряли всякую надежду увидеть когда-нибудь своего милого сына. Когда все сидели на свадебном пиру, вдруг музыка умолкла, распахнулись двери, и вошел статный король с большой свитой. Он подошел к юноше, обнял его и сказал:

— Я — Железный Ганс, я был обращен в лесного человека, но ты меня расколдовал. Все богатства, которыми я обладаю, отныне будут твои.

БРАТЕЦ И СЕСТРИЦА

Взял братец сестрицу за руку и говорит:
— С той поры, как мать у нас умерла, нет нам на свете радости: каждый день нас мачеха бьет, а когда мы к ней подходим, толкает нас ногами. И едим мы одни лишь сухие корки, что от стола остаются; собачонке и то под столом лучше живется, — ей бросит она иной раз хороший кусок. Боже мой, если б узнала о том наша мать! Давай уйдем вместе с тобой куда глаза глядят, будем бродить по свету.

И они ушли из дому. Целый день брели они по лугам, по полям, по горам; а когда пошел дождь, сестрица сказала:

— Это плачут заодно и Господь и наши сердца!

Под вечер зашли они в дремучий лес и так устали от голода, горя и долгого пути, что забрались в дупло дерева и уснули.

Они проснулись на другое утро, когда солнце стояло уже высоко на небе и своими лучами горячо прогревало дупло. И сказал тогда братец:

— Сестрица, мне хочется пить, — если б знать, где тут ручеек, я бы пошел напиться. Мне кажется, где-то вблизи журчит вода.

Братец поднялся, взял свою сестрицу за руку, и они стали искать ручеек. Но злая мачеха была ведьмой. Она видела, что дети ушли, и прокралась за ними тайком, как умеют это делать ведьмы, и заколдовала все родники лесные. И вот, когда они нашли родничок, что прыгал, сверкая, по камням, и захотел братец из него напиться, услышала сестрица, как родничок, журча, говорил:

— Кто из меня напьется, тот тигром обернется!

И крикнула сестрица:

— Братец, не пей, пожалуйста, из него воды, а не то диким зверем обернешься и меня разорвешь.

*Братец поднялся, взял свою сестрицу за руку, и они стали искать ручеек.
Но злая мачеха была ведьмой. Она видела, что дети ушли, и прокралась
за ними тайком, как умеют это делать ведьмы, и заколдовала
все родники лесные.*

Братец не стал пить из этого родничка, хотя ему очень хотелось, и сказал:

— Я потерплю, пока найдем другой родничок.

Пришли они к другому роднику, и услышала сестрица, что и этот тоже говорил:

— Кто из меня напьется, тот волком обернется!

И крикнула сестрица:

— Братец, не пей, пожалуйста, из этого родника, а не то обернешься волком и меня съешь.

Братец не стал пить и сказал:

— Я подожду, пока мы придем к другому роднику, — вот уж тогда я напьюсь, что бы ты мне ни говорила; мне очень хочется пить.

Пришли они к третьему роднику. Услышала сестрица, как он, журча, говорил:

— Кто из меня напьется, диким козлом обернется! Кто из меня напьется, диким козлом обернется!

Сестрица сказала тогда:

— Ах, братец, не пей ты, пожалуйста, воды из этого родника, а не то диким козлом обернешься и в лес от меня убежишь.

Но братец стал у ручья на колени, нагнулся и напился воды. И только коснулись первые капли его губ, как сделался он вмиг диким козленком.

Заплакала сестрица над своим бедным заколдованным братцем, и козлик тоже заплакал; и сидел он рядышком с ней и был такой грустный-грустный. И сказала девочка:

— Успокойся, мой миленький козлик, я тебя никогда не оставляю.

И она сняла свою золотую подвязку, надела ее на шею козлику, нарвала осоки и сплела из нее мягкую веревку. Она привязала козлика за веревку и повела его вместе с собой дальше и шла все глубже и глубже, в самую чашу лесную.

Шли они долго-долго и подошли, наконец, к маленькой избушке. Заглянула девочка в избушку — видит: она пустая. И подумала девочка: «Вот здесь можно будет и поселиться». Она собрала для козлика листья и мох, сделала ему мягкую подстилку и каждое утро выходила собирать разные корни, ягоды и орехи; и приносила козлику мягкой травы и кормила его с рук, и был козлик доволен и весело прыгал около нее. К вечеру, когда сестрица уставала, она читала молитву, клала свою голову на спину козлику — была она ей вместо подушки — и засыпала. И если бы можно было вернуть братцу его человеческий образ, то что за чудесная жизнь была бы у них!

Вот так и жили они одни в лесной чаще некоторое время. Но случилось, что как раз на ту пору затеял король в этом лесу большую охоту. И трубили среди леса охотничьи рога, раздавался собачий лай, веселый посвист и улюлюканье егерей.

Козлик все это слышал, и захотелось ему побывать на охоте.

— Ах, — сказал он сестрице, — отпусти меня в лес на охоту, я дольше вытерпеть не в силах. — И он долго ее упрашивал, пока, наконец, она согласилась.

Целый день брели они по лугам, по полям, по горам.

— Но смотри, — сказала она ему, — к вечеру возвращайся. От недобрых охотников дверь в избушке я запру, а чтоб я тебя узнала, ты постучись и скажи: «Сестрица,пусти меня», а если ты так не скажешь, то дверь я тебе не открою.

Вот выскочил козлик в лес, и было ему так приятно и весело гулять на приволье! Только увидел король со своими егерями красивого козлика, пустились они за ним в погоню, но нагнать его не могли; они думали, что вот-вот поймут его, а он скакнул в густую заросль и пропал у них на глазах.

Между тем стало уже смеркаться. Подбежал козлик к избушке, постучался и говорит:

— Сестрица,пусти меня. — И открылась перед ним маленькая дверь, вскочил козлик в избушку и отдыхал всю ночь на мягкой подстилке.

На другое утро охота началась снова; и когда козлик слышал большой охотничий рог и улюлюканье егерей, он беспокоился и сказал:

— Сестрица,открой дверь,пусти меня в лес погулять.

Открыла сестрица дверь и сказала:

— Но к вечеру,смотри, возвращайся и скажи: «Сестрица,пусти меня».

Как увидел король со своими егерями опять козлика с золотой повязкой на шее, все помчались за ним в погоню, но козлик был очень проворен и быстр. Гонялись за ним егеря целый день напролет и только к вечеру его окружили. Один из них ранил его в ногу, начал козлик прихрамывать, не смог бежать так быстро, как прежде. Тогда прокрался за ним следом один из егерей до самой избушки и слышал, как козлик говорил: «Сестрица,пусти меня!» — и видел, как дверь перед ним отворилась и тотчас закрылась опять. Охотник все это хорошо приметил, вернулся к королю и рассказал о том, что видел и слышал. И сказал король:

— Завтра еще раз выедем на охоту.

Сильно испугалась сестрица, увидев, что ее козлик ранен. Она обмыла ему кровь, приложила к ране разные травы и сказала:

— Ступай лежи, милый мой козлик, и рана твоя заживет.

Но рана была небольшая, и наутро у козлика и следа от нее не осталось. И когда он слышал в лесу опять веселые звуки охоты, он сказал:

— Невмочь мне дома сидеть, хочу погулять я в лесу; меня никто не поймает, не бойся.

Заплакала сестрица и сказала:

— Нет, уж теперь они тебя убьют, и останусь я здесь одна в лесу, покинута всеми. Нет, не пушу я тебя нынче в лес.

— А я здесь тогда от тоски погибну, — ответил ей козлик. — Как слышу я большой охотничий рог, так ноги сами и бегут у меня.

Что тут было делать сестрице? С тяжелым сердцем она открыла ему дверь, и козлик, здоровый и веселый, ускакал в лес.

Увидел его король и говорит егерям:

*И она сняла свою золотую подвязку, надела ее на шею козлику,
нарвала осоки и сплела из нее мягкую веревку.*

— Уж теперь гоняйтесь за ним целый день до самой ночи, но смотрите, чтоб никто из вас его не ранил.

И вот, только солнце зашло, говорит король егерю:

— Ну, ступай покажи мне эту лесную избушку.

Тогда он подошел к маленькой двери, постучался и сказал:

— Дорогая сестрица,пусти меня.

Открылась дверь, и король вошел в избушку; видит — стоит там девушка красоты несказанной. Испугалась девушка, увидав, что это вошел не козлик, а какой-то чужой человек, и на голове у него золотая корона. Но король ласково на нее поглядел, протянул ей руку и сказал:

— Хочешь, пойдем со мной в замок, и будешь ты моей милой женой.

— Ах, я согласна, — ответила девушка, — но козлик должен идти со мной, я его никогда не оставляю.

— Хорошо, — сказал король, — пускай он останется на всю жизнь при тебе, и будет ему всего вдовость.

А тут подскочил и козлик; и сестрица привязала его за веревку из осоки и вывела из лесной избушки.

Посадил король девушку на коня и привез ее в свой замок; там отпраздновали они свадьбу с большой пышностью. Стала она теперь госпожой королевой, и они жили счастливо вместе долгие годы, а козлика холили и кормили, и он прыгал по королевскому саду.

Но злая мачеха, из-за которой детям выпало на долю бродить по свету, решила, что сестрицу разорвали, пожалуй, в лесу дикие звери, а козлик убит охотниками. Когда она услышала, как они счастливы и что живет им так хорошо, в сердце у нее зашевелились зависть и злоба, и они не давали ей покоя, и она думала только о том, как бы опять накликать на них беду.

А была ее родная дочка уродлива, как темная ночь, и была она одноглазой. Стала она попрекать свою мать:

— Ведь стать королевой полагалось бы мне.

— Ты уж помолчи, — сказала старуха и стала ее успокаивать: — придет время, я все сделаю, что надо.

Прошел срок, и родила королева на свет прекрасного мальчика; а на ту пору был король как раз на охоте. Вот старая ведьма приняла вид королевской служанки, вошла в комнату, где лежала королева, и говорит больной:

— Королева, идите купаться, уж ванна готова, купанье вам поможет и прибавит сил; идите скорей, а то вода остынет.

Ведьмина дочь была тут же рядом; и отнесли они ослабевшую королеву в ванную комнату, опустили ее в ванну, заперли дверь на ключ, а сами убежали. Но они развели в ванной такой адский огонь, что молодая красавица-королева должна была вот-вот задохнуться.

Сделав это, старуха взяла свою дочку, надела на нее чепец и уложила ее в постель вместо королевы. И сделала она ее похожей на королеву, только

не могла она приставить ей второй глаз. Но чтоб король этого не заметил, пришлось ее положить на ту сторону, где у нее не было глаза.

Воротился вечером король домой и, услышав, что королева родила ему сына, сильно обрадовался, и ему захотелось пойти провести свою любимую жену и поглядеть, что она делает. Но старуха закричала:

— Ради Бога, задвиньте скорей полог, королеве смотреть на свет еще трудно, ее тревожить нельзя.

Король вернулся назад, не зная о том, что в постели лежит самозванная королева.

Наступила полночь, и все уже спали; и вот увидела мамка, сидевшая в детской у колыбели, — она одна только в доме не спала, — как открылись двери и в комнату вошла настоящая королева. Она взяла на руки из колыбели ребенка и стала его кормить грудью. Потом она взбила ему подушечку, уложила его опять в колыбельку и укрыла одеяльцем. Но не забыла она и про козлика, заглянула в угол, где он лежал, и погладила его по спине. Потом она тихонько вышла через дверь; мамка на другое утро спросила стражу, не заходил ли кто ночью в замок, но сторожа ответили:

— Нет, мы никого не видали.

Так являлась она много ночей подряд и ни разу при этом не обмолвилась словом. Мамка каждый раз ее видела, но сказать о том никому не решалась.

Так прошло некоторое время, но вот однажды королева ночью заговорила и молвила так:

Как мой сыночек? Как козлик мой?
Явлюсь я дважды и не вернусь домой.

Мамка ей ничего не ответила, но когда королева исчезла, мамка пришла к королю и обо всем ему рассказала. Король сказал:

— Ах, Боже мой, что же это значит? Следующую ночь я сам буду сторожить возле ребенка.

Он пришел вечером в детскую, а в полночь явилась опять королева и сказала:

Как мой сыночек? Как козлик мой?
Приду я однажды и не вернусь домой.

И она ухаживала за ребенком, как делала это всегда, а потом снова ушла. Король не осмелился заговорить с нею, но и следующую ночь он тоже не спал. И она снова спросила:

Как мой сыночек? Как козлик мой?
Теперь уж больше я не вернусь домой.

И не мог король удержаться, он бросился к ней и сказал:

— Значит, ты моя милая жена!

И она ответила:

— Да, я твоя жена, — и в тот же миг по милости Божьей она ожила и стала опять здоровой, румяной и свежей, как прежде.

Потом она рассказала королю о злодействе, что совершила над ней злая ведьма вместе со своей дочкой.

Тогда король велел привести их обеих на суд, и был вынесен им приговор.

Ведьмину дочь завели в лес, где ее разорвали дикие звери, а ведьму взвели на костер, и ей пришлось погибнуть лютой смертью. И когда остался от нее один только пепел, козлик опять обернулся человеком, и сестрица и братец стали жить да поживать счастливо вместе.

БЕЛОСНЕЖКА И АЛОЦВЕТИК

Жила бедная вдова одна в своей избушке, а перед избушкой был у нее сад; росло в том саду два розовых деревца, и цвели на одном белые розы, а на другом — алые; и было у нее двое детей, похожих на эти розовые деревца, звали одну — Белоснежка, а другую — Алоцветик. Были они такие скромные и добрые, такие работающие и послушные, что таких еще и не было на свете; только Белоснежка была еще тише и нежнее, чем Алоцветик. Алоцветик все больше прыгала и бегала по лугам и полям, собирала цветы и ловила бабочек; а Белоснежка — та больше сидела дома возле матери, помогала ей по хозяйству, а когда не было работы, читала ей что-нибудь вслух. Обе сестры так любили друг друга, что если куда-нибудь шли, то держались всегда за руки, и если Белоснежка, бывало, скажет: «Мы всегда будем вместе» — то Алоцветик ей ответит: «Да, пока мы живы, мы никогда не расстанемся» — а мать добавляла: «Что будет у одной из вас, пусть поделится тем и с другой».

Часто девочки бегали в лесу одни, собирали спелые ягоды, но ни один зверь их не трогал, и все доверчиво подходило к ним. Зайчик ел у них с руки капустный лист, дикая коза паслась рядом с ними, весело прыгал около них олень, и птицы оставались сидеть на ветках и распевали разные песни, какие только знали. И ни разу никакой беды с сестрами не случилось. Если они, бывало, в лесу задержатся и наступит уже ночь, они лягут рядом на мягком мху и спят так до утра; мать знала об этом и никогда о них не беспокоилась. Однажды заночевали они в лесу, проснулись на рассвете, видят: сидит рядом с ними чудесное дитя в белом сверкающем платье. Оно встало и ласково на них поглядело, но ничего им не сказало и ушло в глубину леса. Оглянулись они и увидели, что спали они как раз на самом краю пропасти и, должно быть, упали бы в нее, если бы в темноте сделали хоть один шаг. И вот мать им объяснила, что то, должно быть, был ангел, охраняющий добрых детей.

Белоснежка и Алоцветик держали избушку в такой чистоте, что в нее приятно было заглянуть. Летом за домом присматривала Алоцветик. Каждое утро, пока мать еще спала, ставила она у ее постели цветы — с каждого дерев-

ца по розе. Зимой Белоснежка затапливала печь, подвешивала к очагу котел на крюке; и медный котел блестел, точно золото, так хорошо он был вычищен. Вечером, когда падал белыми хлопьями снег, мать говорила:

— Ступай, Белоснежка, и запри дверь на задвижку.

Они сажались потом у очага, и мать надевала очки и читала им вслух из большой книги. А девочки сидели, пряли и слушали. Рядом с ними лежал на полу ягненок, а сзади сидел на насесте белый голубок, спрятав голову под крыло.

Раз вечером сидели они мирно все вместе, вдруг кто-то постучался в дверь и попросил, чтоб его впустили. Мать говорит:

— Алоцветик, открой поскорей дверь, это, пожалуй, какой-нибудь странник просится на ночлег.

Алоцветик пошла и отодвинула задвижку, думая, что это какой-нибудь бедный человек; но то был медведь, который просунул в дверь свою большую черную голову. Алоцветик громко вскрикнула и отскочила назад, ягненок в то время заблеял, голубок вспорхнул, а Белоснежка забралась к матери на постель. Но медведь вдруг заговорил и сказал:

— Не бойтесь, я вас не трону, я очень озяб и хочу у вас немного отогреться.

— Ох ты, бедный медведь, — сказала мать, — ну, ложись тогда поближе к огню; только смотри, не спиши своей шубы.

Затем она кликнула:

— Белоснежка, Алоцветик, идите сюда, медведь нас не тронет, он добрый.

Девочки подошли поближе, и мало-помалу и ягненок с голубком тоже перестали бояться медведя. Тогда медведь и говорит:

— Дети, стряхните снежок с моей шубы.

Девочки принесли метелку и как следует почистили медведю шубу; он растянулся у очага и начал весело урчать от удовольствия. Вскоре они и совсем к медведю привыкли и стали подшучивать над своим неуклюжим гостем. Они теребили его за шерсть, становились ему на спину, таскали его по комнате или брали прут и били его, а когда он ворчал, они весело смеялись. И медведю это нравилось, но когда уж слишком сильно они ему докучали, он кричал:

— Ах, дети, оставьте меня в живых:

Вы меня уж пожалейте,
Женишка-то не убейте.

Когда пришло время ложиться спать и все уже были в постели, мать сказала медведю:

— А ты уж, Бог с тобой, оставайся лежать себе у печки, уж тут ты укроешься от холода и непогоды.

Когда начало светать, дети выпустили медведя, и он затопал по сугробам в лес. С той поры стал медведь приходить к ним каждый вечер в свой обыч-

ный час. Он ложился у очага и всегда позволял детям с ним играть и коротать свой досуг; и все так к нему привыкли, что даже дверей не запирали, пока не явится их черный приятель.

Но вот наступила весна, все кругом зазеленело, и сказал тогда медведь Белоснежке:

— Ну, теперь мне пора убраться, — целое лето я к вам не приду.

— Куда же ты пойдешь, милый медведь? — спросила его Белоснежка.

— Мне надо идти в лес, свои сокровища от злых карликов сторожить. Зимой, когда земля замерзает, их никто там не откопает; но теперь, когда земля на солнце оттаяла и согрелась, карлики, чего доброго, еще заберутся, начнут искать сокровища, докопаются и их утащут; а что попадет к ним в руки, то запрячут они в свои пещеры, и не так-то легко их будет разыскать.

Белоснежка сильно загрустила, что приходится им расставаться. Когда она открыла дверь, то медведь, пробираясь, зацепился за дверной крюк, дернулся и вырвал кусок шкуры, — и показалось Белоснежке, будто золото блеснуло; но она не была в этом уверена. Медведь быстро убежал и вскоре исчез за деревьями.

Спустя некоторое время мать послала детей в лес собирать валежник. В лесу нашли они большое срубленное дерево; лежало оно на земле, и у ствола в траве что-то прыгало; но они никак не могли разобрать, что это такое. Они подошли поближе, видят — стоит перед ними карлик, лицо у него старое, морщинистое, и длинная-предлинная седая борода. Кончик бороды попал в трещину дерева, и человечек прыгал, как собачонка на привязи, и не знал, как ему свою бороду вытащить. Он вытаращил на девушек красные горящие глаза и крикнул:

— Ну, чего стоите, разве нельзя подойти и помочь мне?

— Да как это с тобой, человечек, случилось? — спросила его Алоцветик.

— Глупая гусыня, да к тому ж и любопытная, — ответил карлик, — хотел я было дерево расколоть, чтоб дров себе для печки нарубить; если класть толстые поленья, то наше кушанье быстро подгорает, — мы ведь не так прожорливы, как вы, грубый да жадный народ. Клин вогнал я удачно, и все шло как следует, но проклятое дерево было слишком гладкое, вот клин случайно и выскочил, дерево так быстро сошлось, что я не успел вытащить своей красивой белой бороды. Вот она и защемила, и мне нельзя теперь выбраться отсюда. Чего смеетесь, глупые, толстые рожи? Тьфу, до чего же вы скверные!

Дети стали изо всех сил бороду тащить, но вытащить ее никак не могли, — уж очень крепко она застряла.

— Я сбегая людей позову, — сказала Алоцветик.

— Эх, головы вы бараны! — прокричал карлик. — Зачем людей-то звать — вас тут и двоих будет достаточно. Лучше ничего надумать не можете?

— Ты уж потерпи маленько, — сказала Белоснежка, — я что-нибудь да придумаю, — и она достала из кармана маленькие ножницы и отрезала кончик

бороды. Как только карлик освободился, он тотчас схватил мешок, полный золота, спрятанный под корнями, вытащил его оттуда и проворчал про себя: «Вот неотесанный народ, отрезали кусок такой чудесной бороды, черт вас возьми!» Схватил мешок свой на плечи и ушел, — на детей даже не глянул.

Захотелось вскоре после того Белоснежке и Алоцветику наловить рыбы к обеду. Подошли они к ручью, видят — скачет над водой большой кузнечик, точно в воду прыгнуть собирается. Подбежали они и узнали карлика.

— Ты куда это собрался? — спросила его Алоцветик. — Уж не в воду ли прыгнуть хочешь?

— Я не такой уж дурак, — крикнул ей карлик, — разве не видите, что проклятая рыба меня за собой тянет?

Человечек сидел и удил рыбу, а ветер, к несчастью, запутал его бороду в леске, и когда клюнула большая рыба, у карлика не хватило сил ее вытянуть; рыба была сильнее его и тянула карлика за собой. Как ни хватался он за траву и за камыш, ничего поделаться не мог, и пришлось бы ему нырять вслед за рыбой, вот-вот утащила бы она его в воду. Девочки подросли как раз вовремя, подхватили карлика и стали бороду из лески выпутывать; но ничего у них не выходило, борода и леска крепко перепутались. Оставалось только одно — достать небольшие ножницы и отрезать бороду, — вот и пропал еще кусок бороды. Увидел это карлик, начал на них кричать:

— Разве это дело, жабы вы этакие, уродовать человеку лицо? Мало вам того, что вы мне уже раз бороду обкорнали, а теперь собираетесь отрезать еще кусок, да притом самый красивый? Мне теперь к своим и на глаза показываться нельзя будет! Чтoб вам пусто было! — Тут достал он мешок с жемчугами, запятанный в камышах, и, не сказав больше ни слова, потащил его куда-то и исчез за прибрежным камнем.

Случилось, что вскоре после того послала мать обеих девочек в город купить ниток, иголок, шнурков и лент. А дорога шла через долину, где повсюду лежали в беспорядке огромные обломки скал. И вдруг увидели они на небе большую птицу; она медленно кружила над ними, спускаясь все ниже, и села, наконец, поблизости на скалу. Затем они услышали резкий, жалобный крик. Они подбежали и с ужасом увидели, что орел схватил их старого знакомого карлика, собираясь его унести. Добрые дети тотчас уцепились за человечка и стали его у орла отнимать; и выпустил, наконец, орел свою добычу. Не успел карлик прийти в себя от испуга, как начал кричать своим визгливым голосом:

— Разве нельзя было обращаться со мной повежливее? Вот ухватились за мой тоненький сюртучок и весь его разорвали, весь он теперь в дырках, ах вы такие-сякие, неуклюжие да неповоротливые!

Взял затем карлик свой мешок с драгоценными камнями и шмыгнул снова в свою пещеру под скалами. Но девушки уже привыкли к его неблагодарности; они продолжали свой путь, пришли в город и сделали свои покупки.

Подошли Белоснежка и Алоцветик поближе, видят — стоит перед ними карлик, лицо у него старое, морщинистое, и длинная-предлинная седая борода. Кончик бороды попал в трещину дерева, и человек прыгал, как собачонка на привязи, и не знал, как ему свою бороду вытащить.

На обратном пути через долину они увидели карлика: выбрав ровное местечко, карлик высыпал из мешка драгоценные камни, не подозревая, что кто-нибудь будет так поздно проходить мимо. Вечернее солнце падало на блестящие камни, и они так красиво сияли и светились разными цветами, что дети остановились и засмотрелись на них.

— Чего вы стоите, мерзкие ротозей? — закричал карлик, и его пепельно-серое лицо стало от гнева красное, как киноварь.

Он бы продолжал еще браниться, но вдруг послышался громкий рев, и черный медведь затопал из лесной чащи. Вскочил испуганный карлик, но добраться до своей лазейки не успел — медведь был уже совсем близко. И крикнул карлик в большом страхе:

— Дорогой мой сударь медведь, пощади ты меня, я отдам тебе за это все свои сокровища! Погляди на эти прекрасные драгоценные камни, что лежат перед тобой. Не убивай меня! Что пользы тебе от такого маленького, щуплого человечка? Да ты меня на зубах и не почувствуешь; съешь лучше вот этих двух злых девочек; они будут для тебя лакомым куском, они жирны, как молодые перепелки, съешь их во славу Господню!

Но медведь не обратил внимания на его слова и ударил злобного человечка лапой так, что тот больше уже и не поднялся.

Девочки бросились бежать, но медведь крикнул им вслед:

— Белоснежка, Алоцветик, не бойтесь, подождите, я вас провожу.

Они узнали его по голосу, остановились. Подошел к ним медведь, и вдруг свалилась с него медвежья шкура, — и стоял перед ними красивый юноша, одетый весь в золото.

— Я сын короля, — сказал он, — я был околдован этим злым карликом. Он украл у меня мои сокровища, обратил меня в дикого медведя и заставил жить в лесу до той поры, пока его смерть не расколдует меня снова. А теперь он получил должное возмездие.

И вышла Белоснежка за королевича замуж, а Алоцветик — за его брата; а большие сокровища они поделили между собой поровну. Мать-старуха жила еще долгие годы счастливо и спокойно вместе со своими детьми. Два розовых деревца она взяла вместе с собой, и они росли перед ее окном, и каждый год зацветали на них прекрасные розы — белые и алые.

СЛАДКАЯ КАША

Жила-была бедная, скромная девочка одна со своей матерью, и есть им было нечего. Пошла раз девочка в лес и встретила по дороге старуху, которая уже знала про ее горемычное житье и подарила ей глиняный горшочек. Стоило ему только сказать: «Горшочек, вари!» — и сварится в нем вкусная, сладкая пшенная каша; а скажи ему только: «Горшочек, перестань!» — и перестанет вариться в нем каша. Принесла девочка горшочек домой своей матери, и вот избавились они от бедности и голода и стали, когда захочется им, есть сладкую кашу.

Однажды девочка ушла из дому, а мать и говорит: «Горшочек, вари!» — и стала вариться в нем каша, и наелась мать досыта. Но захотелось ей, чтоб горшочек перестал варить кашу, да позабыла она слово. И вот варит он и варит, и ползет каша уже через край, и все варится каша. Вот уже кухня полна, и вся изба полна, и ползет каша в другую избу, и улица вся полна, словно хочет она весь мир накормить; и приключилась большая беда, и ни один человек не знал, как тому горю помочь. Наконец, когда один только дом и остался цел, приходит девочка; и только она сказала: «Горшочек, перестань!» — перестал он варить кашу; а тот, кому надо было ехать снова в город, должен был в каше проесть себе дорогу.

СТРАНСТВИЯ МАЛЬЧИКА-С-ПАЛЬЧИК

Был у одного портного сын; родился он маленьким, ростом не больше, как с палец, — потому и прозвали его Мальчик-с-пальчик. Но был он отважный, и вот однажды говорит он отцу:

— Пойду я, батюшка, странствовать по белу свету.

— Ладно, сынок, — сказал ему старик-отец, взял длинную штопальную иглу и сделал на огне головку из сургуча, — вот тебе и шпага на дорогу будет.

Захотелось маленькому портняжке еще разок пообедать с домашними; прыгнул он в кухню, чтоб поглядеть, что матушка состряпала напоследок. Но кушанье начали только готовить, и миска стояла еще на печи. Вот он и спрашивает:

— Матушка, что будет нынче у нас на обед?

— А вот сам погляди, — ответила мать.

Прыгнул Мальчик-с-пальчик на печь и стал заглядывать в миску. Но он слишком нагнулся, и пар от варившейся пищи подхватил его и унес в дымовую трубу. И носился он вместе с паром по воздуху, но, наконец, опустился на землю. И занесло портняжку в далекие-далекие края.

Стал он бродить по свету и поступил на работу к одному мастеру, но тот его плохо кормил.

— Хозяйка, — говорит Мальчик-с-пальчик, — если вы мне не дадите лучшей пищи, я уйду от вас и завтра же утром напишу мелом на ваших дверях:

Картофеля много, а мяса-то мало,

Прощай же, картофельный царь неудалый.

— Что это ты, пострел, надумал? — крикнула в сердцах хозяйка, и как схватит тряпку, чтоб ударить Мальчика-с-пальчик, но тут мой портняжка живо спрятался под наперсток и стал оттуда выглядывать да язык хозяйке показывать. А та подняла наперсток, чтобы поймать Мальчика-с-пальчик; а он — прыг в кучу тряпья и был таков. Раскидала хозяйка тряпье, стала его искать, а он тем временем забрался в щель стола.

— Хе-хе, госпожа хозяйка! — закричал он, высунув голову.

Хозяйка замахнулась было, чтоб ударить его по голове, а он — прыг в ящик стола и был таков. Но, наконец, она его все-таки поймала и прогнала со двора.

Отправился портняжка в путь-дорогу и попал в дремучий лес; повстречал он там ватагу разбойников; они собирались обокрасть королевскую казну. Увидели они портняжку и подумали: «Такой мальчонка и сквозь замочную скважину пролезет, — он нам пригодится вместо отмычки».

— Эй ты, великан Голиаф, — крикнул один из разбойников, — хочешь пробраться с нами вместе в королевскую кладовую? Ты сможешь туда залезть и выбросить нам деньги.

Мальчик-с-пальчик подумал и говорит:

— Что ж, я согласен, — и они пошли вместе к королевскому казначейству.

Пришли они. Осмотрел он дверь сверху донизу, нет ли где какой щели. И нашел он вскоре щелку, была она для него достаточно широка; но только он собрался залезть в эту щель, как заметил его один из стоявших у двери стражей и говорит другим:

— Что это за чудовищный паучище ползет там? Раздавлю-ка я его.

— Да пускай себе ползет, — ответил другой страж, — вреда-то он тебе не делает.

И вот Мальчик-с-пальчик пролез счастливо сквозь щелку в кладовую, открыл окно, — а под окном стояли уже разбойники, — и стал выбрасывать им талер за талером.

Работа была в самом разгаре, и вдруг услышал портняжка, что идет король, который вздумал осмотреть свою сокровищницу. Мальчик-с-пальчик быстро спрятался.

Но король заметил, что многих талеров не хватает, и никак не мог понять, кто же это их украл, — ведь замки и засовы были заперты, и все было как будто в порядке и под надежной охраной. И сказал, уходя, король двум стражам:

— Вы караульте повнимательней, тут кто-то деньги украсть собирается.

Только Мальчик-с-пальчик принялся снова за работу, услышали стражи, что в кладовой позвякивают деньги: звяк-звяк-звяк. Бросились они в кладовую, чтобы вора поймать. А портняжка услышал, что они идут, и еще того быстрее — прыг в угол и накрылся талером, и его не видно оттуда, да еще стал поддразнивать стражу: «А я здесь!» Кинулась стража к нему, а он — шмыг в другой угол, спрятался под талером

и кричит: «Эй, а я здесь!» Бросилась стража к нему, а Мальчик-с-пальчик уже в третьем углу, кричит им оттуда: «Эй, здесь я!»

И так дурачил он их и гонял по всей кладовой; устали стражи и ушли. А он выбросил все талеры один за другим в окошко, а последний швырнул изо всей силы, а сам в это время вспрыгнул на него и вылетел вместе с ним в окно.

Стали тут разбойники его хвалить да расхваливать:

— Да ты, что и говорить, настоящий герой! Хочешь стать нашим атаманом?

Мальчик-с-пальчик поблагодарил их и сказал:

— Я сначала хочу по свету побродить да на мир поглядеть.

Поделили они между собой добычу, и взял себе портняжка один только крейцер, — большую монету нести ему было не под силу.

Повесил он свою шпагу через плечо, распрощался с разбойниками и отправился в путь-дорогу.

Поступал он на работу к разным мастерам, но работа ему была не по вкусу; наконец нанялся он работником в харчевню. Но невзлюбили его служанки за то, что они не видят его, а он видит все, что они тайком делают, и обо всем рассказывает хозяевам — как крадут они с тарелок да из погребов тащат.

— Ну, погоди ты! Уж мы тебя отблагодарим! — и они сговорились между собой сыграть с ним злую шутку.

Спустя некоторое время пошла одна из служанок косить в саду траву; заметила она, как Мальчик-с-пальчик прыгает, словно кузнечик, с кустика на кустик перепрыгивает и лазит по стеблям трав, и вот скосила она его заодно с травой, бросила в мешок и подложила незаметно коровам. И была среди коров одна большая и черная, и она проглотила его вместе с травой, не причинив ему никакого вреда.

Но в коровьем желудке ему не понравилось: было там темным-темно, и даже не было свечки. Стали доить корову, а он как закричит:

Дзинь, дзинь о дно,
Скоро ль ведрышко полно?

Но его слов из-за шума разобрать было нельзя. Вскоре пришел в коровник сам хозяин и говорит:

— Завтра надо будет эту корову зарезать.

Услыхал это Мальчик-с-пальчик, испугался да как завопит тоненьким голоском:

— Сначала выпустите меня, ведь я в ней сижу!

Услыхал это хозяин, но не понял, откуда это голос идет.

— Где ты? — спрашивает он.

— Да в черной корове, — ответил Мальчик-с-пальчик; но хозяин не понял, что он сказал, и ушел.

На другое утро корову зарезали. Но, к счастью, когда и рубили и разрезали мясо, Мальчик-с-пальчик под нож не попал, а очутился в вырезке, которую оставили для колбасы.

Пришел мясник и принялся за работу; вдруг слышит он, кто-то орет во всю глотку:

— Не рубите так сильно, не рубите, пожалуйста, ведь я здесь!

Но из-за стука ножей его никто не понял. И вот пришла беда для бедного Мальчика-с-пальчик; но в беде человек хитер — и он прыгал между ножей, и ни один из них его не задел, и он живехонек вылез оттуда. Но беды избежать ему все-таки не удалось: ничего нельзя было придумать — его сунули заодно с начинкой в кровяную колбасу. Да, квартирка оказалась, что и говорить, несколько тесноватая, и к тому же его подвесили в печную трубу коптиться, а время шло так медленно!

Наконец зимой колбасу сняли, и вздумал хозяин попотчевать ею гостя. Вот стала хозяйка резать ее на куски, но был Мальчик-с-пальчик осторожен, голову не слишком высовывал, чтоб не обрезали ее по самую шею. Наконец он придумал, что ему делать: поднатужился и — выпрыгнул наружу.

В доме, где ему так плохо пришлось, оставаться ему больше не хотелось, и он отправился опять странствовать. Но недолго пришлось ему наслаждаться свободой. Повстречал он в поле Лиса, и тот его вмиг проглотил.

— Ах, Лис, мой Лис, — закричал Мальчик-с-пальчик, — да ведь я у тебя в горле застрял, отпусти меня на волю!

— Хорошо, — ответил ему Лис, — какая мне с тебя польза? Если пообещаешь отдать мне всех кур, что во дворе у твоего отца, тогда я отпущу тебя на волю.

— Ладно, — ответил ему Мальчик-с-пальчик, — кур ты уж всех получишь, это я тебе обещаю.

И выпустил его Лис и отнес его сам домой. Как увидел отец своего милого сыночка, отдал на радостях Лису всех кур.

— А я вот принес тебе за это красивую денежку! — сказал Мальчик-с-пальчик и отдал ему крейцер, который он заработал во время странствий.

«А за что же Лис бедных кур на обед получил?» — Эх, дурень, ты, дурень, ведь отцу-то родное дитяtko дороже, чем все куры во дворе.

УЧЕНЫЙ ОХОТНИК

Жил-был молодой парень. Обучился он слесарному ремеслу и говорит своему отцу, что хотелось бы ему теперь отправиться в странствие и попытать счастья.

— Что ж, — сказал отец, — я на это согласен, — и дал ему на дорогу немного денег.

И вот стал парень повсюду ходить да работу себе подыскивать. Прошло некоторое время, и ничего из слесарного ремесла у него не вышло, было оно ему не с руки; и явилось у него желанье охотничьим промыслом заняться. Повстречался ему во время странствий один охотник в зеленом камзоле и спрашивает у него, откуда он идет и куда направляется.

— Был я слесарем-подмастерьем, — отвечает ему парень, — но ремесло это мне больше не по вкусу, хочу охотничьим делом заняться: не возьмете ли меня в ученики?

— Ну, что ж, я согласен, если пойдешь со мной вместе.

И пошел молодой подмастерье с ним вместе, нанялся к нему на несколько лет и изучил охотничье ремесло. Вот порешил он заняться этим делом, и дал охотник ему в уплату одно лишь духовое ружье; но было у того ружья свойство: если из него выстрелить, то можно попасть без промаха. Отправился парень в путь-дорогу и пришел в густой, дремучий лес, из которого и за день не выбраться. Только за вечерело, он взобрался на высокое дерево, чтоб не напали на него дикие звери. К полуночи показалось ему, что вдали мерцает небольшой огонек; стал он сквозь ветки вглядываться и запомнил, где светится тот огонек. Он снял шапку и бросил ее вниз, в ту сторону, где виднелся свет, чтобы потом, когда он слезет с дерева, направиться в ту сторону, как по примете. Он спустился вниз, подошел к шапке, надел ее и пошел напрямик в ту сторону. Чем дальше он шел, тем все ярче светился огонь. Подойдя ближе, он увидел, что это огромный костер, и сидят возле него три великана, держат на вертеле быка и жарят его. Вот один из великанов и говорит:

— Надо попробовать, скоро ли мясо будет готово, — он оторвал от него кусок, собираясь сунуть его себе в рот, но охотник выстрелом из ружья выбил его у великана из рук.

— Э-э, — сказал великан, — это, видно, ветер сдул его у меня с руки, — и взял другой кусок мяса. Но только собрался он откусить его, как тотчас охотник выстрелом из ружья выбил его опять.

Тогда великан ударил по уху своего соседа и крикнул:

— Что это ты у меня кусок мяса вырываешь?

— Я у тебя его не вырывал, — ответил тот, — должно быть, его сбил у тебя какой-нибудь знаменитый стрелок.

Взял великан третий кусок мяса, но удержать его в руках не смог, охотник выбил его опять.

Говорят тогда великаны:

— Это, видно, хороший стрелок, если он может выбить кусок у самого рта; такой стрелок нам был бы полезен.

И они крикнули во всю глотку:

— Эй ты, знатный стрелок, поди-ка сюда! Подсаживайся к нашему костру, можешь наесться вдосталь; мы тебе ничего не сделаем. А не придешь, силой тебя притащим, и тогда ты пропал.

Подошел тогда парень к ним и говорит, что он, мол, ученый охотник; во что ни нацелится, в то и попадет без промаху. Сказали тогда великаны, что если он с ними пойдет, то будет ему хорошо. Они рассказали ему, что у лесной опушки, за рекой, находится башня, сидит в ней прекрасная королева, которую им очень бы хотелось похитить.

— Ладно, — сказал парень, — я ее быстро добуду.

А они говорят:

— Но дело это не такое простое. Там лежит маленькая собачонка, если кто подойдет близко, она тотчас начнет лаять, а только она залает, все в королевском дворе просыпается: вот почему и не можем мы туда попасть. Сумеешь ли ты эту собачонку уложить наповал?

— Да, — отвечал он, — это для меня плевое дело.

Сел он на кораблик, переехал реку, и когда был у берега, подбежала собачонка, хотела было залаять, но охотник взял свое духовое ружье и застрелил ее наповал.

Увидали это великаны, обрадовались и подумали, что теперь уж они на верное получают королеву. Но охотник решил сначала посмотреть, как с делом управиться, и сказал, чтоб великаны оставались на том берегу, пока он их не позовет.

Вот отправился он в замок, и была там мертвая тишина, все кругом спало. Открыл он первую комнату, видит — висит на стене сабля, вся из чистого серебра сделана, и на ней золотая звезда и королевское имя написано; и лежит тут же на столе запечатанное сургучом письмо. Распечатал он его, и было в нем написано, что кто эту саблю возьмет, тот сможет убить всякого, кто к нему подойдет. Снял он со стены саблю, повесил ее себе через плечо и пошел дальше.

Вошел он в ту комнату, где лежала спящая королева; а была она такая прекрасная, что он остановился как вкопанный и стал, затаив дыхание, ее разглядывать. И подумалось ему: «Как могу я отдать невинную девушку в руки диких великанов, замысливших злое?» Он огляделся и увидел, что стоят под кроватью туфли, и на правой вышито имя ее отца со звездой, а на левой — ее имя, тоже со звездой. И был на девушке большой шелковый, шитый золотом шейный платок; на правой его стороне было имя ее отца, а на левой — ее имя, и все золотыми литерами вышито. Взял охотник ножницы, отрезал от платка правый краешек и спрятал его к себе в сумку; взял затем туфлю с правой ноги и тоже спрятал ее в сумку. А девушка продолжала спать, вся закутанная в рубашку; отрезал он кусочек от ее рубашки и тоже спрятал; но сделал он все это, к ней не прикасаясь. Потом он вышел, оставив ее спокойно спать.

Когда он подошел опять к воротам, то стояли великаны по-прежнему, дожидаясь его и думая, что он принесет им королеву. Но охотник им крикнул, чтоб они подошли, что девушка, дескать, в его власти, да дверь в воротах он открыть не в силах, но есть, мол, там дыра, через которую они могут пролезть. Подошел первый великан совсем уже вплотную, обмотал тогда охотник вокруг руки его волосы, втащил голову великана в дыру и отрубил ее одним ударом сабли, а потом втащил и его самого. Подозвал он затем второго, тоже отрубил ему голову, наконец, отрубил голову третьему и обрадовался, что освободил прекрасную девушку от ее врагов; потом он вырезал великанам языки и спрятал их в сумку. И подумал: «Пойду я теперь домой к своему отцу, покажу ему, что успел я сделать за это время; а потом снова начну странствовать по свету, и будет мне наверняка счастье, которое мне пошлет Господь».

Вот просыпается в замке король и видит: лежат три великана убитые. Пошел он тогда в опочивальню к своей дочери, разбудил ее и спрашивает, кто это был такой, что великанов уничтожил.

А она говорит:

— Милый отец, я не знаю, я крепко спала.

Встала она, хотела было надеть туфли, а правой-то и нету; глянула на платок, а он порезан и правого краешка не хватает; посмотрела она на рубашку, видит — вырезан из нее кусочек. Созвал король всех своих придворных, солдат и прочую челядь и спрашивает, кто освободил его дочь и убил великанов. А был у короля военачальник. Был он одноглазый и уродливый, и говорит, что это, мол, он сделал. Сказал тогда старый король, что если он совершил такой подвиг, то пускай, мол, и женится на его дочери. А девушка говорит:

— Милый отец мой, чем идти мне за него замуж, уж лучше мне по миру идти, хоть на самый край света.

Сказал старый король, что если она замуж за него не хочет, то должна снять с себя королевское платье, надеть крестьянскую одежду и уйти отсюда; должна она тогда отправиться к горшечнику и приняться за торговлю глиняной посудой. Вот сняла она с себя королевское платье, пошла к горшечнику,

Тогда великан ударил по уху своего соседа и крикнул:
«Что это ты у меня кусок мяса вырываешь?»

набрала у него в долг разного гончарного товару и пообещала ему, если к вечеру его распродаст, уплатить за него деньги. И велел король, чтобы села она на углу с этим товаром и начала бы его продавать. Потом он заказал несколько крестьянских телег и сказал, чтобы, едучи мимо, наехали они на глиняную посуду и чтоб остались от нее одни только черепки. Только королева выставила на улице свой товар, наехали телеги и побили весь товар на кусочки.

Заплакала королева и говорит:

— Ах, Господи, как же я теперь уплачу горшечнику?

А король хотел этим заставить ее выйти замуж за военачальника, но вместо того пошла она опять к горшечнику, спросила его, не согласится ли он дать ей еще в долг гончарного товара. Горшечник ответил «нет», пускай, мол, сначала заплатит ему за прежний. Пошла она к своему отцу, начала плакать и причитать и сказала, что хочет уйти странствовать по свету.

А король ей говорит:

— Я велю выстроить для тебя в лесу домик, там будешь ты жить всю свою жизнь и стряпать для всех прохожих людей, но денег за это брать ты не смей.

Вот построили ей домик, привесили на дверях вывеску, и было на ней написано: «Нынче задаром, а завтра за деньги».

Жила королева там долгое время, и разошлась по всему свету молва, что живет, мол, в лесу девушка, даром готовит еду и что так и написано на дверях на вывеске. Услыхал о том и охотник и подумал: «Это дело для меня подходящее; ведь я беден и денег у меня нет». Взял он свое духовое ружье и сумку, в которой было спрятано все, что забрал он тогда из замка в знак доказательства, и отправился в лес; нашел он там домик с вывеской: «Нынче задаром, а завтра за деньги». Повесил себе через плечо саблю, которой отрубил головы троем великанам, вошел в домик и велел подать себе что-нибудь закусить. Увидя красивую девушку, он обрадовался, а была она и вправду писаная красавица.

Спросила она у него, откуда он и куда направляется; он сказал ей:

— Я странствую по свету.

Спросила она, откуда у него эта сабля, ведь на ней вырезано имя ее отца.

А он говорит:

— А не дочь ли ты короля?

— Да, — отвечала она.

— Этой саблей, — сказал он, — я отрубил головы троем великанам, — и он достал из сумки в знак доказательства их языки; потом он показал ей туфлю, кусок платка и кусок рубашки. Тут обрадовалась она очень и сказала, что он и есть тот самый, кто ее спас. И они отправились вместе к старому королю и привели его в лес; повела она короля к себе в горницу и сказала ему, что вот этот, мол, охотник и спас ее от великанов. Как увидел король все знаки доказательства, он уж сомневаться в этом не мог, и сказал, что ему радостно знать, как все это случилось, и что теперь может охотник на ней жениться;

и девушка обрадовалась этому от всего сердца. Потом они переодели его, будто он знатный иноземный вельможа, и велел король устроить свадебный пир. Когда гости стали садиться за стол, военачальника посадили по левую руку от королевны, а охотника по правую; и военачальник подумал, что это, должно быть, явился в гости какой-то иноземный вельможа. Вот поели они, попили, и говорит тогда старый король военачальнику, что он загадает ему загадку, которую тот должен разгадать:

— Если кто говорит, что будто убил трех великанов, но, будучи спрошен, где ж их языки, ответит, что у тех великанов языков во рту не было, то как это понять?

Военачальник ответил:

— Значит, что их вовсе и не было.

— Нет, — сказал король, — у каждой живой твари язык имеется.

Стал он спрашивать его дальше: а чего, мол, заслуживает тот, кто стал бы ему перечить?

Ответил военачальник:

— Надо того изрубить на куски.

И сказал король, что он сам себе вынес приговор, — и посадили военачальника в темницу, четвертовали его, а королевну выдали замуж за охотника. После того привез охотник в замок своих отца и мать, и стали они жить счастливо и радостно у своего сына; а после смерти старого короля получил охотник все королевство.

НАСТОЯЩАЯ НЕВЕСТА

Жила когда-то на свете девушка, была она молодая и красивая. Мать у нее умерла рано, и мачеха всячески ее обижала и преследовала. Когда мачеха поручала ей работу, то какой бы ни была она трудной, девушка за нее бралась и исполняла все, что было в ее силах. Но этим она не могла тронуть сердце злой женщины: та всегда была недовольна и все ей было мало. Чем прилежней девушка работала, тем больше ей поручали, и мачеха только о том и думала, как бы это ее побольше нагрузить работой и сделать ей жизнь возможно тягостней.

Как-то раз мачеха ей и говорит:

— На тебе двенадцать фунтов перьев, ты должна их мне обобрать, и если нынче к вечеру ты с этим не справишься, то смотри, будешь бита как следует. Ты думаешь, весь день можно лентяйничать?

Уселась девушка за работу, но лились по щекам у нее слезы: она знала наперед, что закончить всю работу за день все равно невозможно. Вот лежит перед ней ворох перьев, она то вздохнет, то стиснет от страха руки, и разлетятся перья, и надо ей снова их собирать и начинать все сызнова. Оперлась она локтями на стол, закрыла руками лицо и воскликнула:

— Неужто нет никого на божьем свете, кто надо мной бы сжалился? — И вот услышала она чей-то нежный голос, и молвил он ей:

— Дитя мое, успокойся, я пришла тебе помочь.

Подняла девушка голову, видит — стоит около нее старуха. Она ласково взяла девушку за руку и сказала:

— А ты Расскажи мне все, что тебя огорчает.

А так как та обратилась к ней ласково, то и рассказала ей девушка про свою горестную жизнь: что поручают ей, мол, одну за другой тяжелую работу и что не может она никак с той работой управиться.

— Вот как не управляюсь я нынче к вечеру с этими перьями, то мачеха меня избьет, — она мне грозилась, и я знаю, что слово свое она сдержит.

Потекли у девушки снова слезы, но добрая старуха сказала:

— Не беспокойся, дитя мое, отдохни, а я тем временем твою работу сделаю.

Легла девушка в постель и вскоре уснула. А старуха под села к столу, где лежали перья, и — ах! как начал облетать с них пух, — а она еле-еле притрагивалась к ним своими худыми пальцами. И обобрала она вскоре все двенадцать фунтов перьев. Проснулась девушка, глядь — лежат большие белоснежные груды пуха, в комнате все прибрано чисто и старухи уж нету. Поблагодарила девушка Бога, сидит себе тихонько, вечера дожидается. Вошла мачеха и удивилась, что вся работа выполнена.

— Вот видишь, Трулле, — сказала она, — как можно много сделать, ежели быть прилежной. Но разве нельзя было принятьсь потом за какую-нибудь другую работу? А ты вот сидишь сложа руки.

Вышла мачеха из комнаты и говорит:

— Эта тварь могла бы заработать побольше, чем на хлеб, надо ей будет поручить работу потяжелей.

На другое утро кликнула она девушку и говорит:

— На тебе ложку и вычерпай ею большой пруд, что около сада. А ежели к вечеру с этим делом не справишься, то ты знаешь сама, что будет тебе за это.

Взяла девушка ложку, видит — вся она дырявая, да если и была бы она целая, то все равно никогда бы ей пруда той ложкой не вычерпать. Принялась она немедленно за работу, стала на колени у самой воды, льются у девушки слезы, но начала она воду черпать. Вдруг явилась снова добрая старуха, довелась про ее горе и говорит:

— Утешься, дитя мое, ступай в кусты да ложись и поспи себе там, а я уж твою работу выполню.

Осталась старуха одна, и только к пруду дотронулась, как поднялась вода, словно пар, ввысь и с облаками смешалась. Мало-помалу пруд обмелел. Проснулась девушка перед заходом солнца, подошла к пруду и видит на том месте одних только рыб, что в тине барахтаются. Пошла она к мачехе и показала ей, что работу она свою исполнила.

— Тебе давно бы пора эту работу закончить, — сказала мачеха, а сама от досады вся побледнела и надумала кое-что другое.

Вот и говорит она на третье утро девушке:

— Ты должна мне в той вон долине замок красивый выстроить; да смотри, чтоб к вечеру был он готов.

Испугалась девушка и говорит:

— Как же я смогу сделать такую большую постройку?

— Не люблю, когда мне перечат! — крикнула мачеха. — Могла дырявой ложкой пруд вычерпать, можешь и замок построить! Я сегодня же хочу в нем поселиться, и ежели будет там чего не доставать, хотя бы самой небольшой мелочи на кухне или в подвале, то ты ведь знаешь, что будет тебе за это.

Прогнала она девушку из дома, и когда та пришла в долину, лежали там кучами одни только огромные валуны: даже собрав все свои силы, она не смогла бы ни одного из них сдвинуть. Села девушка на землю и заплакала, но она

надеялась на помощь доброй старухи. А та долго ждать себя не заставила, пришла и говорит ей в утешение:

— А ты ложись в тень да поспи, я уж тебе замок построю. Если тебе это будет на радость, то можешь в нем и жить.

Когда девушка ушла, прикоснулась старуха к серым валунам. И они тотчас задвигались, сомкнулись и стали так, будто какие-нибудь великаны стену воздвигли; потом стало строиться и здание, и было похоже, будто бесчисленные руки работают незримо и укладывают камень на камень. Дрожала земля, большие столбы сами собой воздвигались вверх и становились в порядке один за другим. Укладывалась на крыше, как должно, черепица, и когда наступил полдень, наверху башни уже вертелась большая флюгарка в виде золотой девушки в развевающейся одежде. А к вечеру была закончена отделка и внутренних покоев замка. Как все это умудрилась сделать старуха, не знаю, но были стены комнат шелком и бархатом обтянуты, и стояли пестротканые стулья, а у мраморных столов богато украшенные кресла; хрустальные люстры свешивались с верхних ярусов и отражались на гладком полу; сидели зеленые попугаи в золотых клетках, прекрасно распевали разные диковинные птицы, и все было полно великолепия и пышности, будто здесь должен был поселиться какой-нибудь король. Когда девушка проснулась, солнце собиралось уже заходить, и перед ее глазами сверкал блеск тысяч свечей. Она быстрыми шагами подошла ближе и вступила через открытые ворота в замок. Лестница была покрыта красным сукном, а у золотых перил стояли цветущие деревья. Как увидела девушка всю роскошь комнат, так и застыла от удивленья. Кто знает, как долго стояла бы она, если бы не вспомнила о мачехе. «Ах, — молвила девушка про себя, — если бы, наконец, она осталась этим довольна и перестала бы меня мучить!» Пошла девушка и объявила мачехе, что замок уже готов.

— Я тотчас там и поселюсь, — сказала мачеха, поднимаясь со своего кресла.

Когда она вошла в замок, ей пришлось заслонить рукой глаза, так ослепило ее сиянье.

— Вот видишь, — обратилась она к девушке, — как все это было для тебя легко, надо было тебе поручить что-нибудь потруднее.

Она обошла все комнаты и заглянула во все уголки, может, чего не хватает, но ничего такого она выискать не могла.

— А теперь давай спустимся вниз, — сказала она, посмотрев на девушку злыми глазами, — ведь кухня и погреб еще не осмотрены, и если ты что позабыла, то не уйти тебе от наказания.

Но в плите горел огонь, в горшках варилась разная пища, щипцы и ухват стояли у печки, а вдоль стен была расставлена на полках блестящая утварь из желтой меди. Все было тут, даже совок для угля и ведро для воды.

— А где вход в подвал? — спросила мачеха. — Если он не уставлен богато винными бочками, то плохо тебе придется.

Она подняла сама тяжелый люк и спустилась по лестнице вниз; но только ступила она два шага, как тяжелая дверь упала — она была едва прислонена. Услыхала девушка крик, быстро подняла люк, чтоб помочь ей, и вдруг видит, что лежит мачеха мертвая на земле в подвале.

И вот принадлежал теперь великолепный замок только одной девушке. На первых порах она не могла свыкнуться со своим счастьем; в шкафах висели прекрасные платья, а лари и сундуки были полны золота и серебра или жемчугов и драгоценных камней, и нельзя было придумать такого желанья, которое не могло бы исполниться. И разошлась вскоре молва про красоту и богатство девушки по всему свету. Что ни день, являлись к ней женихи, но ни один из них ей не нравился. Явился, наконец, сын одного короля, он сумел тронуть ее сердце, и она с ним обручилась. Росла в замковом саду зеленая липа, и сидели они однажды под липой вдвоем, и он сказал ей:

— Я собираюсь поехать домой, чтоб получить у отца согласие на наш брак; подожди меня здесь, под этой липой, через несколько часов я вернусь назад.

Девушка поцеловала его в левую щеку и сказала:

— Будь мне верен, да смотри, чтоб никто не целовал тебя в эту щеку. Я буду тебя дожидаться под липой, пока ты не вернешься.

Осталась девушка сидеть под липой, пока не зашло солнце, но жених назад не вернулся. Она просидела целых три дня с утра до самого вечера и ждала его, но напрасно. Когда он не вернулся и на четвертый день, она сказала:

— Пожалуй, с ним случилось какое-нибудь несчастье. Я пойду его искать, и до той поры не вернусь, пока его не найду.

Она уложила в платок три прекрасных платья — одно с вытканными на нем сияющими звездами, второе с серебряными лунами и третье с золотыми солнцами, — увязала в платок целую пригоршню драгоценных камней и отправилась в путь-дорогу.

Она всюду спрашивала про своего жениха, но никто его не видал, никто ничего о нем не знал. Обошла она дальние земли, по всему свету странствуя, но его не нашла. Нанялась она, наконец, к одному крестьянину в пастушки, а платья свои и драгоценные камни закопала в платке под камнем.

Она стала теперь пастушкой, пасла свое стадо, грустила и тосковала по своему возлюбленному. Был у нее теленочек, он к ней привык, кормился у нее с руки, и когда она говорила:

На колени стань, мой миленький телок,
Не забудь свою пастушку долгий срок,
Как забыл вон королевич про невесту,
Что сидела с ним под липою все вместе, —

становился теленочек на колени, и она его гладила.

Прожила она так несколько лет в одиночестве и горе, и вот разошелся по той земле слух, что собирается дочь короля праздновать свадьбу. А дорога в город проходила мимо деревни, где жила девушка, и случилось так, что, когда она гнала однажды свое стадо в поле, проезжал в это время жених. Он гордо сидел на коне и даже на нее не глянул; но она посмотрела на него и узнала в нем своего возлюбленного. И точно острым ножом полоснуло ее по сердцу. «Ах, — сказала она, — я думала, что он останется мне верным, а он меня позабыл!»

На другой день жених проезжал той же дорогой. Когда он находился от нее вблизи, она сказала теленочку:

На колени стань, мой миленький телок,
Не забудь свою пастушку долгий срок,
Как забыл вон королевич про невесту,
Что сидела с ним под липою все вместе.

Услыхал он голос, глянул вниз и придержал коня. Посмотрел он в лицо пастушки, приложил руку ко лбу, будто собираясь что-то припомнить, но быстро помчался дальше и вскоре скрылся из вида.

«Ах, — сказала она, — он меня не узнает!» — и она загрустила еще больше.

Вскоре после того при королевском дворе должны были целых три дня подряд праздновать пышный праздник, на который была приглашена вся земля. «Попытаю последнее средство», — подумала девушка.

С наступлением вечера она направилась к камню, где были зарыты ее драгоценности. Достала она платье с золотыми солнцами, надела его и украсила себя драгоценными камнями. Волосы, которые она прежде прятала под платком, она распустила, они падали вниз длинными локонами, и она направилась в город, и в темноте ее никто не заметил. Она вошла в ярко освещенный зал, и все в удивленье расступились перед ней, но никто не знал, кто она такая. Вышел навстречу ей королевич, но ее не узнал. Он повел ее танцевать и был так восхищен ее красотой, что про свою невесту и думать позабыл. Когда кончился праздник, она исчезла в толпе и поспешила до рассвета вернуться в деревню, где одела снова свое пастушеское платье.

На другой вечер она достала платье с серебряными лунами и украсила волосы полумесяцем из драгоценных камней. Когда она явилась на праздник, все взоры были обращены на нее, и королевич поспешил ей навстречу; охваченный любовью, он танцевал только с ней одной и не глядел ни на кого из девушек. Но прежде чем уйти, она должна была ему пообещать явиться на праздник еще раз, в последний вечер.

Пришла она в третий раз, было на ней звездное платье, и сверкало оно при каждом движении; повязка на голове у нее и пояс были тоже все в звездах

*На другой вечер она достала платье с серебряными лунами
и украсила волосы полумесяцем из драгоценных камней.*

из драгоценных камней. Уже долго дожидался ее королевич и бросился к ней навстречу.

— Ты мне только скажи, кто ты? — спросил он ее. — Мне кажется, что будто я давным-давно тебя знаю.

— А разве ты позабыл, что я сделала, когда ты со мной расставался?

И он подошел и поцеловал ее в левую щеку; и в этот миг будто пелена спала у него с глаз, и он узнал свою настоящую невесту.

— Идем, — сказал он ей, — мы здесь не останемся, — он подал ей руку и повел ее в карету.

Точно запряженные вихрем, мчались кони к чудесному замку. Уже издали поблескивали освещенные окна. Когда они проезжали мимо липы, вокруг нее поднялось множество светлячков и она замахала своими ветвями и начала благоухать. На лестнице зацвели цветы, из комнаты доносилось пение диковинных птиц, а в зале собрался весь двор и ожидал священник, чтоб обвенчать жениха с настоящей невестой.

ДВЕНАДЦАТЬ БРАТЬЕВ

Жили когда-то король и королева; они жили между собой в мире и согласии, и было у них двенадцать детей, но все одни только мальчики. Вот и говорит раз король своей жене:

— Если тринадцатый ребенок, которого ты родишь, будет девочкой, то двенадцать мальчиков надо будет убить, чтобы у нее и богатства было больше и чтобы ей одной досталось все королевство.

И велел король сделать двенадцать гробов, наложить в них стружек, и лежало в каждом по маленькой подушечке; эти гробы были поставлены в потайной комнате, а ключ от нее он отдал королеве и велел ей никому о том не рассказывать.

И сидела мать день-деньской такая грустная и печальная, что младший ее сын, бывший всегда при ней неотлучно, которого она назвала, по-библейски, Вениамином, стал ее спрашивать:

— Милая матушка, отчего ты такая печальная?

— Милое дитяtko, — ответила она, — я об этом сказать тебе не могу. — Но он не давал ей покоя, пока она не пошла и не открыла комнату и не показала ему двенадцать готовых и наполненных стружками гробов. И сказала она:

— Мой милый Вениамин, эти гробы твой отец велел приготовить для тебя и твоих одиннадцати братьев. Если у меня родится на свет девочка, то все вы будете убиты и в них похоронены.

Она рассказывала ему об этом со слезами на глазах, а сын ее утешал и говорил:

— Не плачь, милая матушка, мы что-нибудь да придумаем и отсюда уйдем.

— Уходи вместе со своими одиннадцатью братьями в лес, пускай кто-нибудь из вас взберется на самое высокое дерево и все время стоит там на страже и смотрит на башню нашего замка. Если родится у меня сыночек, я подыму белый флаг, — и вы можете тогда вернуться; а родится у меня дочка, я подыму красный флаг, — тогда вы убегайте как можно быстрее, и да хранит вас Господь Бог. Каждую ночь я буду вставать и за вас молиться: зимой — чтобы вы согрелись где-нибудь у костра, а летом — чтобы не погибли от зноя.

Она благословила своих сыновей, и они ушли в лес. Каждый из них стоял по очереди на страже на высоком дубу и глядел на замковую башню.

Так прошло одиннадцать дней, и настал черед стоять на страже Вениамину; и увидел он, что поднят на башне флаг; но флаг был не белый, а красный как кровь, и он предвещал, что всем им придется погибнуть. Услыхав об этом, братья разгневались и сказали:

— Неужто мы должны погибнуть из-за какой-то девочки! Поклянемся за это отомстить! Где только ни встретим мы девочку, пусть прольется ее красная кровь!

Затем они двинулись дальше, в самую чащу лесную, туда, где было еще темнее и глуше; и нашли они там небольшую заколдованную избушку, и она стояла пустая. И они сказали:

— Мы поселимся здесь; ты, Вениамин, как самый младший и самый слабый, будешь оставаться дома и вести хозяйство, а мы будем ходить на охоту и добывать пищу.

И они ходили в лес, били зайцев, диких косуль, птиц и голубей — все, что в пищу годилось, и приносили домой свою добычу Вениамину, и он должен был готовить еду, чтобы они не голодали. И прожили они в той избушке целых десять лет, и время пролетело совсем незаметно.

А дочь, которую родила королева, за это время успела вырасти; была она сердцем добрая, лицом красивая, и была на лбу у нее золотая звезда.

Однажды в замке стирали белье, и она заметила двенадцать мужских рубашек и спросила у матери:

— Чьи это рубашки, на отца ведь они слишком малы?

Ответила ей мать с тяжелым сердцем:

— Милое дитя, это рубашки твоих двенадцати братьев.

Девушка спросила:

— А где же мои двенадцать братьев, я никогда о них ничего не слыхала.

— Бог весть, где странствуют они теперь по свету, — ответила мать и привела дочь к потайной комнате, открыла ее и показала ей двенадцать наполненных стружками гробов и маленькие подушечки.

— Эти гробы, — сказала она, — были приготовлены для твоих братьев, но они тайно ушли из замка, когда ты родилась, — и она рассказала ей, как все это произошло.

Девушка сказала:

— Не плачь, милая матушка, я пойду и разыщу своих братьев.

Она взяла двенадцать рубашек и ушла. Попала она как раз в тот самый дремучий лес. Шла она целый день и под вечер подошла к заколдованной избушке. Она вошла и увидела там мальчика, он спросил у нее:

— Ты откуда пришла и куда идешь? — Он удивился, что она такая красивая, что на ней королевское платье, а на лбу золотая звезда.

— Я королевна, — ответила она, — ищу своих двенадцать братьев и буду искать их повсюду на свете, где есть только синее небо, пока не найду их.

И она показала ему двенадцать рубашек, которые принадлежали ее братьям. И понял тогда Вениамин, что это его сестра, и сказал:

— Я твой младший брат Вениамин.

Она от радости заплакала, и Вениамин тоже, и стали они целовать и обнимать друг друга. И он сказал:

— Милая сестрица, я должен тебя предупредить, что мы с братьями поклялись убивать всякую девушку, какую встретим, потому что из-за девушки мы должны были покинуть свое королевство.

— Что ж, я охотно умру, — сказала она, — если этим смогу спасти своих двенадцать братьев.

— Но я не хочу, — ответил он, — чтобы ты умерла, спрячься вот в этот чан, пока не придут одиннадцать братьев, а я уж как-нибудь их отговорю.

Она так и сделала. Когда наступила ночь, братья вернулись с охоты, и был готов для них ужин. Они сели за стол, начали есть, и спрашивают Вениамина:

— Ну, какие у тебя новости?

— А разве вы ничего не знаете? — сказал Вениамин.

— Нет, — ответили они.

А он продолжал:

— Вы были в лесу, а я оставался дома, но знаю больше, чем вы.

— Так расскажи нам.

— Хорошо, — сказал он, — только пообещайте мне, что первую девушку, какую мы встретим, убивать не станем.

— Да, — воскликнули они, — мы ее помилуем, только расскажи нам все.

И он сказал:

— А наша сестра здесь.

Он поднял чан, и вот вышла оттуда королева в своей королевской одежде, с золотой звездой на лбу; и была она так прекрасна, нежна и мила. Они все обрадовались, кинулись к ней на шею, стали ее целовать и полюбили ее от всего сердца.

И осталась она вместе с Вениамином в избушке и стала помогать ему по хозяйству. Одиннадцать братьев ходили в лес, ловили диких коз, птиц и голубей, чтобы было что есть, а сестра с Вениамином готовили пищу. Она ходила собирать хворост, чтобы было на чем варить еду, а вместо овощей собирала разные травы и ставила в печь горшки, чтобы к приходу одиннадцати братьев приготовить им ужин. Она следила в избушке за чистотой и порядком, убирала постельки, чтобы были они чистые и свежие; и братья были всегда довольны и жили с ней все очень и очень дружно.

Однажды Вениамин вместе с сестрой приготовили прекрасный обед, и когда все собрались, они сели за стол, ели и пили и были радостные и веселые.

Но рядом с заколдованной избушкой был маленький садик, и росло в нем двенадцать лилий, что зовутся также «студентами»; и вот захотелось ей сделать братьям приятное, она сорвала двенадцать лилий, чтобы подарить каждому брату после обеда по цветку. Но только сорвала она лилии — и вмиг обратились двенадцать братьев в двенадцать воронов; они поднялись над лесом и улетели, а заодно исчезли избушка и сад.

И осталась бедная девушка одна-одинешенька в диком лесу. Огляделась она, видит — стоит перед ней старуха и говорит:

— Что ж ты, дитяtko мое, наделала? Зачем сорвала двенадцать белых лилий? Это ведь были твои братья, теперь они навек обращены в воронов.

Начала девушка, плача, ее спрашивать:

— А нет ли какого средства их спасти?

— Нет, — сказала старуха, — есть одно средство на свете, но это так трудно, что спасти их ты все равно не сможешь: надо целых семь лет молчать, нельзя ни смеяться, ни говорить; а если ты вымолвишь хоть одно слово или до исполнения срока не достанет хотя бы одного часа, то все тогда пропадет, и одно твое слово убьет твоих братьев.

Подумала девушка: «Я знаю наверняка, что освобожу своих братьев». И она пошла, разыскала высокое дерево, взобралась на него и начала пряхть там пряжу; она не говорила и не смеялась.

И случилось так, что охотился в ту пору как раз в этом самом лесу король, и была у него большая борзая; подбежала она к дереву, на котором сидела девушка, и стала вокруг него прыгать, визжать и лаять. Подъехал король к дереву, увидел прекрасную королевну с золотой звездой на лбу и был так восхищен ее красотой, что спросил ее, не хочет ли она стать его женой. Она ничего не ответила, только слегка головой кивнула. Тогда он взобрался на дерево, снял ее оттуда, посадил на коня и привез к себе домой. И они отпраздновали на радостях пышную свадьбу. Но невеста не говорила ни слова и не смеялась.

Вот прожили они уже вместе два года в радости и довольстве, и начала тогда мать короля, — а была она женщина злая, — клеветать на молодую королевну; и сказала она однажды королю:

— Да ведь это простая нищенка, которую ты привез с собой, и почем знать, какими злыми делами она занимается втайне от тебя. Если она немая, то могла бы хоть раз засмеяться; а кто никогда не смеется, совесть у того нечиста.

Король верить этому сначала не хотел, но старуха все настаивала на своем, обвиняла королевну в разных недобрых делах и, наконец, короля убедила; и вот он приговорил ее к смерти.

Уже развели во дворе большой костер, на котором должны были ее сжечь. И стоял король на башне у окна и смотрел со слезами на глазах: он по-прежнему крепко любил королевну. Вот привязали ее к столбу, и стал огонь уже лизать красными языками ее одежду, — и случилось это как раз в тот миг, когда минуло семь лет. И вдруг послышался в воздухе шум крыльев, — прилетели двенадцать воронов и опустились на землю; и только коснулись они земли, как снова обернулись двенадцатью братьями, которых она спасла. Они разбросали огонь, потушили пламя, освободили свою любимую сестру и стали ее целовать и прижимать к сердцу.

И теперь, когда она могла уже заговорить, она рассказала королю, почему она все время молчала и никогда не смеялась. Узнав, что она ни в чем не повинна, король обрадовался, и стали они жить да поживать в согласии до самой смерти. А злую свекровь привели на суд и посадили ее в бочку с кипящим маслом и ядовитыми змеями, и погибла она лютой смертью.

ТРИ ПРЯХИ

Жила-была девушка, ленивица да прясть не охотница; и что ей мать ни говорила, а заставить ее работать никак не могла.

Вот, наконец, у матери терпенья не стало, разгневалась она и побила свою дочь, а та и разревелась вовсю. А как раз в это время проезжала мимо королева; услышала она плач, велела остановить карету, вошла в дом и спрашивает у матери, за что та бьет свою дочь так, что слышен крик даже на улице.

Стыдно было женщине рассказывать, что дочка у ней такая ленивая, и она сказала:

— Да вот никак не могу оторвать ее от прялки, у нее все охота прясть да прясть, а мне-то, по бедности, откуда достать столько льна?

И сказала королева:

— Нет для меня ничего приятней, как слышать, когда прядут, и нет ничего мне милее, когда жужжат веретена. Отдайте мне дочь свою в замок, льна у меня достаточно, и пусть себе прядет, сколько ей вздумается.

Мать была этому рада, и королева забрала девушку с собой. Вот прибыли они в замок, повела королева ее наверх и показала три светелки, а набиты они были сверху донизу самым отборным льном.

— Вот этот лен ты мне и перепряди, — сказала она. — Коль справишься с этой работой, я выдам тебя замуж за старшего своего сына. Я не посмотрю на то, что ты девушка бедная, твое усердие будет вместо приданого.

Испугалась девушка: ведь она не могла перепрясть столько льна, даже если бы сидела над пряжей каждый день с утра и до вечера целых триста лет.

Осталась она одна и стала плакать и просидела так, сложа руки, целых три дня. А на третий день пришла королева и, увидев, что девушка ничего не напрядла, удивилась, но та ей объяснила, что не могла начать работать, тоскуя по материнскому дому. Королева этим объяснением удовлетворилась, но, уходя, сказала:

— Ну, завтра, смотри, за работу принимайся.

И осталась девушка опять одна, и, не зная, что ей начать, что и придумать, подошла в горе к окошку. Она увидела, что идут три женщины: и была у одной из них ступня широкая, а у другой такая толстая нижняя губа, что прямо вся к подбородку свисала, а у третьей был широкий большой палец.

Остановились они у окошка, посмотрели наверх и спросили девушку, чего ей не хватает. Она стала жаловаться на свое горе; и вот предложили они ей помочь и сказали:

— Если ты пригласишь нас на свадьбу и нас стыдиться не будешь, а станешь называть нас своими тетушками и к себе за стол посадишь, то мы весь лен тебе перепрядем, и сделаем это быстро.

— Я буду очень рада, — ответила она, — входите и принимайтесь скорей за работу.

Она впустила трех диковинных женщин и освободила для них место в первой светелке. Они сели и начали прясть. Одна тянула нитку и вертела колесо, другая ее смачивала, а третья сучила и пальцем о стол постукивала, — и падал ворох пряжи наземь, и была пряжа самой тонкой работы. Девушка скрывала от королевы этих трех прях, и когда та приходила, показывала ей целый ворох

готовой пряжи, и похвалам королевы не было конца. Когда в первой комнате льна уже не хватило, они перешли во вторую, наконец — в третью, а вскоре и в этой льна больше не хватило.

Потом три женщины попрощались и напомнили девушке:

— Смотри же, не забудь, что нам обещала; и будет тебе счастье!

Девушка показала королеве пустые комнаты и большую груду пряжи, и та стала готовить ей свадьбу; и радовался жених, что женится на такой искусной и прилежной девушке, и всячески ее расхваливал.

— Есть у меня три тетки, — сказала девушка, — они мне сделали много добра, и я не хотела бы позабыть о них в своем счастье, — так вот, дозвоьте мне пригласить их на свадьбу и посадить рядом с собой за стол.

Королева и жених отвечали:

— Ну, конечно, мы разрешаем!

И вот, когда начался свадебный пир, вошли во дворец три женщины в странном одеянии, а невеста им и говорит:

— Добро пожаловать, милые тетушки!

— Ах, — говорит жених, — как ты можешь дружить с такими противными бабами? — И он подошел к той, у которой была широкая ступня, и спрашивает:

— Отчего это у тебя такая широкая ступня?

— От работы на прялке, — ответила она, — от работы на прялке.

Потом подходит жених ко второй и спрашивает:

— Отчего это у тебя губа такая отвисшая?

— Оттого, что лен смачивала, — ответила она, — оттого, что лен смачивала!

Спросил он третью:

— Отчего у тебя палец такой широкий?

— Оттого, что нитки сучила, — ответила она, — оттого, что нитки сучила!

Испугался тогда королевич и говорит:

— С этой поры никогда моя милая невеста не должна к прялке и близко подходить.

Так избавилась она от ненавистной ей пряжи.

ЗВЕЗДНЫЕ ТАЛЕРЫ

Жила-была маленькая девочка. Отец и мать у нее умерли, и была она такая бедная, что не было у нее даже каморки, где жить, и кровати, где спать. Наконец осталось у нее одно только платье, что на ней было, и кусочек хлеба в руке, который ей подала какая-то жалостливая душа. Но была она добрая и скромная. И оттого, что была она всем миром покинутая, вышла она, полагаясь на волю Господню, в поле. Встретился ей на дороге бедняк и говорит:

— Ах, дай мне чего-нибудь поесть, я так проголодался.

Она отдала ему последний кусочек хлеба и сказала:

— На здоровье, — и пошла дальше.

Шел по дороге ребенок, он жалобно плакал и сказал:

— Холодно моей голове, подари мне что-нибудь, чем бы я мог ее покрыть.

Сняла она свою шапочку и отдала ему. Прошла она еще немного, и повстречался ей опять ребенок, не было на нем ничего, и весь он дрожал от холода, — и она отдала ему свое платье. А потом попросил у нее другой ребенок юбочку, и отдала она ему юбочку. Наконец пришла она в лес, а уже совсем стемнело, и явился еще ребенок, попросил у нее рубашечку. И добрая девочка подумала: «Ночь темная, меня никто не увидит, — можно, пожалуй, отдать и рубашку», — и сняла она рубашку, отдала и ее. И вот стоит она, и нет у нее ничего больше, и вдруг стали падать звезды с неба, а были то не звезды, а новехонькие блестящие талеры; и хотя она отдала свою последнюю рубашку, но появилась на ней новая, да притом из самого тонкого льна. И подобрала она в подол талеры, и хватило их ей на всю жизнь.

ЛЕСНАЯ СТАРУХА

Раз проезжала одна бедная служанка со своими господами через дремучий лес; и вот, когда они находились в самой его середине, выскочили вдруг из лесной чащи разбойники и поубивали всех, кого удалось им схватить. И погибли все, — только одна девушка и успела, выскочив со страху из кареты, спрятаться за деревом. Когда разбойники ушли со своей добычей, она вышла из-за дерева и увидала, какое несчастье случилось. Заплакала она горькими слезами и говорит: «Что же мне теперь, бедной, делать? Не знаю я, как мне из лесу выбраться, ведь тут ни одной живой души не найти, видно, придется мне с голоду пропадать». Вот пошла она искать дорогу, но найти ее не могла, а между тем уже за вечерело, и села она под деревом, отдав себя на волю Господню, и решила так здесь и сидеть и никуда не уходить, что бы там ни случилось. Вот сидит она, и вдруг прилетает к ней белый голубок, держа в клюве маленький золотой ключик. Положил он ей ключик в руку и молвил:

— Видишь, вон стоит большое дерево, есть в нем замочек, ты отомкни его этим ключиком, и найдешь там много всякой еды, и не придется тебе тогда голодать.

Подошла девушка к дереву, открыла его тем ключиком и нашла в маленькой мисочке молоко и белый хлеб; накрошила она его в молоко, поела и выпила, наелась досыта и говорит:

— Время уже такое, что и куры на насест садятся, а я утомилась, вот пора бы и мне тоже лечь в свою постель.

И прилетел снова белый голубок, и принес в клюве второй золотой ключик, и молвил:

— Отомкни вон то дерево, и найдешь ты в нем себе постель.

Отомкнула она дерево и нашла хорошую, мягкую постельку. Помолилась она Богу, чтоб охранял он ее в ночи, и легла она и уснула. Прилетает наутро в третий раз голубок, приносит ей снова ключик и говорит:

— Отомкни вон то дерево, и найдешь ты в нем платье.

Отомкнула она дерево и нашла в нем шитые золотом и украшенные драгоценными камнями платья, каких не найти ни у одной королевны. Так и жила она там до поры до времени, и прилетал всякий день голубок и доставлял ей все, что было ей надо; и то была тихая, хорошая жизнь.

Но прилетел раз голубок и спрашивает:

— Согласна ли ты оказать мне одну услугу?

— Да, я охотно окажу тебе услугу, — сказала девушка.

И молвил тогда голубок:

— Я поведу тебя к небольшой избушке, ты войди в нее и увидишь там у очага старуху; она скажет тебе «здравствуй», но ты ей не отвечай, что бы она ни делала; по правую руку от нее будет дверь, ты открой ее и войди в комнату; будет лежать там множество разных колец, и будут среди них великолепные кольца с блестящими камнями, но ты их не трогай, а выбери себе самое простое и принеси его мне как можно скорей.

Пошла девушка к избушке, подошла к двери, видит — сидит там старуха; удивилась она, увидав девушку, и говорит:

— Здравствуй, дитя мое, — но та ей ничего не ответила и пошла прямо к двери.

— Ты куда? — крикнула старуха, схватила ее за юбку и хотела было удержать. — Это мой дом, сюда против моей воли никто входить не смеет.

Но девушка, не сказав ни слова, вырвалась от нее и вошла прямо в комнату. И лежало там на столе великое множество разных колец, они сияли и сверкали; и стала девушка рыться в груде колец, ища самого простого, но такого она найти никак не могла. Вот ищет она кольцо и вдруг замечает, что старуха уходит, крадучись, из комнаты, держа в руках птичью клетку. Подошла тогда девушка к ней, взяла у нее из рук клетку, подняла ее, посмотрела, видит — сидит в ней птица и держит в клюве простое кольцо. Взяла девушка то кольцо, обрадовалась, бросилась из той избушки бежать, думая, что вот-вот прилетит за кольцом белый голубок; но он все не прилетал. Прислонилась тогда девушка к дереву и стала белого голубка дожидаться. Вот стоит она у дерева, и становится оно вдруг гибким и склоняет вниз свои ветки. И вдруг обвилились ветки вокруг нее, и стали они руками; оглянулась она, видит — обратилось дерево в прекрасного юношу, он обнял ее, нежно целуя, и сказал:

Вот стоит она у дерева, и становится оно вдруг гибким и склоняет вниз свои ветки. И вдруг обвились ветки вокруг нее, и стали они руками; оглянулась она, видит — обратилось дерево в прекрасного юношу, он обнял ее, нежно целуя.

— Ты освободила меня от заклятья и от власти старухи, злой ведьмы. Она обратила меня в дерево, но каждый день я бывал по нескольку часов белым голубем, и пока кольцо было у нее, я не мог вернуть свой человеческий облик.

И освободились от злого заклятья заодно и его слуги и кони, что были тоже обращены в деревья, — и стояли они теперь рядом с девушкой. А затем поехали они к нему в королевство, ведь был тот юноша королевичем, и поженились они и стали жить и поживать припеваючи.

МЕДВЕЖАТНИК

Жил-был однажды молодой парень; нанялся он в солдаты, и был храбрый и всегда первый там, где пули сыпались градом. Пока продолжалась война, все шло хорошо, но вот заключили мир, и получил солдат чистую отставку, и сказал капитан, что может он теперь отправляться куда ему вздумается. А отец и мать у солдата умерли, и не было у него теперь родного дома; вот и пошел он к своим братьям и попросил их ему помочь, пока начнется опять война. Но было у братьев сердце жестокое, и они сказали:

— Что нам с тобой делать? В работники ты нам не нужен; ты уж сам рассуди, как тебе на свете прожить.

А было у солдата всего одно лишь ружье, взял он его на плечи и решил идти куда глаза глядят. Подошел он к лесным местам, и куда ни глянешь — все одни деревья кругом стоят. Сел он под деревом, запечалился и стал про судьбу свою раздумывать. «Денег у меня нет, — подумал он, — обучен я одному лишь военному ремеслу, а сейчас мир заключен, и стал я никому не нужен; вижу наперед, что мне с голоду пропадать придется». Вдруг услышал он шум, огляделся, видит — стоит перед ним какой-то незнакомец, зеленый на нем камзол, выглядит на вид прилично; но вместо ноги у него грубое лошадиное копыто.

— Я уж знаю, чего тебе недостает, — сказал человек, — денег и добра будет у тебя вдоволь — столько, сколько донести будешь в силах; но надо мне сперва испытать, не будешь ли ты боязлив, а то зачем мне деньги свои давать понапрасну.

— Солдат и страх — это одно с другим не вяжется, — ответил солдат, — а впрочем, ты можешь меня испытать.

— Хорошо, — ответил человек, — оглянись-ка назад.

Обернулся солдат, видит — движется на него, рыча, большой медведь.

— Ого! — крикнул солдат. — Я тебя по носу пощечочу, и пропадет у тебя охота рычать! — Он приложил ружье и выстрелил прямо медведю в нос. Рухнул медведь на землю и не пошевельнулся.

— Я вижу, — сказал незнакомец, — храбрости у тебя достаточно; но есть у меня еще одно условие, и ты должен его выполнить.

— Если это мне не мешает остаться праведником, — ответил солдат, который прекрасно понял, с кем он имеет дело, — а то я ни за какие блага на свете не соглашусь.

— Это ты сам поймешь, — ответил зеленый камзол. — За эти семь лет ты не должен мыться, бороды и волос не причесывать, ногтей не обрезать и «Отче наш» не читать. Дам я тебе камзол и плащ, и будешь ты их это время носить. Если за эти семь лет ты умрешь, то будешь ты мой, а останешься в живых, будешь свободен, да к тому же всю свою жизнь богат.

Вспомнил солдат про свою большую нужду и что не раз приходилось ему со смертью встречаться, вот и решил он и на сей раз отважиться, — и согласился. Снял черт свой зеленый камзол, подал его солдату и сказал:

— Будешь этот камзол носить, и если сунешь руку в карман, будет в нем всегда денег полно.

Содрал он с медведя шкуру и говорит:

— Пусть она будет тебе вместо плаща и подстилки для сна: ты должен на ней спать и ни на какую другую постель не ложиться. По этой одежде будут тебя называть медвежатником. — С тем черт и исчез.

Натянул солдат камзол, мигом руку в карман сунул и глядь — дело вышло правильное. Накинул он на себя медвежью шкуру и пустился в путь-дорогу. В настроении он был хорошем и ничего не пропускал такого, что казалось ему приятным, ну и денег он не жалел, конечно. В первый год дела шли ничего, а на второй год он стал уже выглядеть, как чудовище. Волосы покрывали почти все лицо, борода была похожа на кусок грубого войлока, на пальцах отросли когти, а лицо было у него настолько покрыто грязью, что ежели бы посеять на нем салат, то он непременно взошел бы. Кто его видел, тот от него убегал, но так как он всюду раздавал деньги бедным людям и те за него молились, чтобы за эти семь лет он не помер, то он всегда находил себе пока что приют. На четвертом году он зашел как-то в харчевню, но хозяин не хотел его принимать и даже не пустил его и на конюшню, чтоб лошадей не испугать.

Но когда медвежатник полез в карман и достал полную пригоршню дука-тов, то хозяин смягчился и дал ему комнату во флигеле; однако он взял с него обещанье никому на глаза не показываться, — чтоб не пошла о его гостинице дурная молва.

Вот сидел медвежатник вечером один и от всего сердца желал, чтоб поскорей прошли эти семь лет. Вдруг услышал он в соседней комнате громкие стоны. А сердце было у него жалостливое, он открыл дверь и увидел какого-то старика, который плакал навзрыд и заламывал над головой руки. Подошел медвежатник поближе, но человек вскочил, собираясь убежать. Услышав человеческий голос, он смутился, но медвежатнику удалось ласковыми речами успокоить его, и тот объяснил ему причину своего горя. Старик рассказал, что он мало-помалу промотал свое имущество, и теперь ему с дочерьми приходится

...на второй год он стал уже выглядеть, как чудовище.

*Волосы покрывали почти все лицо, борода была похожа на кусок
грубого войлока, на пальцах отросли когти, а лицо было у него настолько
покрыто грязью, что ежели бы посеять на нем салат, то он непременно
взошел бы. Кто его видел, тот от него убегал...*

терпеть нищету, что он так беден, что даже не в состоянии расплатиться с хозяином гостиницы и должен быть за это посажен в тюрьму.

— Ежели в этом все ваше горе, — сказал медвежатник, — то денег у меня хватит.

Он велел позвать хозяина, уплатил ему и сунул в карман несчастному добавок еще полный кошелёк золота.

Старик понял, что он ото всех бед избавился, и не знал уж как его и отблагодарить.

— Пойдем вместе со мной, — сказал он ему, — у меня дочери красоты неописанной, выбирай себе одну из них в жены. Если дочь услышит, что ты для меня сделал, она отказываться не станет. Правда, вид у тебя несколько странный, но она уж тебя приведет в порядок.

Это медвежатнику очень понравилось, и он пошел вместе с ним.

Увидела его старшая дочь и, посмотрев на его лицо, так ужаснулась, что даже вскрикнула и убежала. А средняя хотя и осталась, но разглядывала его с ног до головы, а потом сказала:

— Как мне взять себе мужа, потерявшего человеческий облик? Мне бы уж больше понравился бритый медведь, которого я однажды видела и который выдавал себя за человека: на том по крайней мере была гусарская шинель и белые перчатки. Если бы он был только уродлив, то я могла бы к нему, пожалуй, привыкнуть.

Но самая младшая сказала:

— Милый батюшка, это человек, должно быть, хороший, раз он выручил вас из беды. Если вы за это пообещали ему невесту, то слово надо сдержать.

Жаль, что лицо у медвежатника было покрыто грязью и заросло волосами, а то можно было бы увидеть, как запрыгало сердце у него от радости, когда услышал он эти слова. Он снял кольцо с пальца, переломил его надвое, дал ей половину, а другую у себя оставил. И написал на ее половине свое имя, а на своей половине ее имя, и просил хранить бережно свою часть кольца. Он стал собираться в дорогу и сказал на прощанье:

— Мне надо странствовать еще три года, и если я не вернусь, то ты свободна и считай, что я умер. Но проси Господа Бога, чтоб он сохранил мне жизнь.

Оделась бедная невеста во все черное, и когда думала про своего жениха, у нее на глазах выступали слезы. От своих сестер терпела она одни только насмешки и издевательства. «Ты ж не забудь, — говорила старшая, — когда будешь протягивать ему руку, он ударит тебя лапой». «Берегись, — говорила средняя, — медведи — они любят сладкое; если ты ему понравишься, он тебя съест». «Ты всегда должна исполнять его волю, — продолжала старшая, — а не то начнет он рычать». А средняя говорила: «А свадьба-то будет какая веселая! Медведи — они здорово умеют плясать!»

Невеста молчала и сбить с толку себя не позволила. А медвежатник странствовал тем временем по свету из одного места в другое, где мог — делал лю-

ням добро и щедро помогал беднякам, чтоб они за него молились. Наконец, когда наступил последний день этих семи лет, он вышел снова в лес и сел под деревьями. Вскоре засвистел ветер, явился перед ним черт и поглядел на него с укоризной. Кинул ему потом старый камзол и потребовал у него назад свой зеленый.

— На этом дело еще не кончилось, — сказал охотник, — ты должен сначала меня помыть и почистить.

И хотелось ли черту или нет, а пришлось ему принести воды, обмыть медвежатника, волосы ему причесать и ногти обрезать. И стал он после того выглядеть, как храбрый воин, и стал куда красивей, чем прежде.

Черт, к счастью, убрался, и у медвежатника сделалось на сердце легко. Пошел он в город, заказал себе красивый бархатный камзол, сел в карету, запряженную четверкой сивых коней, и направился к дому своей невесты. Его никто не узнал, а отец принял за важного полководца и повел в комнату, где сидели его дочери. Вышло так, что усадили его как раз между двумя старшими; они налили ему вина, положили ему самые лучшие кушанья, порешив, что более красивого человека на свете им ни разу не приходилось видеть. А невеста, та сидела напротив него в черном платье. Она ни разу не глянула и слова не вымолвила. Наконец он спрашивает у отца, согласен ли тот выдать одну из своих дочерей за него замуж; тут вскочили обе старшие, убежали к себе в комнату, собираясь надеть самые роскошные платья; каждая из них воображала, что она и есть та самая, которую он избрал. Но только незнакомец остался наедине со своей невестой, тотчас достал половину кольца и бросил его в кубок с вином и подал ей через стол. Она взяла кубок, выпила и нашла на дне половину кольца, и сердце у ней так и забилося. Достала она другую половину кольца, которую носила на ожерелье, приложила ее к той, и оказалось, что обе части как раз пришлись одна к другой.

И сказал он:

— Я твой обрученный жених, которого ты видела в образе медвежатника; но по милости Божьей вернулся ко мне снова мой человеческий вид, и я стал опять чистым.

Он подошел к ней, обнял ее и поцеловал. Тем временем явились обе сестры в полном наряде, но, увидев, что красавец достался младшей, и узнав, что это был медвежатник, они в гневе и ярости выбежали из комнаты; и одна утопилась в колоде, а другая повесилась на дереве.

Вечером кто-то постучался в дверь; открывает жених и видит, что это черт в зеленом камзоле; и говорит черт:

— Вот видишь, теперь мне достались две души вместо твоей одной.

ОДНОГЛАЗКА, ДВУГЛАЗКА И ТРЕХГЛАЗКА

Жила-была женщина, и было у нее три дочери; старшую звали Одноглазкой, оттого что был у нее один только глаз на лбу; средняя звалась Двуглазкой, оттого что у нее, как и у всех людей, было два глаза; а младшую звали Трехглазкой, потому что было у нее три глаза, и третий был у нее посреди лба. И оттого, что Двуглазка выглядела так же, как и все остальные люди, сестры и мать очень ее не любили. Они ей говорили:

— Уж ты со своими двумя глазами никак не лучше простого люда, ты совсем не нашего роду.

Они постоянно толкали ее, давали ей платья поплоче, и приходилось ей есть одни только объедки, и они еще издевались над ней как только могли.

И вот пришлось Двуглазке однажды идти на поле пасти козу; но была Двуглазка очень голодна — поест дали ей сестры совсем мало. Села она на меже и заплакала, да так стала плакать, что полились у нее из глаз слезы ручьями. И вот в горе глянула она, вдруг видит — стоит перед ней женщина и спрашивает ее:

— Двуглазка, чего это ты плачешь?

Двуглазка говорит:

— Как же мне не плакать? Очень уж не любят меня мои сестры и мать за то, что у меня, как и у всех людей, два глаза; все толкают меня, дают мне donaшивать старые платья, и есть мне приходится только то, что от них остается. Сегодня дали они мне так мало поест, что я осталась совсем голодная.

И говорит ей ведунья:

— Двуглазка, вытри слезы, я скажу тебе такое слово, что отныне ты никогда не будешь голодная, — стоит тебе только сказать своей козе:

Козочка, ме-е,
Столик, ко мне! —

и будет стоять перед тобой чисто убранный столик с самыми прекрасными кушаньями на нем, и сможешь ты есть, сколько твоей душе будет угодно. А когда наешься ты досыта и столик будет тебе не нужен, то скажешь ты только:

Козочка, ме-е,
Столик, на место! —

и он снова исчезнет.

И сказав это, ведунья ушла. А Двуглазка подумала: «Надо будет сейчас попробовать, правда ли то, что она говорит, уж очень мне есть хочется», и сказала:

Козочка, ме-е,
Столик, ко мне!

И только вымолвила она эти слова, как стоял перед ней столик, накрытый белой маленькой скатертью, а на нем тарелка, нож и вилка, и серебряная ложка, а кругом самые прекрасные кушанья; и шел от них пар, и были они еще горячие, словно их только что принесли из кухни. Тогда Двуглазка прочитала самую короткую молитву, какую она знала: «Господи, не оставь нас во всякое время. Аминь», и села она к столу и стала есть. Наевшись досыта, она сказала, как научила ее ведунья:

Козочка, ме-е,
Столик, на место!

И вмиг исчез столик и все, что стояло на нем. «Славное, однако, хозяйство», — подумала Двуглазка, и стало ей хорошо и весело.

Вечером, возвратясь домой со своей козой, нашла она глиняную миску с едой, что оставили ей сестры, но она к ней и не прикоснулась. На другой день вышла она снова со своей козой в поле и не стала есть тех крох, что ей оставили. В первый и во второй раз сестры не обратили на это никакого внимания, но так как это случалось всякий раз, то, наконец, они это заметили и сказали: «Что-то неладное творится с нашей Двуглазкой: каждый раз она оставляет еду, а раньше ведь все съедала, что ей давали: она, должно быть, что-то придумала». И вот, чтобы узнать правду, было решено, что когда Двуглазка погонит козу на пастбище, с нею пойдет и Одноглазка, чтоб посмотреть, что она там делает и не приносит ли ей кто-нибудь еду и питье.

Собралась Двуглазка идти на пастбище, а Одноглазка подходит к ней и говорит:

— Я пойду с тобой вместе, посмотреть, хорошо ли ты пасешь козу, пасется ли она там как следует.

Но Двуглазка поняла, что задумала Одноглазка, загнала козу в высокую траву и говорит:

— Одноглазка, пойдем сядем, я тебе что-нибудь спою.

Села Одноглазка, устала она от непривычной ходьбы по солнцепеку, а Двуглазка запела:

Ты не спишь, Одноглазка?

Ты уж спишь, Одноглазка?

И закрыла свой глаз Одноглазка и уснула. Увидала Двуглазка, что Одноглазка крепко спит и узнать ничего теперь не сможет, и говорит:

Козочка, ме-е,
Столик, ко мне! —

и села она за столик, наелась-напилась досыта и молвила снова:

Козочка, ме-е,
Столик, на место!

И миг все снова исчезло. Разбудила тогда Двуглазка Одноглазку и говорит:

— Одноглазка, что же ты, пасти козу собираешься, а сама-то уснула? Ведь она может вон куда забежать. Вставай, пора уж и домой возвращаться.

Пошли они домой, а Двуглазка опять к своей мисочке с едой так и не прикоснулась, и Одноглазка ничего не могла объяснить матери, почему та не хочет есть, и сказала в свое оправдание:

— А я-то на поле уснула.

На другой день и говорит мать Трехглазке:

— На этот раз надо будет пойти тебе да повнимательней проследить, что ест на поле Двуглазка, не приносит ли ей кто еду и питье, — должно быть, она ест и пьет тайком.

Подошла Трехглазка к Двуглазке и говорит:

— Я пойду с тобой вместе, посмотреть, хорошо ли ты пасешь козу и ест ли она там как следует.

Но Двуглазка поняла, что задумала Трехглазка, и загнала козу в высокую траву и говорит:

— Пойдем, Трехглазка, да сядем, я тебе что-нибудь спою.

Села Трехглазка, устала она идти по солнцепеку, а Двуглазка и затянула свою прежнюю песенку и начала петь:

Ты не спишь все, Трехглазка?

И вместо того чтобы спеть дальше:

Ты уснула, Трехглазка? —

спела она по забывчивости:

Ты уснула, *Двуглазка*?

И все пела она:

Ты не спишь все, *Трехглазка*?

Ты уснула, *Двуглазка*?

И закрылись у *Трехглазки* два глаза и уснули, но третий глаз не был песенкой той заговорен, и не уснул он. Хотя из хитрости *Трехглазка* его и закрыла, будто он спит, но он моргал и мог все хорошо видеть. Подумала *Двуглазка*, что *Трехглазка* уже крепко спит, и сказала она тогда свой заговор:

Козочка, ме-е,
Столик, ко мне! —

и напилась она и наелась досыта, а затем велела столику уйти:

Козочка, ме-е,
Столик, на место!

А *Трехглазка* все это видела. Тогда *Двуглазка* подошла к ней, разбудила ее и говорит:

— Э, да ты, кажется, спала, *Трехглазка*? Хорошо ты, однако, пасешь козу! Давай-ка пойдем домой!

Пришли они домой, а *Двуглазка* опять ничего не стала есть; вот *Трехглазка* и говорит матери:

— Ну, теперь я знаю, почему эта гордая девчонка ничего не ест; стоит ей только сказать:

Козочка, ме-е,
Столик, ко мне! —

и тотчас является перед ней столик, уставленный самыми прекрасными кушаньями, — куда лучше, чем то, что едим мы здесь; а как наестся она досыта, то стоит ей сказать:

Козочка, ме-е,
Столик, на место! —

и все снова исчезает. Я все в точности сама это видела. Два глаза она мне усыпила своим заговором, но тот, что у меня на лбу, к счастью, не спал.

Стала тогда завистливая мать кричать на *Двуглазку*:

— Ты что ж это, хочешь есть лучше, чем мы? Я тебя от этого отучу! — Принесла она большой нож и ударила им козу прямо в сердце, и упала коза замертво наземь.

Увидала это Двуглазка, и ушла она с горя из дому, села в поле на меже и залилась горькими слезами. Вдруг смотрит она — стоит перед ней снова ведунья и говорит ей:

— Двуглазка, чего ты плачешь?

— Да как же мне не плакать! — отвечала она. — Заколола мать мою козочку, что, бывало, как скажу я ей ваш заговор, накрывала мне так чудесно каждый день столик; а теперь придется мне снова голодать да горе терпеть.

Говорит ей ведунья:

— Двуглазка, я дам тебе добрый совет: попроси своих сестер, чтобы отдали они тебе внутренности убитой козы, и закопай их у порога в землю, и будет тебе от того счастье.

Ведунья исчезла, а Двуглазка вернулась домой и говорит сестрам:

— Милые сестры, дайте мне что-нибудь от моей козы, хорошего куска я у вас не прошу, дайте мне только внутренности.

Засмеялись они и говорят:

— Это ты можешь, пожалуй, получить, если другого не просишь.

Взяла Двуглазка внутренности козы и закопала их вечером тайно, по совету ведуньи, возле порога.

На другое утро, когда все проснулись и вышли на порог, видят — стоит перед ними дивное дерево, листья у него все серебряные, висят между ними золотые плоды, — и такого прекрасного и драгоценного дерева не было еще во всем свете. Но они не могли понять, откуда могло ночью вырасти тут дерево. Только одна Двуглазка знала, что выросло оно из внутренностей козы, потому что стояло оно как раз на том самом месте, где закопала она их в землю.

Вот мать и говорит Одноглазке:

— Дитя мое, полезай на дерево да нарви нам с него плодов.

Взобралась на дерево Одноглазка, но только хотела она сорвать одно из золотых яблок, а ветка и выскользнула у нее из рук, — и не пришлось ей сорвать ни одного яблока, как она ни старалась.

Тогда мать и говорит:

— Трехглазка, ну, полезай ты, ведь тебе-то лучше видать твоими тремя глазами, чем Одноглазке.

Спустилась Одноглазка с дерева, а Трехглазка на него взобралась. Но и Трехглазка оказалась не более ловкой, чем ее сестра; и как уж она ни глядела, а все же золотые яблоки никак не давались ей в руки. Наконец у матери не хватило терпения, и она сама полезла на дерево, но и ей, как и Одноглазке и Трехглазке, не удалось схватить ни одного яблока.

Тогда говорит Двуглазка:

— Дозвольте мне полезть на дерево, может, мне лучше удастся.

Хотя сестры и посмеялись: «Где уж тебе с твоими двумя глазами достать-то!» — но Двуглазка влезла на дерево, и вот золотые яблоки от нее не уходили, а падали сами к ней в руки, — и нарвала она их полный передник. Взяла мать у нее яблоки; и вот надо бы теперь Одноглазке и Трехглазке обращаться с бедной Двуглазкой лучше, чем прежде, но они стали ей завидовать, что только ей одной и удалось достать золотые яблоки, и стали они с ней обращаться еще хуже.

Стояли они раз все вместе у дерева, а на ту пору проезжал мимо молодой рыцарь.

— Скорей, Двуглазка, — крикнули ей сестры, — полезай под дерево, чтоб нам не пришлось за тебя стыдиться, — и они поспешили накрыть Двуглазку пустой бочкой, стоявшей около дерева, и попрятали туда же и золотые яблоки, которые она сорвала.

Вот подъехал рыцарь ближе, и оказался он красивым юношей. Он остановил коня, изумился, глядя на чудесное дерево, что было все из золота да серебра, и говорит сестрам:

— Чье это прекрасное дерево? Кто даст мне ветку с него, тот может потребовать от меня, чего захочет.

И ответили Одноглазка и Трехглазка, что дерево это принадлежит им и что они охотно сломают ему ветку с него. Но как они ни старались, а сделать этого не смогли, — ветки и плоды всякий раз от них ускользали. Тогда рыцарь и говорит:

— Странно, дерево ваше, а вы не можете и ветки с него сломать.

Но они стояли на том, что дерево все же принадлежит им. В то время как они разговаривали, выкатила Двуглазка из-под бочки два золотых яблока, и покатались они прямо к ногам рыцаря, — Двуглазка рассердилась, что Одноглазка и Трехглазка говорят неправду. Как увидел рыцарь яблоки, удивился и спросил, откуда они взялись. Одноглазка и Трехглазка ответили, что у них есть сестра, но она не смеет людям на глаза показаться, оттого что у ней только два глаза, как у всех простых людей. Но рыцарь потребовал, чтоб ее показала, и крикнул:

— Двуглазка, выходи!

И вот вылезла Двуглазка спокойно из-под бочки, и рыцарь был поражен ее дивной красотой и сказал:

— Ты, Двуглазка, наверное, можешь сорвать мне ветку с этого дерева?

— Да, — ответила Двуглазка, — это, конечно, сделать я могу, ведь дерево-то мое. — Взобралась она на дерево и легко сорвала ветку с красивыми серебряными листьями и золотыми плодами и подала ее рыцарю.

Тогда рыцарь и говорит:

— Двуглазка, что мне дать тебе за это?

— Ах, — ответила Двуглазка, — я терплю голод и жажду, нужду и горе с раннего утра и до позднего вечера; я была бы счастлива, если бы вы взяли меня с собой и выручили бы меня из беды.

Тогда посадил рыцарь Двуглазку на своего коня и привез ее домой в свой отчий замок. Там одел он ее в прекрасные платья, накормил ее досыта. И полюбил он ее, и обвенчался с ней, и отпраздновали они свадьбу в великой радости.

Как увез прекрасный рыцарь Двуглазку, стали завидовать сестры ее счастью. «А волшебное-то дерево останется у нас, — думали они, — хоть и нельзя сорвать с него плодов, а все же всякий будет останавливаться у нашего дома и к нам приходить да его расхваливать, и кто знает, где найдешь свое счастье!»

Но на другое утро дерево исчезло, а с ним и их надежды. Глянула Двуглазка из своей светелки в окошко, видит — стоит перед ней, к ее великой радости, дерево, — оно перешло следом за ней.

Долго жила Двуглазка в счастье и в довольстве. Но пришли раз к ней в замок две нищенки и попросили у нее милостыни. Глянула им в лицо Двуглазка и узнала в них своих сестер Одноглазку и Трехглазку, — они так обеднели, что пришлось им теперь ходить по дворам да выпрашивать кусок хлеба. Двуглазка позвала их к себе, приняла их ласково и о них позаботилась; и они от всего сердца раскаялись в том, что причинили своей сестре так много зла в молодости.

СТОЛИК-НАКРОЙСЯ, ЗОЛОТОЙ ОСЕЛ И ДУБИНКА ИЗ МЕШКА

Давно тому назад жил на свете портной. Было у него три сына и одна единственная коза; она их всех молоком кормила, и потому приходилось за ней ухаживать как следует и каждый день гонять ее на пастбище.

Сыновья пасли козу каждый по очереди. Погнал ее раз старший сын пасти на кладбище, а трава росла там высокая да сочная, — вот коза щипала траву и прыгала. Вечером, когда надо было уже домой возвращаться, он у нее и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза моя?

Ответила коза:

Я уж так сыта,
Что не съесть мне больше ни листа.

Ме-ме!

— Ну, так ступай домой, — сказал мальчик. Взял ее за веревочку, привел в стойло и крепко привязал.

— Ну, — спросил старик-портной, — наелась ли коза наша досыта?

— О, — ответил сын, — она уж так сыта, что не хочет больше ни листа.

Но захотелось отцу самому в этом убедиться, и он пошел в стойло, погладил любимую свою козочку и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза моя?

И ответила ему коза:

С чего же быть мне сытою?

Скакала я через могилочку

И съела лишь былиночку.

Ме-ме!

— Что я слышу! — воскликнул портной, выскочил из стойла и говорит сыну:

— Эх ты, лгунишка, что же ты говоришь, что коза наша сыта, а она-то совсем голодная! — и, разгневавшись, он взял со стены свой аршин, побил сына и прогнал его со двора.

На другой день настал черед пасти козу среднему сыну. Вот нашел он в саду возле забора местечко, где трава была хорошая, и коза всю ее поела. Вечером он собрался домой и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза моя?

А коза отвечает:

Я уж так сыта,

Что не съесть мне больше ни листа.

Ме-ме!

— Тогда ступай домой, — сказал мальчик, повел ее и крепко привязал к стойлу.

— Ну, — спросил старик-портной, — наелась ли коза наша досыта?

— О, — ответил сын, — она уж так сыта, что не хочет больше ни листа.

Но портной решил сам в этом убедиться. Он пошел в стойло и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза моя?

И ответила коза:

Да как же мне быть сытою?

Скакала я через могилочку

Да съела лишь былиночку.

Ме-ме!

— Ах ты, этакий злодей! — крикнул портной. — Таковую смирную козу да еще заставлять голодать! — И он выбежал из стойла, схватил аршин, отчесал им сына и прогнал его со двора.

Пришел черед младшему сыну козу пасти, и порешил он дело поставить лучше: нашел заросль с густой листвой и стал пасти там козу. Вечером, когда подошло время домой возвращаться, спрашивает он козу:

— Сыта ли нынче, коза моя?

И ответила коза:

Я уж так сыта,
Что не съесть мне больше ни листа.

Ме-ме!

— Ну, так ступай домой, — сказал мальчик, повел ее в стойло и крепко-на-крепко привязал.

— Ну, — спросил старик-портной, — наелась ли коза наша досыта?

— О, — ответил сын, — она уж так сыта, что не хочет больше ни листа. —

Но портной тому не поверил, пошел в стойло и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза наша, нынче?

И ответила злая коза:

С чего же быть мне сытою?
Скакала я через могилочку
Да съела лишь былиночку.

Ме-ме!

— Ах ты, лживая тварь! — воскликнул портной. — Все вы тут лентяи да него-дьяи! Ну, теперь уж в дураках меня не оставите! — и, разгневанный, он выскочил из стойла да так отчесал по спине бедного мальчика, что тот еле из дому выскочил.

И остался старик-портной один со своей козой. На другое утро зашел он в стойло, начал ласкать и гладить козу и говорит:

— Иди, моя милая козочка, я уж сам тебя поведу на пастбище. — Взял он ее за веревку и завел в зеленые кусты, где росла трава-деревей и другие растения, которые так любят щипать козы.

— Тут уж ты хоть раз, а вдосталь наешься, — сказал он и оставил ее пастись до самого вечера. А потом спрашивает ее:

— Сыта ли ты, коза моя?

И она ответила:

Я уж так сыта,
Что не съесть мне больше ни листа.

Ме-ме!

— Ну, так ступай тогда домой, — сказал портной, отвел ее в стойло и привязал крепко-накрепко. Он ушел, а потом вернулся опять и спрашивает:

— Ну, что, а теперь-то ты сыта?

Но коза ответила то же, что и сыновьям:

С чего же быть мне сытою?

Скакала я через могилочку

Да съела лишь былиночку.

Ме-ме!

Услыхал это портной да так и остоленел; он понял, что понапрасну выгнал своих трех сыновей из дому.

— погоди уж, — закричал он, — неблагодарная ты тварь! Тебя мало со двора прогнать, я тебе еще такую отметину сделаю, что ты честным портным и на глаза не покажешься!

Выскочил он из хлева, принес свою бритву, нагнул козе голову и выбрил ее наголо. Потом взял плетку и так отчесал козу, что пустилась она бежать от него со всех ног.

И остался портной один-одинешенек в своем доме. Стало ему очень грустно и захотелось теперь вернуть своих сыновей, да никто не знал, куда они девались.

Старший из них поступил в обучение к одному столяру и учился у него прилежно и старательно, и когда срок ему вышел и пришло время идти странствовать и работу искать, подарил ему мастер столик, с виду совсем неказистый, и сделан он был из простого дерева; но было у него одно свойство — если поставить его и сказать: «Столик, накройся!» — то добрый столик тотчас накрывался чистой маленькой скатертью, и стояли на нем тарелки, а рядом нож и вилка, и столько вареного и жареного, сколько места хватало, да еще большой стакан красного вина искрился так, что сердце прямо радовалось.

Вот молодой подмастерье и подумал: «Ну, этого-то мне, пожалуй, на целую жизнь хватит!» — и, довольный и веселый, отправился странствовать по свету; и его мало огорчало, хороша ли, плоха ли гостиница и можно ли там найти что поесть. Иногда он в нее и вовсе не заходил, а ставил свой столик перед собой, где ему было любо, будь то в поле, в лесу или на лугу, и говорил: «Столик, накройся!», и тотчас являлось все, что его душе было угодно.

Наконец подумал он, что пора бы ему и домой к отцу воротиться, — гнев у него, пожалуй, уже поостыл, а с таким столиком старик примет его назад охотно. Но случилось так, что по пути домой забрел он под вечер в гостиницу, а гостей там было полным-полно. Они поздоровались с ним и пригласили его присесть с ними вместе за стол и поужинать, а то трудно-де будет ему здесь что-нибудь получить.

— Нет, — ответил молодой столяр, — зачем я буду вас еще объедать, уж лучше вы будьте моими гостями.

Посмеялись они и подумали, что он над ними шутит. Но он поставил свой деревянный столик посреди комнаты и сказал: «Столик, накройся!» И вмиг появились на нем кушанья, да такие вкусные, что подобных и сам хозяин гостиницы не мог бы им предложить, и запах пищи приятно щекотал нос гостям.

— Ну, давайте начнем, дорогие друзья, — сказал столяр.

И гости поняли его как должно и не заставили себя долго упрашивать, подсели к столу, достали свои ножи и смело принялись за еду. И что удивило их больше всего — это то, что когда они съедали одно кушанье, то вмиг появлялось само собой на его место другое. А хозяин стоял в сторонке и все это видел; он не знал, что ему и сказать, и подумал: «Да, такого повара и мне в хозяйстве неплохо бы иметь».

Столяр и его гости веселились до самой поздней ночи и наконец улеглись спать, а с ними и молодой подмастерье, а столик свой волшебный он поставил к стене. Но хозяину гостиницы мысли о нем не давали покоя; он вспомнил, что у него в кладовой стоит старый столик, точь-в-точь похожий на этот, и он его принес и тихонько подменил волшебный столик своим.

На другое утро столяр уплатил деньги за ночлег, взял столик, не подозревая, что его подменили, и отправился своим путем-дорогой дальше. К полудню пришел он к отцу, и тот встретил его с большой радостью.

— Ну, дорогой сынок, чему же ты научился? — спросил он его.

— Стал я, батюшка, столяром.

— Что ж, это хорошее ремесло, — ответил старик, — а что ты принес домой, что заработал во время странствий?

— Батюшка, самое дорогое, что я принес с собой, — это вот этот столик.

Осмотрел его портной со всех сторон и говорит:

— Что ж, сделан-то он неважно, столик старый и плохой.

— Но ведь это «столик-накройся», — ответил сын, — если поставить его да сказать, чтоб он накрылся, то появятся на нем тотчас самые прекрасные блюда, да еще и вино, чтоб сердцу было веселей. Вы вот пригласите всех родных и друзей, пусть попируют и попьют, — столик их всех накормит.

Вот собрались гости. Взял он свой столик, поставил его посредине комнаты и говорит: «Столик, накройся!» Но столик даже и не пошевелился и остался таким же пустым, как и всякий другой, который слов не понимает. Понял тогда бедный подмастерье, что столик-то ему подменили, и стыдно стало ему, что оказался он перед гостями луном.

Посмеялись над ним родственники, и пришлось им не солоно хлебавши домой возвращаться. Достал портной опять свое тряпье и принялся снова за шитье, а сын поступил к мастеру на работу.

Средний сын попал к мельнику и поступил к нему в обучение. Когда ему вышел срок, мастер сказал:

— Ты работал хорошо, и вот за это дарю я тебе осла не простого, а особенного, — в упряжку он не годится и мешков тоже таскать не станет.

— Да на что же он мне тогда нужен? — спрашивает молодой подмастерье.

— Он золото выплевывает, — ответил мельник, — ежели поставить его на платок и сказать: «Бриклебрит!», то доброе животное станет выплевывать золотые и сзади и спереди.

— Дело это хорошее, — сказал подмастерье, поблагодарил мастера и отправился странствовать по свету. Когда он нуждался в деньгах, то стоило ему только сказать своему ослу: «Бриклебрит!», и тотчас сыпался дождь золотых, и одна была лишь работа — подымать их с земли.

И куда ни приходил молодой мельник, подавали ему самое что ни на есть лучшее и самое дорогое, ведь денег-то у него был полон кошелек.

Насмотрелся он всего на свете и подумал: «Что ж, надо бы, пожалуй, теперь и отца проведать, если явиться к нему с золотым ослом, то он, наверно, и гнев свой позабудет и встретит меня хорошо». И случилось так, что попал он в ту же самую гостиницу, в которой его брату подменили столик. Он вел своего осла под уздцы, и хозяин хотел было взять у него осла и привязать его к стойлу, но молодой подмастерье сказал:

— Вы, пожалуйста, не трудитесь, своего серого я уж сам отведу в стойло и сам привяжу, я должен знать, где он будет находиться.

Хозяину это показалось странным; он подумал, что у того, кто должен сам ухаживать за своим ослом, денег-то, пожалуй, не очень густо; но когда незнакомец сунул руку в карман и достал оттуда два золотых и велел дать ему поесть чего получше, то хозяин от удивления глаза вытаращил, побежал и достал самое лучшее, что у него было.

После обеда гость спросил, сколько он должен заплатить; ну, тут уж хозяин меду не пожалел, подсчитал вдвое больше, чем следует, и сказал, что надо доложить еще два золотых. Сунул подмастерье руку в карман, а золота в нем больше не оказалось.

— Хозяин, вы подождите маленько, — сказал он, — я пойду и принесу вам золотые, — и взял с собой скатерть.

Хозяин не знал, что бы это должно значить; стало ему любопытно, и он пробрался следом за гостем, и когда тот закрыл двери конюшни на засов, стал он подглядывать в щелку. Гость разостлал под ослом платок, крикнул: «Бриклебрит!» — и вмиг посыпалось золото из осла и сзади и спереди, и нападало его на землю немало.

— Вот она чертовщина какая! — сказал хозяин. — Да ведь это все новенькие дукаты! Таких и целый кошелек бы неплохо!

Гость оплатил свой трактирный счет и улегся спать. А хозяин пробрался ночью на конюшню, вывел оттуда монетных дел мастера, а на его место привязал другого осла.

На другое утро, только стало светать, отправился подмастерье дальше со своим ослом, думая, что это и есть его золотой осел. К полудню явился он к своему отцу; тот очень ему обрадовался и принял его ласково.

— Ну, скажи, сынок, что ж из тебя вышло? — спросил старик.

— Стал я мельником, милый батюшка, — ответил он.

— А что же принес ты домой из своих странствий?

— Да вот одного лишь осла.

— Ослов-то и здесь достаточно, — заметил отец, — лучше бы ты привел хорошую козу.

— Так-то оно так, — ответил сын, — но ведь это осел не простой, а золотой, — скажу я ему: «Бриклебрит!», и навалит он вам на платок целую кучу золота. Вот созовите родных, я всех их сделаю богачами.

— Это дело подходящее, — сказал портной, — теперь незачем мне будет с иглой мучиться, — и побежал тотчас сам и созвал всех родичей в гости. Собрались гости, и вот просит мельник очистить место, расстилает свой платок и приводит осла в комнату.

— Теперь смотрите, — сказал он и крикнул: «Бриклебрит!», но было то не золото, что на пол упало; и стало всем ясно, что этот осел искусству такому не обучен; да оно и верно, что не всякий осел на это способен бывает.

У бедного мельника лицо так и вытянулось; он понял, что его обманули; и стал он просить у родных прощенья, что придется им домой возвращаться такими же бедными, как и раньше. И ничего больше не оставалось, как взяться старику опять за свою иглу, а подмастерью поступить на работу к мельнику.

Младший брат попал в обучение к одному токарю, а ремесло это тонкое, вот и пришлось ему дольше всех учиться. Но братья написали ему письмо и сообщили, какая беда с ними приключилась и как в самый последний вечер хозяин гостиницы украл у них их волшебные вещи.

Вот обучился токарь своему ремеслу, и настала пора ему странствовать, работу искать, и подарил ему мастер за хорошее поведение мешок и сказал:

— А лежит в этом мешке дубинка.

— Ну, мешок-то я могу положить себе на плечи, он может мне, пожалуй, и пригодиться, но дубинка на что? От нее только тяжесть одна.

— А вот я тебе объясню, — ответил мастер: — ежели тебя кто обидит, то стоит тебе только сказать: «Дубинка, из мешка!» — и тотчас выскочит она и бросится на людей и станет так весело по их спинам отплясывать, что целую неделю им нельзя будет ни двинуться, ни пошевелиться; и не остановится она до тех пор, пока ты не скажешь: «Дубинка, в мешок!»

Поблагодарил подмастерье своего хозяина, повесил мешок за плечи, и если кто-либо подходил к нему близко, собираясь на него напасть, то он говорил: «Дубинка, из мешка!» — и мигом дубинка выскакивала и начинала у одного за другим кафтан или куртку на спине выколачивать, да не ожидая, пока ее тот снимет; и так она это делала проворно, что не успеет один и оглянуться, как тут черед и другому подходит.

Пришел молодой токарь под вечер в ту самую гостиницу, где братьев его обманули. Положил свой мешок на стол и стал рассказывать про всякие диковины, которые ему пришлось повидать на свете.

— Да, — сказал он, — бывают такие столики-самобранки, а бывают еще и ослы золотые и всякая всячина; вещи-то они хорошие, что и говорить, смеяться над этим не приходится, но все это ничего не стоит перед богатством, что удалось мне добыть, а лежит оно у меня в мешке.

Тут хозяин и наострил уши: «Что же оно может быть такое? — подумал он. — Должно быть, мешок полон драгоценных камней. Неплохо бы мне и его заполнить, ведь хорошее-то случается всегда трижды».

Вот подошло время ложиться спать, и завалился гость на скамью и положил себе под голову свой мешок вместо подушки. Хозяин, решив, что гость спит глубоким сном, подошел к нему, ухватился за мешок и ну его тащить тайком да поосторожней, чтоб подменить его другим.

А токарь только этого и ждал; только хозяин хотел было мешок вытащить, токарь крикнул: «Дубинка, из мешка!» И как выскочит дубинка, да прямо на хозяина и здорово-таки намяла ему бока. Стал хозяин просить пощады, но чем громче кричал он, тем сильнее, да еще в такт, колотила дубинка его по спине, пока, наконец, не упал он без чувств наземь.

И сказал тогда токарь:

— Если ты не вернешь «столика-накройся» и золотого осла, то дубинка начнет плясать снова.

— Ой, нет! — застонал еле слышно хозяин. — Я все охотно верну назад, скажи только своему домовому, чтобы он убрался опять в мешок.

И ответил ему подмастерье:

— Ладно, я тебя помилую, но смотри, берегись!

Он крикнул: «Дубинка, в мешок!» — и дубинка оставила хозяина в покое.

На другое утро отправился токарь со «столиком-накройся» и золотым ослом домой к своему отцу. Обрадовался портной, увидев снова своего сына, и спросил его тоже, чему он в чужих краях научился.

— Дорогой батюшка, — ответил тот, — я токарем сделался.

— Это тонкое ремесло, — сказал отец, — ну, а что же принес ты с собой из странствий?

— Дорогую вещицу, милый батюшка, — ответил сын, — дубинку в мешке.

— Что? — закричал отец. — Дубинку? Стоило еще трудиться! Да ведь ее же можно из каждого дерева вытесать.

— Да, но, пожалуй, не такую, милый батюшка; стоит мне только сказать ей: «Дубинка, из мешка!», и вмиг выскочит она и заставит того, кто плохо со мной обращается, так заплясать, что на земле лежать будет да просить о пощаде. Вот видите, благодаря этой дубинке я вернул назад столик и золотого осла, который отнял вороватый хозяин гостиницы у моих братьев. Теперь позовите их обоих и пригласите всех родных, я всех досыта и угощу, и напою, и полные карманы им золотом набью.

Старик-портной не поверил было тому, однако ж созвал всю родню. Вот разостлал токарь в комнате платок, привел золотого осла и сказал своему брату:

— Ну, милый братец, поговори-ка с ним.

И сказал мельник: «Бриклебрит!» — и тотчас стали падать на платок дождем червонцы; и осел делал это до тех пор, пока у всех золота стало столько, что его еле можно было дотащить.

(А по тебе видать, что и ты не прочь был бы там побывать!)

Потом токарь принес столик и сказал:

— Ну, братец, поговори-ка ты с ним.

И только столяр вымолвил: «Столик, накройся!», — он уже и скатертью был покрыт, и весь богато уставлен самыми прекрасными блюдами.

Тут начался пир, — и не было за всю жизнь у портного в доме такого обеда, и вся родня засиделась до самой поздней ночи, и все были веселы и довольны.

И запер портной в свой шкаф иглу и нитки, аршин и утюг и стал жить да поживать вместе со своими сыновьями в радости и в богатстве.

— Ну, а куда же девалась коза, что была причиной тому, что прогнал портной из дому своих сыновей?

— Это я тебе сейчас расскажу. Стыдно ей стало, что бритая у нее голова, вот и забежала она в лисью нору да там и спряталась. Вернулась лиса домой, видит — поблескивают в темноте ей навстречу два больших глаза, — испугалась она и убежала. Встретился ей по дороге медведь, видит, что лиса в большом смущенье, и спрашивает у нее:

— Что это с тобой, лисичка-сестричка, чего это у тебя такой испуганный вид?

— Ох, — отвечает рыжая, — страшный зверь засел у меня в норе и тарашит на меня огненные глазища.

— Да мы его враз выгоним, — говорит медведь, и пошел с ней к норе и заглянул туда; но как увидел огненные глазища, тут страх на него и напал: что тут со страшным зверем поделаешь? И давай медведь из норы ходу. Тут повстречалась ему пчела; заметила она, что медведю как-то не по себе, и спрашивает:

— Медведь, чего это у тебя вид такой мрачный, куда девалась твоя веселость?

— Тебе-то хорошо рассуждать, — ответил медведь, — а вот у лисы в доме засел страшный зверь, глаза выпучил, и выгнать его мы никак не в силах.

И сказала пчела:

— Жаль мне тебя, медведь; хоть я существо слабое и бедное и вы на меня и глядеть не хотите, но я все-таки могу вам помочь.

И она влетела в лисью нору, села козе на бритую голову и так больно ее ужалила, что та так и подпрыгнула, да как закричит: «Ме-ме!» и как угорелая выскочила оттуда. И никто до сих пор так и не знает, куда она забежала.

И сказал мельник: «Бриклебит!» — и тотчас стали падать на платок дождем червонцы; и осел делал это до тех пор, пока у всех золота стало столько, что его еле можно было дотащить.

ЧУДАКОВАТЫЙ МУЗЫКАНТ

Жил-был однажды на свете чудаковатый музыкант. Шел он раз по лесу один-одинешенек и раздумывал о всякой всячине; но когда ему думать было уже не о чем, он молвил про себя:

— Время в лесу тянется медленно, надо бы себе подыскать хорошего товарища.

Он взял скрипку, которая висела у него за спиной, и стал на ней наигрывать что-то веселое, да так, что было слышать по всему лесу.

Вскоре выбежал из лесной чащи волк.

— А-а, вот и волк явился! Его-то я меньше всего хотел бы видеть, — сказал музыкант.

Но волк подступил ближе и говорит ему:

— Ох, милый музыкант, как ты, однако, хорошо играешь! Так и я бы не прочь научиться.

— Этому делу недолго обучиться, — ответил ему музыкант, — только ты должен исполнить все, что я тебе велю.

— О-о, музыкант, — сказал волк, — я буду тебя слушаться, как ученик своего учителя.

Музыкант велел ему идти вслед за собой. Вот прошли они часть дороги вместе, подошли к старому дубу; и было внутри него дупло, а посредине дерева было расщеплено.

— Смотри, — сказал музыкант, — если хочешь научиться играть на скрипке, то заложь передние лапы в расщелину.

Волк послушался, а музыкант тем временем быстро поднял с земли камень и загнал волку обе лапы в расщелину, да так крепко, что тот оказался в ловушке и нельзя ему было и пошевелинуться.

— А теперь жди меня, пока я вернусь, — сказал музыкант и пошел своей дорогой дальше.

Прошло ни много ни мало времени, и говорит музыкант опять про себя: «Здесь, в лесу, время тянется долго, надо бы себе раздобыть другого товарища». Он взял свою скрипку и заиграл на весь лес. Вскоре, пробиваясь через заросли, явилась лиса.

— Ах, вот и лиса явилась! — сказал музыкант. — Но видеть ее у меня нет особой охоты.

А лиса подошла к нему и говорит:

— Ой, милый музыкант, как ты прекрасно играешь! Так бы и мне тоже хотелось научиться.

— Что ж, научиться этому можно быстро, — сказал музыкант, — только ты должна исполнять все, что я тебе велю.

— О музыкант, — ответила лиса, — я буду тебя слушаться, как ученица своего учителя.

— Ступай за мной, — сказал музыкант.

Вот прошли они часть пути и подошли к тропе, по обеим сторонам которой росли высокие кусты. Тут музыкант остановился, пригнул с одной стороны орешничек до самой земли, наступил на его верхушку ногой, а с другой стороны нагнул другое деревцо и говорит:

— Ну, что ж, лисонька, ежели ты чему-нибудь хочешь научиться, то протяни-ка мне свою левую переднюю лапу.

Лиса послушалась, — и музыкант привязал ее лапу к левому стволу дерева.

— А теперь, лисонька, — сказал он, — протяни мне правую, — и привязал лапу к правому стволу дерева. Потом он посмотрел, прочно ли завязаны узлы, и отпустил лису; и вот поднялись деревья вверх и подбросили лисичку высоко-высоко; она повисла в воздухе и стала трепыхаться.

— А теперь дождайся меня, пока я вернусь, — сказал музыкант и двинулся дальше.

И опять говорит про себя: «Время в лесу тянется медленно; надо бы мне найти себе другого товарища». Он взял свою скрипку, и разнеслись звуки по всему лесу. Вот прискакал к нему зайчик.

— Ах, зайчик явился! — сказал музыкант. — А я-то его и не звал.

— Ох, милый музыкант, — сказал зайчик, — как ты прекрасно играешь на скрипке, хотел бы и я научиться так играть.

— Этому делу быстро можно научиться, — сказал музыкант, — только ты должен делать все, что я тебе велю.

— О музыкант, — ответил зайчик, — я буду тебя слушаться, как ученик своего учителя.

Прошли они часть дороги вместе, подошли к лесной поляне; а стояла там осина. Привязал музыкант зайчику на шею длинную бечевку, а другой конец прикрепил к дереву.

— Ну, зайчик, а теперь беги-ка двадцать раз вокруг дерева, — крикнул музыкант.

Зайчик послушался, обежал двадцать раз вокруг осины, и двадцать раз обкрутилась бечевка вокруг ствола, и зайчик был пойман; и как ни тянул он и ни грыз бечевку, она только больше и больше врезалась в его нежную шею.

— А теперь дожидайся, пока я назад вернусь, — сказал музыкант и двинулся дальше.

А волк тем временем все дергался, тянул, кусал камень и трудился до тех пор, пока не высвободил лап и не вытащил их из расщелины. Разгневанный, разъяренный, он кинулся вслед за музыкантом и решил его разорвать. Увидела лиса бегущего волка, начала выть и завопила во все горло:

— Братец мой волк, ступай ко мне на помощь, меня музыкант обманул!

Нагнул волк деревья, перегрыз веревки и освободил лису; и отправились они вместе, чтоб отомстить музыканту. Они нашли привязанного зайчика, освободили его тоже, а потом все вместе кинулись на поиски своего врага.

А музыкант, идя по дороге, заиграл опять на своей скрипке, но на этот раз ему посчастливилось больше. Его игру услышал один бедный дровосек, и он невольно бросил свою работу и пришел с топором в руке, чтобы послушать музыку.

— Наконец-то явился ко мне настоящий товарищ, — сказал музыкант, — ведь я-то искал человека, а не диких зверей.

И он начал играть на скрипке, и играл так прекрасно и с таким мастерством, что бедняк стоял, как зачарованный, и сердце у него ширилось от радости. И когда он стоял, явились волк, лиса и зайчик; и заметил дровосек, что они замышляют что-то недоброе. Поднял тогда дровосек свой острый топор и стал впереди музыканта, словно желая этим сказать: «Кто посмеет его тронуть, берегись, — тому придется дело иметь со мной!» Испугались тогда звери и убежали назад в лес, а музыкант сыграл дровосеку еще раз, в знак благодарности, и пошел себе дальше.

ПРО УМНОГО ПОРТНЯЖКУ

Жила-была некогда принцесса, и очень уж была она гордая: придет к ней, бывало, жених, и начнет она загадывать ему загадки; а если он их не разгадает, то посмеется она над ним и прочь прогонит. И велела она объявить, что кто загадку ее разгадает, то за того она и замуж выйдет: пусть, мол, приходит к ней всякий, кто пожелает. Вот, наконец, и нашлось трое портных; двое старших считали, что они мастера большие, дело свое знают, и тут тоже, пожалуй, промаха не дадут. А третий из них был человек на вид неказистый и порядочный растяпа, да и в ремесле своем не искусник, но он думал, что в этом деле выйдет ему счастье, а то откуда же и взяться-то счастью? Вот и говорят ему двое старших:

— Да оставайся ты лучше дома, а то со своим-то умишком не далеке ты двинешься.

Но портняжка сбить себя с толку не дал и ответил, что он готов головой ручаться, что с этим делом он управится; и вот он смело двинулся в путь-дорогу, точно весь свет ему принадлежал.

Вот явились они втроем к принцессе и объявили, чтоб задала она им свои загадки, — люди, мол, пришли толковые да опытные, и разум у них такой тонкий, что в игольное ушко продеть можно.

И говорит им принцесса:

— Есть у меня на голове два разноцветных волоса, — так какого же они цвета?

— Если в этом вся загадка, — сказал первый портной, — то вот тебе и разгадка: один черный, другой белый, как о сукне говорится — черное с крапункой.

И ответила принцесса:

— Ты разгадал неверно, пусть отвечает второй.

И ответил тогда второй:

— Уж если не черный и не белый, то каштановый и рыжий — точь-в-точь, как у моего батюшки праздничный сюртук.

— И ты разгадал неверно, — сказала принцесса, — пусть отвечает третий, — этот, я вижу, знает наверно.

Вот выступил смело портняжка и говорит:

— У принцессы на голове один волос серебряный, а другой золотой, — вот какого они цвета!

Услыхала это принцесса, побледнела от страха, чуть было без чувств не упала, оттого что портняжка верно разгадал. А была она твердо уверена, что ни одному человеку на свете той загадки не разгадать. Пришла она в себя и говорит:

— Того, что ты разгадал, еще мало, чтобы пошла я за тебя замуж; ты должен будешь выполнить еще другое. Лежит у меня в сарае медведь, вот ты и проведи с ним целую ночь; а когда я утром встану и увижу, что ты жив, тогда ты на мне и женишься.

Она думала таким образом отделаться от портняжки, — ведь не было еще такого человека, который, попав в лапы к медведю, жив бы остался. Но портняжка не испугался, он охотно согласился и сказал:

— Смело задумано — полдела сделано.

Вот наступил вечер, и привели моего портняжку к медведю. Медведь уж собрался кинуться на маленького человечка и поздороваться с ним хорошенько своей лапой.

— Эй ты, потише, потише, — сказал портняжка, — я уж тебя успокою, — и он достал преспокойно из кармана грецких орехов, раскусил их и начал есть. Увидел это медведь, захотелось ему тех орехов отведать. Полез портняжка в карман и подал ему их целую пригоршню; но были то не орехи, а камешки. Сунул медведь их в пасть, принялся грызть, — грызет, а разгрызть никак не может. «Эх, — подумал он, — что это я за такой глупый болван, и орехов-то разгрызть не умею», и говорит он портняжке:

— Послушай, разгрызи-ка ты мне орехи.

— Вот ты каков, — молвил портняжка, — пасть-то у тебя вон какая большая, а маленького орешка разгрызть не умеешь!

Взял он камень, но вместо него сунул себе в рот орех, и — щелк! — тот раскололся.

— Надо будет еще раз попробовать, — сказал медведь, — вижу я, дело оно такое, что и я, пожалуй, сумею.

И дал портняжка ему снова камней. Стал медведь над ними работать, грызть изо всех сил. Но ты ведь тоже не поверишь, что он их разгрыз. Тут вытащил портняжка из-под полы скрипку и начал на ней наигрывать. Услыхал медведь музыку, не мог удержаться, начал плясать. Проплясал он немного, и это ему так понравилось, что он спросил портняжку:

— Послушай, а трудно ли играть на скрипке?

— Да совсем легко, вот смотри, — сюда кладу я пальцы левой руки, а правой смычком вожу, и вот оно как весело получается: гоп-гоп-гоп, тра-ля-ля-ля!

— Вот так бы играть на скрипке, — сказал медведь, — и мне бы хотелось, можно было б плясать, когда придет охота. Научи ты меня играть! Что ты на это скажешь?

— С большим удовольствием, если есть у тебя к тому способности. Ну-ка, покажи мне свои лапы. Э, да они у тебя слишком длинные, надо будет когти немного пообрезать. — И вот он принес тиски, а медведь и положил в них свои лапы; тут портняжка и ну их закручивать, да как можно покрепче, и говорит:

— Теперь подожди, пока я принесу ножницы, — и, оставив медведя реветь сколько ему влезет, лег в углу на солому и уснул. Услыхала вечером принцесса, как ревет медведь, и подумала, что ревет он от радости, покончив с портным. Встала она наутро беззаботная и довольная, но глянула в сарай, видит — стоит портняжка, весел и здоров, рядом с медведем и чувствует себя, точно рыба в воде. Что тут было ей сказать? Ведь в присутствии всех она дала ему обещание; и велел тогда король подать карету, и должна была принцесса отправиться вместе с портняжкой в кирху и с ним обвенчаться. Только они сели в карету, а те двое портных стали завидовать счастьем своего приятеля; и было у них сердце злое, вошли они в сарай и освободили медведя из тисков. В ярости кинулся медведь вслед за каретой. Услыхала принцесса, что медведь сопит да ревет, стало ей страшно, и она закричала:

— Ах, это гонится за нами медведь, он хочет тебя утащить!

Тут мой портной быстро смекнул, что ему делать: встал он на голову, высунил ноги в окно кареты и закричал:

— Видишь тиски? Если ты не уберешься подобру-поздорову, то попадешь в них опять!

Как увидал это медведь, повернулся и убежал прочь. А портняжка мой поехал себе преспокойно в кирху и обвенчался с принцессой, и жил с ней он счастливо, точно жаворонок полевой.

А кто сказке моей не верит, пусть талер дает живей!

*Тут вытащил портняжка из-под полы скрипку и начал на ней наигрывать.
Услыхал медведь музыку, не мог удержаться, начал плясать.*

ПОДЗЕМНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

Жил-был некогда богатый король, и было у него три дочери; они каждый день гуляли по замковому саду, а король был такой большой любитель всяких плодовых деревьев, что объявил, что всякого, кто сорвет хоть одно яблоко с дерева, он силой заклатья упрячет на сто сажень под землю. Вот наступила осень, и стали яблоки на одном из деревьев красные, точно кровь. А три королевские дочери гуляли каждый день под деревом и смотрели, не стряхнет ли ветром хоть одно яблоко, — ведь за всю свою жизнь они не нашли ни одного, которое бы упало, — а дерево чуть не ломилось от яблок, и ветки его пригнулись до самой земли. И вот очень уж захотелось младшей королевне съесть яблочко, и сказала она своим сестрам:

— Наш отец нас очень любит, и вряд ли он выполнит свое заклатье; я думаю, что это относится только к чужим людям. — И она сорвала самое крупное яблоко и, подбежав к своим сестрам, сказала:

— Вот, отведайте, милые сестрицы, хотя бы кусочек! Я за всю свою жизнь не ела никогда такого вкусного яблока.

И откусили обе старшие королевны по куску яблока, и все трое тотчас опустились под землю, да так глубоко, что не слышать было и петушиного крика.

Вот наступил полдень, и король собрался уже идти к столу, но дочерей нигде найти не мог; он долго искал их и в замке и в саду, но все понапрасну. Он был так опечален, что приказал объявить по всей стране, что тот, кто найдет его дочерей, возьмет любую из них себе в жены. И много тогда молодых людей пустилось на поиски, так как трех королевских дочерей все очень любили, — были они ко всем ласковы, да лицом к тому же очень красивы. Среди прочих были три молодых охотника, и, проездив целую неделю, прибыли они к большому замку, а в замке том были красивые комнаты, и в одной из них был накрыт стол; стояли на нем разные вкусные яства, и все они были горячие, и шел от них еще пар, хотя во всем замке не было не слышно и не видно ни одной человеческой души. Просидели они там, дожидаясь, целых полдня, а кушанья все оставались горячими, и от них шел пар; они так проголодались, что сели и начали есть, да порешили между собой остаться жить в этом замке

и кинуть жребий, кому в доме остаться, а кому ехать вдвоем на поиски королевских дочерей; так они и сделали; и выпал жребий остаться в замке старшему. На другой день двое младших отправились на поиски, а старший остался дома. Вдруг является в полдень маленький человечек и начинает его просить дать ему кусочек хлеба; взял тогда старший охотник хлеб, отрезал целый ломоть и подал ему, но маленький человечек его уронил и попросил, чтобы тот был так добр и подал ему этот кусок хлеба. Он согласился и, вот когда он нагнулся за хлебом, маленький человечек взял палку, схватил его за волосы и стал бить.

На другой день дома пришлось оставаться среднему — и с тем случилось то же самое. Вернулись охотники вечером домой, а старший и спрашивает среднего:

— Ну, как поживаешь?

— Ох, очень плохо! — Стали они тогда рассказывать один другому про свою беду, но младшему ничего о том не сказали, — они его не любили и всегда называли глупым Гансом, потому, что он был не такой, как они.

На третий день дома оставаться пришлось младшему, и снова явился маленький человечек и стал просить дать ему кусочек хлеба; дал Ганс ему хлеба, а тот его снова уронил и стал просить, чтобы был он так добр и поднял бы кусок хлеба. Но младший сказал маленькому человечку:

— Что? Разве ты сам не можешь его поднять? Если ты не хочешь позаботиться о своем хлебе насущном, то ты недостойн его и есть.

Разозлился тогда человечек и сказал, что он должен ему поднять хлеб, но Ганс, не будь ленив, схватил человечка того за шиворот и здорово его отколотил. Стал тогда человечек кричать изо всех сил:

— Не бей меня, отпусти ты меня, — скажу я тебе тогда, где находятся королевны!

Услыхал это Ганс и перестал его бить. И рассказал ему тот человечек, что живет он, мол, под землей и что там их больше тысячи, и предложил ему идти вместе с ним, обещая ему указать, где находятся королевны. Привел он его к глубокому колодцу, но воды в нем не было. Рассказал ему человечек, что он доподлинно знает о том, что его приятели злое против него замышляют и что если он хочет освободить королевен, то должен сделать это один; что и его спутники тоже хотят отыскать королевен, но хотят они это сделать, не прилагая усилий и избегая опасностей; что должен он взять большую корзину, сесть в нее, взять с собой колокольчик и большой охотничий нож и спуститься вниз; а внизу находятся три комнаты, и в каждой из них сидит по королевне, а возле каждой из них лежит многоголовый дракон, и должен он тем драконам все головы отрубить.

Рассказал все это подземный человечек и исчез.

Наступил вечер, и вернулись два охотника и стали у него спрашивать, как ему дома пришлось, и он ответил, что было очень хорошо, — никаких лю-

дишек он не видел, а вот в полдень приходил-де маленький человечек, кусочек хлеба просил; и хлеба он ему дал, но тот человечек его уронил и стал просить, чтоб он его поднял и подал ему; но он сделать этого не захотел, и стал тогда человечек его бранить, а он его хорошенько отколотил, и человечек тогда ему рассказал, где находятся королевны. Услыхав о том, оба охотника так разозлились, что от злости прямо пожелтели да позеленели. На другое утро пошли они все к колодцу и бросили жребий, кто первый должен спуститься туда в корзину; и выпал жребий опять старшему. Сел он в корзину, взял с собой колокольчик и говорит:

— Когда я позвоню, тащите меня быстро наверх.

Только он начал спускаться, как зазвонил колокольчик, чтоб тащили его наверх. Тогда сел в корзину средний, но и с ним было то же. Вот наступил черед младшему, и спустили его на самый низ. Вышел он из корзины, взял свой большой охотничий нож, подошел к первой двери, остановился и стал прислушиваться; и услышал он, что дракон громко храпит. Тогда он медленно открыл дверь, видит — сидит в комнате одна из королевен, а девятиглавый дракон положил головы ей на колени и стережет ее. Взял он тогда свой большой охотничий нож и отрубил смаху все девять голов. Тут королевна вскочила и бросилась ему на шею, стала его обнимать и целовать; и сняла она с груди свое ожерелье, — а было оно из червонного золота, — и надела ему на шею. И отправился он затем за второй королевной. Ее тоже стерег дракон с семью головами, и освободил он ее так же, как и младшую, которую сторожил дракон с четырьмя головами, и отрубил ему головы тоже. И стали они все его расспрашивать, обнимать и целовать без конца. Затем он стал звонить в колокольчик, пока его не услышали. И посадил он трех королевен одну за другой в корзину и велел всех их тащить наверх. Но пришел черед и ему наверх подыматься; тут он вспомнил слова подземного человечка, что приятели его замышляют против него недоброе. Взял он тогда большой камень, что лежал на дне колодца, и положил его в корзину; но когда корзина поднялась до середины, обрезали коварные охотники веревку, и упала корзина с камнем на дно колодца, и подумали они, что он разбился, и убежали с тремя королевнами, взяв с них обещание, что они скажут своему отцу, что освободили их, дескать, они. Вот пришли они к королю и стали его просить отдать им дочерей в жены.

А тем временем молодой охотник бродил, грустный и печальный, по трем комнатам, думая, что придется ему тут и помирать. Вдруг видит он — висит на стене флейта, и сказал он: «Зачем ты висишь здесь на стене, кому тут может быть весело?» Поглядел он на головы драконов и промолвил: «И вы тоже помочь мне ничем не можете». Расхаживал он по комнатам так долго, что весь земляной пол утоптал. Наконец пришли ему в голову другие мысли, и он снял со стены флейту и начал на ней играть; вдруг явилось множество подземных человечков, и с каждым звуком флейты их являлось все больше и больше; тогда он стал продолжать игру, пока вся комната не наполнилась человечками.

Он снял со стены флейту и начал на ней играть; вдруг явилось множество подземных человечков, и с каждым звуком флейты их являлось все больше и больше; тогда он стал продолжать игру, пока вся комната не наполнилась человечками.

Стали все они его спрашивать, чего он хочет, и он им ответил, что хотелось бы ему снова вернуться на землю, на белый свет поглядеть; и подхватили тогда они его, и каждый схватил его за один волос на голове, и так они его за волосы наверх из колодца и вытянули.

Когда он очутился на земле, то счастливо добрался к королевскому замку, где как раз в это время должна была состояться свадьба одной из королевен, и он направился прямо в комнату, где находился король со своими тремя дочерьми. Увидев его, они упали на пол без чувств. Разгневался король и велел посадить его тотчас в темницу, думая, что он причинил зло его дочерям. Но когда королевны снова очнулись, они стали просить своего отца, чтобы он освободил его из темницы. Король их спросил, почему они просят его об этом, и они ответили, что не смеют ничего о том ему рассказать. Тогда он велел, чтобы они рассказали о том печке. Вышел он из комнаты и стал у дверей подслушивать, и так узнал он обо всем. Велел он тогда тех двух охотников повесить, а третьему отдать свою младшую дочь в жены.

И надел я на свадьбу стеклянные башмаки, да споткнулся о камень, и — дзынь! — пришел им капут.

ГАНС МОЙ ЕЖ

Жил-был крестьянин; много было у него и денег, и всякого добра; но хотя и был он богат, одного ему доставало, чтобы быть вполне счастливым: не было у него с женой детей. Поедет он, бывало, с другими крестьянами в город, а они и посмеиваются над ним, спрашивают, отчего это у него детей нету.

Вот рассердился он однажды и, воротясь домой, говорит:

— Хочу, чтобы был у меня ребенок, пусть он будет хотя бы ежом!

И вот родила ему жена ребенка, и был он от головы до пояса ежом, а дальше мальчиком. Как увидела она ребенка, испугалась и говорит:

— Видишь, это ты нас околдовал.

А муж ей говорит:

— Ну, что ж, теперь делу помочь нельзя, а крестить мальчика все равно надо; но в кумовья-то к нам, пожалуй, никто и не пойдет.

Жена говорит:

— Да и имени-то ему другого не дашь, кроме как Ганс мой еж.

Когда его крестили, то поп сказал:

— Его из-за колючек и в приличную постель не положишь.

И вот положили они за печкой охапку соломы, а на нее Ганса-ежа. Кормить-ся грудью матери он не мог, а то бы поколол он ее своими иглами. Так и пролежал он за печкой целых восемь лет; и вот надоел он отцу, и тот одного только и желал: чтобы Ганс-еж поскорей умер. Но он не умирал, а все продолжал лежать за печкой. А на ту пору была в городе ярмарка, и крестьянин, собираясь туда отправиться, спросил у жены, что ей там купить.

— Купи для хозяйства немного мяса да пару сдобных булок, — ответила она.

Затем спросил он работницу, и она попросила купить ей пару туфель да теплые чулки узорные. Наконец спросил он:

— А ты, Ганс-еж, что хочешь?

— Батюшка, — сказал он, — привезите мне волынку.

Воротился крестьянин домой, отдал жене мясо и сдобные булки, что купил ей на ярмарке, затем отдал работнице туфли и чулки узорные, наконец полез за печку и дал Гансу-Ежу волынку. Получил Ганс-еж волынку и говорит:

— Батюшка, сходите теперь в кузницу да попросите подковать моего петуха, тогда уеду я отсюда и никогда уже больше назад не вернусь.

Обрадовался отец, что сможет от него избавиться, и велел подковать ему петуха; а когда его подковали, сел Ганс-еж верхом на своего петуха и уехал; и взял он с собой свиней и ослов, которых он собирался пасти в лесу. Как они приехали в лес, велел он петуху взлететь с ним на самое высокое дерево, и сидел на нем Ганс-еж и пас ослов и свиней, и сидел он так много-много лет подряд, пока стадо, наконец, стало очень большое; и отец с той поры так ничего и не знал о своем сыне.

А Ганс-еж все сидел на дереве и играл на волынке, — и что за чудная музыка то была! Однажды проезжал мимо король — он заблудился в лесу — и услышал ту музыку. Удивился король и послал своего слугу, чтобы тот доведася, откуда это доносится музыка. Посмотрел, поглядел слуга вокруг — ничего не увидел, кроме петушка на верхушке дерева; а то был петушок, на котором сидел еж и играл на волынке. Тогда король приказал слуге спросить у него, зачем он там сидит и не знает ли он, как проехать ему назад в свое королевство. Спустился тогда Ганс-еж с дерева и сказал, что укажет ему дорогу, если король ему пообещает и отпишет то, что встретится ему первым по возвращении домой у королевского замка. И подумал король: «Это, пожалуй, сделать мне будет легко, ведь Ганс-еж грамоты не знает, и я могу написать то, что захочу». Взял король перо и чернила и написал что-то; Ганс-еж указал ему дорогу, и король благополучно воротился домой. Увидала издали королева своего отца, обрадовалась, побежала к нему навстречу и стала его целовать. Тут он вспомнил о Гансе-Еже и рассказал ей, что приключилось с ним в пути: пришлось ему, дескать, дать письменное обещание какому-то диковинному зверю отдать то, что встретится ему дома первым, — а сидел тот зверь верхом на петухе, точно на лошади, и чудно играл на волынке. Но на самом-то деле он написал, что он не должен ему ничего отдавать, ведь Ганс-еж читать не умеет. Узнав об этом, принцесса обрадовалась и сказала, что он правильно поступил, — ведь все равно она никогда бы к нему в лес не пошла.

А Ганс-еж тем временем пас ослов и свиней, был весел и сидел на дереве, играя на своей волынке. И случилось, что на ту пору проезжал мимо другой король вместе со своими слугами и скороходами. Он заблудился в лесу и не знал, как ему назад домой воротиться, а лес был большой и дремучий. Услышал он издали прекрасную музыку и спрашивает у своего скорохода, что бы это мог-

ло значить, и велел узнать, в чем тут дело. Подошел скороход к дереву, посмотрел, поглядел, видит — сидит на верхушке петушок, а Ганс-еж на него верхом уселся. И спрашивает его скороход, что он там наверху делает.

— Пасу своих ослов и свиней. А что вы хотите?

И говорит скороход, что они, мол, в лесу заблудились и не знают, как им вернуться назад в свое королевство, — не может ли он указать им дорогу. Слез Ганс-еж вместе с петухом с дерева и говорит старому королю, что дорогу ему он укажет, если согласен он будет отдать ему то, что встретит он первым по возвращении своем домой, в свой королевский дворец. Король на это согласился и расписался Гансу-Ежу в том, что выполнить свое обещание согласен. И поехал Ганс-еж верхом впереди на своем петухе, указал королю дорогу, и добрался тот благополучно в свое королевство. Въехал он во двор замка, и встретили его с великой радостью. А была у короля единственная дочь, была она красавица; вот выбежала она первой отцу навстречу, бросилась к нему на шею, стала его целовать да радоваться, что ее отец-старик домой воротился. Стала она его спрашивать, где он так долго странствовал; и рассказал он ей, что заблудился, мол, в лесу и, пожалуй, назад бы не вернулся, но проезжал он через дремучий лес, и сидел на макушке высокого дерева не то еж, не то человек верхом на петухе и чудно играл на волынке; он-то и помог ему выбраться из лесу и указал дорогу; и пообещал он ему за это первое, что встретится ему в королевском дворце, и это оказалась она, — вот потому и стало ему так грустно сейчас. Но она пообещала ему, что из любви к нему пойдет за этого Ежа, если он явится.

А Ганс-еж пас своих свиней, а у свиней родились поросята; и стало их так много, что весь лес был ими полон. И не захотел Ганс-еж жить больше в лесу, и велел он передать своему отцу, чтоб очистили в деревне все хлевы, так как явится он с большим стадом, и каждый сможет резать тогда свиней столько, сколько захочет. Услыхал это отец и запечалился: он ведь думал, что Ганса-ежа давно уже нет в живых.

Сел Ганс-еж на своего петуха, погнал свиней в деревню и велел свиней тех колоть. Ох, какая пошла резня да рубка, — за два часа ходу было слышать!

Затем Ганс-еж и говорит:

— Батюшка, велите вы моего петушка еще раз подковать в кузнице, а потом я уеду и весь свой век не вернусь к вам назад.

Велел отец подковать петушка и обрадовался, что Ганс-еж домой возвращаться не собирается.

И поехал Ганс-еж в первое королевство; но король повелел, что ежели кто верхом на петухе приедет и будет притом играть на волынке, то должны все в него стрелять, рубить его и колоть, чтобы он не осмелился показаться в замке. Только подъехал Ганс-еж к замку, как кинулись на него со штыками люди. Но он ударил своего петуха шпорой, перелетал через ворота и очутился у королевского окошка; сел на окошко и крикнул, чтобы король отдал обещанное, а не то придется ему и дочери его с жизнью своей распрощаться. Стал король

свою дочь уговаривать, чтобы вышла она к Гансу-Ежу и спасла бы и свою и его жизнь. Вот оделась она во все белое, и дал ей отец карету, запряженную шестериком, отпустил с ней добрых и надежных слуг и дал ей денег и много всякого добра. Села она в карету, а Ганс-еж со своим петухом и волынкой уселся рядом с ней; попрощались они с королем и поехали. И король думал, что он уже больше ее никогда и не увидит. Но вышло по-другому: только они отъехали немного от города, раздел ее Ганс-еж, снял с нее белое платье и стал колоть ее до крови своими иглами и приговаривать:

— Это тебе в награду за твою неверность; уходи от меня, жить с тобой я не хочу, — и прогнал он ее домой; и вот была она опозорена на всю свою жизнь.

А Ганс-еж поехал на своем петушке и со своей волынкой дальше, и приехал он в другое королевство, к тому королю, которому он путь указал. А король тот велел, если явится кто, похожий на Ганса-ежа, чтобы часовые перед ним на караул взяли, пропустили бы его и чтоб кричали все «ура» и привели бы его в королевский замок. Как увидала его королева, испугалась, — такой он был страшный на вид; но она подумала: «Что ж теперь делать, если я отцу своему дала обещание?» Приняла она Ганса-ежа ласково да приветливо, обвенчалась с ним, и пришлось ему идти к столу королевскому. Села она с ним рядом, и стали они есть да пить. Вот наступил вечер, и надо было уже им спать ложиться, и было ей страшно его игла; но он сказал ей, чтоб она не боялась, что ей больно не будет; и он попросил старого короля, чтобы поставил он четырех человек у дверей на страже и чтоб развели они большой костер; и когда он войдет в опочивальню и станет спать ложиться, то снимет с себя свою ежовую шкуру и бросит ее у постели; и должна стража подбежать и кинуть ту шкуру в огонь и не отходить, пока она не сгорит дотла.

Когда колокол пробил одиннадцать часов, он отправился в опочивальню, скинул с себя ежовую шкуру и положил ее у постели; и явилась стража, быстро схватила ее и кинула в огонь. Когда она сгорела дотла, освободился он от чар и лежал теперь в постели, и был похож на настоящего человека, но было тело у него угольно-черное, словно обожженное. Послал король за своим лекарем, и тот стал натирать его разными целебными мазями и бальзамом, — и сделался он белым, красивым юношей. Увидала его королева, обрадовалась; и на другое утро поднялись они радостные, стали пить да есть, а потом уж и свадьбу сыграли.

И Ганс-еж получил от старого короля все королевство.

Прошло несколько лет, и поехал он со своей женой к отцу и говорит, что он его сын. Но отец ответил, что нет у него никакого сына; был у него, правда, сын, да тот родился ежом с колючими иглами и давно уже ушел странствовать по свету. Но вот, наконец, старик-отец узнал своего Ганса-ежа, обрадовался и отправился с ним в его королевство.

Вот и сказке конец пришел,
К дому Густхен тебя привел.

НОС

Вы слышали историю о трех бедных солдатах, которые после кровопролитной войны возвращались домой, побираясь по дороге?

Шли они и шли, вздыхая о том, как мало им удалось спокойно пожить мирной жизнью, и вот однажды вечером дорога завела их в густой темный лес. Уже смеркалось, и солдатам волей-неволей пришлось в том лесу заночевать. Опасаясь диких зверей, они решили спать по очереди: пока двое будут храпеть, один останется на карауле. Когда же его начнет морить сон, он разбудит одного из своих товарищей, а тот потом поднимет третьего, так ночь они и скоротают.

Двое солдат растянулись под деревом и вскоре крепко уснули; а третий развел большой костер и уселся перед ним. Прошло не так много времени, и к нему из зарослей вышел гном в красной курточке и старом плаще.

— Ты кто такой? — спросил гном.

— Я старый вояка, — ответил солдат. — С двумя своими нищими приятелями я иду домой. Присаживайся к костру, погрейся!

— Вижу, ты славный человек, — заметил гном. — Я тебе помогу. Возьми мой старый плащ. Стоит тебе накинуть его себе на плечи и пожелать что-нибудь, и тотчас твое желание исполнится. Расскажи о моем подарке своим приятелям.

С этими словами гном отдал солдату свой старый плащ, откланялся и пропал в зарослях.

Вскоре пришла очередь второго солдата сидеть на карауле, а первый завалился при этом спать. И вот прошло не так много времени, и перед караульщиком снова появился гном в красной курточке. Второй солдат, как и его товарищ, тоже был с ним любезен, и в ответ гном подарил ему кошелек, в котором, по его словам, никогда не заканчивались золотые монеты, сколько их оттуда не доставай.

Затем пришла очередь третьего солдата дежурить у костра. И к нему явился гном в красной курточке. Он подарил солдату чудесный рожок. Гном сказал, что стоит на нем заиграть, как вокруг соберется целая толпа народа,

и все, позабыв о своих неотложных делах, будут готовы помогать хозяину этого рожка.

Наутро каждый из солдат рассказал своим приятелем, что с ним приключилось ночью и показал полученный от гнома подарок. Поскольку все трое были старыми-добрыми друзьями, они решили не расставаться и продолжить свой путь, чтобы повидать мир, пользуясь волшебным кошельком.

Так ходили-бродили три солдата по свету, весело проводя время. Наконец странствовать им надоело, и приятели стали подумывать, что пора бы им осесть на месте, обзаведясь собственным жилищем. Тогда первый солдат накинул на плечи старый плащ и пожелал жить в красивом замке. И тут же этот замок предстал перед глазами приятелей. Его окружали прекрасные сады и зеленые луга, на которых паслись овцы, коз и волы. Из ворот замка выкатила большая карета, в которую были запряжены три серых жеребца в яблоках. Они и отвезли друзей в замок.

Некоторое время приятели наслаждались оседлой жизнью, но вскоре сидеть на одном месте им надоело. Тогда они принарядились, набрали дорогих подарков, сели в карету, запряженную серыми в яблоках рысаками, и отправились с визитом в соседнее королевство.

А у правителя того королевства была единственная дочь принцесса. Увидев трех разодетых воинов, прикативших на золоченой карете, она приняла их за принцев и оказала им радушный прием. И вот однажды, когда второй вояка прогуливался по парку с принцессой, она заметила у него на поясе дивный кошелек. Принцесса спросила, что это за славная вещица, а солдат оказался настолько глуп, что рассказал ей об удивительных свойствах этого кошелька.

Впрочем, даже если бы солдат держал свой рот на замке, принцесса все равно узнала бы про три подарка, которые вручил гном солдатам, ведь она и сама была колдуньей. И вот эта хитроумная принцесса вышила кошелек, который выглядел точно так же, как тот, что подарил солдату гном. А потом она пригласила второго солдата разделить с ней трапезу и напоила его приготовленным ей вином, от которого этот бывший вояка тут же крепко заснул. Тогда принцесса сняла у него с пояса волшебный кошелек, а на его место привязала тот, что сделала собственными руками.

На следующее утро три приятеля отправились домой и вскоре добрались до своего замка. Когда же им понадобились деньги, они достали золотые монеты из своего кошелька. Однако к их величайшему удивлению и сожалению новые монеты на их месте не появились. Тогда второй солдат понял, что принцесса обвела его вокруг пальца, и рассказал о всем случившемся своим приятелям.

— О, горе! — воскликнул он. — Что же нам теперь делать?

— Не переживай! — утешил его первый солдат. — Это беда небольшая. Я верну наш кошелек!

С этими словами он накинул на плечи плащ гнома и пожелал очутиться в покоях принцессы. В тот же миг он оказался в ее опочивальне. Принцесса была

в ней одна. Она сидела у кровати и распевала песенку о том, как неиссякаемым ручейком льется золото из ее нового кошелька. Солдат засмотрелся на красавицу, а она внезапно обернулась, увидала его, вскочила и громко закричала:

— Вор! Разбойник! Ко мне пробрался вор!

На эти крики в комнату ворвались стражники, которые бросились к солдату, и тот решил, что надо уносить ноги. При этом он так растерялся, что совершенно забыл про свой плащ, который все еще оставался у него на плечах. Вместо того, чтобы загадать какое-нибудь желание, солдат рванулся к окошку и выпрыгнул через него наружу. К несчастью, при этом его плащ зацепился за ставень, да так и остался на нем висеть. Принцесса же этому была несказанно рада, ведь она знала истинную цену этой старой накидки.

Пришлось несчастному солдату добираться к своим товарищам пешком. Он заявился к ним в самых расстроенных чувствах. Однако третий солдат посоветовал ему не падать духом и заиграл в свой рожок. При первых же его звуках вокруг собралось множество пеших и конных людей, которые были готовы прийти солдатам на помощь. Они отправились в поход, и вскоре соседский царский замок был ими осажден. Его владельцу королю было приказано вернуть и кошелек, и плащ, а если он откажется, его замок будет разрушен до основания.

Тогда король пошел в покои своей дочери, чтобы посоветоваться с ней и решить, как поступить. Она же ему ответила:

— Предоставь это дело мне. Я придумаю, как всех перехитрить.

Король с ней согласился, а принцесса переоделась простой селянкой, взяла в руки корзинку и отправилась ночью вместе со своей служанкой во вражеский стан, словно бы стремясь продать кое-какие вещички. Утром она начала бродить по лагерю, распевая так красиво, что из всех палаток стали выходить люди, чтобы послушать ее пение. Вышел из своей походной палатки и солдат, которому принадлежал волшебный рожок. Как только переодетая принцесса это заметила, она подала знак своей служанке. Та пробралась сквозь толпу, проскользнула в палатку, внутри которой висел рожок, схватила его и выскочила вон. После принцесса и служанка благополучно вернулись к себе в замок, а осадившие его люди разошлись по своим делам. Теперь все три подарка гнома оказались в руках у принцессы, а трое солдат снова стали бедными и несчастными, как и в ту ночь, когда повстречались с гномом в красной курточке.

Пригорюнились солдаты и стали думать, что им теперь делать.

— Друзья, — сказал второй солдат, у которого принцесса стащила кошелек, — думаю, теперь нам стоит расстаться. Пусть каждый пойдет своей дорогой.

После этих слов он повернул направо, а двое его приятелей пошли налево, поскольку решили некоторое время держаться вместе.

Шел второй солдат, шел и наконец забрел в тот самый лес, в котором повстречался с гномом. День клонился к вечеру. Усталый солдат присел под дерево и вскоре заснул.

Наутро, разлепив глаза, он к своей радости увидал, что дерево, под которым он переночевал — яблоня, и все ветки на ней увешаны спелыми наливными яблочками. Солдат успел основательно проголодаться, поэтому он начал срывать и есть эти яблоки — одно, другое, третье. И тут у него возникло странное ощущение. Поднеся в очередной раз яблоко ко рту, солдат почувствовал — ему что-то мешает. Он глянул и увидел, что это был его собственный нос! Он стал таким длинным, что касался теперь его груди. Однако на этом дело не закончилось. Нос продолжал расти и расти. «Силы небесные! — подумал солдат. — Когда же он расти перестанет?» А удивляться было чему, ведь его нос к этому времени дорос до земли. Он продолжал становиться все длиннее и длиннее. Солдат уже не мог из-за этого носа подняться на ноги.казалось, что расти его нос не перестанет никогда, ведь он уже протянулся через весь лес и перемахнул через находившиеся за ним соседние холмы с долинами.

Тем временем его товарищи шли своей дорогой. И вдруг один из них наткнулся на нечто, лежавшее на земле.

— Что же это такое? — спросил он своего товарища.

Друзья долго рассматривали свою находку и наконец решили, что она похожа на невероятно вытянутый нос.

— Давай пройдем вдоль него и узнаем, кому этот нос принадлежит, — предложил один солдат другому.

Так они и поступили, и вскоре набрали на своего товарища, лежавшего под раскидистой яблоней. И что же им теперь было делать? Они пытались тащить друга, но из этой затеи ничего не вышло. Они наняли осла и взвалили нос ему на спину, но осел вскоре истомился под таким грузом. Друзья в отчаянии опустили на землю, и в это время перед ними снова появился их старый знакомый — гном в красной курточке.

— И чего вы тут расселись? — спросил он солдат. — А, вижу! Видно, придется мне вам снова помочь. Видите вон ту грушу неподалеку? Дайте вашему приятелю откусать ее плодов, и нос у него снова станет прежней длины!

Когда оба солдата так и поступили, нос у их друга быстро уменьшился и стал таким же, как и прежде.

— Наберите немного этих яблок и груш, — посоветовал солдатам гном. — У того, кто съест яблоко, нос вытянется, как и у вашего приятеля, а от съеденной груши он станет прежним. Ступайте к принцессе и уговорите ее откусать несколько яблочек. Тогда нос у нее вытянется еще пуще, чем у вашего друга. Тогда и просите у нее, чего пожелаете.

Солдаты сердечно поблагодарили своего старого знакомого за доброту и участие. Затем они решили, что в замок к принцессе должен пойти их приятель, уже испытывший на себе силу волшебных яблок. Тогда солдат, нос которого уже удлинялся и укорачивался, переоделся садовником и отправился к королевскому замку. У его стен он начал выкрикивать, что продает прекрасные наливные яблоки, каких еще никто на свете не видывал. Каждый, кто

*Вскоре солдаты набрали на своего товарища,
лежавшего под раскидистой яблоней.*

на них смотрел, приходил в восторг и хотел их попробовать, а переодетый солдат отвечал, что эти плоды предназначены только для особ королевских кровей. Прошло не так много времени, и о чудесных яблоках узнали в замке. Тогда принцесса послала свою служанку купить несколько штук. Румяные яблоки действительно выглядели очень аппетитно и были очень вкусными. Принцесса тут же стала ими лакомиться и съела сходу больше дюжины. А потом, естественно, она стала спрашивать себя, что не так с ее носом. А он начал расти. Сначала он дорос до полу, потом свесился через окно в сад, а затем потянулся все дальше и дальше.

Пришедший в ужас король объявил по всему своему королевству, что избавивший принцессу от этой ужасной напасти, будет щедро вознагражден. Многие лекари приходили к принцессе, но ее нос по-прежнему напоминал длиннющую кишку. Тогда старый солдат нарядился иноземным доктором, заявился в замок и заявил, что сможет вылечить принцессу. Вначале он дал ей несколько долек волшебных яблок, чтобы принцесса еще немного помучилась. При этом переодетый солдат сказал, что зайдет завтра и снова ее осмотрит. Наступило утро, и, разумеется, принцессе не стало лучше. Нос ее рос всю ночь, и несчастная королевская дочка была от этого в ужасе. Тогда мнимый доктор дал ей съесть несколько долек волшебных груш. При этом он сказал, что это средство пойдет принцессе на пользу, и что он заглянет к ней на следующий день. Когда же наступило утро, нос принцессы и правда стал немного короче, но все же он оставался ужасно длинным.

Солдат же решил, что надо еще немного попугать эту зловредную принцессу, прежде чем требовать у нее вернуть украденное. Поэтому он дал ей еще несколько долек волшебного яблока и сказал, что зайдет завтра. И конечно же наутро стало ясно, что нос принцессы стал во много раз длиннее, чем накануне.

— Моя славная госпожа, — сказал тогда мнимый доктор, — вижу, что-то мешает моему лечению и действует вопреки нему. И благодаря силе своего врачебного искусства я знаю, в чем тут дело. Ты хранишь у себя похищенное чужое добро, и я уверен, что если ты его не вернешь, помочь я тебе ничем не смогу.

Принцесса же в ответ на эти слова стала решительно отрицать, что у нее есть чужие вещи.

— Ладно, раз так, — сказал доктор. — Поступай, как знаешь, только имей в виду, что я прав, а ты с этим своим длиннющим носом так и помрешь, если украденное не вернешь законным владельцам.

Затем переодетый солдат пошел к отцу принцессы, королю, и поведал ему, как обстоят дела.

— Дочь моя, — воскликнул тогда король, обращаясь к принцессе. — Верни немедленно плащ, кошелек и рожок, которые ты украла у законных владельцев!

Принцесса послушалась своего отца и велела служанке принести все эти три вещи. Она отдала их доктору и стала умолять его вернуть их законным владельцам и спасти ее. Тогда солдат дал ей съесть целую грушу, и нос принцессы быстро укоротился и стал прежнего размера. Что же касается доктора, то он надел плащ, пожелал королю и всем его придворным всего хорошего и вскоре оказался рядом с двумя своими приятелями. С тех пор все трое жили счастливо и безвылазно у себя в замке, за исключением тех дней, когда они отправлялись в своей карете, запряженной тремя серыми в яблоках рысаками на прогулку, чтобы полюбоваться окрестностями.

ТРИ ПЕРЫШКА

Жил-был однажды король; было у него три сына. Из них двое умных да толковых, а третий и говорил-то мало, был он простоват, и звали его все Дурнем.

Вот король состарился уже и стал слаб; видит, что скоро ему помирать придется, но никак не мог решить, кому же из своих сыновей царство свое передать в наследство. Вот и говорит он сыновьям:

— Ступайте странствовать по белу свету, и кто принесет мне самой лучшей работы ковер, тот и будет после смерти моей королем.

А чтоб не было между ними никакого спора, повел он их к замку, взял три перышка, дунул на них, и они взлетели вверх; а он и говорит:

— Куда они полетят, туда и вам идти.

Полетело одно перышко на восток, другое на запад, а третье взлетело, но далеко не улетело и опустилось вскоре на землю. Вот отправился один брат направо, другой пошел налево, — и посмеялись они над Дурнем, что остался возле третьего перышка, там, где оно и упало.

Сел Дурень на землю и запечалился. Вдруг он заметил, что там, где лежит перо, находится ход в подземелье. Поднял он дверь, видит — идет дальше лестница, и спустился он по ней вниз. Подошел к другой двери, постучался, слышит — изнутри кто-то настойчиво кричит:

Девушка зеленая,
Ножка ты сушеная,
Костяной ноги собачка,
Погляди-ка поскорей,
Кто стоит там у дверей?

Отворилась дверь, видит он — сидит перед ним большая, толстая жаба, а вокруг нее много маленьких жаб. Спрашивает у него толстая жаба, чего он хочет. Он ей говорит:

— Хотел бы я получить самый красивый и самой тонкой работы ковер.

Позвала та молодую жабу и говорит:

Девушка зеленая,
Ножка ты сушеная,
Костяной ноги собачка,
Эй, поди-ка поскорей,
Принеси ларец живей!

Принесла молодая жаба ларец. Открыла его толстая жаба, достала оттуда ковер и дала его Дурню. И был тот ковер такой прекрасный и такой тонкой работы, что подобного во всем свете никто и соткать не смог бы. Поблагодарил он ее и выбрался снова наверх.

А те двое братьев считали своего младшего брата таким глупым, что подумали: ничего он, мол, никогда не найдет и ничего не принесет.

— Чего нам еще стараться искать, — сказали они и взяли у первой попавшейся им пастушки грубый шерстяной платок и принесли его домой королю.

В это самое время воротился назад Дурень и принес свой прекрасный ковер. Как увидел это король, удивился и говорит:

— Уж если по справедливости поступать, то королевство должно принадлежать младшему сыну.

Но двое братьев не давали отцу покоя, стали говорить и доказывать, что невозможно-де Дурню, у которого и разума не хватает, быть королем, и стали просить его о новом уговоре.

Вот отец и говорит:

— Королевство получит тот, кто принесет мне самое красивое кольцо, — и он вывел трех братьев во двор замка, взял три перышка, дунул на них, — и поднялись они на воздух и полетели в разные стороны, куда и должны были отправиться братья.

Два старшие брата отправились снова на восток и на запад, а перышко Дурня упало наземь, как раз у самого входа в подземелье. Спустился он снова вниз к толстой жабе и сказал ей, что ему надо добыть самое красивое кольцо. Она тотчас велела принести свой большой ларец, достала оттуда кольцо и подала ему. И блесло оно, усыпанное драгоценными камнями, и было такое красивое, что подобного ни один золотых дел мастер на свете не смог бы никогда сделать.

Посмеялись два старших брата над Дурнем, что собрался он найти золотое кольцо, и не старались его вовсе искать, а взяли старый обод с колеса, посбивали с него гвозди и принесли его королю.

Когда Дурень показал свое золотое кольцо, отец и говорит опять:

— Ему принадлежит королевство.

Но двое старших все докучали королю, пока, наконец, он не согласился на третий уговор и порешил, что тот должен получить королевство, кто приведет домой самую красивую девушку.

Взял он три перышка, дунул на них, — и поднялись они на воздух и полетели так же, как и в прошлый раз.

Спустился Дурень, не долго думая, вниз к толстой жабе и говорит:

— Я должен привести домой самую красивую девушку.

Но жаба ответила:

— Самую красивую? Ой, что ты! Такой сейчас нету, но ты ее все-таки получишь.

И она дала ему выдолбленную желтую репу, запряженную шестью мышатами. И говорит, совсем запечалась, Дурень:

— А что же мне делать-то с ними?

Ответила жаба:

— А ты посади в нее одну из моих маленьких жаб.

Взял он, какая ему первая под руку попала, и посадил ее в желтый возок; но только села она в него, как тотчас обернулась волшебной красоты девицей, репа — каретой, а шестеро мышат — конями. Поцеловал он девицу, погнал коней и привез ее к королю.

Братья его явились позже, — они даже и не старались отыскать красивую девушку, а захватили с собой первых попавшихся им навстречу деревенских баб. Увидел их король и говорит:

— Младшему после смерти моей будет принадлежать королевство.

Но двое старших снова прокричали все уши королю:

— Мы никак не можем допустить, чтобы Дурень стал королем, — и потребовали, чтобы предпочтение оказано было тому, чья жена прыгнет через кольцо, что висит посреди зала. Они думали так: «Деревенские бабы сумеют это сделать, ведь они куда посильней, чем эта нежная девушка, — она прыгнет и наверняка разобьется насмерть».

Старый король и на это согласился. И вот прыгнули две деревенские бабы, проскочили через кольцо, но были они неуклюжи, упали и перешлиби свои грубые руки и ноги. А затем прыгнула прекрасная девушка, которую привез Дурень, и она проскочила легко, точно лань, — и спорить дальше было уж не о чем. Так и получил Дурень королевскую корону, и долгие годы правил он мудро.

*А затем прыгнула прекрасная девушка, которую привез Дурень,
и она проскочила через кольцо легко, точно лань, — и спорить
дальше было уж не о чем.*

ГУСЯТНИЦА У КОЛОДЦА

Жила когда-то на свете старая-престарая бабушка, жила она со своим стадом гусей в глуши между горами, где была у нее маленькая избушка. Те глухие места были окружены дремучим лесом. Каждое утро старуха брала костыль и отправлялась, ковыляя, в лес. Там принималась старушка за работу, и трудилась она больше, чем позволяли ей ее преклонные годы. Она рвала траву для своих гусей, собирала дикие яблоки и груши, какие только могла достать рукой, и все это она приносила на своей спине домой. Если она встречала кого по дороге, она ласково его приветствовала: «Добрый день, милый земляк, а нынче-то погода хорошая. Ты небось удивляешься, что я тащу траву, но каждый ведь должен нести свое бремя на плечах».

Люди, однако, встречались с ней неохотно и старались как-нибудь ее обойти, а если приходилось проходить мимо нее отцу с ребенком, он тихонько ему шептал:

— Ты старухи этой опасайся, она хитрая-прехитрая, это ведьма.

Однажды утренней порой проходил через лес красивый молодой человек. Солнце светило ярко, распевали птицы, и между листвой пролетал прохладный ветерок. Юноша был полон радости и веселья. По дороге ему еще никто не встречался, и вдруг он увидел старую ведьму, она стояла на коленях и срезала серпом траву. Она набрала в свой мешок уже целый ворох, и стояли около нее две корзины, полные диких груш и яблок.

— Бабушка, — сказал молодой человек, — а как же это ты все донесешь?

— Что поделаешь, мой милый, нести надо, — отвечала она, — детям богатых людей этого делать не приходится. Про это у крестьян говорится:

Не заглядывай назад,
Все равно ведь ты горбат.

Может, вы мне поможете? — сказала она, когда тот остановился около нее, — спина-то у вас крепкая, а ноги молодые, это для вас будет легко. Да

и дом-то мой не так уж отсюда далече, вон за той горой стоит он, в долине. Вам туда взобраться — раз, два да и все.

Сжалился молодой человек над старухой.

— Мой отец хотя и не крестьянин, — ответил он, — а богатый граф, но чтобы вы знали, что не одни только крестьяне умеют носить тяжести, я вашу вязанку отнесу.

— Что ж, попробуйте, — сказала старуха, — мне это будет приятно. Придется вам, правда, пройти целый час, но что это для вас составит? А те вон яблоки и груши вы тоже должны дотащить.

Когда молодой граф услышал, что надо идти целый час, это показалось ему несколько странным, но старуха теперь его не отпускала; она взвалила ему на спину вязанку и дала в руки обе корзины.

— Вот видите, — сказала она, — это совсем нетрудно.

— Нет, не совсем-то легко, — ответил граф, и лицо у него сделалось грустное, — ваша вязанка так оттягивает плечи, будто в нее камни наложены, а яблоки и груши на вес как свинцовые. Я еле могу дышать.

Ему очень хотелось бы все это бросить на землю, но старуха этого не позволяла.

— Погляди-ка, а, — говорила она насмешливо, — молодой человек, а не хочет нести того, что я, старуха, не раз уже таскала. На словах-то вы хороши, а как взяться за дело, то вы отлыниваете. Ну, чего ж вы стоите, — продолжала она, — да медлите, ну-ка живей подымайте ноги! Теперь уж никто не снимет с вас этой вязанки.

Пока молодому человеку приходилось идти по ровному месту, еще можно было выдержать, но когда они подошли к горе и надо было на нее взбираться, а камни под ногами скатывались вниз, будто они были живые, — стало ему невозможно. Капли пота выступали у него на лбу и сбегали, то горячие, то холодные, по спине.

— Бабушка, — сказал молодой человек, — я больше идти не в силах, я отдохну немного.

— Нет, здесь нельзя, — ответила старуха, — вот как придем на место, тогда уж вы и сможете отдохнуть, а теперь надо двигаться вперед. Почем знать, может, все это вам и к добру.

— Старуха, ты становишься, однако ж, бессовестной, — сказал граф и хотел было сбросить с себя вязанку, но он старался понапрасну: она висела у него за спиной, будто к ней приросла. Он поворачивался и так и этак, но избавиться от вязанки никак не мог. А старуха, глядя на это, смеялась и прыгала вокруг него на своем костыле.

— Любезный мой сударь, уж не гневайтесь, — говорила она, — вы краснеете, словно петух, которого резать собираются. Тащите свою ношу терпеливо, а когда доберемся домой, я уж вам щедро дам на часк.

Что ему было делать? Пришлось покориться судьбе и терпеливо тащиться вслед за старухой. Казалось, что она становится все проворней, а его ноша все

тяжелей. Вдруг старуха прыгнула, вскочила на вязанку и уселась на нее; и какой она ни была тощей на вид, а по весу оказалась куда тяжелей самой толстой деревенской девки. У юноши подкашивались колени, и когда он останавливался, то старуха била его прутом и хлестала по ногам крапивой. То и дело охая, он взобрался на гору, и когда он уже совсем готов был упасть, добрался, наконец, к дому старухи. Как увидели гуси старуху, они захлопали крыльями, вытянули шеи, кинулись ей навстречу и закричали ей: «Уля, уля, уля!» Вслед за стадом шла, держа в руках хворостину, пожилая Трулле, женщина дюжая и большого роста, но страшно уродливая, как сама ночь.

— Матушка, — сказала она старухе, — уж не случилось ли с вами чего? Вас так долго не было.

— Да что ты, доченька, — ответила она, — со мной ничего плохого не приключилось, напротив того, вот этот любезный господин донес мне мою ношу. Ты представь себе, когда я утомилась, он сам посадил меня к себе на плечи. Да и дорога нам вовсе не показалась длинной, нам было весело, мы то и дело друг с другом шутили.

Наконец, старуха слезла на землю, сняла со спины молодого человека вязанку, взяла у него из рук корзины, ласково на него поглядела и сказала:

— Ну, а теперь садитесь у дверей на скамеечку да отдыхайте. Вы честно заслужили свой заработок, и уж вы непременно его получите.

Потом она обратилась к гусятнице:

— А ты, доченька моя, ступай в комнату, негоже тебе оставаться наедине с молодым человеком, масла в огонь подливать не следует; чего доброго, он в тебя влюбится.

Молодой граф не знал, плакать ему или смеяться. «Такая красotka, — подумал он, — если бы даже была лет на тридцать моложе, так и то, наверно, не тронула бы моего сердца». А между тем старуха ласкала и гладила своих гусей, будто детей, а потом она вошла в дом вместе со своей дочкой. А юноша тем временем растянулся на скамейке под дикой яблоней. Воздух был теплый и мягкий. Вокруг расстился зеленый луг, весь поросший первоцветами, чабрецом и тысячами других цветов; посередине его пробежал, журча, светлый ручей, в котором поблескивало солнце, и разгуливали по лугу белые гуси и плескались в воде.

«А здесь и вправду приятно, — подумал он, — но я так устал, что глаза у меня сами закрываются; посплю-ка я маленько. Хорошо, если не налетит порыв ветра и не унесет у меня ноги, они у меня сделались такие вялые, будто вот-вот отвалятся».

Поспал он немного, но явилась старуха и начала его расталкивать.

— Подымайся, — сказала она, — здесь тебе оставаться нельзя. Правда, я тебе порядочно умурила, но ты ведь от этого, однако, не помер. А сейчас я дам тебе то, что ты заработал; ты в деньгах и вещах не нуждаешься, так вот подарю я тебе кое-что другое.

И она сунула ему в руку баночку, выточенную из цельного куска изумруда.

— Ты храни ее бережно, — добавила старуха, — она принесет тебе счастье.

Граф быстро поднялся и почувствовал себя совершенно свежим и, как прежде, сильным, поблагодарил старуху за ее подарок и двинулся в путь-дорогу, а на прекрасную доченьку даже и не оглянулся. Когда он прошел некоторое расстояние, издали до него все еще доносилось веселое гоготанье гусей.

Графу пришлось проблуждать три дня по лесным трущобам, пока, наконец, он оттуда выбрался. Потом пришел он в столицу, а так как там его никто не знал, то привели его в королевский дворец, где сидели на троне король и королева. Граф опустился на колени, достал из кармана изумрудную баночку и положил ее к ногам королевы. Королева велела ему подняться, и он по-

дал ей изумрудную баночку. Но только королева ее открыла и заглянула в нее, как упала замертво наземь. Графа схватили королевские слуги и хотели отвести его в темницу, но королева открыла глаза и сказала, чтоб его отпустили и чтоб все вышли, что хочет она поговорить с ним наедине.

Когда королева осталась одна, она горько заплакала и стала ему говорить:

— Что для меня весь этот блеск и почести, которые меня окружают, если я просыпаюсь каждое утро в заботах и в горе! Было у меня три дочери, младшая была из них так прекрасна, что во всем свете почитали ее за чудо. Была она бела, как снег, румяна, как цвет яблони, а волосы у нее сверкали, как солнечные лучи. Когда она плакала, то катились у нее из глаз не слезы, а жемчуга и драгоценные камни. Когда ей исполнилось пятнадцать лет, король велел всем трем сестрам явиться к его трону. Ах, если бы вы видели, как раскрыли люди от изумления глаза, когда вошла младшая, — было похоже, что взошло само солнце. И сказал король: «Мои дочери, я не знаю, когда настанет мой смертный час, но нынче я хочу завещать, что должна получить каждая из вас после моей смерти. Вы все меня любите, но кто из вас любит меня больше всех, та и должна получить самое лучшее».

И каждая из них сказала, что она любит его больше всех. «А можете ли вы доказать, — спросил король, — насколько вы любите меня? По этому я и буду судить, как вы ко мне относитесь».

Старшая сказала: «Я люблю отца, как самый сладчайший сахар». Средняя: «А я люблю отца, как самое красивое платье». Младшая промолчала, ничего не сказала.

И спросил отец: «А ты, мое дитяtko, как ты меня любишь?» — «Я не знаю, — ответила она, — мою любовь к вам я не могу сравнить ни с чем». Но отец настаивал на том, чтоб она что-нибудь назвала. И вот, наконец, она сказала: «Самая лучшая пища без соли не имеет вкуса, а потому я люблю отца, как соль». Услыхал это король, разгневался и сказал: «Если ты меня любишь, как соль, то и любовь твоя пусть будет вознаграждена солью». И поделил он тогда королевство между двумя старшими сестрами, а младшей велел привязать на спину мешок соли, и должны были двое слуг завести ее в дикий лес.

Мы все просили за нее, умоляли отца и молились, — продолжала королева, — но королевского гнева смягчить было нельзя. Как она плакала, когда должна была нас покинуть! Вся дорога была усеяна жемчугами, что падали у нее из глаз. Вскоре после того король раскаялся в своей непомерной жестокости и велел разыскивать свое бедное дитя по всему лесу, но никто ее найти не мог. Когда я думаю, что, может быть, ее съели дикие звери, я не могу опомниться от печали. Иногда я себя утешаю надеждой, что она еще жива, что она укрылась где-нибудь в пещере или, может, нашла приют у каких-нибудь добрых людей. Но вообразите себе, когда я открыла вашу изумрудную баночку и увидела, что лежит в ней жемчужина, такая же точно, как те, что падали

из глаз моей дочери; и вы можете себе представить, как жемчужина эта взволновала мое сердце. Вы должны сказать, откуда вы достали ее.

Граф ей рассказал, что баночку он получил от одной старухи в лесу, она показалась ему очень странной, должно быть, это была какая-нибудь ведьма. Но про ее дочь он ничего не слыхал и нигде ее не видел.

И вот решили король и королева эту старуху разыскать; они думали, что там, где находится жемчужина, они узнают что-нибудь и про свою дочь.

Старуха сидела одна в своей хижине за прялкой и пряла пряжу. Было уже темно, горела у очага лучина и давала тусклый свет. Вдруг на дворе поднялся шум, вернулись гуси домой с пастбища, и послышалось их хриплое гоготанье. Вскоре вошла и дочка. Но старуха еле ответила ей на приветствие и только слегка головой покачала. Дочка уселась у ее ног, взяла свое веретено и ловко начала сучить нитку, словно молодая девушка. Так просидели они целых два часа и слова между собой не промолвили. Наконец что-то у окна зашумело, и два огненных глаза уставились в комнату. То была старая ночная сова, она трижды прокричала: «Угу! угу! угу!» Глянула старуха вверх и сказала:

— Пора тебе, доченька, выходить да приниматься за работу.

Та поднялась и вышла из дому. Но куда же она пошла? По лугам, все напрямик, до самой долины. Наконец она подошла к колодцу, где росли три старых дуба. В это время взошла над горой луна, полная и большая, и стало так светло, хоть иголки собирай. Девушка сняла кожу с лица, нагнулась к колодцу и начала умываться. Когда она кончила, окунула в воду и кожу, а затем положила ее белиться и сохнуть под лунным сиянием.

И как гусятница преобразилась! Вы ничего подобного ни разу не видывали! У нее отвалилась седая коса, упали ей на плечи золотистые, как солнечные лучи, волосы и укутали ее всю, точно покрывалом. Только блестели одни глаза, такие сверкающие, как звезды на небе, а щеки сияли у ней нежным, как цвет яблони, румянцем.

Но красавица-девушка была печальна. Она села на землю и горько заплакала. Слезы одна за другой текли у нее из глаз и падали по длинным ее волосам наземь. Так сидела бы она, пожалуй, долго-долго, если бы что-то не затрещало, не зашумело на ветках соседнего дерева. Она вскочила, как лань, услыхавшая выстрел охотника. Как раз в это время луну закрыла черная туча, и вмиг девушка снова вошла в свою старую кожу, и исчезла, точно огонь, потушенный ветром.

Дрожа, как осиновый лист, она прибежала домой. Старуха стояла у двери, и девушка хотела рассказать ей, что с ней случилось, но старуха ласково засмеялась и сказала:

— Я уже все знаю.

Она отвела ее в комнату и снова зажгла лучину. Но за прялку старуха теперь не села, а достала метлу и начала подметать комнату и мыть пол.

— Все должно быть чистым и опрятным, — сказала она девушке.

— Матушка! — сказала девушка. — Почему вы беретесь за работу в такое позднее время?

— А ты разве знаешь, который теперь час?

— Скоро полночь, — ответила девушка, — уже, кажется, начало двенадцати.

— А ты разве не знаешь, — продолжала старуха, — что нынче исполнилось три года с тех пор, как ты пришла ко мне? Твой срок вышел, больше тебе со мной оставаться нельзя.

Девушка испугалась и сказала:

— Ах, милая матушка! Что ж, вы хотите меня прогнать? Куда ж мне деваться? Ведь нет у меня ни друзей, ни родимого дома, куда я могла бы пойти. Я выполняла все, что вы требовали, всегда вы были мной довольны, не прогоняйте меня. — Но старуха не хотела говорить, что предстояло девушке.

— Здесь мне тоже оставаться недолго, — сказала она ей, — но когда я отсюда уйду, то все в доме должно быть чистым; а потому не мешай мне работать. Ты ни о чем не думай, не беспокойся; тебе бы только найти приют, где можно было бы жить, а той наградой, которую я тебе дам, ты будешь довольна.

— Но вы хоть скажите, что же такое случилось? — продолжала спрашивать девушку.

— Я еще раз тебе повторяю, не мешай мне работать. Не говори больше ни слова, ступай к себе в комнату, сними с лица кожу, надень шелковое платье, которое было на тебе, когда ты явилась ко мне, и дождайся, пока я тебя позову.

Но мне надо вернуться к рассказу про короля и королеву, которые отправились вместе с графом в лесные дебри на поиски старухи. Случилось так, что ночью в лесу граф от них отстал, и ему пришлось пробираться дальше одному. На другой день ему показалось, что он вышел на правильную дорогу. Он продолжал идти дальше до той поры, пока не стало темнеть. Тогда он взобрался на дерево и решил там переночевать, он боялся теперь заблудиться. Когда луна осветила все вокруг, он заметил какую-то фигуру, спускающуюся с горы. В руках у нее не было хворостины, но он мог разглядеть, что то была гусьтница, которую он видел прежде в доме старухи.

— Ага! — воскликнул он, — если мне удастся поймать одну ведьму, то и вторая от меня не уйдет. — Но как он был изумлен, когда она подошла к колодцу, сняла с себя кожу, умылась, — и рассыпались у ней по плечам золотистые волосы, и была она такая прекрасная, что подобной он ни разу на свете не видел. Он боялся даже вздохнуть, но он просунул голову сквозь листья насколько мог вперед и начал разглядывать девушку, не спуская с нее глаз. И то ли он чересчур нагнулся или что другое было причиной, но вдруг затрещала ветка, и в этот миг девушка влезла в старую кожу и кинулась оттуда, как лань; в это время на луну набежало облако — и девушка скрылась у него на глазах.

*Но красавица-девушка была печальна. Она села на землю и горько
заплакала. Слезы одна за другой текли у ней из глаз и падали
по длинным ее волосам наземь.*

Только она исчезла, спустился граф с дерева и быстро поспешил за ней. Прошел он немного и увидел в сумерках две фигуры, идущие по лугу. Это были король и королева; они заметили издали свет в избушке старухи и направились туда. Граф рассказал им, какие чудеса он видел у колодца, и король и королева не сомневались в том, что это была их пропавшая дочь. Обрадованные, они отправились дальше и вскоре подошли к избушке. Вокруг нее сидели гуси, спрятав головы под крыло; и спали, и ни один из них не пошевелинулся. Они заглянули в окошко, там сидела в тишине старуха. Она, наклонив голову, пряла пряжу и не оглядывалась.

В комнате было убрано все так чисто, будто в ней жили маленькие облачные человечки, у которых на ногах не было ни пылинки. Но своей дочери они там не увидели. Они разглядывали все это некоторое время, наконец собрались духом и тихо постучались в окно. Казалось, будто старуха только их и дожидалась, она поднялась и ласково сказала:

— Входите, входите, я уже вас знаю.

Вошли они в комнату, и говорит старуха:

— Вам бы и не надо было в такую даль забираться, если бы вы свою дочку, такую милую и добрую, не прогнали бы три года тому назад ни за что ни про что из дому. Она дурному здесь ничему за это время не научилась, а только сердце свое сберегла в чистоте. А вы уж и так долгое время наказаны, что жили все время в страхе.

Потом она подошла к комнате и кликнула:

— Выходи, моя доченька.

Открылись двери, и вышла оттуда королевна с золотыми волосами, в своем шелковом платье, с сияющими глазами; и было похоже, будто ангел спустился с неба.

Она подошла к своему отцу и матери, бросилась к ним на шею, стала их целовать, и — уж как тут могло быть иначе — заплакали все от радости. Молодой граф стоял возле них; увидев его, королевна зарделась, как розан, и сама не знала почему.

Сказал король:

— Милое дитя, свое королевство я уже раздарил, что же мне тебе дать?

— Ей ничего не надо, — сказала старуха, — я дарю ей те слезы, которые она выплакала из-за вас; это все жемчуга, и прекраснее тех, что находят в море, и дороже всего вашего королевства. А в награду за ее работу я дарю ей свою избушку.

Только молвила это старуха — и тотчас исчезла на их глазах. Слегка затрещали стены; оглянулись они, видят — обратилась избушка в великолепный дворец, и был там уже накрыт королевский стол, и сновали взад и вперед слуги.

Сказка на том не кончается, но у бабушки моей, которая ее рассказывала, память стала короткой: конец-то сказки она позабыла. Я уверен, что королевна вышла замуж за графа, и они остались жить вместе в том дворце, и жили

они там в полном счастье и довольстве столько, сколько им было Богом положено. Были ли белоснежные гуси, что паслись у избушки, девушками (пусть это никто не поймет в дурном смысле), которых приняла к себе старуха, и вернулся ли к ним снова их человеческий облик, остались ли они у молодой королевы служанками, — этого я точно не знаю, но предполагаю, что это было именно так. А старуха, должно быть, и вовсе не была ведьмой, как думали это люди, а была она вещей женщиной, и к тому же доброй. И, пожалуй, это она одарила королевну при ее рождении даром плакать не простыми слезами, а жемчугами. В нынешнее время оно так больше не случается, а то все бедняки скоро бы разбогатели.

ДАРЫ МАЛЕНЬКОГО НАРОДЦА

Странствовали вместе портной и золотых дел мастер, и услышали они однажды вечером, когда солнце уже зашло за гору, звуки отдаленной музыки, что становились все ясней и отчетливей. Музыка звучала необычайно, но так привлекательно, что они позабыли про всякую усталость и зашагали быстрее. Вот подошли они к холму, луна уже взошла, и они заметили там множество маленьких человечков и женщин, которые, взявшись за руки, в большом восторге весело кружились в пляске и так чудесно в это время пели, — это и была та самая музыка, которую слышали путники. В середине круга сидел старший; он был чуть побольше остальных, на нем был пестрый камзол, и ему на грудь свешивалась седая как снег борода. Странники остановились в изумленье и начали смотреть на пляску. Старик кивнул им, чтоб они вошли в круг, и маленький народец радушно перед ними расступился. Золотых дел мастер, у которого был на спине горб, как и все горбатые люди, оказался достаточно смел и первым вошел в круг; портной же испытывал сперва некоторую боязнь и держался позади, но, увидев, как все это весело обошлось, собрался с духом и направился вслед за ним. Тотчас круг снова сомкнулся, и маленькие человечки продолжали петь и плясать, делая при этом самые дикие прыжки. Старик достал широкий нож, висевший у него на поясе, начал его натачивать, и когда тот сделался достаточно острым, он оглянулся и посмотрел на пришельцев. Им сделалось страшно, но у них не было времени, чтоб собраться с мыслями; и вот схватил старик золотых дел мастера и с величайшей быстротой обстриг ему начисто волосы и бороду; то же самое случилось затем и с портным. Однако, когда старик, закончив свое дело, похлопал каждого из них дружески по плечу, как бы желая этим сказать, что они, мол, хорошо поступили, согласившись на все это добровольно, страх у них прошел. Старик указал пальцем на кучу угля, лежавшую в стороне, и знаками дал им понять, что они должны наполнить себе этим карманы. И хотя они не знали, на что им может пригодиться уголь, они послушались, а затем отправились дальше на поиски ночлега. Когда они спустились в долину, на колокольне соседнего монастыря проби-

*Старик достал широкий нож, висевший у него на поясе, начал его
натачивать, и когда тот сделался достаточно острым, он оглянулся
и посмотрел на пришельцев.*

ло полночь, — и вдруг пенье замолкло. Все исчезло, и холм стоял в тихом лунном сиянье.

Путники нашли себе постоялый двор и, укрывшись на соломенной подстилке своими куртками, позабыли из-за усталости вынуть перед сном из карманов уголь. От тяжелого груза, который им надавил бока, они проснулись раньше обычного. Они сунули руки в карманы и глазам своим не поверили, увидав, что карманы у них полны не углем, а чистым золотом; да и волосы на голове и бороды оказались, к счастью, целы. И вот сделались они богатыми людьми; но золотых дел мастер, который, по своей жадной натуре, набил себе карманы полней, оказался богаче портного вдвое. А жадный хоть и много имеет, но хочет, чтоб было у него еще больше, — и предложил золотых дел мастер портному остаться здесь еще на день, а вечером отправиться снова на гору, чтоб добыть у старика еще больше сокровища. Но портной не согласился и сказал:

— Мне и этого хватит, я и этим доволен; теперь я сделаюсь мастером, женюсь на любезном мне предмете (так называл он свою возлюбленную) и буду счастливым человеком.

Но он согласился сделать золотых дел мастеру одолжение и остаться еще на денек. Под вечер золотых дел мастер повесил через плечо еще две сумки, чтоб иметь возможность набить их как следует, и пустился в путь-дорогу к тому холму. Как и в прошлую ночь, он застал маленький народец за пляской и пением. Старик опять окорнал его начисто и указал ему знаками, чтобы он набрал с собой угля. Золотых дел мастер медлить не стал, набил себе карманы и сумки, сколько в них могло поместиться, и совершенно счастливый вернулся назад и укрылся курткой.

«Если золото и давит, — сказал он, — то это еще вытерпеть можно», — и, наконец, он уснул в сладком предчувствии проснуться завтра большим богачом. Только он открыл глаза, быстро схватился, чтоб осмотреть карманы, но каково же было его изумление, когда он вытащил оттуда одни лишь черные угли, и сколько он в карманы ни лазил, все было то же самое. «Но у меня имеется, однако, золото, доставшееся мне прошлой ночью» — подумал он и начал его доставать; но как он испугался, увидав, что и оно обратилось снова в уголь. Он бил себя по лбу рукой, черной от угольной пыли, — и тут он почувствовал, что вся голова у него лысая, да и борода обстрижена начисто. Но его неудачи на этом не кончились, он заметил, что, кроме горба на спине, вырос у него на груди таких же размеров второй. Тогда он понял, что это в наказание за его жадность, и заплакал навзрыд. Это разбудило доброго портного, он принялся утешать несчастного, как только умел, и сказал:

— Ты был мне товарищем во время странствий, и ты останешься со мной и теперь будешь жить на мои богатства.

Портной свое слово сдержал, а несчастный золотых дел мастер должен был всю жизнь таскать два горба и прикрывать ермолкой свою лысую голову.

ТРИ МАЛЕНЬКИХ ЛЕСОВИКА

Жил-был один человек, и умерла у него жена; и жила женщина, и умер у нее муж; была у человека дочь, и у женщины тоже была дочь. Девушки были между собой знакомы и ходили вместе гулять, и захаживали не раз к этой женщине в дом. Вот женщина раз и говорит дочери того человека:

— Послушай, скажи-ка своему отцу, что я хочу выйти за него замуж, и уж будешь ты у меня каждый день в молоке купаться да вино попивать, а дочь моя пусть в воде купается и пьет одну только воду.

Воротилась девушка домой и рассказала отцу то, что ей велела передать женщина. Говорит отец:

— Как же мне быть? Женишься раз, а плачешься век, — оно ведь и радость и горе.

И вот, не зная, как ему поступить, снял он с ноги сапог и говорит:

— Возьми-ка этот сапог — в нем подошва дырявая, отнеси его на чердак, и повесь на большой гвоздь, и налей в сапог воды. Коль вода из него не просочится, то придется мне во второй раз жениться, а просочится — так не стану жениться.

Девушка сделала, как было ей велено; но от воды дыра в сапоге затянулась, и сапог оказался доверху полон воды. Рассказала она о том своему отцу. Вот полез он на чердак и увидел, что дочь говорит правду; пошел к вдове и женился на ней, — тут они и свадьбу сыграли.

На другое утро встали обе девушки, видят — стоит перед отцовой дочкой молоко для мытья и вино для питья, а перед дочкой жены — вода для мытья да вода для питья. На второе утро видят — стоит вода для мытья и вода для питья и перед отцовой дочкой, и перед дочерью жены. А на третье утро — глядь, стоит вода для мытья да вода для питья перед отцовой дочкой, а молоко для мытья да вино для питья — перед дочерью жены; так пошло оно и дальше.

Невзлюбила мачеха падчерицу и не знала, что бы такое и придумать, чтоб было ей день ото дня и того хуже. А была она к тому же завистлива: ведь падчерица была и мила и красива, а родная ее дочь уродлива и противна.

Однажды зимой, когда наступили лютые морозы и все кругом позамерзло, горы и долины засыпало снегом, сшила мачеха платье из бумаги, подозвала девушку и говорит:

— Надень это платье, ступай в лес да принеси мне полное лукошко земляники: мне хочется ягод поесть.

— Господи, да ведь зимой земляника не растет, — молвила девушка, — земля-то ведь вся промерзла и снегом покрыта. И как пойду я в бумажном платье? На дворе ведь так холодно, что дух захватывает, ветер продует меня насквозь, а колючий терновник разорвет мне платье.

— Ты что это? Перечить мне вздумала? — сказала мачеха. — Ступай живей и не смей мне и на глаза показываться, пока не наберешь полное лукошко земляники.

Она дала ей кусок черствого хлеба и сказала:

— Этого тебе хватит на целый день, — а сама подумала: «На дворе ты замерзнешь, и с голоду пропадешь, и никогда назад не вернешься».

Девушка послушалась, надела бумажное платье и вышла из дому с лукошком. А кругом одни только снега да снежные просторы и дали, и ни одного зеленого стебелька не видать.

Пришла она в лес, видит — стоит маленькая избушка; и выглядывают из нее три маленьких лесовика. Поздоровалась она с ними и робко в дверь постучалась. Они крикнули: «Входи!» — и она вошла в комнату и села на скамейку у печки, — ей хотелось согреться и съесть свой кусок хлеба. А маленькие человечки и говорят:

— Дай и нам кусочек.

— Хорошо, — ответила она и разломила свой кусок хлеба надвое и отдала им половину. А они потом спрашивают:

— Отчего ты в таком тоненьком платье зимой в лесу?

— Ах, — ответила девушка, — я должна набрать полное лукошко земляники, а без этого мне домой вернуться никак нельзя.

Когда она съела свой кусок хлеба, они дали ей метлу и сказали:

— Теперь подмети снег у черной двери избушки.

Она вышла, а маленькие человечки стали между собой говорить: «Что бы это нам ей такое подарить, ведь она прилежная и ласковая, и хлебом своим с нами поделилась».

И сказал первый из них:

— Я одарю ее тем, что будет она день ото дня становиться все краше.

Второй сказал:

— А я одарю ее тем, что будут у ней изо рта, только скажет она слово, падать червонцы.

Сказал третий:

— А я одарю ее тем, что явится король и женится на ней.

*Когда она съела свой кусок хлеба, они дали ей метлу и сказали:
«Теперь подмети снег у черной двери избушки».*

Исполнила девушка то, что сказали ей маленькие человечки, промела метлой снег у избушки, — и, как вы думаете, что же она нашла? Спелую землянику! Она пробилась темно-красной ягодкой из-под снега. И набрала девушка на радостях полное лукошко; поблагодарила маленьких лесовиков, попрощалась с каждым из них за руку и побежала домой, желая принести мачехе то, что та ей велела.

Воротилась она домой и только сказала «добрый вечер», как тотчас выпал у нее изо рта червонец. Потом она рассказала, что случилось с ней в лесу, и при каждом ее слове падали у ней изо рта червонцы, так что вскоре вся комната была завалена ими.

— Поглядите-ка на это чванство! — закричала ее сводная сестра, — так деньгами и швыряется. — Но втайне она ей позавидовала, и захотелось ей тоже пойти в лес за земляникой.

Мать стала ее отговаривать:

— Нет, милая доченька, на дворе слишком холодно, ты можешь замерзнуть. — Но та все ее упрашивала, и мать, наконец, согласилась, пошила ей роскошную меховую шубку и дала ей на дорогу хлеб с маслом и пирожки.

Отправилась девушка в лес и пошла прямо к той маленькой избушке. Три маленьких человечка, как и в тот раз, выглянули из окошка, но она с ними не поздоровалась и, не глядя на них и не сказав им ни слова, ввалилась в комнату, уселась у печки и начала жевать свой хлеб с маслом и пирожки.

— Дай и нам немножко, — воскликнули маленькие человечки.

Но она им ответила:

— Мне и самой-то не хватит, чего ради буду я еще с другими делиться?

Когда девушка поела, они сказали:

— Вот тебе метла, вымети чисто перед черной дверью.

— Э, да метите вы сами! — ответила она. — Я вам не служанка. — А когда она поняла, что они дарить ей ничего не собираются, она ушла от них.

И стали говорить между собой маленькие лесовики: «Что бы это ей такое подарить за то, что она такая недобрая, и с таким злым, завистливым сердцем, и не хочет делать никому добра?»

Первый сказал:

— Я одарю ее тем, что будет она с каждым днем все уродливей.

Второй сказал:

— Я одарю ее тем, что при каждом слове, что вымолвит она, будет у ней изо рта выскакивать жаба.

А третий сказал:

— А я награжу ее тем, что она умрет лютой смертью.

Стала девушка искать землянику, но не нашла ни одной ягодки и воротилась с досады домой. Только она открыла рот, чтобы рассказать матери, что случилось с ней в лесу, как стали выскакивать у ней изо рта при каждом слове по жабе, и все почувствовали к ней отвращение.

Стала мачеха еще пуще прежнего злиться на свою падчерицу и придумывать, как бы ей досадить, а падчерица становилась с каждым днем все красивей и красивей.

Наконец достала мачеха котел, поставила его на огонь и стала кипятить в нем пряжу. Когда та проварилась, взвалила она пряжу на плечи бедной девушки, дала ей в руки топор и велела идти на речку вырубить в ней прорубь и хорошенько помыть пряжу.

Девушка послушалась, пошла и вырубил в льду прорубь. Но когда она колола лед, подъехала пышная карета, и сидел в ней король. Карета остановилась, и король спросил:

— Дитя мое, ты кто такая и что ты тут делаешь?

— Я бедная девушка, мою пряжу.

Король ее пожалел и, увидев, что она такая красивая, сказал:

— Хочешь, поедem вместе со мной?

— Ах, с большой охотой! — ответила она, обрадовавшись, что ей не придется идти назад к мачехе и сестре.

И она села в карету и поехала вместе с королем. Прибыли они в замок и отпраздновали там пышную свадьбу, и было это ей в награду от маленьких лесных человечков.

Спустя год родила молодая королева сына; и когда мачеха услышала о таком великом счастье, то пришла со своей дочерью в замок, будто желая ее проведать. Но как раз в ту пору король куда-то отлучился и при ней не было никого; тогда схватила злая женщина королеву за голову, а дочка взяла ее за ноги, они подняли ее с постели и бросили через окошко в реку, протекавшую около самого замка. Потом мачеха положила в постель свою уродливую дочь и укрыла ее с головой одеялом.

Воротился король, и захотелось ему поговорить с женой, но старуха закричала:

— Тише, тише, сейчас нельзя, она лежит в сильной испарине, нынче ее надо оставить в покое.

Король, не подозревая ничего дурного, пришел только на другое утро, и когда он заговорил с женой, то при каждом слове выскакивала у нее изо рта жаба, а прежде, бывало, падал червонец. Тогда король спросил, что это значит, и старуха объяснила, что это у нее, дескать, от сильной испарины и что это скоро пройдет.

А в ночи увидал поваренок, как приплыла по водосточной канаве какая-то утка и спросила:

Король, как ты поживаешь?
Бодрствуешь иль почиваешь?

Но когда он ей ничего не ответил, утка спросила:

А как мои гости, сидят?

Ответил ей поваренок:

Нет, они крепко спят.

Стала она тогда спрашивать:

А как родимый сыночек?

И ответил поваренок:

Он спит себе в люльке всю ночьку.

И обернулась тогда утка королевой и вошла в замок, покормила ребенка, покачала его в колыбельке, укрыла его и опять уплыла по канаве. Так являлась она подряд две ночи, а на третью сказала поваренку:

— Ступай и скажи королю, чтоб он взял свой меч и трижды взмахнул им надо мной на пороге.

Побежал поваренок и рассказал о том королю. Явился король и трижды взмахнул мечом над привидением; и только взмахнул в третий раз, вдруг видит — стоит перед ним его жена, жива, здорова и невредима, как была прежде.

И был король в великой радости, но продержал королеву в потайной комнате до воскресенья, когда должны были крестить ребенка. А когда его окрестили, король спросил у старухи:

— Как должно поступить с человеком, который стаскивает кого-нибудь с постели и бросает его в воду?

— Никак иначе, — ответила старуха, — как посадить такого злодея в бочку, утыканную гвоздями, и скатить ее с горы в реку.

И сказал король:

— Ты сама себе вынесла приговор.

И он велел принести бочку, утыканную гвоздями, и посадить в нее старуху с дочкой. Забили бочку наглухо и спустили с горы, и покатила она прямо в реку.

ДУХ В БУТЫЛКЕ

Жил однажды на свете бедный дровосек и работал он с утра до самой поздней ночи. Вот собрал он, наконец, немного денег и говорит своему сыну:

— Ты у меня одно-единственное дитя, и хочу я те деньги, что заработал кровавым потом, отдать на твоё ученье; научишься ты чему-нибудь путному и будешь меня кормить на старости лет, когда стану я слаб и должен буду сидеть дома.

И поступил юноша в высшую школу, учился он в ней прилежно, и учителя его хвалили; и так пробыл он там некоторое время. Проучился он в двух школах, но всего, однако ж, чему там обучали, пройти он ещё не успел, а тут и бедность настала, заработков отца не хватало, и пришлось ему снова домой воротиться.

— Эх, — молвил отец в огорчении, — дать я тебе больше ничего не могу, и при нынешней дороговизне и гроша-то ведь лишнего не заработаешь, разве что хватит только на хлеб насущный.

— Милый батюшка, — ответил сын, — вы о том не беспокойтесь; если на то воля Господня, то все выйдет к лучшему; я уж что-нибудь да придумаю.

Вот собрался отец идти в лес, чтоб заработать немного на лесных работах, а сын ему и говорит:

— Пойду я с вами да вам помогу.

— Ладно, — сказал отец, — но тебе там трудненько придется: ты ведь к тяжелой работе непривычен, пожалуй не выдержишь; да у меня и топор-то всего один, а лишних денег, чтоб купить другой, нету.

— А вы попросите у соседа, — ответил сын, — он одолжит вам топор, а там я себе и новый заработаю.

Занял отец топор у соседа, и на другое утро, только стало светать, отправились они вместе в лес. Сын помогал отцу и при этом не уставал, и работа шла как следует. Когда солнце стояло как раз над головой, отец и говорит:

— Давай отдохнем да пополдничаем, оно и работа пойдет потом лучше.

Взял сын кусок хлеба и говорит:

— Вы, батюшка, отдохните, а я не устал, я по лесу похожу да птичьих гнезд поищу.

— Э, да какой ты, однако, шустрый, — молвил отец, — чего тебе там шататься? Устанешь, а потом и руки не подымешь; оставайся-ка ты лучше здесь да посиди вместе со мной.

Но сын не послушался и ушел в лес, поел хлеба, повеселел и стал на зеленые ветки заглядываться, не отыщется ли где какое гнездо. Так бродил он по лесу, пока, наконец, не подошел к большому старому дубу — должно быть, было ему уж несколько сот лет, и был он такой толстый, что куда побольше, чем в четыре обхвата. Он остановился, поглядел на него и подумал: «А на нем, пожалуй, не одна птица гнездо себе свила». И вдруг ему показалось, будто он слышит какой-то голос. Он насторожился и услышал чей-то глухой крик: «Выпусти меня, выпусти!» Осмотрелся он — никого не видеть, но ему показалось, будто доносится из-под земли чей-то голос. Тогда он крикнул:

— Эй, где ты?

И голос ответил:

— Я здесь, у самых корней дуба. Выпусти меня, выпусти!

Начал студент раскапывать землю под деревом и искать около корней, и вот, наконец, наткнулся он в маленькой ямке на стеклянную бутылку. Он поднял ее, посмотрел на свет и увидел, что в ней что-то прыгает, похожее на лягушку.

— Выпусти меня, выпусти! — послышался голос снова, и студент, не предполагая ничего плохого, вынул пробку.

И вышел тотчас оттуда дух и стал расти, и рос он так быстро, что в несколько мгновений уже стояло перед студентом отвратительное чудовище вышиной с полдерева.

— Знаешь ли ты, — закричал он страшным голосом, — какая награда тебе будет за то, что ты меня выпустил?

— Нет, — ответил студент, — откуда ж мне знать об этом?

— Так вот я тебе скажу, — крикнул дух, — я тебе за это шею сломаю!

— Чего же ты мне раньше-то об этом не сказал? — ответил студент. — Уж я бы тогда там тебя и оставил; а голова-то моя перед тобой устоит, вот хоть людей об этом спроси.

— Да что все у людей да у людей спрашивать, — закричал дух, — заслуженную тобой награду ты должен получить. Ты думаешь, что это я из милости был заперт так долго в бутылке? Нет, это было в наказание; я — могущественный Меркурий, и кто меня освободит, тому я должен сломать шею.

— Эй ты, потише, — ответил студент, — так быстро дело не пойдет; сначала мне надо узнать, и вправду ли ты сидел в бутылке, и действительно ли ты настоящий дух. Если ты сможешь снова залезть в бутылку, тогда я тебе поверю, а потом уже можешь делать со мной что хочешь.

Дух высокомерно ответил:

— Да что тут уметь! Дело это простое, — и он свернулся, сделался таким тонким и маленьким, каким был раньше, и пролез снова в горлышко бутылки. Только он туда забрался, а студент взял и тотчас заткнул бутылку пробкой и бросил ее под корни дуба на прежнее место. Так и обманул он духа. И собрался идти студент назад к своему отцу, а дух как завопит, да так жалобно-прежально.

— Ах, выпусти ты меня, выпусти!

— Нет, — ответил ему студент, — во второй раз я тебя уже не выпущу; кто хотел меня жизни лишить, того уж если я поймал, то не выпущу.

— Если ты меня отпустишь, — закричал дух, — то дам я тебе столько, что на всю жизнь хватит.

— Нет, — ответил студент, — ты меня опять, как первый раз, обманешь.

— Упустишь ты свое счастье, — сказал дух, — я ничего дурного тебе не сделаю, а награжу тебя щедро.

Студент подумал: «Пожалуй, попробую, может, и вправду сдержит он слово, придирайтесь ко мне, пожалуй, ему не за что». И вот он вынул пробку, — и поднялся дух из бутылки, как в прошлый раз, вытянулся и стал ростом с великана.

— Ну, теперь получай свою награду, — сказал он и подал студенту небольшой лоскут вроде пластыря и говорит: — Если потрешь ты одним концом рану, то она заживет, а потрешь ты другим концом сталь или железо, обратится оно в серебро.

— Надо будет сначала проверить, — ответил студент; подошел к дереву, разрубил топором кору и потер ее одним концом лоскута — и тотчас кора затянулась и срослась. — Ну, вижу, что все это правильно, — сказал он духу, — а теперь мы можем с тобой и расстаться.

Дух поблагодарил его за освобождение, а студент поблагодарил духа за его подарок и отправился к своему отцу.

— Где это ты шатался? — спросил его отец. — А о работе и забыл. Ну, не говорил ли я, что она будет тебе не под силу.

— Да вы, батюшка, будьте спокойны, я уж наверстаю.

— Да что уж наверстывать, — молвил сердито отец, — дело это для тебя неподходящее.

— А вот, батюшка, посмотрите, — как ударю я это дерево, так оно и затрещит.

Взял он свой лоскут, натер им топор и ударил со всего маху; но железо превратилось в серебро, а лезвие все погнулось.

— Эй, батюшка, посмотрите, какой вы мне плохой топор дали, он весь погнулся.

Испугался отец и говорит:

— Ах, что же ты наделал! Придется теперь мне за него платить, а чем же платить-то? Вот она польза от твоей работы!

И вышел тотчас оттуда дух и стал расти, и рос он так быстро, что в несколько мгновений уже стояло перед студентом отвратительное чудовище вышиной с полдерева.

— Не сердитесь, — ответил сын, — за топор уж я сам заплачу.

— Ах, дурень ты, чем же ты будешь платить-то? У тебя ведь только и есть, что я тебе даю; вот она, студенческая твоя премудрость, которой ты себе голову набил, а что до того, чтобы дерево срубить, в этом ты ничего не смылишь.

Ну, тут студент и говорит отцу:

— Работать я больше не в силах, давайте лучше вечером пирушку устроим.

— Да что ты в самом деле! — говорит отец. — Думаешь, мне одно только и останется, что засунуть руки в карманы, как делаешь это ты? Нет, мне надо еще поработать, а ты можешь домой убираться.

— Отец, да я ведь в первый раз здесь в лесу, дороги мне одному не найти, пойдемте вместе со мной.

Ну, гнев у отца поутих, уговорил сын отца, и пошли они вместе домой. Вот и говорит отец сыну:

— Ступай продай сломанный топор, увидишь, что тебе за него дадут; а остальные деньги придется мне заработать, чтобы уплатить соседу за топор.

Взял сын топор и отнес его в город к золотых дел мастеру. Тот взял его, сделал пробу, положил на весы и говорит:

— Цена ему будет четыреста талеров, но денег у меня таких сейчас при себе нету.

А студент говорит:

— Уплатите мне то, что у вас есть, а остальное останетесь должны. — И дал ему золотых дел мастер триста талеров, а сто остался должен. Воротился студент домой и говорит:

— Ну, отец, деньги теперь у меня завелись; пойдите спросите сколько сосед за топор хочет.

— Да я и без того знаю, — ответил старик, — один талер и шесть грошей.

— Так вот, дайте ему два талера и двенадцать грошей, будет это как раз вдвое, и с него хватит; глядите — денег у меня достаточно.

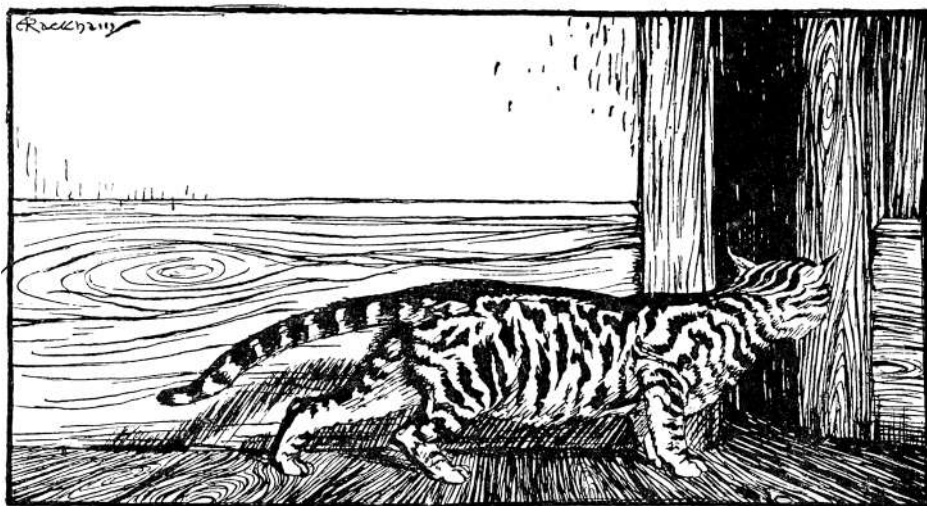
Он дал отцу сто талеров и говорит:

— Недостатка в них теперь у вас никогда не будет, живите себе в свое удовольствие.

— Боже ты мой, — сказал старик, — как же это ты так вдруг разбогател?

И рассказал сын ему все, что случилось, и как, понадеявшись на свое счастье, получил он такую богатую добычу. Взяв остальные деньги, отправился он снова в высшую школу и продолжал учиться дальше, а так как умел он лечить своим пластырем всякие раны, то и стал самым знаменитым доктором в мире.

ТРИ ФЕЛЬДШЕРА

Странствовали по свету три фельдшера, они решили, что искусство свое хорошо изучили, и вот зашли они раз в харчевню, где и решили заночевать. Хозяин спросил у них, откуда они и куда путь держат.

— Мы странствуем по свету, своим искусством занимаемся.

— Ну, так покажите мне хоть что-нибудь из того, что вы умеете, — сказал хозяин.

Вот первый из них и говорит, что он может отрезать себе руку, а наутро она снова прирастет; второй сказал, что он может вырезать у себя сердце, а наутро его опять вставить, и будет оно живое; третий сказал, что он может вырвать себе глаза, а наутро их снова вставить и оживить.

— Если вы это все умеете, — сказал хозяин харчевни, — значит, дело вы свое хорошо изучили.

А была у них такая мазь, что если ею что помазать, то и срастется; баночку, в которой та мазь хранилась, они носили всегда при себе. Вот отрезали они руку, вырезали сердце и глаза, как они и пообещали, и положили все это вместе на тарелку и подали хозяину. Отдал хозяин тарелку работнице, велел спрятать все в шкаф и беречь как следует. А имела работница тайную любовь, был то один солдат. Вот уснули в доме и хозяин, и три фельдшера, и все остальные гости, и явился солдат, захотелось ему чего-нибудь поесть. Открыла работница шкаф и достала ему кое-чего поесть, но, увлеченная своей любовью, она позабыла прикрыть дверцы шкафа, под села к столу, за которым сидел ее возлюбленный, и начали они вести между собой разговоры. Вот сидит она такая довольная, ни о какой беде и не думает, а тут подкралась в это время кош-

ка, заметила, что шкаф стоит открытый, и, схватив руку, сердце и глаза трех фельдшеров, убежала. Солдат наелся, и собралась работница убирать посуду; хотела запереть шкаф, но тут-то и заметила, что тарелка, которую дал ей хозяин спрятать, пустая.

И говорит она в испуге своему возлюбленному:

— Ах, что ж мне теперь, бедной девушке, делать? Нет ни руки, ни сердца и глаз нету. Что будет со мной, когда настанет утро!

— А ты успокойся, — сказал ей солдат, — я тебя из беды выручу: висит на площади вор на виселице, я отрежу у него руку. Скажи, какая там была рука?

— Правая.

Дала ему девушка острый нож, пошел солдат, отрезал у бедного грешника правую руку и принес ее девушке. Потом поймал солдат кошку и вырвал у нее глаза; теперь не хватало одного только сердца.

— А не резали ли у вас чего в доме? Нет ли у вас свиной туши в погребе?

— Есть, — сказала девушка.

— Ну, вот и хорошо, — сказал солдат, спустился в погреб и принес свиное сердце.

Положила все это девушка на тарелку, поставила ее в шкаф, а потом спокойно улеглась в постель.

Утром встали фельдшера и просят девушку принести им тарелку, на которой лежат, мол, рука, сердце и глаза. Достала она тарелку из шкафа, и взял первый фельдшер руку вора, приставил ее и помазал своей мазью, и в ту же минуту рука к нему приросла. Взял второй фельдшер кошачьи глаза, вставил их себе, и они тоже приросли. А третий вставил себе свиное сердце. Находился при этом и хозяин харчевни, он дивился их искусству и сказал, что подобного он ни разу не видывал и что будет их теперь всем людям советовать и расхваливать. Потом оплатили фельдшера свой трактирный счет и отправились дальше.

Вот идут они по дороге, а тот, у кого оказалось свиное сердце, все убегает от товарищей своих в сторону, а увидит где какой закоулок, бежит туда, начинает нюхать по сторонам и сопеть, как делают это свиньи. Хотели остальные двое его за фалды удержать, но не тут-то было, он вырвался и начал забираться в самую густую грязь. Второй фельдшер тоже держал себя странно, тер глаза и говорил своим спутникам:

— Товарищи, что это со мной случилось? Это не мои глаза, я совсем ничего не вижу, пусть кто-нибудь меня ведет, а не то я упаду.

Так пробирались они с трудом до вечера и, наконец, подошли к другой харчевне. Вошли они вместе в комнату, а сидел в это время у стола один богатый господин и деньги считал. Тот, у кого была рука вора, начал вокруг него расхаживать, протянул руку раз-другой, — и только богач отвернулся, сунул он руку в кучу и набрал полную пригоршню денег. Увидал это один из фельдшеров и говорит:

*Потом оплатили фельдшера свой трактирный счет
и отправились дальше.*

— Товарищ, что это ты делаешь? Не смей воровать, стыдно тебе!

— Э-э, — ответил тот, — да что поделаешь! Так руку и тянет что-нибудь взять, и выходит это невольно.

Вот улеглись они потом спать, и когда уже лежали, стало настолько темно, что и руки не разглядеть. Вдруг тот, что с кошачьими глазами, будит остальных товарищей и говорит:

— Братцы, да гляньте-ка, разве вы не видите, что вокруг нас бегают белые мышата?

Те поднялись, но увидеть ничего не могли. Вот он и говорит:

— С нами творится что-то неладное, должно быть, мы не свое назад получили. Надо будет вернуться к тому хозяину, — он нас обманул.

Отправились они на другое утро назад в ту харчевню и сказали хозяину, что получили они, дескать, не то, что им принадлежало. У одного, мол, рука вора, у другого — кошачьи глаза, а у третьего — свиное сердце. Хозяин сказал, что виновата в этом, должно быть, работница, и решил ее позвать, но как увидела она тех трех фельдшеров, убежала через черный ход и назад не вернулась. Тогда потребовали трое фельдшеров за это у хозяина много денег, не то, пустят они ему в дом красного петуха. Отдал хозяин им все, что у него было и что мог он достать, — и с тем трое фельдшеров от него и ушли. Им хватило этого на всю жизнь, но все же хотелось бы им больше заниматься своим настоящим делом.

ЗАЯЦ И ЕЖ

Сказка эта, ребята, на небылицу похожа, а все же она правдивая, — дед мой, от которого я ее слышал, говаривал всякий раз, когда он с чувством и с толком ее рассказывал:

«Правда-то в ней, сынок, есть; а то зачем бы и стали ее рассказывать?»

А дело было вот как.

Случилось это в одно воскресное утро, в пору жатвы, как раз когда зацветает гречиха. Солнце на небе взошло яркое, утренний ветер дул по скошенной жнивью, жаворонки распевали над полями, пчелы гудели на гречихе; люди шли в праздничных одеждах в церковь, и всякая тварь земная радовалась, и еж в том числе тоже.

И стоял еж у своей двери сложа руки, дышал утренним воздухом и напевал про себя веселую песенку — не хорошую и не плохую, какую поют обычно ежи в теплое воскресное утро. И вот когда он тихо напевал про себя эту песенку, пришло ему в голову, что он может, пока его жена купает и одевает детей, прогуляться немного по полю да поглядеть, как растет брюква. А брюква росла совсем близко возле его дома, и он всегда ел ее вместе со своей семьей, потому и смотрел он на нее, как на свою. Сказано — сделано. Запер еж за собой дверь и направился в поле. Отойдя недалеко от дома, он хотел было пробраться через терновник, что рос возле поля, почти у того места, где росла и брюква, и вдруг заметил он зайца, который вышел за тем же делом: посмотреть на свою капусту. Увидел еж зайца и пожелал ему доброго утра. А заяц был господин вроде как бы знатный и уж очень надменный. Он ничего не ответил на привет ежа и сказал ему, скорчив презрительную гримасу:

— Чего это ты так рано бегашь тут по полю?

— Гуляю, — говорит еж.

— Гуляешь? — засмеялся заяц. — Мне думается, что ты мог бы применить свои ноги для какого-нибудь более полезного дела.

Этот ответ сильно раздосадовал ежа: он мог бы все перенести, но о своих ногах он не позволял ничего говорить, — уж очень они были у него кривые.

— Ты, видно, воображаешь, — сказал еж зайцу, — что своими ногами ты можешь лучше управиться?

— Я думаю, — ответил заяц.

— Это надо еще проверить, — сказал еж. — Я готов биться об заклад, что если мы с тобой побежим взапуски, я прибегу первым.

— Да это прямо смешно — ты-то, со своими кривыми ногами? — сказал заяц. — Ну, что ж, если у тебя такая большая охота, я, пожалуй, согласен. А на что мы будем спорить?

— На один золотой луидор и на бутылку вина, — говорит еж.

— Идет! — ответил заяц. — Ну, тогда уж давай начнем сейчас.

— Нет, зачем нам так торопиться, я не согласен, — говорит еж, — ведь я еще ничего не ел и не пил. Сперва пойду домой и немного позавтракаю, а через полчаса вернусь на это же самое место.

Заяц согласился, и еж направился домой. По пути еж подумал про себя: «Заяц надеется на свои длинные ноги, но я-то его перехитрю. Хотя он и знатный господин, да глупый, он наверняка проиграет».

Пришел еж домой и говорит своей жене:

— Жена, скорее одевайся, придется тебе идти вместе со мной на поле.

— А что такое случилось? — спрашивает она.

— Да вот поспорили мы с зайцем на один золотой луидор и на бутылку вина: хочу бежать я с ним взапуски, и ты должна быть при этом.

— Ах, Боже ты мой! — стала кричать на него жена. — Да ты что, одурел в самом деле. Да в своем ли ты уме? Как можешь ты бежать с зайцем взапуски?

— Да ты уж, жена, лучше помолчи, — говорит ей еж, — это дело мое. В мужские дела ты не вмешивайся. Ступай оденься и пойдем вместе со мной.

Что тут было ей делать? Хочешь не хочешь, а пришлось ей идти вслед за мужем.

Идут они вдвоем по дороге в поле, и говорит еж жене:

— А теперь внимательно выслушай, что я тебе скажу. Видишь, вон по тому большому полю мы и побежим с зайцем взапуски. Заяц будет бежать по одной борозде, а я по другой, а бежать мы начнем с горы. А твое дело — только стоять здесь, внизу, на борозде. Когда заяц пробежит по своей борозде, ты и крикнешь ему навстречу: «А я уже здесь!»

С тем и добрались они на поле. Указал еж жене место, где ей надо стоять, а сам отправился повыше. Когда он пришел, заяц был уже на месте.

— Давай, что ли, начинать? — говорит заяц.

— Ладно, — отвечает еж, — начнем.

И стал каждый на свою борозду. Начал заяц считать: «Ну, раз, два, три», и помчался, как вихрь, вниз по полю. А еж пробежал примерно шага три, забрался затем в борозду и уселся себе там преспокойно.

Добежал заяц до конца поля, а ежика и кричит ему навстречу:

— А я уже здесь!

Заяц остановился и был немало удивлен: он подумал, что это кричит, конечно, сам еж, — а известно, что ежика выглядит точно так же, как и еж. Но заяц подумал: «Тут что-то неладно» и крикнул:

— Давай побегим еще раз назад!

И кинулся он вихрем, прижав уши, по борозде, а ежика осталась преспокойно на своем месте. Добежал заяц до конца поля, а еж кричит ему навстречу:

— А я уже здесь!

Разозлился заяц и крикнул:

— Давай бежать еще раз назад!

— Как хочешь, — ответил еж, — мне-то все равно, сколько тебе будет угодно.

Так бегал заяц еще семьдесят три раза, а еж все приходил первым. Всякий раз, когда заяц прибегал на край поля, еж или ежика говорили:

— А я уже здесь!

Но на семьдесят четвертый раз не добежал заяц до конца: упал на передние ноги, пошла у него кровь горлом, и не мог он двинуться дальше.

Взял еж выигранные им золотой лунддор и бутылку вина, вызвал свою жену из борозды, и они пошли вместе домой, оба друг другом вполне довольные. Если они не умерли, то живут они еще и сейчас.

Вот как оно вышло, что простой полевой еж обогнал зайца, и с той поры уже ни один заяц не решался больше бегать с ежом взапуски.

А сказки этой поученье такое: во-первых, никто, каким бы знатным он себя ни почитал, не должен себе позволять глумиться над простым человеком — хотя бы даже и над ежом. Во-вторых, дается совет такой: если надумает кто жениться, то пускай тот берет себе жену из того же круга, что и сам, и пусть будет она на него самого похожа. Вот, скажем, если ты еж, то и бери себе в жены ежиху, и так дальше.

ГРИФ-ПТИЦА

Жил-был когда-то король, а где он правил и как его звали, о том не знает никто. У короля сыновей не было, а была одна только дочь, но она все болела, и ни один из докторов не мог ее вылечить. Но королю было предсказано, что дочь его выздоровеет, если съест яблочко.

Тогда объявил король по всей земле, что кто принесет ей такое яблоко, от которого она выздоровеет, тот на ней и женится и королевство унаследует. Прослышал об этом один крестьянин; было у него трое сыновей, и говорит он старшему:

— Ступай в сад, набери полную корзину красивых яблок с красными крапинками и отнеси их к королевскому двору. Может, королевна и выздоровеет, когда их отведаст, и женишься ты на ней, и королем сделаешься.

Парень на это согласился, и вот двинулся он в путь-дорогу пешком. Прошел он некоторое время, и повстречался ему по дороге маленький человечек и спросил у него, что несет он в корзине. А Улэ — так звали парня — ответил:

— Несу лягушат.

И говорит ему человечек на это:

— Ну, пускай оно так и будет! — и пошел себе дальше.

Подошел Улэ к королевскому замку и велел о себе доложить, что принес он такие, мол, яблоки, что королевна, поев их, враз выздоровеет. Король сильно этому обрадовался, велел парня позвать к себе, но — о, ужас! — только открыли корзину, — и вместо яблок стали из нее выскакивать лягушата. Очень король разозлился и велел за это прогнать парня. Воротился старший сын назад к своему отцу и рассказал все, как было.

Посылает тогда старик среднего сына, которого звали Земэ, — но и с этим случилось то же, что и со старшим. Повстречался и ему по дороге тот самый человечек и спросил его тоже, что несет он в корзине; и говорит Земэ:

— Свиную щетину.

И сказал человечек:

— Пускай оно так и будет!

Подошел парень к королевскому замку и объявил, что у него такие, мол, яблоки, что только отведают их королевна, то враз и выздоровеет; но у замка ему сказали, что им больше яблок не надо, приходил-де какой-то уже с яблоками, но тот дураком оказался. Но парень настаивал, что у него и вправду яблоки настоящие, какие надо. Ему, наконец, поверили и привели к королю. Открыли корзину, глядь — а там всего лишь свиная щетина. Страшно разгневался король и велел прогнать парня плетью из замка. Пришел он к отцу и все рассказал, что с ним было. Услыхал о том младший сын — его звали всегда глупым Гансом — и начал просить у отца дозволить и ему тоже отнести яблоки в замок.

— Нет, — говорит отец, — умные уже ходили и не справились с делом, куда уж тебе, дураку, идти?

Но мальчик все просил:

— Уж дозвоьте мне, батюшка, тоже сходить.

— Что ж, ступай, дурень, посмотрим, что из этого выйдет, — ответил старик и начал его попрекать и бранить.

Но Ганс на ругань и попреки внимания не обращал:

— Нет, уж дозвоьте, батюшка, и мне тоже в замок сходить!

— Ну, мне что, ступай, — говорит старик, — все равно вернешься ни с чем.

Обрадовался Ганс, так от радости и запрыгал.

— Да ты, вижу, что ни день, то глупее становишься, — молвил опять отец.

Но Ганс внимания на это не обратил и продолжал себе радоваться. Но уже подходила ночь, и Ганс решил обождать до утра, а потом и идти пораньше в королевский замок. Ночью он все не мог никак уснуть, а когда начинал дремать, ему снились красавицы-девушки, разные замки; золото и серебро и тому подобные вещи. Чуть свет он двинулся в путь и вскоре повстречался с маленьким человечком в той же старенькой курточке, и спросил человечек у него, что он несет в корзине. Ганс ответил ему, что несет, мол, королевне яблоки, — если она их съест, то выздоровеет.

— Ну, — сказал человечек, — пусть так и будет!

Но в королевский замок его пускать никак не хотели, ему рассказали, что двое, мол, каких-то уже приходило, они говорили, что с яблоками, а оказалось, что у одного в корзине были лягушата, а у другого свиная щетина. Но Ганс все настаивал на том, что у него вовсе не лягушата, а самые наипрекрасные яблоки, какие только есть во всем королевстве. Когда он все это объяснил, то привратник подумал, что этот, пожалуй, не врет, и пропустил его; и вот принес Ганс королю свою корзину; тот открыл ее, видит, что в ней золотистые яблоки. Король так обрадовался, что велел немедленно отнести их своей дочери и стал в нетерпенье и страхе ждать, как они на нее подействуют. Прошло немного времени, и вот сообщают ему радостную весть. Но кто же приносит ее королю? — сама королевна! Только отведала она этих яблок, как вмиг выздоровела и спрыгнула с постели.

Невозможно и описать, как велика была радость короля. И вот надо было отдавать королю свою дочку за Ганса замуж, но королю никак этого не хотелось, и он сказал:

— Ты сделай сначала мне девять таких лодочек, что ходили б и по воде и по суше.

Ганс согласился на это условие, возвратился домой и рассказал отцу все, что случилось. Послал тогда старик старшего сына в лес, велел ему сделать такие лодочки, как сказано. Работал Улэ старательно, к тому же и насвистывал. И вот в полдень, когда солнце стояло над самой головой, вдруг явился тот маленький человечек и спросил у него, что он мастерит.

Улэ ответил:

— Деревянную посуду.

И молвил маленький человечек:

— Что ж, пускай так и будет!

И вот, когда наступил вечер, подумал Улэ, что лодочки, пожалуй, готовы, и хотел в одну из них сесть, но оказались все они деревянной посудой.

На другой день пошел в лес средний, Земэ, но и с ним случилось то же, что вышло и с Улэ.

На третий день пошел глупый Ганс. Работал он прилежно, по всему лесу раздавались сильные удары его топора, он тоже, работая, напевал и весело насвистывал. И явился в полдень тот же самый человечек и спросил у него, что он мастерит.

— Лодочки делаю, что могли бы ходить по воде и по суше. А вот как закончу работу, то выдадут за меня замуж королевну.

— Ну, что ж, — сказал человечек, — пусть так и будет!

Вечером, когда стало солнце садиться, Ганс тоже закончил свою работу над лодочками, кораблями и судами. Сел он в одну из них и поплыл себе прямо к королевскому замку. И летела его лодочка быстро, как ветер. Король увидел его еще издали, но все никак не соглашался выдать свою дочку за Ганса замуж и сказал:

— Ты должен сначала от зари до зари выпастить сотню зайцев, и если хоть один из них от тебя убежит, то замуж я дочку за тебя не выдам.

Ганс согласился на это и тотчас, на другое же утро, чуть стало светать, погнал свое стадо в поле и так внимательно пас, что не убежал от него ни один заяц. Через несколько часов приходит из замка служанка и говорит Гансу, чтоб он дал одного зайца, — ей велено, дескать, зажарить его для гостей. Но Ганс быстро смекнул, к чему дело клонится, и сказал служанке, что не даст ей ни одного, ведь ему-то за каждого зайца перед королем отвечать придется. Явилась служанка еще раз под вечер с такой же просьбой, но Ганс ей сказал, что вот если сама королевна, мол, явится, то он даст ей зайца. Доложила служанка об этом в замке, и вот пошла сама королевна к Гансу. И подошел в это время к Гансу тот маленький человечек и спросил, что он делает.

— Эх, вот должен выпасти я целую сотню зайцев, да так, чтоб ни один не убежал из стада, а за это женюсь я на королевне и королем сделаюсь.

— Хорошо, — сказал человек, — вот тебе рожок, как только какой-нибудь из зайцев убежит, заиграй в него, и заяц вернется обратно.

И вот, когда явилась королевна, положил ей Ганс зайца в передник.

Но не прошла она и сотню шагов, как заиграл Ганс в свой рожок, и заяц — прыг из передника! — и вернулся в стадо.

Наступил вечер, заиграл Ганс в свой рожок, собрал все стадо вокруг себя, пересчитал всех зайцев и погнал их к замку. Был король сильно удивлен, что сумел Ганс целую сотню зайцев выпасти и что ни один не убежал; а все-таки не хотел выдать дочку за Ганса и сказал:

— Ты сначала добудь мне перо из крыла птицы-Грифа!

Не раздумывая долго, пустился Ганс тотчас в путь и смело двинулся вперед.

Вечером подошел он к какому-то замку, попросился на ночлег; и принял его владелец замка весьма радушно и спросил, куда он идет.

Говорит Ганс в ответ:

— Я иду к птице-Гриффу.

— О-о, к птице-Гриффу? Эта птица все знает, а я вот как раз потерял ключ от сундучка с деньгами и никак найти его не могу. Попроси-ка ты птицу-Грифа сказать, где ключ мне найти.

— Хорошо, — сказал Ганс, — непременно спрошу.

Рано утром вышел Ганс, шел-шел и пришел он к другому замку и в нем тоже остался ночевать. Когда люди узнали, что идет он к Гриффу-птице, ему сказали, что у хозяев замка больна дочь; уж все лекарства перепробовали, ничто ей не помогает, — и вот нельзя ли, мол, будет поспросить Грифа-птицу, чем вылечить дочку.

Ганс ответил, что сделает это охотно, и двинулся дальше в путь-дорогу. Подходит к реке, видит, что на ней вместо паромы большой-пребольшой человек на себе людей переносит.

Спросил человек Ганса, куда держит он путь.

— Иду к птице-Гриффу, — ответил Ганс.

— Ну, так если придешь к птице-Гриффу, то поспроси у ней, долго ли мне еще всех людей на себе через реку переносить?

Ганс сказал:

— Ей-богу, уж я непременно спрошу!

И перенес его человек на плечах через реку. Наконец пришел Ганс к дому птицы-Грифа, но была только дома его жена; а Грифа-птицы не было дома. И спросила жена Грифа, что ему надо? Ганс ей все рассказал: что, мол, нужно ему перо с крыла птицы-Грифа; и хотел бы еще он задать ему вопросы людей, которых он повстречал по дороге: что потерял, мол, в замке одним ключ от сундучка с деньгами, и надо спросить у Грифа, где этот ключ найти; а в дру-

гом замке больна дочь хозяина, и никто не знает, как ее вылечить; и что есть на реке перевозчик, так почему он должен все переносить людей через реку на себе.

И говорит жена птицы-Грифа:

— Много, дружок, нельзя с птицей-Грифом беседовать крещеному человеку, а не то он тебя съест! Когда он вернется, ты залезь под кровать и лежи там; я его буду спрашивать, а ты ответы его внимательно слушай, а ночью, когда он крепко уснет, ты и вырви тогда у него перо из крыла.

Ганс так и сделал, забрался под кровать и лег там. К вечеру вернулся Гриф-птица домой и, только вошел в комнату, говорит жене:

— Жена, чую-чую крещеного человека.

— Да, — говорит, — был тут такой, да ушел.

И птица-Гриф потом замолчал, ничего не сказал на это.

А ночью, только он крепко уснул и захрапел, вылез Ганс из-под кровати и вырвал у него перо из крыла. Вдруг проснулся птица-Гриф и говорит:

— Жена, я чую крещеного человека и мне кажется, что кто-то меня по крылу царапнул.

Говорит жена:

— Это, видно, тебе приснилось, — я уж тебе сказала: был здесь крещеный, да ушел. Он рассказывал мне про всякую всячину. Будто в каком-то замке ключ утерялся от сундучка с деньгами и никак не могут его найти.

— Вот дураки! — сказал Гриф-птица. — Ведь ключ-то лежит под порогом за дверью в деревянном доме.

— И рассказывал он мне еще, что в одном замке дочка хозяев больна и не могут найти средства, чтоб ее вылечить.

— Вот дураки-то! — сказал Гриф-птица. — Ведь сидит под порогом в погребке жаба, есть у нее там гнездо, она свила его из волос той девушки. Надо волосы эти у жабы отнять, и девушка снова будет здорова.

— Да еще рассказывал он, что где-то человек вместо паромы на плечах людей переносит через реку.

— Вот дурак! — сказал Гриф-птица. — Стоит ему только одного с себя сбросить, и не будет он больше никогда переносить никого.

Только стало светать, поднялся Гриф-птица и улетел. Вылез Ганс из-под кровати и взял с собой прекрасное перо и все хорошо запомнил, что говорил Гриф-птица — и о ключе, и о больной девушке в замке, и о перевозчике. А жена Грифа все это ему еще раз повторила, чтобы он чего не забыл. Потом он снова двинулся в путь. Он сначала пришел на реку к перевозчику, и когда тот спросил, что ответил Гриф-птица, Ганс сказал:

— Ты сначала меня переправь, а потом я тебе скажу.

Перенес его на другой берег перевозчик, и сказал ему Ганс, что стоит ему только одного сбросить с себя в воду, и ему никого больше переносить не придется. Сильно обрадовался этому перевозчик и предложил ему в благодарность за это перенести его еще раз. Но Ганс отказался, — пускай, мол, побережет свои силы, что он-де и этим доволен, — и пошел себе дальше.

Пришел он к тому замку, где была дочка больная; он посадил ее к себе на плечи, она ходить сама не могла, отнес ее по лестнице в погреб, вынул гнездо жабы из-под нижней ступеньки, подал его в руки больной, — и она вмиг выздоровела, прыгнула у него с плеч и побежала по лестнице вверх совершенно здоровая. Была большая радость у отца и матери, они одарили Ганса золотыми и серебряными подарками и готовы были отдать ему все, что он пожелал бы.

Пришел Ганс к другому замку и тотчас направился в деревянный дом, — и вправду нашел он там под порогом ключ и принес его хозяину замка. И этот тоже сильно обрадовался и дал Гансу за это в награду много золота, что хранилось у него в сундуке, и еще немало всякого добра — коров, и овец, и коз.

Когда Ганс вернулся со всеми этими дарами — с деньгами, золотом, серебром, с коровами, овцами и козами, король спросил у него, откуда он все это набрал? И Ганс ему рассказал, что птица-Гриф дает каждому, что тот пожелает. И подумал король, что и он мог бы, пожалуй, получить не меньше, и отправился в путь к птице-Грифу. Но когда он подошел к перевозу, а после Ганса он явился туда первый, то перевозчик тотчас и сбросил его с себя в реку, и король утонул.

А Ганс женился на королевне и сделался королем.

ВЕРЕТЕНЦЕ, ЧЕЛНОК И ИГОЛКА

Жила-была девушка; отец и мать у нее умерли, когда она была еще совсем маленьким ребенком. А на краю деревни жила в избушке ее крестная мать; она зарабатывала себе на хлеб тем, что пряла, ткала и шила. Старуха приняла к себе в дом сироту, научила ее работать и воспитала в скромности и послушании. Когда девушке исполнилось пятнадцать лет, старуха заболела; она подозвала к постели девушку и говорит:

— Милая моя дочка, я чувствую, что близок мой конец. Я оставляю тебе эту избушку, — будет тебе где от ветра и непогоды укрыться; да еще веретенце, челнок и иголку, — вот и сможешь ты себе всегда на хлеб заработать.

Она возложила руки на голову дочери, благословила ее и сказала:

— Помни в сердце своем всегда о Боге, и будет тебе хорошо.

Затем она закрыла глаза и умерла. Когда ее хоронили, девушка шла за гробом, горько плача, и воздала ей последний долг.

Стала девушка с той поры жить одна-одинешенька в маленькой избушке; к работе она была прилежна: пряла, ткала и шила; и во всем, что она делала, было благословение доброй старухи. И было так, что лен у нее в каморке никогда не переводился, а становилось его все больше; если соткет она кусок полотна, или ковер сделает, или рубашку сошьет, то тотчас находится и покупатель, плативший ей щедро, и она никогда не испытывала нужды и могла еще кое-чем с другими людьми поделиться.

На ту пору по той земле путешествовал королевич, ища себе невесту. Бедную девушку брать ему не полагалось, но и богатой он тоже не хотел. И он сказал:

— Та будет моей женой, кто самая бедная, и в то же время и самая богатая.

Приехав в деревню, где жила девушка, он стал расспрашивать, как делал это он всюду, кто тут самая бедная и самая богатая. Ему сначала назвали богатую; а самая бедная, эта та, мол, девушка, что живет на краю деревни. Богатая сидела на пороге дома в праздничном наряде, и когда королевич подошел к ней, она встала, пошла к нему навстречу и низко ему поклонилась. Он ее оглядел, ни слова не молвил и поскакал дальше. Когда он подъехал к избушке бедной девушки, то ее у дверей не было, она сидела в своей комнатке.

Он остановил коня и увидел в окошке, в которое светило яркое солнце, девушку, что сидела за прялкой и усердно работала. Она посмотрела и, заметив, что на нее загляделся королевич, вся зарделась, опустила глаза и продолжала прясть. Уж не знаю, не ведаю, была ли на этот раз нитка ровная, но она прядла до тех пор, пока королевич не уехал.

Потом она подошла к окошку, отворила его и сказала:

— А в комнате-то как жарко стало, — и она смотрела ему вслед, пока видны были белые перья на его шляпе.

Села девушка в своей каморке снова за работу и продолжала прясть. И пришли ей на память слова, которые не раз ей повторяла старуха, сидя за работой, и она стала тихо напевать:

Веретенышко, скажни,
Женишка мне приведи!

И что же тогда случилось? — Вмиг выпрыгнуло веретенце у нее из рук и покатилося прямо в дверь. Когда она от изумленья встала, чтоб поглядеть, куда оно укатилось, она увидела, что оно весело запрыгало по полю, таща за собой блестящую золотую нитку. И вскоре оно скрылось из виду. У девушки веретенца больше не было, и она взяла тогда в руки челнок, села за ткацкий станок и принялась ткать.

А веретено запрыгало, покатилося дальше, и только нитка кончилась, докатилось оно к королевичу.

— Что я вижу? — воскликнул он. — Пожалуй, веретено хочет указать мне дорогу?

Он повернул коня и поскакал за золотой ниткой назад. А девушка в то время сидела за своей работой и пела:

Челночок мой, тки живей,
Жениха веда скорей!

И тотчас выскочил челнок у нее из рук и прыгнул прямо к дверям.

На пороге он стал ткать ковер, да красоты прямо невиданной. По краям того ковра зацветали розы и лилии; посередине, на золотом поле, подымались зеленые стебли, и прыгали меж ними зайцы да кролики, олени и лани протягивали головы, а наверху сидели на ветвях пестрые птицы, и казалось, что вот-вот они запоют. А челночок бегал взад и вперед и все как будто росло само собой.

Но вот челнок убежал, и девушка принялась тогда за шитье; она держала в руке иголку и пела:

Ты, иголочка, игла,
Дом укрась для женишка!

Вдруг выскользнула у нее из рук иголка и стала летать по комнате, да так быстро, прямо как молния. Казалось, что никак не иначе, а работают тут незримые духи; и покрылись вмиг стол и скамьи зеленым сукном, а стулья — бархатом, а на окнах появились шелковые занавески.

Только сделала иголка последний стежок, увидала девушка в окошке белые перья на шляпе у королевича, — его привело сюда веретено своей золотой нитью. Он встал с коня, ступил по ковру в дом, и только зашел он в комнату, встала девушка, одетая в бедное свое платье, но она пылала в нем, точно роза на кусте.

— Ты самая бедная, но ты самая богатая, — молвил он ей, — пойдем со мной, и будешь ты моей невестой.

Она молча протянула ему руку. Тогда он поцеловал ее, вывел из дома, усадил на коня и привез ее в королевский дворец, где они отпраздновали веселую свадьбу.

А веретенце, челнок и иголка отданы были на сохранение в королевскую сокровищницу, где и находятся в великом почете.

ДЕВА МАЛЕЙН

Жил когда-то король. Был у него сын, который сватался за дочь одного могущественного короля, ее звали дева Малейн, и была она необычайно красивая. Но отец хотел ее выдать замуж за другого, — и королевичу отказали. Но они всей душой полюбили друг друга, не хотели разлучаться, и сказала дева Малейн своему отцу:

— Я не хочу брать в мужа никого другого.

Тогда разгневался отец и велел выстроить темную башню, куда не мог бы заглянуть ни один луч солнца или луны. Когда построили башню, король сказал:

— Ты должна будешь просидеть в ней семь лет подряд, а потом я приду и посмотрю, сломилось ли твое упрямство.

Принесли на эти семь лет в башню еды и питья, потом отвели туда королевну вместе с ее служанкой и замуровали их там, и вот разлучились они с землей и с небом. Сидели они там в темноте, не зная, когда наступает день, а когда ночь. Королевич часто ходил вокруг башни и окликал королевну по имени, но ни один звук не проникал сквозь толстые стены. И что ему было делать, как только горевать да плакать? Между тем время шло, и, ведя счет еде и питью, они заметили, что подходит срок семи годам. Они думали, что час их освобождения уже наступил, но не слышно было ударов молотка, и ни один камень не падал со стены: казалось, будто отец о них вовсе позабыл. Вот осталось пищи уже на самое короткое время, они предчувствовали свою ужасную смерть, и сказала дева Малейн:

— Надо будет в последний раз попытаться, может быть, мы сможем пробить стену.

Она взяла хлебный нож и начала ковырять и долбить между камнями известку. Когда она уставала, ее сменяла служанка. После долгих трудов им удалось вытащить один камень, потом второй и третий, а через три дня в их темень проник первый луч света; наконец дыра стала такая большая, что они могли выглянуть наружу.

Небо было голубое; на них повеяло свежим ветром. Но как печально выглядело все вокруг: ее отчий замок лежал в развалинах, город и деревни, на-

сколько можно было окинуть взором, были все сожжены, а поля всюду опустошены войной; не видно было ни единой живой души.

Когда дыра в стене стала настолько большой, что они могли в нее пролезть, первой выпрыгнула из башни служанка, а за ней дева Малейн.

Но куда им было теперь идти? Враги опустошили все королевство, короля прогнали, а жителей всех перебили. Они пошли на поиски другой земли, но нигде они не находили приюта или живого человека, который бы подал им кусок хлеба. Нужда их была так велика, что им приходилось с голоду есть крапиву. После долгих странствий они попали, наконец, в другую страну и просили всюду дать им работу; но куда они ни обращались, им всюду отказывали — никто не хотел над ними жалиться. Наконец они добрались до большого города и пришли к королевскому дворцу. Оттуда их тоже прогнали, но в конце концов повар им предложил остаться у него на кухне, и они сделались судомойками.

А сын короля, в чье королевство они попали, оказался женихом девы Малейн. Отец выбрал ему другую невесту, она была столь же уродлива лицом, как и зла сердцем. Была назначена свадьба, и уже прибыла невеста, но из-за своей большой уродливости она никому на глаза не показывалась и заперлась у себя в комнате, а дева Малейн должна была приносить ей из кухни еду. Вот наступил день, когда надо было невесте идти с женихом в церковь, но она стыдилась своей уродливости и боялась, что если она появится на улице, то люди станут над ней издеваться и смеяться. И сказала она деве Малейн:

— Тебе предстоит великое счастье, я растянула себе ногу, и мне будет трудно идти в церковь. Ты должна надеть мое свадебное платье и отправиться вместо меня: большего почета на твою долю и выпасть не могло бы.

Но дева Малейн отказалась и ответила так:

— Я не хочу того почета, что мне не подобает.

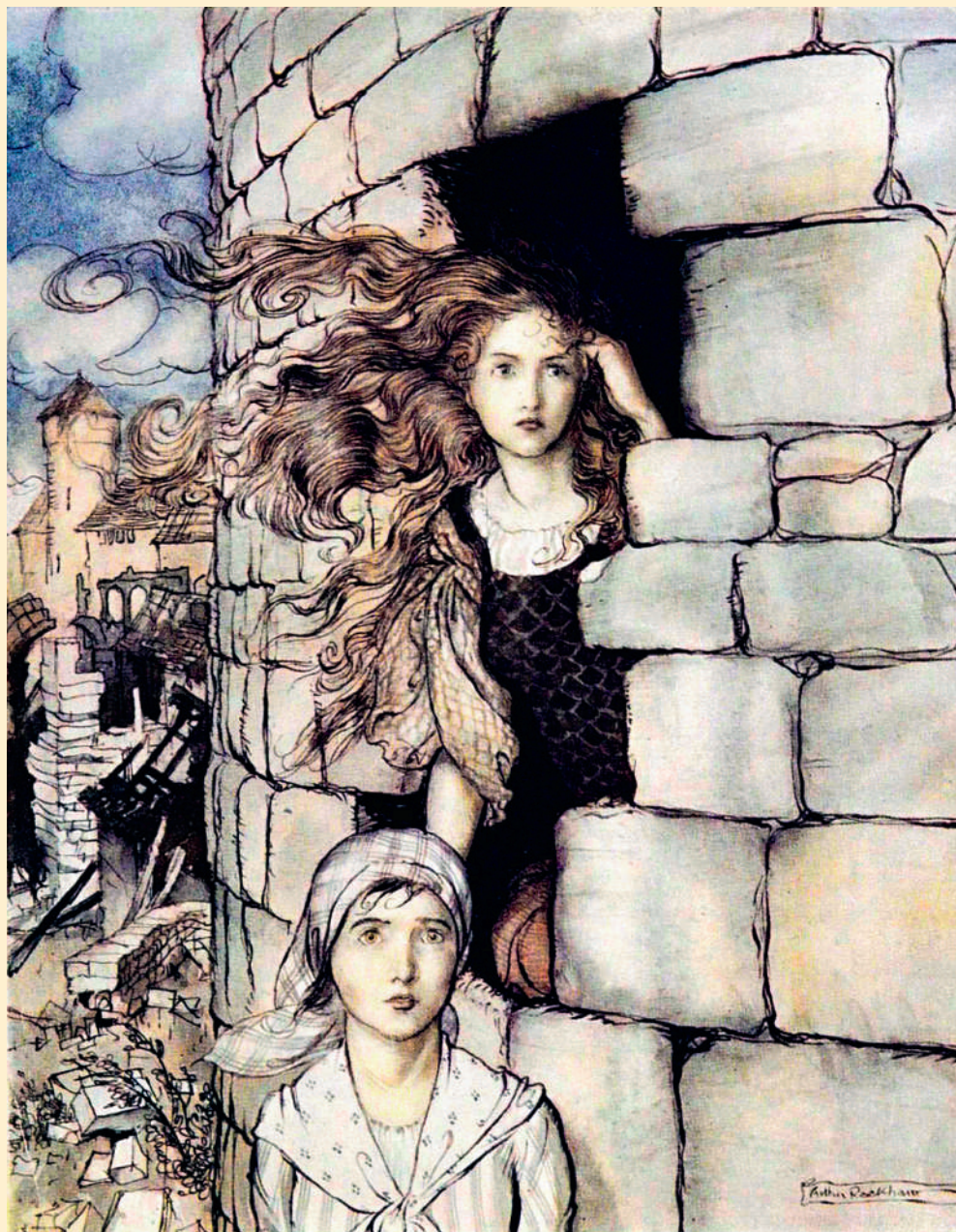
Сулила ей невеста и золото, но все было напрасно. Наконец она в гневе сказала:

— Если ты меня не послушаешь, то жизнью за это заплатишься: стоит мне только сказать слово, и тебе отрубят голову. — И вот ей пришлось подчиниться и надеть на себя пышные невестины одежды и все ее украшения. Когда она вошла в королевский зал, все были изумлены ее необычайной красотой, и сказал король своему сыну:

— Вот и невеста, которую я для тебя выбрал. Теперь ты должен повести ее в церковь.

Удивился жених и подумал: «Как она похожа на мою Малейн, и я бы поверил, что это она и есть, но ведь Малейн давно заточена в башне, а может, уже и умерла».

Он взял ее за руку и повел в церковь. А по дороге росла крапива, и говорит ей невеста:

После долгих трудов им удалось вытащить один камень, потом второй и третий, а через три дня в их темень проник первый луч света; наконец дыра стала такая большая, что они могли выглянуть наружу.

Куст крапивы,
Куст крапивы хилый,
Что стоишь унылый?
Помню, как скиталась,
Я тобой, сырою,
Все в пути питалась.

— Что это ты говоришь? — спросил королевич.

— Ничего, — ответила она, — я вспоминала о деве Малейн.

Он удивился, что она о ней знает, но промолчал. Подошли они к мостику у церковной площади, а невеста говорит:

Не сломись, пролет моста,
Я невеста — да не та.

— Что это ты говоришь? — спросил королевич.

— Ничего, — ответила она, — я все вспоминаю о деве Малейн.

— А разве ты знаешь деву Малейн?

— Нет, — ответила она, — откуда мне ее знать, я о ней только слыхала.

Вот подошли они к церковным воротам, а она и говорит опять:

Не сломитесь вы, ворота,
Я невеста — да не та.

— Что это ты говоришь? — спросил он.

— Ах, — ответила она, — да все думаю о деве Малейн.

Достал он драгоценное ожерелье, повесил ей на шею и застегнул его кольцом в кольцо. Потом вошли они в церковь, и священник соединил у алтаря им руки и обвенчал их.

Повел королевич ее домой, но за всю дорогу она и слова не молвила. Прибыли они назад в королевский замок, и она поспешила тотчас в комнату невесты, сняла с себя пышное платье и украшения, и надела свою серую рубаху, но оставила на шее ожерелье, что получила от жениха.

Когда время подошло к ночи и должны были отвести невесту в комнату королевича, она укрыла себе лицо фатой, чтоб он не заметил обмана. Вот остались они вдвоем, и сказал ей королевич:

— Что это ты говорила по дороге кусту крапивы?

— Какому кусту крапивы? — спросила она. — Зачем мне с какой-то крапивой разговаривать!

— Если ты этого не делала, значит ты ненастоящая невеста, — сказал королевич.

Но она не растерялась и ответила:

Вот пойду к служанке я,
Она вспомнит за меня.

Она вышла из комнаты и набросилась на деву Малейн:

— Эй, девка, что это ты говорила крапиве?

— Да я только сказала:

Куст крапивы,
Куст крапивы хилый,
Что стоишь унылый?
Помню, как скиталась,
Я тобой, сырою,
Все в пути питалась.

Прибежала невеста назад в комнату и говорит королевичу:

— Теперь я вспомнила, что говорила кусту крапивы, — и она повторила только что слышанные ею слова.

— А что ты говорила церковному мостику, когда мы через него переходили? — спросил королевич.

— Церковному мостику? — переспросила она. — Ни с каким церковным мостиком я не разговаривала!

— Значит, ты ненастоящая невеста.

Но она сказала опять:

Вот пойду к служанке я
Она вспомнит за меня.

Она выбежала из комнаты и накинулась на деву Малейн:

— Эй, скажи мне, девка, что это ты говорила церковному мостику?

— Да я только сказала.

Не сломись, пролет моста,
Я невеста — да не та.

— За это ты жизнью своей заплатишься, — крикнула невеста, но поспешила назад в комнату и сказала:

— Теперь я знаю, что говорила церковному мостику, — и она повторила слышанные ею слова.

— А что говорила ты церковным вратам?

— Церковным вратам? — переспросила она. — Никаким церковным вратам я ничего не говорила!

— Стало быть, ты ненастоящая невеста.

Она вышла из комнаты, набросилась на деву Малейн:

— А ну, скажи-ка, служанка, что ты говорила церковным вратам?

— Да я только сказала.

Не сломитесь вы, врата,

Я невеста — да не та.

— За это ты головой заплатишься! — крикнула невеста, совсем уж разгневавшись, но поспешила вернуться в комнату и сказала королевичу:

— Теперь я знаю, что я говорила церковным вратам, — и она повторила эти слова.

— А куда ты дела то ожерелье, что я дал тебе у церковных врат?

— Какое ожерелье? — переспросила она. — Ты мне никакого ожерелья не давал.

— Да ведь я же сам его тебе на шею повесил и вдел колечко в колечко. Если ты об этом не знаешь, значит, ты ненастоящая невеста. — Он сдернул с ее лица покрывало, и как увидел все ее ужасное уродство, отскочил от нее в испуге и говорит:

— Как ты сюда попала? Кто ты такая?

— Я твоя нареченная невеста, но я боялась, что люди, увидев меня в лицо, будут надо мной смеяться, и я велела судомойке надеть мое платье и пойти в церковь вместо меня.

— А где же она? — спросил королевич. — Я хочу на нее посмотреть, пойди и приведи мне ее сюда.

Тогда она вышла и объявила слугам, что судомойка обманщица, чтоб ее вывели во двор и отрубили б ей тотчас голову. Схватили слуги судомойку, собрались ее уже было тащить, но она так громко закричала, зовя на помощь, что услышал королевич ее голос, и выбежал из своей комнаты и тотчас велел девушку отпустить. Осветили комнату, и он увидел у нее на шее золотое ожерелье, что подарил ей у церковных врат.

— Ты настоящая невеста, — сказал он, — ты ходила со мной в церковь. Идем ко мне в опочивальню.

Вот остались они там вдвоем, а он ей говорит:

— Ты по пути в церковь называла имя деви Малейн, что была моей нареченной невестой. Если бы я мог подумать, что это возможно, мне пришлось бы поверить, что это она стоит сейчас передо мной: ты во всем на нее похожа.

Она ответила:

— Я и есть дева Малейн. Из-за тебя я просидела семь лет в заточенье, терпела голод и жажду и прожила долгие годы в беде и горе. Но сегодня снова для меня засияло солнце. Я повенчана с тобой в церкви, и я твоя настоящая жена.

Они поцеловали друг друга и с этой поры были счастливы всю свою жизнь. А ложной невесте отрубили в наказание голову.

Башня, в которой сидела дева Малейн, стояла там еще долгое-долгое время, и дети, проходя мимо нее, пели:

Дин, дон, дон!
 Кто в той башне заключен?
 Королевна там живет,
 К ней никто уж не войдет.
 Стены прочные стоят,
 Камни рухнуть не хотят.
 Ну-ка, Ганс, ступай живей,
 Проведи меня ты к ней.

ЮНЫЙ ВЕЛИКАН

Был у одного крестьянина сын; и был он ростом всего с палец, больше никак не рос, и за несколько лет ничуть не сделался больше. Собрался раз крестьянин ехать на поле — землю пахать, а малютка ему и говорит:

— Батюшка, хочу я с тобой на поле поехать.

— На поле? — говорит отец. — Нет, уж лучше оставайся ты дома; какая с тебя польза будет, — чего доброго, я тебя еще потеряю.

И начал Мальчик-с-пальчик плакать; и чтобы его успокоить, сунул его отец в карман и взял вместе с собой. Приехав на поле, он достал его из кармана и посадил на только что вспаханную борозду. Вот сидит на ней Мальчик-с-пальчик, а в это время выходит из-за горы огромный великан.

— Видишь эту громадину? — спросил его отец, желая напугать этим малыша; а чтоб был он послушным, сказал: — Вот он тебя заберет с собой.

Великан в это время сделал несколько шагов своими длинными ножами и очутился у самой борозды. Взял он маленького Мальчика-с-пальчик осторожно двумя пальцами, поднял вверх, поглядел на него внимательно и, ни слова не молвив, двинулся с ним дальше. Отец стоял рядом, но от страха и слова вымолвить не мог, и решил, что пропал теперь его сыночек и никогда уж он больше его не увидит.

И унес великан его к себе домой, начал его выкармливать; и вырос Мальчик-с-пальчик и стал таким же большим и сильным, как и все великаны. Прошло два года, и направился старый великан вместе с ним в лес. Он захотел его испытать и сказал:

— Вытащи-ка мне вот этот прутик.

А стал мальчик такой уже сильный, что вырвал из земли молодое дерево вместе с корнями. Великан подумал: «Ну, дело теперь пойдет лучше». И взял его с собой и выкармливал еще целых два года. Стал он его опять испытывать, и силы у мальчика настолько прибавилось, что мог он вырвать из земли теперь и старое дерево. Но великану это казалось еще недостаточным, он выкармливал его еще два года, потом пошел с ним в лес и сказал:

— Ну-ка, вырви мне прутик побольше, — и парень вырвал ему из земли самый толстый дуб — он так и затрещал; и было это для него делом совсем пустячным.

— Ну, теперь хватит, — сказал великан, — ты уже обучился, — и отвел его назад на поле, откуда он его принес.

А отец его как раз в это время шел за плугом. Юный великан подошел к нему и говорит:

— Посмотрите, батюшка, каким человеком ваш сын сделался.

Испугался крестьянин и говорит:

— Нет, ты мне не сын, я такого не хочу, отойди от меня.

— Да нет же, я ваш сын, и дозвоьте мне приняться за работу; пахать я умею так же хорошо, как и вы, а может, еще и получше.

— Нет, нет, ты не сын мне, да и пахать-то ты не умеешь; уходи от меня прочь.

Но так как он великана побаивался, то отошел от плуга и сел на край поля. Взял тогда парень всю упряжку и нажал одной только рукой на плуг, но нажим был такой сильный, что плуг глубоко врезался в землю. Тут крестьянин не вытерпел и крикнул:

— Коли хочешь землю пахать, то не надо так сильно нажимать, а то пахота будет неважная.

Тогда парень выпряг коней, потащил плуг на себе и сказал:

— Ступай, батюшка, домой да вели матери наварить мне миску еды, да чтобы побольше, а я уж за это время сам все поле вспашу.

Пошел крестьянин домой и сказал жене, чтоб наварила она еды побольше. Вспахал парень поле, а было оно величиной в два моргена¹, и сделал он это один, а потом впряг себя в борону и стал боронить все поле двумя боронами сразу. Кончив работу, пошел он в лес, вырвал из земли два дуба, взвалил их себе на плечи, а сзади и спереди по бороне, да еще сзади и спереди по лошади, и понес все это, словно вязанку соломы, домой к отцу-матери. Входит он во двор, а мать его не узнала и спрашивает:

— Что это за страшный и огромный человечище?

А крестьянин отвечает:

— Да это наш сын.

А она говорит:

— Нет, это не наш сын, — такого верзилы у нас никогда не было, наш-то ведь был совсем крошечный.

И она крикнула ему:

— Ступай прочь, такого мы не хотим!

Но парень промолчал, отвел лошадей на конюшню, засыпал им овса, подложил им сена — все как следует. Когда он закончил работу, вошел в комнату, сел на скамью и говорит:

¹ Старинная мера земли в Германии. (*Прим. перев.*)

— Матушка, ну, а теперь мне хочется чего-нибудь поесть, скоро ли будет ужин?

— Скоро, — ответила она и принесла две больших полных миски еды, ее хватило бы для нее и для мужа, пожалуй, на целую неделю. Но парень поел все это сам и спросил, нельзя ли еще чего подбавить.

— Нет, — сказала она, — это все, что у нас имеется.

— Да ведь это только, чтоб отведать, — мне бы надо побольше.

Она не решилась ему отказать, пошла на кухню и поставила на огонь большой котел, из которого свиньи ели, и когда он вскипел, принесла она ему целый котел.

— Наконец-то еще маленько принесли, — сказал он и съел все за один присест; но и этим он не наелся. Тогда говорит он отцу:

— Я вижу, что сыт я у вас не буду. Достаньте мне железную палицу, да покрепче, такую, чтоб мне на колене не переломить, и пойду я странствовать по свету.

Крестьянин обрадовался, запряг в повозку пару лошадей и привез от кузнеца палицу, такую большую и толстую, какую только могла дотащить пара лошадей. Положил парень палицу на колено и — трах! — переломил ее пополам, как гороховый стебель, и отбросил в сторону. Запряг тогда отец четырех лошадей и привез палицу, такую большую и толстую, какую могла только дотащить четверка лошадей. И эту сын, положив на колено, переломил, кинул ее в сторону и говорит:

— Батюшка, ты в этом деле помочь мне, видно, не можешь; надо запрячь лошадей побольше и привезти палицу, какую покрепче.

И запряг отец восьмерик лошадей и привез палицу, такую большую и толстую, какую только восемь лошадей могли дотащить. Взял ее сын в руку, отломил сверху кусок и говорит:

— Ну, вижу я, что палицы, какая мне нужна, вы достать не можете, дольше оставаться у вас я не хочу.

И он ушел от него и стал выдавать себя всюду за кузнеца-подмастерья. Пришел раз в деревню, а жил в той деревне кузнец и был он большой скряга — никому ничего не давал и хотел, чтоб все принадлежало только ему. Вот пришел он к нему в кузницу и спрашивает, не нужен ли ему будет кузнец-подмастерье.

— Да, — говорит кузнец; глянул на него и подумал: «Этот парень здоровенный, ковать сумеет хорошо и на хлеб себе заработает». И спросил:

— А какую ты плату за работу хочешь?

— Да мне никакой платы не надо, — говорит он, — а вот каждые две недели, когда будешь с другими подмастерьями расплачиваться, хотел бы я давать тебе по два тумака, а ты уж изволь их выдержать.

Такой уговор скряге пришелся по сердцу: он рассчитал, что так сбережет он немало денег. На другое утро новый подмастерье должен был приняться в первый раз за работу, и когда мастер принес раскаленную докрасна болванку,

тот ударил разок, но железо от удара все так и разлетелось, а наковальня вгрузила в землю так глубоко, что ее нельзя было никак оттуда вытащить.

Рассердился скряга и говорит:

— Э-э, нет, держать я тебя на работе не стану, ты куешь слишком грубо. А сколько ты хочешь за этот удар?

Подмастерье ему отвечает:

— Одно я хочу — дать тебе небольшого пинка, больше мне ничего от тебя не надо. — И он поднял ногу, дал ему пинка, и перелетел кузнец через четыре стога сена.

Потом выбрал он себе самую толстую железную болванку, какая была в кузнице, взял ее вместо посоха в руку и отправился дальше.

Вскоре подошел он к деревне и спросил у старосты, не потребуется ли ему старший работник.

— Да, — ответил староста, — пожалуй, будет нужен. Ты, видно, парень здоровый, с делом, пожалуй, управишься. А сколько ты жалованья за год хочешь?

Он опять-таки ответил, что жалованья ему не надо, а вот хочет он давать ему каждый год по три тумака, которые тот должен выдержать. Староста таким ответом остался доволен, — он был тоже порядочный скряга. На другое утро работникам надо было ехать в лес за дровами, все уже встали, а старший работник еще лежал в кровати. Вот один из работников его и окликнул:

— Эй ты, вставай, пора в лес за дровами ехать, и тебе тоже вместе с нами.

— Э, — ответил он насмешливо и грубо, — вы уж себе отправляйтесь, а я раньше вас с делом управлюсь.

Вот работники и пошли к старосте и рассказали ему, что старший-де работник еще лежит на полатах и, видно, ехать с ними в лес не собирается. Староста сказал, что пусть его разбудят как следует и скажут, чтоб он запряг лошадей. А старший работник опять им отвечает:

— Да вы езжайте себе, я раньше всех вас с делом управлюсь.

И он пролежал на полатах еще часа два. Наконец вылез он из перины, принес из амбара две мерки чечевицы, сварил себе похлебку, спокойно ее поел, а потом пошел на конюшню, запряг лошадей и поехал в лес. А вблизи от порубки была ложбина, по которой надо было ему ехать. Проехал он с телегой через ложбину, остановил лошадей, отошел назад к телеге и устроил из деревьев и хвороста такую засеку, что через нее ни одна лошадь не могла бы проехать. Подошел он к порубке, а в это время другие работники уже выезжали оттуда домой с груженными телегами, вот он им и говорит:

— Езжайте-езжайте, я все равно раньше вас домой приеду. — Отъехал он немного, вырвал сразу из земли два самых больших дерева, взвалил их на телегу и повернул назад. Подъезжает к засеке, видит — стоят работники и никак не могут через нее проехать.

— Вот видите, — сказал он, — остались бы вы со мной, то и домой бы поскорей приехали да еще часок-другой могли бы поспать.

Он хотел тоже проехать через ложбину, но лошади пробраться никак через нее не могли. Тогда он их выпряг, положил на телегу, а сам ухватился за оглобли и враз перетащил все через засеку, и сделал это так легко, словно телега была перьями нагружена. Вот перебрался он на другую сторону и говорит тогда остальным:

— Вот видите, я скорей вас проехал, — и двинулся дальше, а остальным пришлось там остаться.

Заехав во двор, он взял в руки дерево, показал его старосте и говорит:

— А дров-то, пожалуй, целая сажень выйдет.

Вот староста и говорит своей жене:

— А работник наш и вправду хорош; хоть и спит он много, да с делом раньше других справляется.

Так прослужил он у старосты целый год. Вышел срок, и стали работники получать свое жалованье. Вот он и говорит:

— Время и мне свою плату получать.

Испугался староста пинков, которые он должен был получить, и стал его просить и уговаривать, чтобы он простил ему те тумачи:

— Я уж лучше старшим работником стану, а ты будь за меня старостой.

— Нет, — сказал он, — не хочу я быть старостой; я старший работник и хочу им остаться, а свое, как мы условились, должен я получить.

Стал староста ему предлагать все, что он только пожелает, но старший работник на все его предложения отвечал «нет». Староста не знал, что ему и делать, и попросил у него на размышление две недели отсрочки. Старший работник на это согласился. Созвал тогда староста всех своих писарей, чтоб пораздумали они хорошенько и дали бы добрый совет. Писари долго думали-раздумывали и, наконец, сказали, что никто перед старшим работником устоять не сможет, а то, пожалуй, и жизнью расплатиться придется, — ведь он каждого, как комара, раздавит. И они посоветовали старосте, чтобы велел он старшему работнику спуститься в колодец и его почистить, а когда он спустится вниз, прикатить мельничный жернов и сбросить его ему на голову, — тогда уж он никогда оттуда не вылезет.

Совет этот старосте понравился, и старший работник спуститься в колодец согласился. Когда он очутился на дне колодца, они скатили в колодец самый большой мельничный жернов, думая, что расшибут работнику голову, а он вдруг как закричит оттуда:

— Отгоните кур от колодца, а то роются они там в песке и сбрасывают мне в глаза всякий мусор, и мне оттого ничего не видно.

Крикнул тогда староста: «Кш-кш!», будто кур отгоняет. Закончил старший работник свою работу, вылез из колодца и говорит:

— Поглядите, какое у меня красивое ожерелье, — а был это на самом деле жернов, висел он у него на шее.

Пожелал старший работник получить теперь свое жалованье, но староста опять выпросил две недели на размышление. Сошлись все писари и дали такой совет: послать старшего работника в заколдованную мельницу, чтоб перемолол он там ночью зерно; никто еще с той мельницы наутро живым не возвращался. Это предложение старосте понравилось, и он позвал в тот же вечер работника и велел ему отвезти на мельницу восемь четвертей зерна и за ночь все это перемолоть, — очень, мол, нужно. Пошел старший работник в амбар, насыпал две четверти зерна в правый карман, две четверти в левый, а четыре насыпал в переметную суму, взвалил на себя и, нагруженный, отправился к заколдованной мельнице. Мельник сказал ему, что днем он может зерно перемолоть как следует, но ночью никак дело не выйдет, — мельница-де заколдованная, и всякого, кто в нее зайдет, мертвым наутро выносить приходится. Но работник сказал:

— Я уж как-нибудь управлюсь, вы только уходите отсюда да ложитесь себе спать.

И пошел он на мельницу и засыпал зерно. Часам к одиннадцати зашел он к мельнику в комнату и присел на лавку. Посидел немного, — вдруг открывается дверь, и входит в комнату большой-пребольшой стол, и ставятся на него сами собой вино и жаркое и много всяких других яств, а в комнате ведь никого не было, кто мог бы все это принести. И придвинулись потом стулья сами к столу, но никто из людей не явился. Вдруг увидел он пальцы, они двигали ножами и вилками и накладывали кушанья на тарелки, а больше ничего разглядеть он не мог. Он был голоден, а когда увидел кушанья, то подсел тоже к столу и стал есть вместе с другими; и все ему показалось очень вкусным. Когда он наелся и другие тоже поели все, что было у них на тарелках, вдруг кто-то стал все свечи тушить, — это он ясно слышал, — и когда стало темным-темно, хоть глаз выколи, то кто-то дал ему вроде пощечины. Тогда он сказал:

— Если это повторится еще раз, я дам сдачи!

И когда он получил еще раз пощечину, он тоже размахнулся и тотчас ударил кого-то в ответ.

И так продолжалось целую ночь: он не спускал ни разу и честно давал сдачу, не ленился — бил куда попадется. Но только стало светать, как все вмиг прекратилось. Мельник встал, захотелось ему посмотреть на работника, и он был удивлен, что увидел его в живых. И тот рассказал:

— Наелся я досыта, но и пощечин получил немало; ну, и сдачи тоже давал.

Обрадовался мельник и сказал, что теперь мельница расколдована, и хотел было дать ему за это много денег в награду, но он сказал:

— Денег я не хочу, у меня их и так довольно. — Взвалил он мешок с мукой на плечи, пошел домой и сказал старосте, что с делом он управился, а теперь хочет получить расчет.

Как услышал об этом староста, тут уж и совсем перепугался и никак не мог успокоиться, стал ходить по комнате взад и вперед, и пот градом так и ка-

тился у него с лица. Открыл он окошко, чтоб подышать свежим воздухом, но не успел идохнуть, как дал ему старший работник такого пинка, что вылетел он из окна, взлетел прямо в воздух и стал подыматься выше и выше, пока, наконец, стал совсем невидим. Тогда старший работник говорит старостихе:

— Если он назад не вернется, то другой пинок вам уж получать придется. Закричала старостиха:

— Нет, нет, уж мне этого не выдержать! — открыла она другое окошко, и у нее капли пота тоже на лбу проступили. И вот дал работник ей пинка, и вылетела она в окошко; а так как была она легче мужа, то и взлетела куда повыше.

Стал муж ей кричать:

— Спускайся ко мне!

А она все кричала:

— Ты уж лучше ко мне подымайся, а мне к тебе спуститься никак невозможно. — И стали они носиться по воздуху, а друг к другу приблизиться все никак не могут.

Летают ли они там до сих пор, по правде сказать, я не знаю. А юный великан взял свою железную палицу и пошел себе дальше.

ТРИ СЧАСТЛИВЦА

Позвал однажды отец своих трех сыновей и подарил первому из них петуха, второму — кошу, а третьему — кошку.

— Я уже стар стал, — сказал он, — скоро мне помирать придется, вот и хочу я вас чем-нибудь обеспечить перед своей смертью. Денег у меня нет, и то, что я вам даю, стоит будто и мало, но главное в том, чтобы с толком его применить к делу: стоит вам только найти такую страну, где подобных вещей еще не знают, и счастье вам будет обеспечено.

Отец умер, и вот старший ушел из дому со своим петухом, но куда он ни приходил, петух всюду был давно уже известен: в городах он видел его издали на башнях, где он вертелся флюгаркой под ветром на крышах; по деревням их немало горланило по дворам, — и никто, увидев его, не удивлялся, и было непохоже, чтобы благодаря петуху можно было счастье свое устроить. Но вот случилось ему, наконец, попасть на остров, где люди не только про петуха не слыхали, но и времени счет вести не умели. Они, конечно, знали, когда утро, когда вечер, но если они просыпались ночью, то никто не знал, который час.

— Вот поглядите, — сказал он, — что за стройная да красивая птица. На голове у нее рубиново-красный венец, и носит она шпоры, точно какой-нибудь рыцарь; она окликает вас ночью трижды в положенное время, а когда кричит она в последний раз, это значит, что скоро взойдет солнце. А когда запоет она среди бела дня, этим указывает на верную перемену погоды.

Людам это понравилось, они решили целую ночь не спать и с великой радостью слушали, как петух отчетливо и громко пел в два, в четыре и в шесть часов, указывая время. Они спросили, не продаст ли он им петуха и сколько за него потребует денег.

— Столько золота, сколько осел дотащить сможет, — ответил он.

— И деньги-то малые за такую драгоценную птицу, — обрадовались они и охотно заплатили ему то, что он потребовал.

Воротился он со своим богатством домой; братья его удивились, и сказал средний из них:

— Пойти, что ли, и мне? Может, и я сбуду свою косу так же удачно.

Но поначалу было оно как-то на то непохоже: повсюду встречал он крестьян, и у них тоже были косы за плечами, как и у него. Но, наконец, и ему посчастливилось попасть на остров, где люди о косе до той поры и понятия не имели. Когда у них созревали хлеба, они подвозили к полям пушки и выстрелами срезали хлеб. Но дело это было ненадежное. Одно ядро стреляло слишком далеко, другое вместо стебля попадало в колосья, и от выстрела они разлетались, и много зерен пропадало понапрасну, а кроме того, было много лишнего шума. И вот пошел средний брат на поле и стал косить, да так бесшумно и быстро, что люди от изумленья так рты и пораскрывали. Они были согласны отдать ему за ту косу все, что он потребует. И вот получил он лошадь, на которую золота навьючили столько, сколько она могла тащить.

Захотелось и третьему брату сбыть свою кошку подходящему человеку. Но и с ним, пока он ходил по нашей земле, вышло поначалу то же, что и с братьями; и ничего придумать он не мог, — повсюду кошек было так много, что новорожденных котят большей частью топили. Наконец удалось ему перебраться на один остров, и, по счастью, оказалось, что кошек там ни разу не видавали, а мышей там развелось так много и они так обнаглели, что прямо плясали по столам и скамьям, все равно — дома ли хозяин или нет. Люди очень жаловались на такое бедствие, даже сам король не знал, как спастись от них в своем замке: во всех углах пищали мыши и грызли все, что только им ни попадалось.

Вот вышла кошка на охоту и вскоре очистила несколько зал от мышей; стали люди просить короля, чтоб купил он этого чудесного зверя на пользу государству. Король охотно уплатил то, что было за нее потребовано, и дал мула,

навьюченного золотом; и воротился домой третий брат с самыми большими богатствами.

Всласть наелась кошка в королевском замке мышами; передушила она их столько, что и счесть было невозможно. Наконец стало ей от такой работы жарко и захотелось ей пить; остановилась она, головой повертела и закричала: «мяу-мяу». Испугался король, услышав такой странный крик, а за ним и придворные, и в страхе бежали они все вместе из замка. И держал король в нижнем зале совет, как быть, как лучше всего поступить. Было, наконец, решено выслать к кошке герольда и потребовать, чтобы она покинула замок, и предупредить ее, что в противном случае к ней будет применена сила.

И сказали советники, что лучше уж от мышей мучиться, — к этому злу они, мол, привычны, — чем отдавать свою жизнь на произвол такому чудовищу.

Один из пажей должен был подняться в замок и спросить у кошки, согласна ли она убраться отсюда подобиру-поздорову. Но стала кошку жажда мучить пуще прежнего, и она ответила только: «мяу-мяу». А паж понял: «нет, мол, нет», и передал королю этот ответ.

— Ну, — сказали тогда советники, — в таком случае она должна будет уступить силе. — И были наведены пушки; открыли огонь, и загорелся от выстрелов замок. Когда огонь стал проникать в зал, где сидела кошка, она благополучно выскочила в окно; но осаждающие не прекращали пальбу до тех пор, пока весь замок не был разрушен до основания и не осталось от него и камня на камне.

ЧУДО-ПТИЦА

Жил-был однажды на свете колдун; обернулся он нищим и стал ходить по домам и милостыню просить и хватал красивых девушек. И никто не знал, куда он их уносит, так как с той поры их никто больше нигде не видел.

Вот подошел он раз к дому одного человека, у которого было три красивых дочери; а был у колдуна вид бедного, дряхлого старца, и висела у него за плечами сума, будто для сбора подаяний. Попросил он дать ему немного поесть. Вышла из дома к нему старшая дочь и хотела подать ему кусок хлеба, но только он к ней прикоснулся, как тотчас пришлось девушке прыгнуть к нему в суму. Потом он ушел оттуда быстрыми шагами и отнес ее в темный лес, в свой дом, а стоял он в самой гуще леса. В том доме было все убрано очень красиво; и дал ей колдун все, что только она пожелала, и сказал:

— Моя любушка, тебе у меня понравится, все у тебя будет, чего только душа твоя пожелает.

Так продолжалось несколько дней, и вот однажды он ей говорит:

— Мне надо будет из дому отлучиться и оставить тебя на короткое время одну; на тебе ключи от дома, и можешь всюду ходить и все рассматривать, только не смей заходить в одну из комнат, открыть ее можно вот этим маленьким ключиком; делать это я тебе запрещаю под страхом смертной казни.

Дал он ей еще яйцо и сказал:

— Это яйцо береги как следует, а лучше всего носи его всегда при себе; если оно пропадет, то случится из-за этого большое несчастье.

Взяла она ключи и яйцо и обещала выполнить все как следует. Когда он ушел, стала она бродить по дому, обошла его весь снизу и доверху и осмотрела все; комнаты сияли серебром и золотом, и ей казалось, что ни разу в жизни не видела она подобной красоты. Наконец она подошла к запретной двери, хотела было мимо нее пройти, но любопытство не давало ей покоя. Она осмотрела ключик, а был он похож на все остальные, вставила его в замочную скважину, слегка повернула — и вдруг дверь отворилась.

Но что же увидела она, войдя в комнату?

Стояло там посредине большое окровавленное корыто, и лежали в нем изрубленные люди; поодаль стояла плаха, и лежал на ней блестящий топор. Она так сильно испугалась, что яйцо выскочило у нее из рук. Она подняла его и стала стирать с него кровь, но напрасно она старалась, — кровь тотчас опять появлялась на яйце; терла она его, вытирала, но ничего из этого не вышло.

А вскоре воротился домой из своих странствий колдун, и первое, что он потребовал, были ключик и яйцо. Она подала их ему, но при этом дрожала, и увидел колдун тотчас по красному пятну, что она была в кровавой комнате.

— Если ты входила против моей воли в ту комнату, — сказал он, — то должна будешь теперь против своей воли опять вернуться туда. Твоей жизни пришел конец!

Он бросил ее наземь и потащил туда за волосы; отрубил ей на плахе голову, всю ее изрубил на куски, — и потекла кровь по полу. Кинул он ее потом в корыто, туда, где лежали и остальные.

— А теперь надо будет мне притащить и другую, — сказал колдун и, обернувшись нищим, стал опять ходить по домам и просить милостыню.

И подала ему вторая сестра кусок хлеба, он поймал ее, как и первую, лишь только к ней прикоснулся, — и унес ее с собой. Пришлось ей не лучше, чем ее сестре, — ее тоже погубило любопытство. Открыла она кровавую комнату, заглянула туда и поплатилась за это жизнью.

А колдун отправился снова и принес третью сестру, но та оказалась умной и хитрой. Дал он ей ключик и яйцо, а сам ушел из дому. Но она сначала бережно спрятала яйцо, а потом осмотрела весь дом и, наконец, вошла в запретную комнату, и — ах! — что же она увидела! Обе ее любимые сестры лежали в корыте, убитые и порубленные.

Но она подняла их и собрала по кускам, сложила их вместе, как должно, голову, руки и ноги. И когда все было сложено как следует, они начали сами собой двигаться, срослись, — и обе девушки открыли глаза и ожили снова.

Они обрадовались, стали целоваться и обнимать друг дружку. А тут вернулся колдун и потребовал тотчас ключик и яйцо и, не найдя на нем и следа крови, сказал:

— Ты испытанье выдержала и должна стать моей невестой.

И потерял он над ней теперь всякую власть и должен был исполнять все, что она потребует.

— Хорошо, — ответила она, — но ты должен сначала отнести на своих плечах моему отцу и матери полную корзину золота; а там мы и свадьбу справим.

Побежала она тогда к своим сестрам, которых она спрятала в маленькой каморке, и говорит:

— Настал час, когда я могу вас спасти; злодей должен будет сам отнести вас домой. Но как только вы окажетесь дома, присылайте мне тотчас подмогу.

Посадила она обеих сестер в корзину, а сверху прикрыла их золотом так, что их не было видно, потом кликнула она колдуна и сказала:

— Ну, теперь отнеси корзину, да смотри, по дороге не останавливайся и не отдыхай, я буду смотреть в окошко и за тобой доглядывать.

Взвалил колдун корзину на плечи и отправился в путь-дорогу, но корзина была такая тяжелая, что пот градом катился у него с лица. Вот присел он немного отдохнуть, но тотчас закричала из корзины одна из сестер:

— Я смотрю в окошко и вижу, вижу, что ты отдыхаешь, а ну, отправляйся-ка дальше.

Колдун подумал, что это кричит ему невеста, и тотчас двинулся дальше. Вот захотелось ему еще раз присесть отдохнуть, но тотчас послышался голос:

— Я гляжу в окошко и вижу, вижу, что ты отдыхаешь, а ну, отправляйся живей дальше!

И только он останавливался, как тотчас раздавался голос, и ему приходилось идти дальше, и вот наконец, со стоном, запыхавшись, притащил он корзину с золотом и двумя девушками домой, к их отцу-матери.

А тем временем приготовила невеста дома свадебный пир и велела созвать на него друзей колдуна. Взяла она череп с оскаленными зубами, раскрасила его, надела на него венок из цветов, отнесла его наверх и поставила на чердаке в слуховом окошке, будто он оттуда выглядывает.

Когда все было уже приготовлено, окунулась она в бочку с медом, расползла перину, выкаталась в перьях и стала теперь похожа на белую чудо-птицу, и никто не смог бы ее теперь узнать. Вышла она после этого из дому; и повстречались ей по дороге некоторые из свадебных гостей и спрашивают у нее:

— Ты кто, скажи мне, чудо-птица?

— Да я вот из семейства Фица.

— А что же делает невеста молодая?

— Она убрала дом и, гостя ожидая,
Глядит в окошко, головой кивая.

Наконец ей встретился и сам жених. Он медленно возвращался домой. И спросил он у нее, как и те гости свадебные:

— Ты кто, скажи мне, чудо-птица?

— Да я вот из семейства Фица.

— А что же делает невеста молодая?

— Она убрала дом и, гостя ожидая,
Глядит в окошко, головой кивая.

Глянул жених наверх, увидел разукрашенный череп и подумал, что то его невеста, поклонился ей и ласково ее приветствовал. Но только вошел он вместе со своими гостями в дом, а тут вскоре явились братья и родные невесты, посланные ей на подмогу. Они заперли все двери дома, чтобы никто не мог оттуда убежать, и подожгли его со всех сторон, — и сгорел колдун вместе со всем своим сбродом в огне.

*Наконец ей встретился и сам жених. Он медленно возвращался домой.
И спросил он у нее, как и те гости свадебные: «Ты кто, скажи мне,
чудо-птица?»»*

БЕДНЫЙ РАБОТНИК С МЕЛЬНИЦЫ И КОШЕЧКА

Жил-был на мельнице старый мельник; не было у него ни жены, ни детей, и служило у него трое работников. Пробыли они у него несколько лет, вот и говорит он им однажды:

— Я уже стар стал, мне бы теперь сидеть на печи, а вы ступайте по белу свету странствовать; и кто приведет мне домой лучшего коня, тому и отдам я мельницу, и будет тот кормить меня до самой смерти.

Третий работник был на мельнице засыпкой, и считали они его все дураком и мельницу ему никак не прочили; да он и сам того вовсе не хотел. И ушли они все трое, и, подходя к деревне, говорят они Гансу-дураку:

— Ты уж тут оставайся; за всю свою жизнь не достать тебе и поганой клячи.

Но Ганс пошел с ними дальше, и когда наступила ночь, пришли они к пещере и легли в ней спать. Двое умных подождали, пока Ганс заснет, затем встали и ушли, а Ганса бросили, думая, что ловко дело обделали, — да, плохо им, однако, за то придется! Вот взошло солнце; Ганс проснулся, видит, что лежит он в глубокой пещере; он огляделся и крикнул:

— Господи, где же это я?

Он поднялся и выбрался из пещеры наверх и пошел в лес; идет он и думает: «Один я остался, все меня бросили, как найти мне теперь коня?» Шел он, погруженный в свои думы, и встретил по дороге маленькую пеструю кошечку; она ласково с ним заговорила:

— Ганс, куда это ты идешь?

— Ах, да чем же ты мне можешь помочь?

— Я о твоём желании хорошо знаю, — сказала кошечка, — ты хочешь, чтоб была у тебя красивая лошадь. Ступай вместе со мной и будь мне верным слугой семь лет, и я дам тебе за то лошадь такую красивую, какую ты за всю свою жизнь и не видывал.

«Должно быть, это волшебная кошка, — подумал Ганс, — хотелось бы мне посмотреть, правду ли она говорит». И повела она его в свой маленький заколдованный замок, и жили в нем все одни только кошечки, и все они ей прислуживали; они проворно носились по лестнице вверх и вниз и были довольные да веселые. Вечером, когда уселись они за стол, три кошечки принялись за музыку: одна играла на контрабасе, другая на скрипке, а третья трубила в трубу и надувала щеки изо всех сил. Когда они поели и стол был уже убран, кошка ему и говорит:

— Ну, Ганс, давай теперь с тобой потанцуем!

— Нет, — говорит он, — с кошкой плясать я не стану, этого делать мне в жизни еще ни разу не доводилось.

— Тогда отведите его в постель, — сказала она кошечкам.

И зажгла ему свечку в спальне одна из кошечек, а другая стала стаскивать с него башмаки, третья — чулки, и, наконец, одна из кошечек потушила свечу. А на другое утро они снова явились и помогли ему встать с постели и одеться: одна натягивала ему чулки, другая завязывала подвязки, третья подала ему башмаки, а еще одна умыла его, а лицо вытерла ему хвостом. «Делать это она умеет очень нежно», — заметил Ганс. Но приходилось ему для кошки и работать: каждый день дрова рубить, да как можно помельче; и для этого дали ему серебряный топор; клин и пила были тоже серебряные, а колода была медная. Вот так и колол он дрова, жил в кошкином доме, ел да пил хорошо, но видать никого не видал, кроме пестрой кошки да разных ее служанок. Вот однажды и говорит она Гансу:

— Ступай да выкоси мой лужок, а трава пусть пойдет на сено, — и дала она ему серебряную косу, а брусочек был золотой, и велела она ему все это в точности после работы сдать. Ганс пошел и сделал, что было ему велено. Окончив работу, принес он косу, брусочек и сено домой и спрашивает, не заплатит ли она ему уже за работу.

— Нет, — говорит кошка, — ты должен еще для меня кое-что сделать; вот тут стропила да бревна серебряные и плотничий топор, наугольники, скрепы — все, что надо для работы, и все это из серебра сделано. Хочу я построить себе маленький домик.

И выстроил Ганс ей домик и сказал, что все он теперь уже сделал, а лошади-то у него пока что нету. И прошло семь лет, словно полгода. И спросила кошка, хочет ли он поглядеть на ее лошадей?

— Хочу, — ответил Ганс. И она открыла ему домик, отперла двери, видит он — стоят двенадцать лошадей; и, ах, какие они были статные, как блестели они да сверкали, прямо сердце радовалось!

Тут дала она ему поесть и попить и сказала:

— Ну, теперь ступай домой, а лошади твоей я не дам тебе с собой, но через три дня приду сама и приведу ее тебе.

Собрался Ганс в дальний путь, и указала она ему дорогу к мельнице. Но новой одежды она ему не дала, и должен он был воротиться домой в чем при-

шел — в своей старой, изорванной куртке, что стала ему за эти семь лет тесна и коротка. Пришел он домой, а другие два работника тоже домой воротились, и каждый привел с собою по лошади, но у одного была она слепая, а у другого хромая. Стали они его спрашивать:

— Ганс, ну, а где же твоя лошадь?

— Через три дня придет.

Посмеялись они и говорят:

— Да, Ганс, уж если ты лошадь получишь, то будет она хороша!

Вошел Ганс в комнату, но мельник сказал ему, чтоб не смел он и за стол садиться, так был он оборван и весь в лохмотьях, — стыдно-де будет, если кто зайдет в дом. И вынесли ему немного поесть во двор; а когда пришло время спать ложиться, ему не позволили лечь на кровать, и пришлось ему залезть в сарайчик для гусей и улечься на жесткой соломе.

Просыпается он утром, — а прошло уже три дня, — и вот подъезжает карета, запряженная шестериком, — ах, как сияли кони, как блестили они, как все было красиво! — и вел слуга седьмого коня, и был тот конь для бедного работника с мельницы. И вышла из той кареты красавица-королевна, и вошла она в мельницу; а королевна была та самая маленькая пестрая кошечка, которой бедный Ганс служил целых семь лет. Она спросила мельника, где его младший работник, засыпка?

И ответил мельник:

— Да мы и на мельницу-то его пустить не можем, весь он оборванный, — вон лежит он в сарае, где гуси!

И сказала тогда королевна, чтобы тотчас его привели к ней. Привели Ганса, и должен он был одежкой своей прикрываться, и еле мог тело свое прикрыть лохмотьями. Достал слуга тогда пышные одежды, приумыл работника, приодел, и когда был он готов, то выглядел любого короля красивей. Затем королевна велела показать лошадей, приведенных двумя другими работниками. И была одна из них слепая, а другая хромая. И велела она привести тогда своего седьмого коня. Как увидел мельник того коня, сказал, что такого во дворе у него никогда еще не бывало.

— Вот этот конь и будет для младшего твоего работника, — сказала королевна.

— Тогда уж и мельница будет его, — сказал мельник; но королевна ответила, что коня того дарит она ему, и мельница пусть у него остается; взяла она своего верного Ганса, посадила его в карету и уехала с ним вместе. И поехали они сперва в маленький домик, который построил Ганс серебряным топором; а он, гляди, стал огромным замком, и все в нем внутри было из чистого золота да серебра; и вышла она замуж за Ганса, и стал он богат, — так богат, что на всю его жизнь хватило. Вот пускай никто не говорит, что раз дурак, то ни на что и не годен.

ШЕСТЕРО ВЕСЬ СВЕТ ОБОЙДУТ

Жил-был на свете человек, и был он на все руки мастер; служил он на войне и был смел и отважен, но как кончилась война, получил он отставку да три гроша харчевых на дорогу. «Постой, — сказал он, — это мне не очень-то нравится. Найду-ка я нужных людей — вот и отдаст мне, пожалуй, король все сокровища целой страны».

И отправился он разгневанный в лес и увидел там человека; и вырвал тот человек с корнем шесть деревьев, точно были это соломинки какие. И говорит он ему:

— Хочешь стать моим слугой и везде следовать за мной?

— Ладно, — ответил тот, — но вот отнесу я сперва матери вязанку хвоста, — и он взял одно из деревьев, связал им остальные пять, взвалил их на плечи и понес домой.

Затем он вернулся и пошел вместе со своим хозяином, а хозяин ему и говорит:

— Мы с тобой вдвоем весь свет обойдем.

Прошли они немного, и повстречался им на пути охотник; стоял он, опустившись на колено, и, приложив ружье, целился. И говорит ему хозяин:

— Охотник, ты что, стрелять собираешься?

Тот ему ответил:

— В двух милях отсюда сидит на ветке дуба муха, — вот и хочу я прострелить ей левый глаз.

— О, раз так, то ступай вместе со мной, — сказал человек. — Если мы будем втроем, то весь свет обойдем.

Охотник согласился и пошел за ним; и пришли они к семи ветряным мельницам; их крылья быстро вертелись, а ветер не дул ни слева, ни справа, даже листок на дереве, и тот не шевелился. Вот человек и говорит:

— Не понимаю, как движутся эти мельницы, ведь и ветерка-то нету. — И он двинулся дальше со своими слугами; прошли они две мили и увидели человека на дереве; он прижал одну ноздрю, а дул в другую.

— Послушай, что это ты там наверху делаешь? — спросил его человек.

А тот и говорит:

— Да вон в двух милях отсюда стоят семь мельниц, ну вот я и дую на них, а они и вертятся.

— О, раз так, то ступай за мной, — сказал человек. — Если будем мы вчетвером, то весь свет обойдем.

Тот слез с дерева и пошел с ними вместе; а вскоре увидели они еще одного; стоял он на одной ноге, а другую отстегнул и положил около себя.

Вот хозяин и говорит:

— Ты, однако, удобно на отдых расположился.

— Я скороход, — ответил тот, — а чтоб не бежать очень уж быстро, я одну ногу и отстегнул; а то, ежели побегу я на двоих, то будет, пожалуй, побыстрей, чем птица летит.

— О, раз так, то ступай за мной. Если будем мы впятером, то весь свет обойдем!

И пошел скороход вместе с ними; вскоре повстречали они человека, — а у того шапочка еле на голове держится, на самое ухо надвинута. Вот хозяин ему и говорит:

— Красиво, что и говорить, красиво! Поправь шапку-то, а то совсем дураком выглядишь.

— Этого никак сделать нельзя, — ответил тот. — Если надвину я шапку прямо, то наступит такой сильный мороз, что все птицы поднебесные на лету позамерзнут и упадут замертво наземь.

— О, раз так, то ступай за мной! — сказал хозяин. — Если будем мы вшестером, то весь свет обойдем.

И пришли они все шестеро в город. А король объявил там во всеобщее сведенье, что тот, кто согласится бежать с его дочерью взапуски и в этом деле выйдет победителем, тот и станет ее мужем, но кто окажется побежденным, тому голову с плеч долой. Явился тогда человек и говорит:

— Я выставлю за себя своего слугу, он за меня побежит.

Король ответил:

— Раз так, ты должен отдать мне в залог и его жизнь; и если победит моя дочь, то не сносить вам обоим головы на плечах.

Так они и сговорились и порешили; пристегнул тогда человек скороходу вторую ногу и говорит ему:

— Ну, будь попроворней и помоги одержать нам победу.

А было сговорено, что кто первый принесет воду из дальнего колодца, тот и будет победителем. Вот получили скороход с королевной по кружке и пустились бежать взапуски. Пробежала королевна совсем небольшое расстояние, а скороход уже из виду скрылся, — помчался точно ветер. Вскоре добежал он до колодца, набрал полную кружку воды и повернул назад. На обратном пути напала на него усталость, и поставил он кружку, а сам лег на землю и уснул. Но вместо подушки положил он себе под голову конский череп, чтоб

спать было жестко и чтоб поскорее проснуться. А королева, та тоже бегать умела хорошо, но так, примерно, как всякий человек бегать умеет. И вот прибежала она к колодцу и поспешила с полной кружкой воды назад. Заметив, что скороход лежит и спит, она обрадовалась и говорит:

— Теперь-то соперник в моих руках, — выплеснула она воду из его кружки и помчалась дальше.

Тут бы все и пропало, если бы зоркий охотник, по счастью, не стоял на башне замка и не заметил бы всего, что случилось. И сказал он:

— А все ж королевне победить нас не придется, — и, зарядив свое ружье, он выстрелил так метко, что выбил конский череп из-под головы скорохода, не причинив ему никакого вреда.

Проснулся скороход, вскочил и увидел, что кружка его пуста и что королева далеко его обогнала. Но он не растерялся, бросился с кружкой снова к колодцу, зачерпнул воды и прибежал все же на десять минут раньше королевны.

— Вот, — сказал он, — только сейчас я и расправил как следует ноги, а раньше разве это был бег!

И стало королю обидно, а еще больше того королевне, что какой-то простой отставной солдат может теперь увезти ее из дому. Посоветовались они между собой, как избавиться им от него, а заодно и от его товарищей; и сказал король королевне:

— Не бойся, средство такое я нашел; они домой не вернутся.

И обратился он к ним с такими словами:

— Теперь надо будет всем вам вместе повеселиться, поесть да выпить как следует, — и повел он их в комнату, а пол в ней был весь железный, двери были тоже железные, и на окнах были железные прутья. И был в комнате той накрыт стол, и стояли на нем разные вкусные яства; и сказал король:

— Добро пожаловать! Наслаждайтесь в свое удовольствие!

Только они туда вошли, велел король закрыть за ними двери на замки и на засовы. Затем он велел позвать повара и приказал ему развести огонь под комнатой, и чтоб горел он до тех пор, пока железо не раскалится докрасна. Так повар и сделал, — и согрелись шестеро как следует, пока за столом сидели, и подумали они, что это от еды стало им так жарко; но когда жара становилась все больше и больше и им захотелось выйти из комнаты, они увидели, что все двери и окна заперты, — видно, король задумал что-то недоброе и порешил их удушить.

— Но это ему не удастся, — сказал тот, на котором была шапчонка, — я нагоню такой холод, что никакой жар перед ним не устоит. — И он надел свою шапчонку прямо — и настал такой мороз, что всякая жара вмиг исчезла, и кушанья на блюдах начали подмерзать.

Прошло два часа, и король подумал, что они от жары уже погибли, и велел тогда открыть двери, чтоб самому на тех шестерых посмотреть. Открылась дверь, и увидел он, что все живы и здоровы да еще говорят, что им приятно было бы выйти наружу погреться, что мороз-де в комнате такой, что замерзает даже еда на блюдах.

Тогда разгневанный король спустился вниз к повару, стал его ругать на чем свет стоит да спрашивать, почему он не исполнил того, что было ему велено.

Но повар ответил:

— Жару-то ведь было довольно, вот поглядите хоть сами.

Глянул король и увидел, что под железной комнатой пылает сильный огонь; тут-то и понял король, что с этими шестерыми таким способом ничего не поделаешь.

И стал король думать да раздумывать снова, как бы ему от недобрых гостей избавиться. Призвал он главного из них и говорит:

— Хочешь, я дам тебе золота, сколько угодно, а ты откажись от моей дочери.

— О, я согласен, господин король, — ответил тот, — дайте мне золота столько, сколько слуга мой сможет донести, и я требовать вашей дочери не стану. — Королю это понравилось, а тот и говорит:

— Ну что ж, приду я за ним спустя две недели.

Тогда он созвал всех портных со всего королевства, и должны они были сидеть две недели подряд и шить мешок. А когда его сшили, то должен был тот силач, что деревья с корнем выворачивал, взять его на плечи и идти с ним к королю. И спросил король:

— Что это за силач, который может тащить на своих плечах целую груду полотна? — Испугался и подумал: «Сколько же золота он утащит?»

И он велел принести целую бочку золота, несли его шестнадцать самых сильных людей королевства, — а силач сунул золото одной рукой в мешок и говорит:

— Чего же вы больше-то не принесли, этим ведь и дна мешка не покроешь.

Тогда велел король перетащить сюда мало-помалу всю свою казну. Силач и ее засунул в мешок, но и после того он не наполнился даже наполовину.

— Тащите побольше! — кричал он, — а то этими крохами ничего не наполнишь.

И собрали тогда со всего государства семь тысяч повозок золота; но все это, заодно с запряженными в них быками, засунул силач в свой мешок.

— Чего тут разглядывать, — сказал он, — надо брать все, что под руку попадется, а то этак и мешка не наполнишь.

Сунул все это он в мешок, а в нем еще немало места пустого осталось. Вот он и говорит:

— Ну, дело, однако ж, надо кончать, ведь мешки завязывают иной раз, когда они бывают и неполные. — И он взвалил мешок себе на спину и ушел вместе со своими товарищами.

Увидал король, что один человек унес на спине все богатство целой страны, разгневался и велел своим всадникам сесть на коней, догнать шестерых и отнять у того силача мешок. И вот два полка их вскоре нагнали, и крикнули всадники:

— Сдавайтесь в плен; бросайте мешок с золотом на землю, а не то мы вас всех перебьем!

— Да что вы говорите? — сказал тот, кто в ноздрю здорово дуть умел. — Это мы-то сдадимся в плен? Скорей вы у нас все в воздухе запляшете, — и он зажал одну ноздрю и дунул в другую, да прямо на оба конных полка, — и рассыпалась конница и разлетелась по воздуху над горами, над долинами во все стороны.

Один из фельдфебелей закричал, прося о пощаде, стал объяснять, что ранен уже девять раз, и солдат-де он исправный, и оскорбления такого никак не заслужил. Тогда тот стал дуть чуть потише, и фельдфебель благополучно спустился на землю; и сказал он фельдфебелю:

— Ну, а теперь возвращайся домой к королю да скажи ему, пускай вышлет конницы еще больше, я и ту по воздуху всю размечу.

Услыхал о том король и сказал:

— Пусть они поскорей убираются, тут что-то неладное.

И вот принесли шестеро все богатства к себе домой, поделили их поровну и стали жить да поживать припеваючи до самой своей смерти.

ДВА СТРАННИКА

Гора с горой не сходится, а люди, бывает, сходятся, иной раз добрые и злые. Так вот сошлись однажды во время странствий сапожник с портным.

Был портной небольшого роста, парень собой пригожий, всегда добродушный и веселый. Увидал, что подходит к нему навстречу сапожник, — он узнал по сундучку, что тот сапожным ремеслом занимается, — и запел ему навстречу шутиливую песенку:

Швы мне делай поживей,
Тяни дратву веселей,
Молоточком — тук, тук, тук!
Посильней прибей каблук.

Но сапожник не мог переносить насмешек, он скривил лицо, словно уксусу напился, и сделал движенье, будто собираясь схватить портняжку за шиворот. А малый наш рассмеялся, протянул ему свою бутылку и говорит:

— Да это не со зла сказано. На, выпей-ка, вот желчь и промоешь.

Хлебнул сапожник порядочный глоток, и гроза на его лице начала проходить. Он подал назад портному бутылку и говорит:

— Да-а, порядочно выпил, но тут дело не в жажде, а что напился, как надо, это да! Что ж, двинемся, пожалуй, вместе!

— Я согласен, — ответил портной, — если у тебя есть охота идти в большой город, где работы много найдется.

— Да я тоже в город собрался, — ответил сапожник, — в маленьком-то местечке ничего не заработаешь, а в деревне люди охотней босиком ходят.

Пошли они странствовать с той поры вместе, шли потихоньку, не так, чтобы очень торопясь.

Времени у обоих у них хватало, а насчет хлеба-то было маловато. Когда они приходили в какой-нибудь город, то бродили по улицам, расхваливая свое ремесло, а так как вид у портняжки был свежий и бодрый да притом были

у него красивые румяные щеки, то все давали ему работу охотно, а если выпадет счастье, то, бывало, дочь мастера и поцелует его еще на прощанье. Сойдет-ся он с сапожником, и всегда бывало у него в кошельке больше, чем у того. Угрюмый сапожник перекосит свое лицо и подумает: «Чем больше пройдоха, тем и счастье ему больше». А портной засмеется, запоеет себе песенку и поделит весь заработок со своим товарищем поровну. А заведется у него в кармане несколько грошей, велит подать себе поскорей чего-нибудь вкусного, стучит на радостях по столу так, что стаканы пляшут, и это у него называлось: «заработано легко — и прожито легко».

Так странствовали они некоторое время и подошли раз к дремучему лесу, а дорога к королевскому городу проходила через лес. Вели к городу две тропы: по одной надо было идти семь дней, а по другой всего два дня, но никто из них не знал, какой путь выйдет короче. Уселись два странника под дубом, стали совет держать, как им быть и на сколько дней брать с собой хлеба. Сапожник сказал:

— Надо расчет вести наперед, я возьму хлеба с собой на семь дней.

— Что ты? — сказал портной. — Тащить хлеб про запас на семь дней на спине, как вьючный осел, это и оглянуться-то нельзя будет! Я полагаюсь на Господа Бога и загадывать наперед не собираюсь. Деньги, что у меня в кармане, годны ведь и летом и зимой одинаково, а хлеб во время жары засохнет и заплесневеет; да и куртка-то у меня мала; еле до локтей достает. Почему б нам не поискать верной дороги? Хлеба на два дня — и все.

И вот купил себе каждый из них хлеба, и пошли они наудачу через лес.

Было в лесу тихо, как в церкви. Не веял ветер, не журчал ни один ручей, птицы не пели, и сквозь густые ветви не проникал ни один луч солнца. Сапожник не проронил ни слова, тяжелый хлеб оттягивал ему плечи, пот градом катился по его сердитому и мрачному лицу. А портной был весел, шел вприпрыжку и, зажав в ладонях листочек, то насвистывал, то напевал песенку и думал: «Господь на небесах, пожалуй, радуется, что я такой веселый».

Так прошло два дня, но на третий день лесу не видать было ни конца ни края, и сердце у портного вдруг упало; но все-таки веселости своей он не потерял, а полагался на Господа Бога да на свою удачу. На третий день вечером он улегся под деревом голодный. Так случилось и на четвертый, и когда сапожник уселся на дереве, сваленном бурей, и начал закусывать, то портному оставалось только одно — смотреть на это. Когда он попросил дать ему кусочек хлеба, сапожник язвительно засмеялся и сказал:

— Ты всегда был такой веселый, ну, попробуй-ка теперь, как быть грустным: птиц, что поют на заре, вечером ястреб хватает.

Короче говоря, не было у сапожника жалости. На пятый день бедный портной не мог уже от истощенья больше подняться и слова вымолвить; щеки у него побледнели, глаза стали красные. Вот сапожник и говорит:

— Нынче я дам тебе кусок хлеба, но за это выколю тебе правый глаз.

Несчастному портному так хотелось жить, что ему ничего не оставалось, как согласиться; он заплакал в последний раз обоими глазами, а затем сапожник, у которого сердце было каменное, выколол ему острым ножом правый глаз.

Вспомнилось тут портному, что говаривала ему когда-то мать, когда он в кладовой лакомился: «Ешь сколько можно, а терпи сколько должно». Вот съел он дорогого стоивший ему хлеб, поднялся на ноги, забыл про свое несчастье и утешился тем, что ведь и одним-то глазом можно достаточно видеть. Но на шестой день он снова почувствовал голод, у него сосало уже под ложечкой. Вечером свалился он под деревом, а на седьмое утро от истощенья не мог и подняться, и смерть была уже близка. Тут сапожник и говорит:

— Хочу я оказать тебе милость и дать тебе еще кусок хлеба. Но ты даром его не получишь, за это я выколю тебе и второй глаз.

Понял портной, что всю свою жизнь был легкомысленным, стал просить у Господа Бога прощения и говорит сапожнику:

— Делай, что знаешь, я готов вытерпеть все, что положено. Но помни, что Господь Бог не каждую минуту судит, — наступит час, когда ты получишь возмездие за свое злодеяние, которое ты надо мной совершил и чего я от тебя не заслужил. В счастливые дни я делился с тобой всем, что у меня было. Ведь мое ремесло такое, что стежок за стежком надо следить. Если я потеряю глаза и не смогу шить, то придется мне идти милостыню просить. Ты хоть по крайней мере не бросай меня тут одного, а то мне пропадать придется.

Но сапожник, забывший в сердце своем Бога, взял нож и выколол портному и левый глаз. Дал он ему потом поесть кусок хлеба, сунул ему в руку палку и повел его за собой.

Вот зашло солнце, вышли они из лесу, и стояла на поле у лесной опушки виселица. Повел туда сапожник слепого портного, бросил его там лежать, а сам двинулся дальше. От усталости, боли и голода несчастный уснул и проспал целую ночь. Когда стало светать, он проснулся, не зная, где он находится. А висели на виселице два бедных грешника, и сидел у каждого на голове ворон. И заговорил один из воронов:

— Братец, ты что, не спишь?

— Да, не сплю, — ответил второй ворон.

— Я тебе что-то скажу, — заговорил опять первый. — Роса, упавшая нынче ночью с виселицы, может вернуть зрение всякому, кто ею умоется. Эх, если б знали об этом слепые, то каждому из них захотелось бы вернуть себе зрение, даже если б они не поверили, что это возможно.

Услыхал это портной, достал платок, приложил его к траве и, когда он намок от росы, протер им себе глазницы. И вмиг исполнилось то, что сказал ворон: оказались у него два новых и здоровых глаза. Увидел вскоре портной солнце, которое подымалось над горами. Раскинулся перед ним на равнине большой королевский город с роскошными воротами и целой сотней башен, и начали пылать золотые макушки и кресты на шпилях. Он мог различить

каждый листок на деревьях, видеть пролетающих птиц и комаров, ведущих в воздухе пляску. Достал портной из кармана иголку, и когда смог так же легко, как прежде, вдеть в нее нитку, сердце забилося у него от радости. Он бросился на колени, стал благодарить Господа Бога за оказанную ему милость и прочитал утреннюю молитву, не забыв помолиться и о бедных грешниках, что висели, как язык колокола, и бились под ветром один об другого. Взял он на плечи свою котомку и, вскоре позабыв о перенесенных страданиях, отправился дальше, насвистывая и напевая песенку.

Первым, кого он встретил, был гнедой жеребенок, весело скакавший по полю. Портной ухватил его за гриву, собираясь сесть на него верхом и ехать в город. Но жеребенок стал его упрашивать, чтоб он оставил его на свободе.

— Я еще совсем молод, — сказал он, — и даже такой легонький портной, как ты, и тот может переломать мне хребет. Отпусти меня бегать на воле, пока я не окрепну. Подойдет время, и я смогу тебя отблагодарить.

— Ну, беги себе, — сказал портной, — вижу, что ты тоже такой попрыгун, как и я. — Он хлестнул его по спине прутиком, и жеребенок на радостях, взмахнув задними копытами, перескочил через кусты и канаву и помчался по полю.

Но портняжка со вчерашнего дня ничего не ел.

— Хотя солнце и наполняет мне светом глаза, — сказал он, — а хлеб в рот, однако, не попадает. Первое, что встретится мне на пути, если оно окажется хоть немного съедобным, надо будет поймать.

В это время навстречу ему важно шествовал по луку аист.

— Постой, постой! — крикнул портной и схватил его за ногу. — Не знаю, можно ли тебя есть, но с голоду долго разбираться не станешь, я отрежу тебе голову и тебя зажарю.

— Не убивай меня, — ответил аист, — я священная птица, никто меня не обижает, я приношу людям большую пользу. Оставь меня в живых, я когда-нибудь службу тебе сослужу.

— Ну, лети себе, долговязый, — сказал портной. И поднялся аист на воздух, свесив свои длинные ноги, и спокойно улетел.

— Что ж из этого получится? — молвил про себя портной. — Мне все голодней, а в животе все пустей. Ну, что попадется мне теперь на пути, то уже будет мое.

Увидел он, что подплывают к берегу озера две молодых утки.

— Вы явились как раз кстати, — сказал он, схватив одну из них, и собрался было скрутить ей голову. Но начала старая утка, что спряталась в камыше, громко крякать, подплыла с разинутым клювом и стала его просить-умолять, чтоб сжалился он над ее милыми детками.

— Ты только подумай, — сказала она, — как бы плакала твоя мать, если б кто собрался тебя утащить и убить.

— Ну, успокойся, — сказал добродушный портной, — я не стану детей твоих трогать, — и он бросил пойманную утку в воду.

Повернулся, вдруг видит — стоит он перед старым дуплистым деревом, и летают там взад и вперед дикие пчелы.

— Вот уж теперь будет мне награда за мои добрые дела, — сказал портной, — медок меня подкрепит!

Но вылетела пчелиная матка, начала ему грозить и сказала:

— Если ты моих пчел тронешь и разрушишь гнездо, то наши жала тысячами раскаленных иголок вопьются тебе в тело. А если ты оставишь нас в покое и пойдешь своею дорогой, то мы тебе когда-нибудь службу сослужим.

Увидел портной, что и тут ничего не выходит, и говорит:

— Три блюда порожних да на четвертом ничего — вот так обед!

И он потащился с голодным желудком в город; и как раз в то время звонили к обеду, и был в харчевне для него уже обед приготовлен, и можно было ему тотчас садиться за стол. Наелся он и говорит:

— А теперь хотелось бы мне и за работу приняться.

Он обошел город в поисках мастера и вскоре нашел хорошее место. А так как ремесло свое он изучил основательно, то в скором времени он стал знаменит, и каждому хотелось, чтобы камзол шил ему только этот маленький портной. И что ни день — уважение к нему все увеличивалось.

— Дальше мне при моем мастерстве и двигаться-то нечего, — сказал он, — дело с каждым днем идет все лучше и лучше.

Наконец король назначил его своим придворным портным.

Но вот как бывает на свете: в тот же день его прежний товарищ, сапожник, стал тоже придворным мастером. Только он увидел портного и заметил, что у того опять два здоровых глаза, стала его мучить совесть. «Прежде чем он мне отомстит, — подумал сапожник, — надо будет ему яму вырыть». Но тот, кто другому яму копает, сам в нее попадает. Вечером, когда сапожник пошашал и уже наступили сумерки, пробрался он к королю и говорит:

— Господин мой король, а портной человек самонадеянный: он осмелился заявить, что сможет добыть золотую корону, которая пропала в стародавние времена.

— Это мне было бы приятно, — сказал король и велел позвать к себе на другое утро портного и приказал ему разыскать корону или навсегда покинуть город.

«Ого, — подумал портной, — мошенник предлагает больше того, что имеет. Если этот король-брюзга требует от меня то, чего ни один человек выполнить не может, то нечего мне тут дожидаться до завтра, а надо поскорей из города выбираться».

Связал он свой узелок, но только вышел за городские ворота, стало ему жаль расставаться со своим счастьем и уходить из города, где ему так повезло. Подошел он к озеру, где когда-то завел знакомство с утками; и как раз в это время сидела на берегу старая утка, которой он отдал утят, и чистила себя клювом. Она сразу его узнала и спросила, отчего он так запечалился.

— Если б ты знала, что со мной случилось, то удивляться не стала б, — ответил портной и рассказал ей про свою судьбу.

— Если это и все, — ответила утка, — то мы выход найдем. Корона в воду упала, лежит на самом дне, мы ее живо оттуда достанем. Ты только расстели на берегу свой платок.

Нырнула утка со своими двенадцатью утятами и минут через пять выплыла наверх, сидя в середине короны, что держалась у ней на крыльях, а двенадцать утят плыли с ней рядом, подложив под нее свои клювы, и помогали ее держать. Подплыли они к берегу и положили корону на платок.

Ты не поверишь, пожалуй, какая красивая была корона! Когда на ней засияло солнце, она блестела, как сто тысяч карбункулов! Завязал портной свой платок четырьмя узлами и отнес корону королю. Обрадовался король и повесил за это портному на шею цепь золотую.

Увидал сапожник, что проделка его не удалась, придумал тогда вторую, явился к королю и говорит:

— Господин мой король, а портной-то ведь так зазнался, что осмеливается заявлять, будто он сможет весь королевский замок, со всем, что находится в нем внутри, вылепить из воска и точь-в-точь сделать его таким, как ваш.

Велел король, чтоб портной явился к нему, и приказал ему вылепить из воска королевский замок, со всем, что находится в нем, точь-в-точь как снаружи, так и внутри, и если он этого не выполнит как следует или будет в замке недоставать на стене хотя бы одного гвоздика, то он будет посажен на всю жизнь в подземелье.

Подумал портной: «Дело становится все хуже и хуже, этого ни один человек не выдержит», — положил он на плечи свой узелок и ушел из города. Вот подошел он к дуплистому дереву, сел на землю и запечалился. Вылетели пчелы, и спросила у него пчелиная матка:

— Что голову набок свесил, уж не одеревенела ли она у тебя?

— Ах, нет, — ответил портной, — меня угнетает другое, — и рассказал о том, что потребовал от него король.

Загудели тут, зажужжали между собой пчелы, и говорит пчелиная матка:

— Ступай ты сейчас домой, а завтра в это самое время приходи сюда да захвати с собой большой платок — все будет ладно!

Воротился портной назад, а пчелы полетели прямо в королевский замок, влетели туда в открытое окно, заползли во все углы и закоулки и все доподлинно разглядели. Полетели они потом назад и вылепили из воска замок, точь-в-точь такой же самый, да так быстро, что можно было подумать, что замок растет прямо на глазах. К вечеру все было уже готово, и когда портной явился на другое утро, то стояло все великолепное здание, такое, как надо, и было в нем все до самого последнего гвоздика на стене и черепицы на крыше; был он притом такой стройный и белоснежный, и пахло от него медом.

Завязал его портной осторожно в платок и принес королю; и тот не мог никак надивиться, глядячи на замок, поставил его у себя в главном зале и подарил за это портному большой каменный дом.

Но сапожник дела не оставил, пришел в третий раз к королю и говорит:

— Господин мой король, а портной ведь дознался, отчего вода во дворе замка фонтаном не бьет, и осмеливается заявить, что будет она бить в середине двора высоко, в рост человека, и будет вода чистая, как хрусталь.

Велел король привести к себе портного и сказал:

— Если завтра к утру вода у меня во дворе не забьет фонтаном, как ты это сам обещал, то палач на том же самом дворе сделает тебя на одну голову короче.

Бедный портной, не долго раздумывая, поспешил скорей к городским воротам, а так как на этот раз дело шло о жизни, то слезы катились у него по щекам. Вот шел он, совсем пригорюнившись, вдруг подскочил к нему жеребенок, которого он когда-то отпустил на свободу; за это время он стал красивым гнедым конем.

— Теперь настал срок, — сказал ему конь, — когда я смогу тебя отблагодарить за твое доброе дело. Я уже знаю, что тебе надо; ты вскочи на меня, теперь у меня на спине могут и двое таких, как ты, поместиться.

Отлегло у портного на сердце; вскочил он одним махом на коня, помчался конь во весь опор в город, и прямо в королевский двор. Пробежал конь трижды быстро, как молния, вокруг двора и после третьего круга упал наземь. И в тот же миг что-то страшно загромыхало: взлетел на воздух, точно ядро, кусок земли в самой середине двора и пролетел над замком, и тотчас забила вода фонтаном в рост человека и коня, и была вода прозрачная, как хрусталь, и заиграли на ней солнечные лучи. Как увидел это король, так и застыл от изумления. Он подошел и обнял портняжку в присутствии всех придворных.

Но счастье длилось недолго.

Было у короля много дочерей, одна красивей другой, но сына у него не было. Вот явился злой сапожник к королю в четвертый раз и говорит:

— Господин мой король, а портной ведь своего зазнайства не оставил. Он теперь осмелился заявить, что ежели б он пожелал, то мог бы велеть принести королю сына по воздуху.

Велел король кликнуть портного и сказал:

— Если ты за девять дней устроишь так, что мне принесут сына, то получишь мою старшую дочь в жены.

«Награда, правда, большая, — подумал портняжка, — но королевна мне, пожалуй, ни к чему, да и вишни-то висят слишком высоко: если на них взобраться, то ветки подо мной поломаются, и, чего доброго, еще свалишься вниз».

Пошел он домой, уселся на свой портняжный стол и, поджав под себя ноги, начал думать-раздумывать, как тут ему быть.

— Дело не выйдет! — воскликнул он наконец. — Надо отсюда уходить; здесь, как видно, жить спокойно нельзя.

Завязал он свой узелок и поспешил к городским воротам. Вышел он на луг и увидал старого своего приятеля — аиста, что расхаживал взад и вперед, точно какой знаменитый мудрец; он иногда останавливался, приглядывался к лягушке, а потом ее проглатывал. Аист подошел к нему и с ним поздоровался.

— Я вижу, — начал он, — у тебя за плечами котомка. Почему ты из города уходишь?

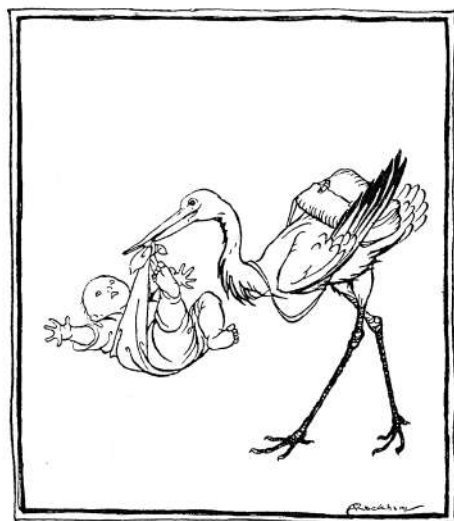
Рассказал портной аисту, что потребовал от него король, а выполнить он этого не в силах, и стал на несчастную свою участь жаловаться.

— Брось из-за этого горевать да голову себе морочить, — сказал ему аист, — я выручу тебя из беды. С давних пор приношу я в город спеленутых деток, могу и для тебя вытащить из колодца маленького принца. Ступай домой и будь спокоен. Через девять дней отправляйся в королевский замок, я туда прилечу.

Воротился портняжка домой и в назначенный срок был уже в замке. А вскоре прилетел туда аист и постучался в окно. Портной открыл ему, и долговязый дядюшка вошел осторожно в комнату; важно шагая, он шел по мраморному полу, и был у него в клюве младенец; и протягивал тот, словно ангел, свои ручонки королеве. Положил аист младенца к ней на колени, и начала королева младенца ласкать, целовать, и была такая счастливая и радостная. Снял аист с плеча, перед тем как улететь из замка, свою дорожную сумку и подал ее королеве. А лежали там свертки с пестрыми леденцами, их поделили между маленькими принцессами. Но старшей ничего не досталось, зато получила она в мужья веселого портного.

— Я чувствую, будто мне выпало великое счастье, — сказал портной. — Моя мать была права, она всегда говорила: «Кто на Бога надеется да счастье имеет, у того всего будет вдоволь».

И пришлось сапожнику шить башмаки, в которых портняжка плясал на свадебном пиру, а потом было сапожнику велено навсегда покинуть город. А дорога проходила через тот лес, мимо виселицы. От ярости, гнева и полуденной жары бросился сапожник в изнеможении на землю. Только закрыл он глаза, собираясь уснуть, как кинулись, громко крича, вороны, сидевшие на головах у повешенных, и выклевали ему глаза. Обезумев, он бросился бежать в лес, — там он, должно быть, и погиб, так как с той поры никто его больше не видел и ничего о нем больше не слышал.

ЛЕСНАЯ ИЗБУШКА

Жил бедный дровосек со своей женой и тремя дочерьми в маленькой хижине на опушке дремучего леса.

Однажды утром, собираясь идти на работу, говорит он своей жене:

— Пусть старшая дочка обед принесет мне в лес, а не то мне с работой никак не управиться. А чтоб ей не заблудиться, — добавил он, — я захвачу с собой лукошко с просом и буду сыпать его по дороге.

Когда солнце уже стояло над самым лесом, взяла девушка горшок с супом и отправилась в путь-дорогу. Но полевые и лесные птицы, воробьи, жаворонки и зяблики, дрозды и чижи давно уже просо то успели поклевать, и девушка найти следа не могла. Она шла наугад все дальше и дальше, пока не зашло солнце и не наступила ночь. В темноте шумели деревья, кричали совы, и ей стало страшно. И увидела она вдалеке огонек, который мерцал меж деревьев. «Должно быть, там живут люди, — подумала она, — может, они пустят меня на ночлег», — и она пошла на огонек. Вскоре пришла она к домику; окна его были освещены. Она постучала, и хриплый голос закричал оттуда:

— Войди!

Девушка вошла в темные сени и постучала в дверь.

— Ну, входи, входи, — закричал голос.

Она отворила дверь, видит — сидит за столом седой как лунь старик, подперев голову руками, и седая его борода свешивалась над столом почти до самой земли. А у печки лежали курочка, петушок и пестрая корова. Рассказала девушка старику, что она заблудилась, и попросилась у него переночевать. Старик спросил:

Курочка-красотка,
Красавец-петушок
И ты, коровка пестрая,
Что скажете на то?

*Она отворила дверь, видит — сидит за столом седой как лунь старик,
подперев голову руками, и седая его борода свешивалась над столом
почти до самой земли.*

— Дукс! — ответили животные; и это должно было значить: «Мы на это согласны»; и старик тогда ей сказал:

— Тут у нас всего вдосталь, ступай к печи да состряпай нам ужин.

Девушка нашла в кухне всего в избытке и приготовила вкусное кушанье, а о животных и не подумала. Она принесла и поставила на стол полную миску еды, села рядом с седым стариком и наелась досыта. Насытившись, она сказала:

— Я уже утомилась; где постель, на которой можно бы лечь и уснуть?

И ответили животные:

Ты с ним за столом сидела,
Ты с ним все пила да ела,
О нас не подумала, знать, —
Так вот и ищи, где спать!

Тогда старик ей сказал:

— Взберись по лесенке наверх, там найдешь ты горенку с двумя кроватями, взбей перины, покрой их чистыми простынями, и я тоже приду туда и лягу спать.

Девушка взошла наверх, взбила перины, постлала чистые простыни и легла, не дожидаясь старика, в одну из постелей. А вскоре пришел и седой человек, осветил девушку свечой, поглядел да головой покачал. Увидев, что она уже крепко спит, он открыл потайной лаз и спустил ее в погреб.

Поздним вечером воротился дровосек домой и стал свою жену попрекать, что заставила она его целый день голодать.

— Я в том вовсе не виновата, — ответила она, — обед тебе дочка в лес отнесла, должно быть, она заблудилась. Утром она вернется домой.

Встал дровосек рано на рассвете, собрался в лес идти и велел, чтоб принесла ему обед другая дочь.

— Захвачу я с собой мешок чечевицы, — сказал он, — она будет покрупней, чем просо, и дочке легче будет ее заметить, и с дороги она не собьется.

К полудню взяла девушка обед и пошла в лес, но чечевица исчезла — птицы лесные всю ее, как и в прошлый раз, поклевали, и ничего не осталось. Стала девушка плутать по лесу и сбилась с дороги, а тут ночь наступила, и пришла она тоже к избушке старика; ее впустили, предложили ей поесть и позволили переночевать. Человек с седой бородой снова спросил у животных:

Куточка-красотка,
Красавец-петушок
И ты, коровка пестрая,
Что скажете на то?

И снова животные ответили: «Дукс», и случилось все то же, что и в прошлый раз.

Приготовила девушка вкусной еды, поела и попила вместе со стариком, а о животных не позаботилась. Стала спрашивать она, где ей ночевать, и они ей ответили:

Ты с ним за столом сидела,
Ты с ним все пила да ела,
О нас не подумала, зная, —
Так вот и ищи, где спать.

Когда она уснула, явился старик, поглядел на нее, покачал головой и спустил ее в погреб.

Вот на третье утро и говорит дровосек своей жене:

— Нынче пришли ты мне обед в лес с младшей дочерью; она была всегда добрая да послушная, она уж с пути никогда не собьется, не то что сестры ее, баловницы, — тем бы все где-нибудь бегать да резвиться.

Не хотелось матери ее отпускать, и она сказала:

— Неужто должна я потерять и любимую дочку?

— Да чего ты беспокоишься, — ответил дровосек, — она не заблудится, она у нас умная и понятливая. Возьму я с собой побольше гороху и рассыплю его по пути; горох, он покрупней чечевицы, и укажет ей дорогу в лесу.

Но когда девушка вышла из дому с лукошком в руке, то горох весь уже был у лесных голубей в зобу, и не знала она, куда ей теперь идти. Она встревожилась и стала думать о том, что придется отцу остаться голодным, а мать будет горевать, если она собьется с пути. Наконец стало уже совсем темно, и увидела она вдали огонек и пришла к лесной избушке. Она ласково попросилась переночевать, и старик с седой бородой опять спросил у своих животных:

Куручка-красотка,
Красавец-петушок
И ты, коровка пестрая,
Что скажете на то?

— Дукс, — ответили они.

Подошла девушка к печи, где лежали животные, и стала ласкать и гладить курочку и петушка по гладким перышкам, а пеструю корову между рогами. Когда она приготовила, как велел ей старик, вкусную похлебку и поставила миску на стол, она спросила:

— Как же буду я есть, если добрых животных мы еще не накормили? Ведь в хозяйстве-то здесь всего вдоволь, — сперва уж я их накормлю.

Пошла и принесла ячменя и посыпала зерен курочке да петушку, а корове принесла большую охапку душистого свежего сена.

— Ешьте, мои милые, — сказала она, — а захочется вам попить, напою вас и свежей водицей.

И она принесла в избушку полное ведро воды, и сели курочка с петушком на край ведерка, клювы свои опустили, а потом закинули головы вверх, как пьют птицы, и пестрая корова тоже всласть напилась. Когда животные были накормлены и напоены, подошла девушка к столу, где сидел старик, и поела, что он ей оставил.

Тут вскоре стали курочка и петушок головки свои под крыло прятать, а корова глазами моргать. И спросила тогда девушка:

— Не пора ли и нам на покой?

Курочка-красотка,
Красавец-петушок
И ты, коровка пестрая,
Что скажете на то?

И ответили животные:

— Дукс,

Ты с нами вместе сидела,
Накормить, напоить нас велела, —
Ложись спокойно в кровать,
И будешь ты мирно спать.

Взошла девушка по лесенке наверх, взяла пуховые подушки, чистые простыни постала, и когда уже все приготовила, то пришел старик и лег в постель, и седая его борода протянулась до самых его ног. А девушка легла в другую постель, прочитала молитву и уснула.

Спала она тихо до самой полуночи. Вдруг стало в доме так беспокойно, и девушка проснулась. И начало по всем углам трещать да постукивать, открылись настежь двери, и что-то ударило в стену. Задрожали стропила, будто их кто вырвал из пазов, и казалось, что рухнула и лесенка; наконец все так затрещало, будто рушилась и сама крыша. Потом снова все вдруг стихло, с девушкой никакой беды не случилось, и она осталась спокойно лежать и снова уснула. Когда она утром проснулась, ярко светило солнце, — и что же она увидела? Лежит она теперь в большой зале, и вокруг все блистает роскошью королевской: по стенам поднимаются вверх, по зеленому шелковому полю, золотые цветы, постель вся из слоновой кости, а одеяло из алого бархата, и стоят рядом с ней на стуле жемчугом шитые туфли. Девушка подумала, что это все ей снится; но вот подходят к ней трое богато одетых слуг и спрашивают у нее, что она им прикажет.

— Уйдите, — сказала девушка, — сейчас я буду вставать и сварю старику похлебку, а потом накормлю и курочку-красотушку, и золотого петушка, и пеструю коровушку.

Она думала, что старик уже встал, глянула на его постель, видит — лежит в ней незнакомый человек. Поглядела она на него, а он молодой да такой красивый! Проснулся он, поднялся и говорит:

— Я королевич. Меня околдовала злая ведьма, она обратила меня в седого как лунь старика, заставила меня жить в лесу, и никто не смел находиться около меня, кроме трех моих слуг в образе курочки, петушка и пестрой коровы. Заклятье должно было длиться до той поры, пока не явится к нам девушка, добрая сердцем, и не к одним только людям, но и к животным ласковая; и это оказалась ты. В эту полночь ты нас расколдовала, а старая лесная избушка вновь обратилась в мой королевский замок.

Когда они встали, королевич сказал трем своим слугам, чтоб пошли они к отцу и матери девушки, звать их на свадьбу.

— А где ж мои сестры? — спросила девушка.

— Я запер их в погребе; завтра их выведут в лес, они будут там работать служанками у одного угольщика до тех пор, пока не исправятся и не перестанут морить голодом бедных животных.

УМНАЯ ДОЧЬ КРЕСТЬЯНСКАЯ

Жил когда-то на свете бедный крестьянин; земли у него вовсе не было, и была у него всего лишь одна небольшая избушка да единственная дочка. Вот и говорит раз дочка отцу:

— Надо бы нам выпросить у короля хотя бы какой-нибудь кусок пустоши.

Услыхал король про их бедность и подарил им клочок луга. Перепахала она его вместе с отцом, и собрались они посеять на нем рожь да еще что-нибудь. Вспахали они почти уже все поле и вдруг нашли в земле ступку, а была она из чистого золота.

— Знаешь что, — сказал отец дочке, — господин король был к нам так милостив, что подарил нам эту землю. Давай отдадим мы ему за это золотую ступку.

Но дочка на это не согласилась и говорит:

— Батюшка, если есть у нас одна только ступка, а пестика нету, то с нас ведь потребуют еще и пестик, — лучше уж вы помолчите.

Но отец ее не послушался, взял ступку и отнес ее королю и сказал, что нашел ее на лугу, и спросил, не примет ли он ее от него в дар. Взял король ступку и спрашивает:

— А не находил ли ты еще чего?

— Нет, — ответил крестьянин.

И сказал король, чтоб доставил он ему и пестик. Крестьянин сказал, что такого они, мол, не находили, но этот ответ помог ему мало, — все равно, что говорить на ветер. И посадили его в темницу, чтобы сидел он там, пока пестика не достанет. Тюремщики приносили ему каждый день хлеб да воду — то, что в тюрьме полагается; и услышали тюремщики, как он все повторял про себя: «Ах, если б я послушался своей дочери! Ах, если б я послушался своей дочери!» Тогда пошли тюремщики к королю и доложили, что узник все кричит и повторяет: «Ах, если б я послушался своей дочери», а от пищи и питья отказывается. И приказал король тюремщикам привести узника к нему, и спросил его король, отчего это он все кричит: «Ах, если б я послушался своей дочери».

— Что же такое сказала твоя дочь?

— Да она сказала, чтоб я не относил вам ступки, а то потребуют с меня еще и пестик.

— Если у тебя такая разумная дочь, то пускай она явится ко мне.

И вот пришлось ей идти к королю, и стал он спрашивать, так ли она уж умна и вправду; и сказал, что хочет задать ей одну задачу; если она ее решит, то он женится на ней. Она тотчас сказала «хорошо» и согласилась ее решить. Тогда король и говорит:

— Приходи ко мне не одетая и не голая, не верхом и не в повозке, не путем, а все же дорогою, — если ты сможешь это выполнить, то я на тебе женюсь.

Вот пошла она, разделась совсем догола — и стала она неодетая; и взяла большую рыбачью сеть, стала в нее и укуталась ею — вот и не была она голая; наняла она себе за деньги осла и привязала ту сеть к ослиному хвосту, чтоб тащил он ее, — вот и не ехала она ни верхом, ни в повозке; а осел должен был тащить ее по колее, и касалась она земли одним только большим пальцем ноги — и вот шла она ни путем, ни без дороги. Вот явилась она, и король сказал, что задачу она решила и все выполнила как следует. Велел он тогда выпустить ее отца из темницы, взял он ее себе в жены и отдал в ее распоряжение всю королевскую казну.

Прошло несколько лет. И выехал однажды король на парад; и случилось, что крестьяне, распродав свои дрова, остановились со своими повозками у замка; иные повозки запряжены были волами, а иные лошадьми. И было у одного крестьянина три лошади, и одна из них с маленьким жеребенком; жеребенок убежал и лег между волами, запряженными в повозку. Сойдясь, крестьяне заспорили, задрались между собой и стали шуметь; тот, у кого были волы, хотел взять себе жеребенка, утверждая, что он-де родился от его волов, а другой сказал: «Нет, он от моих лошадей родился, и должен он остаться у меня». И дошел их спор до самого короля, и он вынес приговор: где лежал жеребенок, там он и должен остаться; и вот жеребенка получил крестьянин, который приехал на волах, а ему он и вовсе не принадлежал. И пришлось другому уйти ни с чем; заплакал он с горя о пропавшем своем жеребенке. И вот

узнал он о том, что госпожа королева очень милостива, потому что сама родом из бедных крестьян; и он пошел к ней, стал ее просить, не может ли она ему помочь вернуть его жеребенка.

Она сказала:

— Ладно, если ты мне пообещаешь, что меня не выдашь, то я скажу, как надо сделать. Рано поутру, когда король будет проезжать на развод караулов, стань посреди улицы, где он будет следовать, возьми большой невод и делай вид, будто ловишь рыбу, и все продолжай тянуть сеть и вытряхивать, будто она полна рыбы, — и она объяснила ему, что должен он ответить, если король станет его спрашивать.

И вот на другой день крестьянин принялся ловить неводом рыбу на суше. Король, проезжая мимо, это увидел и послал своего гонца спросить, чем этот дурак там занимается. Тот ответил:

— Я рыбу ловлю.

А гонец спрашивает, как же он может ловить рыбу, когда нет воды. Тогда крестьянин сказал:

— Да так же, как от двух волов может родиться жеребенок, так вот и я ловлю рыбу на суше.

Гонец передал его ответ королю; и приказал король привести к нему крестьянина и объявил ему, что это не сам он придумал, и пусть, мол, тотчас сознается, кто его этому научил. Но крестьянин сознаваться не хотел и все говорил: «Да Боже упаси! Сам я придумал!» Разложили его тогда на соломе и стали бить и пытать, пока он, наконец, не сознался, что этому научила его королева.

Воротился король домой и говорит своей жене:

— Зачем ты мне говоришь неправду? Отныне не хочу я, чтоб была ты моей женой; прошли твои денечки, ступай туда, откуда пришла, — в крестьянскую свою избенку.

Однако на прощанье он дозволил ей взять с собой то, что всего ей дороже да милей.

И молвила она:

— Хорошо, мой милый муженек, если ты велишь, то я так и сделаю, — и она кинулась к нему в объятия, стала его целовать и сказала, что хотелось бы ей с ним как следует проститься. И она велела принести крепкого сонного зелья, чтоб выпить с ним напоследок; и выпил король весь кубок залпом, а она еле хлебнула. И вот вскоре впал он в глубокий сон; увидев это, она позвала слугу, взяла красивое белое покрывало, укутала в него короля и велела слугам вынести его и положить в карету и отвезла его тайком в свою избушку. Положила она его в свою постельку, и спал он целый день и целую ночь, а когда проснулся, огляделся и говорит:

— Ах, Господи, где же это я? — и стал звать своего слугу, но никто не явился. Подошла, наконец, к постели жена и говорит ему:

— Мой милый король, вы мне велели, чтоб взяла я собой из замка самое что ни на есть для меня дорогое да любимое, но нету для меня ничего дороже и милее на свете тебя, — вот и взяла я тебя вместе с собой.

Навернулись слезы на глаза у короля, и сказал он ей:

— Дорогая жена, ты должна быть моей, а я твоим, — и взял он ее снова в свой королевский замок и велел отпраздновать свадьбу еще раз; и живут, пожалуй, они и до нынешних дней.

ДВА БРАТА

Жили однажды два брата — один богатый, другой бедный. Был богатый золотых дел мастером, и было сердце у него злое. А бедный кормился тем, что метлы вязал, и был он добрый и честный. Было у бедного брата двое детей, мальчишки-близнецы, и были они один на другого как две капли воды похожи. И ходили два мальчика в дом к богачу, где им давали поесть, что из обедков останется.

Случилось, что пошел раз бедняк в лес за прутьями и увидел там птицу; она была вся золотая и такая красивая, какой он ни разу еще не видывал. Поднял он камешек, бросил и попал прямо в птицу; упало с нее одно лишь золотое перо, а птица улетела. Взял бедняк перо и принес его своему брату. Посмотрел тот на перо и говорит:

— Да, это настоящее золото, — и дал ему за него много денег.

На другой день взобрался бедняк на березу и хотел было срубить несколько веток, вдруг вылетела оттуда та же самая птица. Стал он дальше искать — и нашел гнездо, лежало в нем яйцо, и было оно золотое. Взял он яйцо и отнес его своему брату. А тот говорит опять:

— Это чистое золото, — и дал ему за него столько, сколько оно стоило.

Наконец золотых дел мастер сказал:

— Хотелось бы мне иметь самую птицу.

Пошел бедняк в третий раз в лес и увидел на дереве золотую птицу; он взял камень, сбил ее с дерева и принес своему брату, и тот дал ему за нее целую пригоршню золота.

«Ну, теперь-то мне есть на что жить», — подумал бедняк и воротился довольный домой.

А был золотых дел мастер хитер и умен: он прекрасно знал, что это за птица. Позвал он жену и говорит:

— Зажарь-ка мне золотую птицу, да постарайся, чтоб ничего из нее не пропало. У меня охота съесть ее одному.

А птица та была не простая, а волшебная: кто съест ее сердце и печень, тот каждое утро будет находить у себя под подушкой золотой.

Ощипала жена птицу, приготовила ее как следует, насадила на вертел и принялась ее жарить. Но случилось так, что понадобилось ей выйти из кухни по какому-то делу, и вбежали как раз туда в это время двое детей бедняка-метельщика, стали у вертела и разок-другой его повернули. И выпало из птицы на сковородку два кусочка, а мальчик и говорит:

— Я голоден. Давай-ка эти маленькие кусочки съедим, ведь этого никто не заметит.

И они съели оба по кусочку; а тут входит жена богача, видит, что они что-то едят, и спрашивает:

— Что это вы едите?

— Два кусочка, они выпали из птицы, — ответили мальчики.

— Да ведь это же были сердце и печень! — воскликнула испуганная женщина, и чтоб муж ничего не заметил и не разгневался, она быстро зарезала петушка, вырезала у него сердце и печень и сунула их в золотую птицу. Когда птица поджарилась, женщина принесла ее золотых дел мастеру, и тот съел ее один и ничего не оставил. На другое утро сунул он руку под подушки, рассчитывая вытащить оттуда золотой, но там не оказалось ничего.

А дети и не знали, откуда им счастье такое привалило: на другое утро, только они встали, как что-то со звоном упало на пол; подняли они, смотрят, — а это два червонца. Принесли они их своему отцу. Тот удивился и говорит:

— Как же это могло случиться?

Но когда они нашли и на другое утро два золотых, и так каждый день, то пошел он к своему брату и рассказал ему эту удивительную историю.

Золотых дел мастер тотчас смекнул, как это вышло, и понял, что дети съели сердце и печень золотой птицы. И вот, чтобы отомстить им за это, — а был он к тому же завистлив и бессердечен, — он сказал их отцу:

— Дети твои с нечистой силой спутались; не бери этого золота и не держи их больше у себя в доме, ибо нечистый имеет над ними силу и может и тебя самого довести до беды.

Отец боялся черта, и как ни было ему тяжело, а завел он своих детей-близнецов в лес и бросил их там, хоть и трудно ему было на сердце.

Вот стали двое детей бродить по лесу да искать дорогу домой, но найти ее никак не могли и все больше и больше заходили в густую чащу. Встретили они, наконец, охотника, и спросил он у них:

— Дети, вы чьи?

— Мы сыновья бедного метельщика, — ответили они и рассказали ему, что отец не захотел их больше держать у себя в доме оттого, что каждое утро у них под подушками оказывался золотой.

— Ну, — сказал охотник, — в этом нет ничего дурного, если вы при этом остались честными и не стали оттого лежебоками.

Доброму человеку мальчики понравились, а так как детей у него не было, то взял он их к себе домой и сказал:

— Я вам буду вместо отца родного и вас воспитаю.

Стали они учиться у него охотничьему делу, а червонцы, которые каждый из них находил, подымаясь с постели, он для них сберегал на случай, если они в будущем им понадобятся.

Вот дети выросли. И взял их однажды приемный отец с собой в лес и сказал:

— Сегодня каждый из вас должен сделать по пробному выстрелу, чтобы я мог признать вас подмастерьями и настоящими охотниками.

Вышли они с ним на стойку и долго ждали, а дичи все не попадалось. Глянул охотник и увидел стаю белых гусей; летели они треугольником, и он сказал одному из учеников:

— А ну-ка, сбей мне с каждого угла по одному гусю.

Тот нацелился и сделал свой пробный выстрел удачно. Вскоре после того показалась вторая стая, она летела двойкой. И велел охотник другому ученику сбить по одному гусю, и ему тоже пробный выстрел удался. Тогда приемный отец говорит:

— Теперь я вас отпускаю, вы уже опытные охотники.

Пошли после того двое братьев в лес, стали между собой советоваться и кое-что порешили. А когда вечером сели ужинать, они говорят своему приемному отцу:

— Мы есть не станем, и куска не съедим, пока вы не исполните одну нашу просьбу.

Он спрашивает:

— Какая же у вас просьба?

Они отвечают:

— Теперь ученье свое мы закончили и должны попытать счастья. Так вот, разрешьте нам уйти странствовать.

И сказал старик с радостью:

— Вы рассуждаете, как храбрые охотники, и то, что вы хотите, было и моим желаньем. Отправляйтесь в путь, и будет вам удача. — Потом они вместе радостно поели и выпили.

Вот наступил назначенный день, и подарил приемный отец каждому из них по хорошему ружью и по собаке и велел взять из сбереженных червонцев столько, сколько каждый из них пожелает. Затем он проводил их и дал им еще на прощанье блестящий отточенный нож и сказал:

— Если вам придется когда-нибудь друг с другом расстаться, воткните этот нож в дерево на перекрестке дорог, и тот, кто из вас вернется, сможет по этому ножу узнать про судьбу своего брата; та сторона ножа, в какую сторону тот уйдет, в случае его смерти покроется ржавчиной; а пока он будет в живых, она останется блестящей.

Пошли двое братьев дальше и зашли в лес, да такой дремучий, что и за целый день не могли оттуда выбраться. Пришлось им там заночевать, и они съели все, что было у них в охотничьих сумках; пришлось им идти еще и другой

день, но из лесу выбраться они никак не могли. Есть им было нечего. Вот один из них и говорит:

— Надо бы нам что-нибудь застрелить, а не то голодать придется.

Зарядил он свое ружье и стал поглядывать по сторонам. Вдруг выбежал старый заяц. Нацелился охотник, а заяц как закричит:

Ты не бей меня, стрелок,
Двух зайчат отдам за то.

Прыгнул заяц в кусты и принес двух зайчат; но зверушки играли так весело и были такие приятные, что охотник не мог решиться их убить. Братья оставили их у себя, и маленькие зайчата поскакали вслед за ними. А тут увидели они вскоре, как пробиралась тайком лиса, хотели ее было убить, но она как закричит:

Ты не бей меня, стрелок,
Лисенят я дам за то.

Принесла она им двух лисенят; но охотникам не хотелось их убивать. Они оставили их заодно с зайчатами, и пошли лисенята вслед за охотниками. А тут вскоре вышел из чащи волк. Нацелились в него охотники, а волк как закричит:

Ты не бей меня, стрелок,
Двух волчат отдам за то.

Пустили охотники к остальным зверям двух молодых волчат, и те пошли следом за ними. Потом явился медведь, и ему тоже захотелось пожить еще на свете и по лесу потопать, и он закричал:

Ты не бей меня, стрелок,
Медвежат отдам за то.

Двое молодых медвежат тоже присоединились к остальным зверям и пошли за охотниками. И кто же явился наконец? Явился лев и тряхнул своей гривой. Но охотники не испугались и прицелились в него. Но лев тотчас сказал:

Ты не бей меня, стрелок,
Львят отдам тебе за то.

Он принес своих львят, и оказалось теперь у охотников два льва, два медведя, два волка, две лисы и два зайца; все они шли за ними следом и им служили. Но голода своего охотники так и не удовлетворили, и говорят они лисенятам:

— Эй вы, проныры, достаньте-ка нам что-нибудь поесть, вы-то ведь хитрые-прехитрые.

И ответили они:

— Неподалеку отсюда находится деревня, где мы не раз кур таскали; дорогу туда мы вам укажем.

Пошли охотники в ту деревню, купили себе кое-чего поесть, велели накормить и своих зверей и отправились дальше. Лисенятам все места здесь были хорошо знакомы, где какие дворы с курами находятся, и они могли везде указать охотникам.

Ходили-бродили охотники по разным местам, но нигде не могли себе найти такой службы, чтоб остаться всем вместе. Тогда они и говорят:

— Не иначе, как придется нам друг с другом расстаться.

Поделили они между собой зверей, — и получил каждый по львенку, медвежонку, волчонку, лисенку и зайчику. Потом они попрощались, обещали любить друг друга братской любовью до самой смерти, воткнули в дерево нож, который им дал приемный отец, и вот пошел один на восток, а другой на запад.

Пришел младший брат со своими зверями в город, и было в том городе все черным крепом затянуто. Зашел он в харчевню и спросил у хозяина, не сможет ли тот приютить его зверей. Отвел хозяин их в стойло, а была там в стене дыра; вылез заяц наружу и притащил себе кочан капусты, а лиса принесла курицу, съела ее и принялась за петуха. А волк, медвежонок и львенок были побольше и вылезти не могли. Предложил хозяин вывести зверей туда, где лежала в то время на траве корова, пусть-де вдосталь там наедятся. Накормил охотник своих зверей и спрашивает потом у хозяина:

— Отчего весь город черным крепом затянут?

Ответил хозяин:

— Оттого, что завтра должна умереть единственная дочь короля.

Спрашивает охотник:

— Разве она смертельно больна?

— Нет, — ответил хозяин, — она совершенно здорова, но должна умереть.

— Как же это так? — спросил охотник.

— Да вот стоит за городом высокая гора, и живет на ней дракон; и каждый год ему обязаны отдавать невинную девушку, а не то он опустошит всю нашу страну. Ему отдали уже всех девушек, и не осталось ни одной, кроме королевны; но пощады ждать не приходится, ее должны отдать завтра дракону.

Охотник сказал:

— А почему ж не убьют дракона?

— Ах, — ответил хозяин, — уж сколько рыцарей пыталось это сделать, но все жизнью своей поплатились; король обещал тому, кто одолеет дракона, отдать свою дочь в жены, а после смерти своей и все королевство.

Ничего не сказал на это охотник, но на другое утро он взял своих зверей и поднялся вместе с ними на Драконову гору. Стоял на ее вершине небольшой

храм, на алтаре было три чаши с вином, и было на них написано: «Кто эти чаши выпьет, станет самым могучим человеком на свете и овладеет мечом, что закопан перед дверным порогом».

Охотник из чаш этих пить не стал, вышел оттуда и нашел в земле меч, но не смог он его и с места сдвинуть. Он вернулся назад, выпил чаши и стал вдруг настолько могуч, что смог уже меч поднять, держа его в руке, и им размахивать.

Настал час, когда девушка должна была быть выдана дракону, и ее провожали король, маршал и придворные. Увидела девушка издали на вершине Драконовой горы охотника и подумала, что то стоит дракон и ее дожидается, и не хотела подыматься на гору; но, наконец, пришлось ей взойти туда против воли, а не то бы погиб весь город. Вернулся король домой с придворными в великой печали, а маршал королевский должен был там оставаться и издали за всем наблюдать.

Поднялась королевна на самую вершину горы, — и стоял там не дракон, а молодой охотник; он утешил ее и сказал, что хочет ее спасти; он отвел ее в храм и там запер.

Вскоре появился с великим шумом семиглавый дракон. Увидав охотника, дракон удивился и говорит:

— Что тебе тут на горе надо?

Ответил охотник:

— Я хочу с тобой сразиться.

Сказал дракон:

— Не один уже рыцарь здесь свою жизнь положил, и с тобой я тоже управляюсь, — и ондохнул пламенем из своих семи пастьей.

Загорелась сухая трава, и пришлось бы охотнику в пламени и дыму задохнуться; но прибежали звери и весь огонь затоптали.

Кинулся дракон на охотника, но тот выхватил свой меч, он засвистел в воздухе и снес дракону три головы прочь. Тут разъярился дракон, поднялся на воздух и стал изрыгать на охотника пламя; хотел было на него броситься, но охотник выхватил снова меч и отрубил ему еще три головы.

Ослабело чудовище и рухнуло наземь, но все ж таки готовилось кинуться на охотника; но тот, собрав последние силы, отсек ему хвост. Бороться охотник больше не мог, он кликнул своих зверей, — и они разорвали дракона в клочья.

Кончился бой, отпер охотник храм, видит — лежит королевна на полу: от страха и ужаса, пока длился бой, она лишилась чувств. Он вынес ее на воздух, и когда она снова очнулась и открыла глаза, он показал ей изрубленного на куски дракона и сказал, что она теперь спасена. Она обрадовалась и сказала:

— Ты станешь теперь моим мужем, ведь мой отец обещал выдать меня за того, кто убьет дракона.

Потом сняла она с шеи коралловое ожерелье и разделила его в награду между зверями, и достался льву золотой замочек. А свой носовой платок, на котором было вышито ее имя, она подарила охотнику. Он пошел и вырезал из семи драконовых голов языки и завернул их в платок, чтобы лучше их сохранить.

После того как все это случилось, охотник, измученный жарой и сраженьем, сказал девушке:

— Мы оба с тобой устали, давай немного поспим.

Она согласилась; они легли на землю, и молвил охотник льву:

— Ты нас охраняй, чтоб во время сна никто на нас не напал, — и они с девушкой уснули. Лев улегся рядом с ними, чтобы нести стражу, но он тоже устал от битвы с драконом и потому кликнул медведя и сказал:

— Ложись рядом со мной, мне надо немного поспать; если кто подойдет, ты меня разбуди.

Улегся медведь рядом с ним, но он тоже устал, кликнул волка и сказал:

— Ложись рядом со мной, мне надо немного поспать; если кто подойдет, ты меня разбуди.

Улегся волк рядом с ним, он тоже устал, кликнул лису и сказал:

— Ложись рядом со мной, мне надо немного поспать; а если кто подойдет, ты меня разбуди.

Улеглась с ним рядом лиса, и она тоже устала, позвала зайца и говорит:

— Ложись со мной рядом, мне надо немного поспать; если кто придет, ты меня разбуди.

Сел заяц рядом с ней, но бедный зайчик ведь тоже устал, ему некого было позвать в сторожа, — и он уснул.

И вот уснули королева, охотник, лев, медвежонок, волк, лиса и зайчик, и все спали глубоким сном.

Но маршал, который должен был за всем наблюдать издали, не видел, чтобы дракон улетел с девушкой. На горе было все тихо, и вот, наконец, он отважился и взошел на вершину. И лежал дракон на земле, изрубленный и разорванный на куски; а поодаль от него королева и охотник со своими зверями, и все были погружены в глубокий сон. А был маршал человек злой и жестокий, он выхватил свой меч и отрубил охотнику голову, схватил девушку на руки и унес ее с горы. Девушка, проснувшись, испугалась, но маршал ей говорит:

— Ты теперь в моих руках; ты должна будешь сказать, что это я убил дракона.

— Этого сказать я не могу, — ответила она, — ведь это сделал охотник со своими зверями.

Тогда выхватил маршал свой меч и пригрозил ее убить, если она его не послушает, и так заставил ее дать обещание. Затем он принес ее королю. Как увидел король свою любимую дочку в живых, то не знал, как ему и радоваться, — ведь он думал, что ее разорвало чудовище.

И сказал маршал:

— Это я убил дракона и освободил девушку и все королевство, поэтому требую ее себе в жены, как это было обещано.

Король спросил девушку:

— Это правда, что он говорит?

— Ах, да, — ответила она, — это, должно быть, правда. Но я ставлю условие, чтоб свадьба праздновалась только спустя год и один день. — Она надеялась за это время услышать что-нибудь о своем милом охотнике.

А на Драконовой горе все еще лежали звери со своим мертвым хозяином. Но вот прилетел большой шмель и сел на нос зайцу; заяц смахнул его лапой и продолжал спать. Прилетел шмель во второй раз, но заяц опять смахнул его лапой и продолжал спать. Прилетел шмель в третий раз и укусил его за нос, чтоб заяц проснулся. Только заяц проснулся, разбудил он лису, лиса — волка, волк — медведя, а медведь льва. Проснулся лев, видит — нет девушки, а хозяин лежит мертвый; поднял лев страшный рев и завопил:

— Кто это сделал? Медведь, почему ты меня не разбудил?

Медведь спросил волка:

— Почему ты меня не разбудил?

А волк лису:

— Почему ты меня не разбудила?

А лиса зайца:

— Почему ты меня не разбудил?

И только один бедный заяц не знал, что ему ответить, — так и остался он виноватым.

Решили тогда звери на него накинуться, но он стал просить о пощаде и сказал:

— Не губите меня, я нашего хозяина оживлю. Я знаю одну гору, растет на ней корень: если кому положить его в рот, тот от всяких болезней и ран исцелится. Но до этой горы ходу двести часов.

Сказал лев:

— Ты должен за сутки сбежать туда и назад, вернуться и принести этот корень.

Ускакал заяц, и за сутки вернулся назад, и принес корень. Приставил лев голову охотнику, заяц засунул ему в рот корень, вмиг все снова срослось, забилось сердце, и он ожил опять.

Проснулся охотник, видит — нет девушки, испугался он и подумал: «Она, должно быть, ушла, пока я спал, чтобы от меня избавиться».

Лев второпях приставил голову своему хозяину задом наперед, но за печальными думами о королевне охотник этого не заметил: только к полудню, когда ему захотелось есть, он увидел, что голова поставлена у него задом наперед; он никак не мог разобраться, отчего это так, и спросил у зверей, что с ним произошло во сне.

Тогда рассказал ему лев, что все они, утомившись, уснули, а когда проснулись, нашли его мертвым, с отрубленной головой; заяц принес корень жизни, а он второпях приставил голову задом наперед; но ошибку свою, конечно, он исправит. Он оторвал охотнику голову, повернул ее, а заяц заживил ее корнем.

Однако охотник запечалился, пошел скитаться по свету и заставил своих зверей плясать перед людьми. И случилось так, что как раз по прошествии года он пришел снова в тот самый город, где освободил королевну от дракона; но теперь весь город был украшен красной тканью. Спросил охотник хозяина харчевни:

— Год тому назад город был весь в трауре, а нынче он весь в красном? Что это значит?

Ответил хозяин харчевни:

— Год тому назад дочь нашего короля должны были выдать на съедение дракону, но маршал вступил с ним в бой и его убил, и вот завтра должны праздновать их свадьбу, — вот почему был город тогда в трауре, а нынче он весь в красном.

На другой день, когда назначен был свадебный пир, говорит охотник хозяину харчевни:

— Ты мне поверишь, хозяин, что нынче я буду есть при тебе хлеб с королевского стола?

— Нет, — ответил хозяин, — бьюсь с тобой об заклад на сто червонцев, что этого не случится.

Охотник принял условие и выставил в свою очередь кошелек с таким же количеством золотых. Затем кликнул он зайца:

— Ступай, мой милый попрыгун, да принеси мне хлеб с королевского стола.

Для зайчика это было совсем нетрудно, а поручить это кому-нибудь другому он не мог, и пришлось ему скакать одному. «Ох, — подумал он, — придется мне самому по улицам прыгать, — пожалуй, кинутся за мной гончие». Как подумал он, так и случилось; кинулись за ним собаки и хотели было вцепиться ему в шкуру. Но заяц прыгнул — разве ты не видал? — и как бросится в караульную будку, и солдат его не заметил. Подбежали собаки, хотели было зайца оттуда вытащить, но солдат шуток не любил, ударил их прикладом, и они с лаем и воем убежали прочь.

Заметил заяц, что хитрость ему удалась, прискакал в замок да прямо к королевне; уселся к ней под стул и стал ей ногу царапать. А королевна говорит: «Пошла прочь!» — она думала, что это собака. Заяц царапнул королевну за ногу еще раз, а она опять говорит: «Пошла прочь!» — она думала, что это собака. Но заяц не смутился и царапнул королевну в третий раз. Глянула она вниз и узнала зайца по своему ожерелью. Взяла она зайчика к себе на колени, отнесла в свою комнату и спрашивает:

— Милый зайчик, чего ты хочешь?

Он ответил:

— Мой хозяин, который убил дракона, находится здесь; он послал меня попросить хлеба, который ест сам король.

Обрадовалась королевна, велела позвать хлебодара и приказала ему принести хлеб, который ест король. Тогда зайчик говорит:

— Но пускай хлебодар мне его и донесет, а не то нападут на меня гончие.

И отнес хлебодар этот хлеб до самых дверей харчевни. Стал заяц на задние лапы, взял хлеб в передние и принес его своему хозяину. Тогда охотник и говорит:

— Ну, хозяин, а сто золотых-то теперь мои!

Удивился хозяин, а тот говорит:

— Что ж, хозяин, хлеб-то у меня имеется! Да вот хотелось бы мне теперь и королевского жаркого отведавать.

Сказал хозяин:

— Что ж, посмотрим, — но спорить больше не стал.

Кликнул охотник лису и говорит:

— Лисичка, сходи-ка ты да принеси мне жаркое, какое кушает сам король.

Рыжая лиса знала все ходы и выходы лучше других. Прокралась она по углам да закоулкам, и ни одна собака ее не заметила. Села лиса под стулом королевны, стала ей ногу царапать. Глянула королевна вниз и узнала лису по ожерелью; взяла ее к себе в комнату и спрашивает:

— Лисонька, милая, чего тебе надобно?

Ответила лиса:

— Мой хозяин, который убил дракона, находится здесь и послал меня, чтоб я попросила жаркого, что ест сам король.

Велела королевна позвать повара и сказала, чтоб он приготовил жаркое, какое ест король, и донес бы его лисе до самых дверей харчевни.

Взяла лиса блюдо, отогнала сначала хвостом мух, что уселись на жаркое, и принесла его своему господину.

— Ну, хозяин, — сказал охотник, — хлеб и мясо у нас теперь имеются, но хотелось бы отвесть и тех овощей, что ест сам король.

Кликнул он волка и говорит:

— Милый волк, ступай да принеси ты мне тех овощей, что ест король.

Пошел волк напрямик в замок, потому что он никого не боялся, зашел в комнату королевны и дернул ее сзади за платье, чтоб она оглянулась. Узнала она его по ожерелью и спрашивает:

— Милый волк, чего тебе надобно?

Он ответил:

— Мой хозяин, который убил дракона, находится здесь, он просил дать тех овощей, которые ест сам король.

Кликнула королевна повара и велела ему приготовить тех овощей, которые ест король, и донести их волку до самых дверей харчевни. Взял волк у него блюдо и принес его своему господину.

— Вот видите, хозяин, — говорит охотник, — теперь имеется у меня и хлеб, и жаркое, и овощи; но хотелось бы мне отвесть еще и сладкого, которое ест король.

Он кликнул медведя и говорит:

— Милый медведь, ты небось любишь сладким полакомиться, так вот ступай да принеси мне сладкое блюдо, какое ест сам король.

Затопал медведь прямо к замку, и каждый ему уступал дорогу. Подошел он к страже, и выставила стража перед ним ружья, не хотела его пропускать в королевский замок. Тут поднялся медведь на задние лапы, надавал им таких затрещин, что вся стража попадала наземь, — и двинулся медведь прямо к королевне, стал сзади нее и зарычал тихонько. Оглянулась она, узнала медведя и велела ему идти с ней в комнату, и спрашивает:

— Милый медведь, ты чего хочешь?

Он ответил:

— Мой хозяин, который убил дракона, находится здесь, он прислал меня за сладким, которое ест сам король.

Велела королевна позвать кондитера и приготовить сладкое блюдо, какое ест король, и отнести его медведю до самых дверей харчевни. Начал тут медведь лизать сладкие леденцы, что скатились наземь, затем он поднялся на задние лапы, взял в передние блюдо и принес его своему господину.

— Видите, хозяин, — сказал охотник, — вот имеется у меня теперь и хлеб, и жаркое, и овощи, и сладкое; но хотелось бы мне попить и вина, которое пьет сам король.

Позвал он своего льва и сказал:

— Милый лев, ведь ты до хмельного охотник, так вот ступай да принеси мне вина, которое пьет сам король.

Зашагал лев по улицам, и люди от него убегали; а когда подошел он к страже, та хотела ему преградить дорогу, но лев так взревел, что все от него отскочили.

Подошел лев к королевской комнате и постучался хвостом в дверь. Вышла оттуда королева, она было льва испугалась, но, узнав его по золотому замочку от своего ожерелья, велела ему идти за ней в комнату и спросила:

— Милый лев, ты чего хочешь?

Он ответил:

— Мой хозяин, который убил дракона, находится здесь; он поручил мне попросить вина, какое пьет сам король.

Позвала королева виночерпия, и он должен был дать льву вина, которое пьет сам король. Сказал лев:

— Я хочу пойти с виночерпием вместе и посмотреть, чтоб он дал мне настоящего.

Спустился лев вместе с виночерпием в винный подвал. Пришли они туда, и хотел виночерпий нацедить ему простого вина, какое пьют слуги, но лев сказал:

— Постой! Сперва я вино попробую, — нацедил себе полкружки и выпил его залпом. — Нет, — сказал он, — это вино не то.

Глянул на него виночерпий искоса, но пошел и хотел нацедить ему вина из другой бочки, что было для королевского маршала. Но лев сказал:

— Постой! Сперва я вино попробую, — нацедил себе полкружки и выпил его. — Это будет получше, но все-таки это не то.

Разозлился тогда виночерпий и сказал:

— Может ли такой глупый зверь в вине разбираться?

Но лев дал ему по уху, — тот так и покатился на землю; и когда поднялся на ноги, он повел льва, ни слова не молвив, в особый небольшой подвал, где стояло королевское вино, которое не давали пить никому из людей. Нацедил лев сперва себе полкружки, отведал вина и говорит:

— Это, пожалуй, настоящее, — и велел виночерпию налить его шесть бутылок.

Затем поднялись они наверх. Вышел лев из подвала шатаясь, был он немного под хмелем, и должен был виночерпий отнести ему вино до самых дверей харчевни; тут взял лев корзину в пасть и принес ее своему господину.

Сказал охотник:

— Видишь, хозяин, теперь есть у меня хлеб, и мясо, и овощи, и сладкое, и вино — все, что ест и пьет сам король; а теперь я со своими зверями пообедаю.

Он уселся, начал есть и пить и дал также поесть и попить зайцу, лисе, волку, медведю и льву; был он весел, — он знал, что королева его по-настоящему любит. Вот пообедал он и говорит:

— Ну, хозяин, я поел и попил по-королевски, а теперь пойду в королевский замок да женюсь на королевне.

А хозяин спрашивает:

— Как же это может случиться, ежели у нее есть жених и нынче будут справлять свадьбу?

Вытащил тогда охотник платок, что дала ему королева на Драконовой горе, а в нем были завязаны семь языков чудовища, и сказал:

— Мне эти знаки доказательства помогут.

Осмотрел хозяин платок и говорит:

— Ежели я всему и поверил, то уж этому ни за что не поверю и ставлю в заклад свою харчевню и двор.

Вынул охотник кошелек с тысячей червонцев, положил его на стол и говорит:

— А я ставлю тыщу червонцев.

Стал король спрашивать у своей дочери во время пира:

— А что хотели все эти дикие звери, которые приходили в мой замок и опять ушли?

— Я этого сказать не смею, — ответила она, — а вы позовите хозяина этих зверей, он вам все расскажет.

Послал король своего слугу в харчевню и велел ему пригласить к себе незнакомца; слуга явился туда как раз в то время, когда охотник бился об заклад с хозяином харчевни. И сказал охотник:

— Вот видите, хозяин, а король-то прислал своего слугу и приглашает меня явиться, но так запросто я не пойду. — И он обратился к королевскому слуге: — Передайте мою просьбу королю, чтоб прислал он мне королевскую одежду, карету, запряженную шестериком, и слуг, которые бы меня сопровождали.

Услыхал это король и говорит своей дочери:

— Как мне быть?

— Велите его привезти, как он этого требует, — сказала она, — и вы поступите правильно.

Послал тогда король ему королевскую одежду, карету, запряженную шестериком коней, и слуг, которые бы его сопровождали.

Увидел охотник, что за ним приехали, и говорит:

— Вот видите, хозяин, а теперь меня отвезут, как я и потребовал, — и он надел на себя королевскую одежду, взял платок с драконовыми языками и направился к королю.

Увидел король, что тот приехал, и говорит своей дочери:

— Как мне следует его принять?

— Вы должны выйти к нему навстречу, — сказала она, — и вы поступите правильно.

Вот вышел к нему навстречу король, ввел его в замок, и следовали за ним все его звери. Король пригласил его сесть рядом с собой и королевной, — а маршал сидел по другую руку от него, как жених, но охотника он теперь не узнал.

И вот как раз принесли в это время семь голов дракона, чтоб гости на них посмотрели, и сказал король:

— Эти семь голов отрубил у дракона маршал, поэтому я выдаю дочь свою нынче за него замуж.

Тогда поднялся из-за стола охотник, открыл семь драконовых пастей и спросил:

— А где ж семь языков дракона?

Испугался маршал, побледнел и не знал, что и ответить; наконец он проговорил в испуге:

— У драконов языков не бывает!

— Да, их не следует иметь лжецам, но драконовы языки — это знак доказательства победителя!

Охотник развязал свой платок, где лежали все семь языков, и приложил каждый из них к пасти дракона, — и языки как раз прилипли к каждой из них. Затем он достал платок, на котором было вышито имя королевны, показал его невесте и спросил, кому она подарила его. Она ответила:

— Тому, кто убил дракона.

Тогда он кликнул своих зверей, снял у каждого из них ожерелье, а со льва золотой замочек, показал их невесте и спросил, кому они принадлежат.

— Ожерелье с золотым замочком, — ответила она, — было мое, я поделила его между зверями за то, что они помогли одолеть дракона.

И сказал охотник:

— Когда я лежал на поле боя усталый и уснул, то явился маршал и отрубил мне голову. Затем он унес королевну и объявил, что это будто бы он убил дракона; а то, что он солгал, я доказываю драконовыми языками, вот этим платком и ожерельем.

И он рассказал, как спасли его звери при помощи волшебного корня, как целый год он бродил вместе с ними по свету и теперь опять вернулся сюда, где узнал про обман маршала от хозяина харчевни.

Тогда спросил король свою дочь:

— Правда, что этот человек убил дракона?

Она ответила:

— Да, это правда. Теперь я могу открыть злодеяния маршала, так как все выяснилось без моего участия: он взял с меня обещанье молчать. Вот почему я просила праздновать свадьбу не раньше чем через год и один день.

Тогда король велел позвать двенадцать советников, чтоб они вынесли маршалу приговор; и они присудили, что он должен быть разорван четырьмя бы-

ками. Маршала казнили, а король отдал дочь свою замуж за охотника и назначил его наследником всего королевства. Свадьбу отпраздновали с великим весельем, и молодой король велел позвать своего родного отца и приемного и одарил их большими сокровищами. Не забыл он и про хозяина харчевни, — он позвал его и сказал:

— Вот видите, хозяин, я на королевне женился, и ваша харчевня и двор, стало быть, теперь мои.

Сказал хозяин:

— Да, они теперь ваши по праву.

Но молодой король сказал:

— По милости моей пускай харчевню и двор хозяин оставит себе, и дарю я ему еще тысячу червонцев в придачу.

И были молодой король и молодая королева веселы и довольны и зажили счастливо вместе. Он часто выезжал на охоту, это было для него большой радостью, и верные звери всегда его сопровождали.

Находился поблизости лес, о нем шла молва, что там нечистая сила водится, и кто в него попадал впервые, тому было трудно выбраться назад. Но молодому королю сильно захотелось в том лесу поохотиться, и он не давал старому королю покоя, пока тот, наконец, это ему позволил.

Вот выехал молодой король с большой свитой и, въезжая в лес, заметил белоснежную самку оленя и сказал своим людям:

— Вы подождите здесь, пока я вернусь назад, я хочу поохотиться за прекрасным зверем, — и он поскакал вслед за ней в самую чащу леса, и следовали за ним только его звери.

Люди прождали его до самого вечера, но он назад не вернулся. Тогда они поехали домой и сказали молодой королеве:

— Король погнался в заколдованном лесу за белой самкой оленя и назад не вернулся.

И королева сильно о нем беспокоилась. А он все скакал и скакал за прекрасным зверем и никак не мог его нагнать; то казалось ему, что пора уже стрелять, но зверь вмиг убегал далеко-далеко и, наконец, скрылся совсем из виду. Тут он заметил, что заехал в самые дебри лесные, взял свой рог и начал трубить; но ответа не было, люди не могли его услышать. А уже наступила ночь, и он понял, что нынче ему домой не вернуться.

Он слез с коня, развел возле дерева костер и решил там заночевать. Когда он сидел у костра, и его звери лежали с ним рядом, ему показалось, будто слышался человеческий голос: он оглянулся, но ничего не увидел. Вскоре он опять услышал, будто наверху кто-то стонет; он глянул наверх, видит — сидит на дереве какая-то старуха и все причитает:

— Ух, ух, ух, как мне холодно!

Он сказал:

— Слезай да погрейся, если тебе холодно.

Но она ответила:

— Нет, твои звери меня укусят.

Он сказал:

— Бабушка, они не тронут тебя, слезай вниз.

Но это была ведьма, она сказала:

— Я сброшу тебе с дерева прутик; если ты прутиком этим ударишь зверей по спине, тогда они мне ничего не сделают, — и она сбросила ему маленький прутик.

Он ударил тем прутиком зверей, те тотчас тихо улеглись — и вдруг окаменели. Теперь ведьме зверей бояться было нечего, она спрыгнула вниз и дотронулась прутиком до короля и обратила его в камень. Потом она засмеялась и потащила его и зверей в яму, где лежало много таких же камней.

Не вернулся молодой король домой, и забота и страх у королевы все росли и росли. А случилось, что как раз в это время пришел в королевство второй брат — тот, что при расставанье ушел странствовать на восток. Он искал работу и не мог ее нигде найти; он стал тогда бродить по разным местам и заставлял своих зверей плясать перед людьми.

И вот пришло ему в голову пойти посмотреть на нож, который воткнули они при разлуке в ствол дерева, чтоб узнать, что с его братом. Пришел он туда и видит, что сторона его брата наполовину уже заржавела, а наполовину осталась блестящей. Он испугался и подумал: «С моим братом, видно, случилось большое несчастье, но я, может, его спасу: ведь половина ножа осталась блестящей».

И он двинулся со всеми зверями на запад. Когда он подошел к городским воротам, вышла ему навстречу стража и спросила: доложить ли о нем его супруге, — молодая королева уже несколько дней, мол, в большой тревоге по поводу его отсутствия и опасается, что он погиб в заколдованном лесу. Стража приняла его за молодого короля, так как был он на него очень похож, и за ним тоже шли следом дикие звери. Он понял, что речь идет о его брате, и подумал. «Самое лучшее, это выдать себя за него, — тем легче, пожалуй, я смогу его спасти». И он велел страже проводить его в замок, где был принят с великой радостью. Молодая королева подумала, что это ее муж, и спросила, почему он так долго не возвращался. Он ответил:

— Я заблудился в лесу и выбраться раньше оттуда никак не мог.

Вечером его проводили в королевскую опочивальню, но он положил на постели между собой и молодой королевой отточенный меч. Она не знала, что это значит, но спросить его о том не решилась.

Он пробыл там несколько дней и за это время успел разведать все про заколдованный лес, и сказал наконец:

— Я хочу еще раз в нем поохотиться.

Король и молодая королева стали его отговаривать, но он настоял на своем и выехал в лес с большой свитой. Вот попал он в тот лес, и случилось

с ним то же, что и с его братом; он увидел белую самку оленя и сказал своим людям:

— Вы здесь оставайтесь и меня подождите, пока я вернусь, я хочу поохотиться за прекрасным зверем.

И он ускакал в лес, а следом за ним мчались его звери. Но он не мог нагнать самку оленя и попал в такие дебри лесные, что пришлось ему там заночевать. Он развел костер и услышал, что кто-то наверху дерева стонет:

— Ух, ух, ух, как мне холодно!

Он глянул наверх, видит — сидит на верхушке старуха: а это была та самая ведьма. Он сказал:

— Если тебе, бабушка, холодно, слезай вниз и погрейся.

Она ответила:

— Нет, твои звери меня укусят.

А он говорит:

— Они не тронут тебя.

Тогда она крикнула:

— Я сброшу тебе прутик, ты ударь их тем прутиком, они тогда не тронут меня.

Услыхал это охотник, но старухе не поверил и говорит:

— Своих зверей я бить не стану, слезай вниз, а не то я тебя стащу.

Она крикнула ему:

— Ишь чего захотел! Все равно ты со мной не справишься!

Но он ответил:

— Сама не сойдешь, так сниму тебя пулей.

А она говорит:

— Стреляй, я твоих пуль не боюсь.

Приложил он к плечу ружье, выстрелил в нее, но ведьма против свинцовых пуль была заколдована и крикнула:

— Тебе в меня не попасть!

Тут охотник сообразил, сорвал со своей куртки три серебряных пуговицы и зарядил ими ружье, так как против них ее колдовство было бессильно. Когда он выстрелил, она враз рухнула с воплем вниз. Он наступил на нее ногой и говорит:

— Старая ведьма, если ты сейчас не признаешься, где мой брат, я схвачу тебя и брошу в костер.

Сильно испугалась ведьма, стала просить о пощаде и говорит:

— Он лежит со своими зверями, обращенный в камень, в яме.

Тогда он заставил ее пойти с ним вместе, пригрозил ей и сказал:

— Теперь-то ты, старая мартышка, вернешь жизнь моему брату и всем, кто лежит с ним вместе, а не то попадешь в костер.

Взяла ведьма прутик, прикоснулась к камням — и вмиг ожили брат со зверями и много других людей, купцов, ремесленников и пастухов.

«Я сброшу тебе с дерева прутик; если ты прутиком этим ударишь зверей по спине, тогда они мне ничего не сделают», — и старуха сбросила ему маленький прутик. Он ударил тем прутиком зверей, те тотчас тихо улеглись — и вдруг окаменели.

Они стали благодарить его за свое освобождение и отправились потом по домам. А братья-близнецы, увидев друг друга, стали целоваться, и большая была у них радость на сердце. Схватили они потом ведьму, связали ее и бросили в костер; и только она сгорела, очистился лес сам собой, стал светлый и такой прозрачный, что можно было видеть королевский замок за три часа ходу оттуда.

Отправились два брата домой, и по дороге рассказали каждый друг другу про свою судьбу. Когда младший брат рассказал, что он наследник всего королевства, старший говорит ему:

— Это я сразу же понял: когда я пришел в город, меня приняли за тебя и стали воздавать мне королевские почести, молодая королева приняла меня за своего мужа, и пришлось мне сидеть за столом с ней рядом и спать с ней вместе в твоей постели.

Как услышал это младший брат, так возревновал и разгневался, что выхватил меч и отрубил брату голову. Но когда он увидел, что тот лежит мертвый и течет его красная кровь, он сильно в этом раскаялся.

— Мой брат меня освободил от колдовства, — воскликнул он, — а я его за это убил! — и он горько заплакал.

Но к нему подошел заяц и предложил принести корень жизни; он поскакал и принес его как раз вовремя. Мертвый ожил и даже раны своей не заметил.

Потом они двинулись дальше, и сказал младший брат:

— Ты выглядишь так же, как я, на тебе такие же королевские одежды, и за тобой, так же как и за мной, следуют звери. Давай войдем в разные ворота и явимся к старому королю одновременно.

Они расстались, и вот к старому королю пришла в одно и то же время стража обоих ворот и доложила, что молодой король, мол, вернулся со своими зверями с охоты.

Сказал тогда король:

— Этого быть не может, ведь от одних ворот до других будет ходу не меньше часа.

Но в это самое время с двух разных сторон прибыли на королевский двор два брата и вошли в замок. Спросил тогда король у своей дочери:

— Скажи, который же из двух твой муж? Они оба похожи один на другого, — я этого понять никак не могу.

Но она так испугалась, что не могла объяснить. Вдруг она заметила ожерелье, которое раздала зверям, и увидела на одном из львов свой золотой замочек и на радостях воскликнула:

— Тот, за кем идет этот лев, и есть мой настоящий супруг!

Засмеялся молодой король и сказал:

— Да, и вправду я настоящий.

И они уселись все вместе за стол, начали есть и пить и были радостны и веселы.

Вечером, когда молодой король ложился в постель, спросила его жена:

— Ты зачем в прошлые ночи клаал всегда в нашу постель отточенный меч?

Я думала, что ты хотел меня убить.

И узнал он тогда, насколько был верен ему брат.

РУСАЛКА В ПРУДУ

Жил-был на свете мельник; он жил вместе со своей женой в полном довольстве. Денег и всякого добра было у них вдосталь, и из году в год достаток у них все увеличивался. Но беда-то подкрадывается в ночи: как выросло их богатство, так год за годом стало оно таять, и под конец осталась у мельника одна только мельница, на которой он работал. Он был в большом горе и, ложась спать после трудового дня, не находил себе покоя и ворочался в постели с боку на бок, полный дум и забот.

Раз поутру, когда еще не начинало светать, поднялся он и вышел пройтись, думая, что, может, у него на душе полегчает. Он переходил через мельничную плотину, и как раз в это время засиял первый луч солнца, и вот он услышал, что в запруде что-то шумит. Он оглянулся и увидел красивую женщину, медленно выходящую из воды. Она держала в нежных руках, над плечами длинные волосы, они спускались вниз и покрывали ее белое тело. Мельник понял, что это русалка, и от страха не знал, что ему делать: уйти или остаться здесь. Но раздался нежный русалочный голос, она окликнула его по имени и спросила, отчего он такой опечаленный. Поначалу мельник не мог вымолвить и слова, но, услышав, что она говорит так ласково, сердце его успокоилось, и он рассказал ей, что он жил прежде в богатстве и счастье, а теперь так обеднел, что не знает, как ему и на свете прожить.

— Успокойся, — сказала русалка, — я сделаю тебя еще богаче и счастливей, чем прежде, но ты должен прежде пообещать, что отдашь мне то, что только что родилось у тебя в доме.

«Что бы это могло быть? — подумал мельник. — Пожалуй, щенок или котенок», — и он посулил то, что потребовала у него русалка. Русалка опять погрузилась в воду, а он, успокоенный и в добром настроении, направился к своей мельнице. Но не успел он дойти, как вышла из дверей работница и крикнула ему, что он может порадоваться, что родила, мол, жена ему мальчика. Остановился мельник, как громом пораженный, и понял, что хитрая русалка знала об этом и его обманула. С поникшей головой он подошел к постели жены, и когда та спросила: «Почему ты не радуешься красивому мальчику?» — он рассказал ей, что с ним приключилось и какое он дал обещание русалке.

«На что мне теперь и счастье и богатство, — добавил он, — если я должен потерять свое дитя? Да что делать теперь?» Пришли родственники поздравить его и пожелать ему счастья, но и они тоже не знали, что ему посоветовать.

А между тем счастье снова вернулось в дом мельника. Что бы он ни начинал, все ему удавалось, и было так, будто все сундуки и закрома сами собой наполняются и денег в шкафу каждую ночь становится все больше и больше. В скором времени стало у него богатств больше, чем было прежде. Но не мог он спокойно этому радоваться: обещание, данное им русалке, мучило его сердце. Всякий раз, проходя мимо пруда, он боялся, что вот-вот она выплывет и напомнит ему про его долг. Мальчика он вовсе не подпускал к воде. «Берегись, — говорил он ему, — если ты подойдешь к воде, протянется оттуда рука, она схватит тебя и утащит за собой на дно». Но проходил год за годом, а русалка все не показывалась, и мельник начал было уже успокаиваться.

Мальчик вырос, стал юношей и поступил в обучение к одному охотнику. Когда он выучился и сделался отличным охотником, взял его один помещик к себе на службу. А жила в той деревне одна красивая и честная девушка; она понравилась охотнику, и когда помещик об этом узнал, он подарил ему маленький домик. Молодые справили свадьбу и стали себе жить-поживать мирно и счастливо и от всего сердца любили друг друга.

Как-то раз пришлось охотнику гнаться за ланью. Когда зверь выбежал из лесу и помчался по полю, охотник бросился за ним и, наконец, уложил его наповал. Но он не заметил того, что находится вблизи русалочьего пруда, и, выпотрошив зверя, он подошел к воде, чтобы умыть испачканные кровью руки. Но только погрузил он их в воду, как вынырнула из пруда русалка, обвинила его влажными руками и так быстро увлекла его за собой, что только волны над ними заплескались.

Когда наступил вечер и охотник домой не вернулся, жена испугалась и пошла его разыскивать; а так как он часто рассказывал ей, что надо ему опасаться преследований русалки и не подходить близко к пруду, то она сразу почувствовала, что произошло. Она поспешила к пруду и, увидев на берегу его охотничью сумку, поняла, что с ним случилось несчастье.

Плача и заламывая руки, она стала звать своего любимого по имени, но напрасно; она побежала в другую сторону пруда и стала его звать снова; она начала ругать русалку, но ответа не было. Зеркало пруда оставалось спокойным, и только молодой месяц один неподвижно гляделся в него с высоты.

Бедная женщина не покидала пруда. Быстрыми шагами она без устали все ходила вокруг него, то молча, то громко крича, то тихо стелая. Наконец силы у нее иссякли, она упала на траву и крепко-крепко уснула.

И вскоре приснился ей сон. Будто идет она в страхе на гору между огромными обломками скал. Шипы и колючки впиваются ей в ноги, дождь хлещет ей в лицо, и ветер треплет ее длинные волосы. Вот добралась она до вершины, и перед ней открылась другая картина. Небо было голубое, воздух нежный, земля мягко под ней опустилась, и на зеленом, покрытом пестрыми цветами лугу оказалась чистенькая избушка. Она подошла к ней, открыла дверь, смотрит: сидит в избушке старуха с седыми волосами и ласково ей кивает. В этот миг бедная женщина проснулась.

Уже наступило утро, и она тотчас решила послушаться сна. Она с трудом поднялась на гору, и было все так же, как виделось ей ночью во сне. Старуха приветливо встретила ее и предложила ей сесть на стул.

— Ты, должно быть, пережила какое-нибудь несчастье, — сказала старуха, — что явилась ко мне в одинокую хижину?

И женщина рассказала ей со слезами, что с ней случилось.

— Успокойся, — сказала старуха. — я тебе помогу. На тебе золотой гребень. Обожди, пока взойдет полная луна, а потом ступай к пруду, сядь снова на его берегу и расчеши свои длинные черные волосы этим гребнем. Когда ты это сделаешь, положи его на берегу, и ты увидишь, что случится.

Женщина вернулась назад, но время до полнолуния двигалось медленно. Наконец показалась на небе сияющая луна, и женщина вышла к пруду, села на берегу и начала расчесывать свои длинные черные волосы золотым гребнем, а потом положила его на самый край у воды. И вдруг разбушевался пруд, поднялась волна, подкатилась к берегу и унесла с собой гребень. Это длилось не дольше, чем надо было, чтобы гребень опустился на дно, — и вдруг наступила водная гладь, и поднялась оттуда голова охотника. Он не молвил ни слова, но поглядел на жену грустным взором. В этот миг подкатилась с шумом вторая волна и укрыва голову мужа.

Вдруг все исчезло, и пруд стоял такой же спокойный, как прежде, и только в нем отражалась полная луна.

Женщина вернулась назад безутешной, но сон указал ей снова на избушку старухи. На другое утро женщина собралась опять в путь-дорогу и рассказала про свое горе вещей старухе. Дала ей старуха золотую флейту и сказала:

— погоди, пока наступит опять полнолуние, а затем возьми эту флейту, сядь на берегу, сыграй на ней красивую песню, и когда ты закончишь, положи ее на песок, и ты увидишь, что случится.

Женщина сделала так, как ей велела старуха. И только положила она флейту на песок, как в глубине пруда вдруг что-то зашумело: поднялась волна, подкатилась и утащила за собой флейту. Вскоре вода расступилась, и показалась оттуда не только голова, но половина туловища мужа. Он протянул ей в страстном желанье руки, но в этот миг зашумела навстречу другая волна, захлестнула его и увлекла снова вниз за собой.

— Ах, что мне с того, — сказала несчастная, — если я вижу своего любимого, но теряю его опять!

Она снова запечалилась, но сон в третий раз привел ее в избушку старухи. Она направилась в путь-дорогу, и вещая старуха дала ей золотую прялку, утешила ее и сказала:

— Еще сделано не все, ты повremени, пока взойдет полная луна, тогда возьми прялку, сядь на берегу и напряди полную мотушку пряжи, а когда ты окончишь, поставь прялку у самой воды, и ты увидишь, что случится.

Женщина так все точно и сделала. Только показалась полная луна, она принесла на берег золотую прялку и усердно прядла до тех пор, пока не вышел весь лен, мотушка была полна пряжи. И только оказалась прялка на берегу, как в глубине пруда зашумело еще сильнее, чем прежде, быстро подкатилась сильная волна и унесла с собой прялку. И тотчас вместе с волной поднялась вверх голова, а затем и все тело мужа. Он быстро выскочил на берег, схватил за руку свою жену и побежал с ней. Но только они немного отошли, как поднялся со страшным шумом весь пруд и с яростной силой разлился по широкому полю. Беглецы уже чувствовали свою неминуемую смерть, но кликнула женщина в страхе на помощь старуху, и вмиг они были обращены: она в жабу, а он в лягушку. Докатилась до них волна, но не могла их утопить, только разлучила их друг с другом и унесла далеко-далеко.

Когда схлынула вода и они ступили на сушу, к ним вернулся снова их человеческий образ. Но они не знали, где находится каждый из них. Они оказались среди чужих людей, ничего не слыжавших про их родную землю. Их разделяли высокие горы и глубокие долины. Чтоб поддержать свою жизнь, им обоим пришлось пасти овец. Долгие годы они гоняли свои стада по полям и лесам и были исполнены тоски и печали.

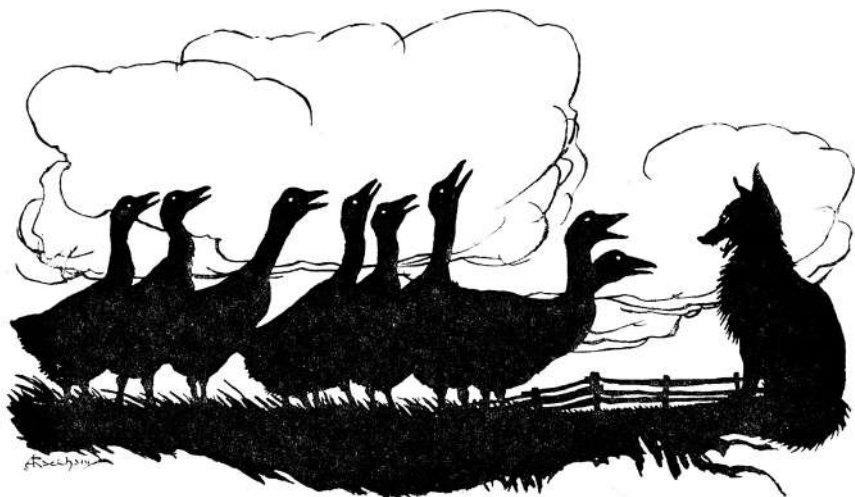
Однажды, когда снова поднялась из недр земных весна, вышли оба они в один и тот же день со своими стадами на пастбище и случайно двинулись друг другу навстречу. Он заметил на дальнем обрыве скал стадо и погнал своих овец в ту сторону. Они сошлись в одной долине, но не узнали друг друга. Но им было радостно, что они теперь не так одиноки. С той поры они пасли свои стада вместе; они говорили мало, но чувствовали себя утешенными. Однажды вечером, когда на небе сияла полная луна и овцы уже отдыхали, достал пастух из сумки флейту и начал на ней играть прекрасную, но печальную песню. Кончил он ту песню и видит, что плачет пастушка горькими слезами.

— Чего ты плачешь? — спросил он.

— Ах, — ответила она, — вот так же светила полная луна, когда я в последний раз играла эту песню на флейте и показалась из пруда голова моего любимого.

Он глянул не нее, и словно пелена спала у него с глаз, и он узнал свою милую жену; а когда она посмотрела на него и луна осветила ему лицо, она тоже узнала его. Они бросились друг к другу в объятия и стали целоваться, — а были ли они счастливы, о том спрашивать незачем.

ЛИСА И ГУСИ

Раз пришла лиса на лужок, видит: сидит там стадо красивых жирных гусей. Засмеялась лиса и говорит:

— А я пришла, видно, кстати, вы так славно сидите рядышком, что можно вас будет легко одного за другим и съесть.

Заготовили гуси от страха, вскочили и начали кричать да жалобно просить, чтоб оставила лиса их в живых. Но лиса их и слушать не захотела и говорит:

— Не будет вам от меня пощады, всем вам смерть.

Вот один гусь расхрабрился было и говорит:

— Уж если мы, бедные гуси, должны умереть такими молодыми, то окажи нам одну милость, разреши нам помолиться, чтобы перед смертью замолить наши грехи, а потом уж станем мы в ряд, и ты будешь выбирать того, кто из нас пожирней.

— Ладно, — говорит лиса, — это правильно, и просьба у вас скромная; ну, молитесь себе, а я пока подожду.

И вот начал первый гусь петь свою протяжную молитву и повторять: «га-га-га!», и молитве той все не было конца. Тогда второй гусь не стал ожидать, пока дойдет до него черед, и начал тоже: «га-га-га!» А тут за ним и третий, и четвертый, и вскоре заготовили все гуси разом.

(Как кончат они молиться, так и сказка дальше пойдет, но молятся все они до сих пор.)

ЖЕЛЕЗНАЯ ПЕЧЬ

В те времена, когда заговоры еще помогали, был один королевич заколдован злой ведьмой, — он должен был сидеть в большой железной печи в лесу. Так провел он в ней долгие-долгие годы, и никто не мог его расколдовать. Однажды зашла в тот лес королева, она заблудилась и не могла найти дороги назад в свое королевство. Девять дней блуждала она по лесу и наконец подошла к железному ящику. Вдруг раздался оттуда голос, который ее спросил:

— Ты откуда идешь и куда держишь путь?

Она ответила:

— Я потеряла дорогу в королевство своего отца и не могу выбраться из лесу.

И сказал голос из железного ящика:

— Я тебе помогу вернуться домой, и очень скоро, если ты мне поклянешься сделать то, что я потребую. Я — королевич, более знатного рода, чем ты, и хочу на тебе жениться.

Она испугалась и подумала: «Боже мой, да что же мне делать с железной печью?» Но так как ей очень хотелось вернуться домой к отцу, то она поклялась сделать, что он потребует.

— Но ты, — сказал он, — должна будешь вернуться сюда, принести нож и провертеть в железе дыру.

Дал он ей провожатого, тот шел рядом с ней и все время молчал; спустя два часа он привел ее домой. Вот вернулась королева в свой замок, и была там большая радость, старый король бросился к ней на шею и стал ее целовать. Но она запечалилась и сказала:

— Ах, милый отец мой, что со мной приключилось! Я никогда бы не выбралась домой из дремучего леса, если б не набрела на железную печь; я поклялась ей в том, что вернусь к ней, ее расколдую и выйду за нее замуж.

Старый король так испугался, что чуть было не лишился чувств, — ведь она была его единственной дочкой. Пораздумали они и решили на том, что надо подменить королевну дочкой мельника; а была та красавицей. Они завели

ее в лес, дали ей нож и сказали, что должна она железную печь продырявить. Вот долбила она железо уже целые сутки, но поделать ничего не могла. Только начало светать, вдруг послышался из железной печи голос:

— Мне кажется, что уже утро.

И она ответила:

— Да, пожалуй, — мне слышится, как шумит отцовская мельница.

— Ты, стало быть, дочка мельника? Так убирайся отсюда прочь и скажи, чтоб пришла королевна.

Она пошла и сказала старому королю, что тот, кто сидит в печи, ее не хочет, а зовет королевскую дочь. Испугался старый король, и заплакала королевна. Но была у них еще дочь свинопаса, та была еще красивей дочери мельника; и вот решили дать ей червонец, чтоб пошла она к железной печи вместо королевны. Вывели дочку свинопаса в лес, и пришлось ей тоже скоблить железо целые сутки, но у нее ничего не вышло. Стало светать, и говорит голос из печи:

— Мне кажется, что уже утро.

Она ответила:

— Да, пожалуй, — я слышу, как играет рожок моего отца.

— Ты, стало быть, дочь свинопаса? Так убирайся отсюда и скажи, чтоб пришла королевна, и объясни ей, что если она не явится ко мне, с ней случится то, что я ей сказал: все в королевстве рассыплется в прах, и не останется и камня на камне.

Услыхала это королевна, заплакала, — но ничего не поделаешь, — пришлось ей сдержать свое обещанье. Попрощалась она с отцом, взяла нож и направилась прямо в лес, к железной печи. Когда она пришла, принялась тотчас скоблить железо, и начало оно поддаваться, а прошло два часа, и успела проделать она дыру. Заглянула она внутрь и увидела — ах! — такого прекрасного юношу, весь он блистал золотом и драгоценными камнями: и он очень понравился ей. Она продолжала скоблить железо и проделала такую большую дыру, что он мог выбраться наружу.

И сказал он:

— Отныне ты моя, а я — твой; ты невеста моя, ты меня расколдовала.

И он хотел увести ее в свое королевство, но она попросила у него позволения побывать еще раз у отца, и королевич ей это позволил, но с условием, что она скажет отцу не больше трех слов, а потом вернется к нему назад в лес. Пошла она домой, но сказала больше, чем три слова; и вмиг исчезла железная печь и отодвинулась далеко-далеко за стеклянные горы да острые мечи. Но королевич был уже расколдован и не сидел в той печи взаперти. Потом попрощалась она со своим отцом, взяла с собой на дорогу немного денег и отправилась опять в дремучий лес на поиски железной печи, но ее было не найти. Девять дней она искала и так сильно проголодалась, что не знала, как ей быть дальше, питаться в лесу было нечем. Вот наступил вечер, и взобралась она на дерево и решила там заночевать: она боялась диких зверей. Когда наступила пол-

ночь, она заметила вдали небольшой огонек и подумала: «Ах, вон там бы меня спасли», — она спустилась с дерева и пошла навстречу огоньку, но по дороге молилась. Подошла она к маленькой старой избушке, все вокруг нее поросло травой, и лежала перед избушкой небольшая кучка дров. «Ах, куда это я забрела?» — подумала она и заглянула в окошко, но ничего там не заметила, кроме больших и маленьких жаб, и стоял там стол; он был красиво убран яствами и вином, а тарелки и кубки были серебряные. Собралась она с духом и постучалась.

И тотчас кликнула толстая жаба:

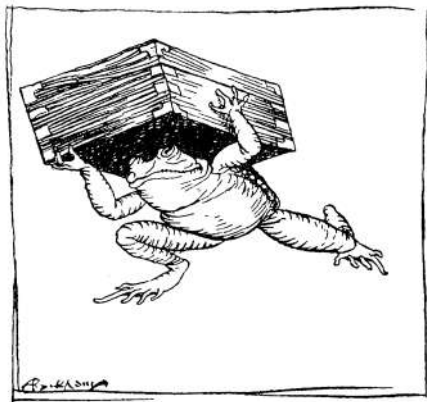
Эй, моя зеленая,
Девка хромоногая,
Костяной ноги собачка,
Погляди-ка поскорей,
Кто стоит там у дверей?

Явилась маленькая жаба и открыла девушке дверь. И только та вошла, все приветствовали ее и пригласили садиться. Они спросили: «Вы откуда? Куда идете?» И она рассказала все, что с ней случилось: как нарушила она обещанье не говорить больше трех слов, и что железная печка ушла вместе с королевичем, и что она собирается искать ее теперь до тех пор, пока не отыщет, хотя бы пришлось ей пройти и горы и доли.

И сказала тогда толстая жаба:

Эй, моя зеленая,
Девка хромоногая,
Костяной ноги собачка,
Ну, скачи, скачи живей,
Принеси ларец скорей.

Пошла маленькая жаба и притащила ей большой ларец. Потом покормили они девушку, напоили, привели ее к красиво убранной постели, а была та постель словно из шелка и бархата; и улеглась в нее девушка и, помолившись Богу, уснула. Вот наступило утро, она поднялась; и дала тогда старая жаба ей три иглы из большого ларца и сказала, чтоб она взяла их с собой: они, мол, ей пригодятся, — ведь придется ей переходить через высокую Стеклан-

ную гору, через три острых меча и разливы речные. Если она все это пройдет, то вернет своего жениха. Потом дала она девушке еще три предмета и сказала, чтоб берегла она их как следует, — были то три большие иглы, колесо от плуга и три ореха. С этим и отправилась девушка в путь-дорогу. Когда она подошла к Стеклойной горе, что вся была скользкая, она воткнула в нее три иглы и, опираясь на них ногами, все подымалась вверх, и так перешла она через гору. И когда девушка была уже на другой стороне, то она воткнула иглы в одном месте и хорошо его запомнила. Потом она подошла к трем острым мечам, стала на свое колесо от плуга и проехала через мечи. Наконец пришла она к большому речному разливу, и когда перебралась, она попала в большой прекрасный замок. Она вошла туда и попросилась принять ее на работу, будто она бедная девушка и хотела бы на работу наняться: она знала, что в замке находится королевич, которого она освободила в дремучем лесу из железной печи. И взяли ее за самую ничтожную плату в судомойки. А была у королевича на примете уже другая девушка, на которой он собирался жениться, он думал, что первая уже давно умерла. Вечером, когда она все перемыла и убрала и работу свою кончила, сунула руку в карман и нашла три ореха, которые ей дала старая жаба. Раскусила она один орех, собралась орешек съесть, глядь — а там пышное королевское платье. Услыхала об этом невеста, явилась и стала ее просить, чтоб та его продала, и говорит: «Такое платье вовсе не для служанки». А та говорит, что продать она его не продаст, а вот если она позволит ей переспать одну ночь в комнате у ее жениха, то она готова платье ей уступить. Невеста ей это позволила, потому что платье было такое прекрасное и у нее подобного не было никогда.

Вот наступил вечер, и сказала невеста своему жениху:

— Захотелось глупой служанке выспаться у тебя в комнате.

— Если ты разрешишь, то и я согласен, — ответил он. Но она дала жениху стакан вина и подсыпала в него сонного зелья.

Пошел королевич вместе со служанкой спать в комнату, но он так крепко уснул, что она не могла его добудиться. Она проплакала целую ночь, все повторяя: «Я тебя вызволила из дремучего леса и из железной печи, я тебя искала и перешла через Стеклойную гору, через три острых меча, перешла через разливы речные, пока тебя, наконец, не нашла, а ты меня и слушать не хочешь!»

Слуги сидели за дверьми, слышали, как плакала девушка всю ночь напролет, и наутро рассказали об этом своему господину.

Когда на другой вечер она перемыла всю посуду, она раскусила второй орешек, — и оказалось в нем платье еще прекрасней. Как увидала его невеста, захотелось ей купить и это платье. Но продать его за деньги девушка не соглашалась и выпросила себе за него, чтоб дозволили ей переспать еще раз в комнате у жениха. Но невеста подсыпала ему сонного зелья, и он так крепко уснул, что услышать ничего не мог. Проплакала судомойка целую ночь, причитая:

— Я тебя вызволила из дремучего леса и из железной печи, искала тебя повсюду, перешла через Стекланную гору, через три острых меча и разливы речные, пока тебя, наконец, не нашла, а ты и слушать меня не хочешь!

Слуги сидели за дверью и слышали, как плакала девушка целую ночь напролет, и наутро рассказали о том своему господину. И когда на третий вечер она все перешила на кухне, раскусила она третий орешек, — и было в нем еще более прекрасное платье, было оно все из чистого золота выткано. Как увидела его невеста, захотелось ей, чтоб и это платье было ее. Но девушка согласилась его отдать только за то, чтоб ей дозволили в третий раз переспать в комнате у жениха. Но тот был теперь осторожней и велел сонный напиток выплеснуть. Как только девушка заплакала и начала причитать: «Мой любимый, я выручила тебя из дремучего, страшного леса и из железной печи», вскочил королевич и говорит:

— Ты моя настоящая невеста, ты — моя, а я — твой!

И он сел с ней в эту же ночь в карету, и они отобрали у фальшивой невесты платья, да так, что та уже больше и не поднялась. Подъехали они к речному разливу, переправились через него, а подойдя к трем острым мечам, уселись на колесо от плуга, а в Стекланную гору воткнули три иглы. Так добрались они, наконец, до ветхой маленькой избушки; но только они туда вошли, как обратилась она в большой замок: и были все жабы расколдованы, оказались они королевскими детьми и были в большой-пребольшой радости. И отпраздновали свадьбу, и остались они жить в том замке, а был он куда больше отцовского замка королевны. Но старый король горевал, что ему приходится жить в одиночестве, и они поехали к нему, привезли его к себе, и стало у них отныне два королевства, и жили они в супружестве счастливо.

Тут взмахнула мышь хвостом,
Сказка кончилась на том.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КРЫСОЛОВ
ИЗ ГАМЕЛЬНА

ДЕТИ ИЗ ГАМЕЛЬНА¹

В 1284 году в городе Гамельне был замечен странный человек. Он носил пеструю одежду, сшитую из ярких лоскутков ткани, за что, как говорят, прозвали его Пестряком. Он назвался крысоловом и пообещал за определенную плату избавить этот город от всех крыс и мышей. Горожане на это согласились и заверили Крысолова, что он получит свои деньги. Тогда Крысолов достал дудочку и начал на ней наигрывать. Тотчас из всех домов стали выбегать крысы и мыши. Они сгрудились вокруг Крысолова, и не хотели отходить от него. Тогда Крысолов двинулся из города, и все крысы с мышами последовали за ним. Так он довел их до реки Везер. Там он скинул свою одежду и вошел в воду. Все крысы и мыши последовали за ним и утонули в реке.

Однако после того, как горожане избавились от своих мучителей, они пожалели обещанных Крысолову денег. Придумав разные отговорки, они отказались ему заплатить, и он ушел из города озлобленный и ожесточенный. Он появился в Гамельне снова в семь утра 26 июня, в день Иоанна и Павла, а в полдень явился снова и на сей раз он имел вид охотника. Лицо его было грозно, а на голове красовался странный красный колпак. Крысолов снова заиграл на своей дудочке, и ее посвист был слышен на каждой городской улице. На этот раз на ее звуки из домов вышли уже не крысы и мыши, а дети: мальчики и девочки старше четырех лет. Их становилось все больше и больше, и среди них была сама дочка городского головы. Дети пошли за Крысоловом, а он завел их на гору, на которой вместе с ними и пропал неизвестно куда. Все это видела девушка, которая шла за толпой детей с младенцем на руках. Она вернулась в город и рассказала о случившемся. Тогда родители бросились скопом по домам, с тоской стали кликать своих детей, и вскоре все матери завопили и запричитали от горя. По всем направлениям, по суше и по морю были посланы гонцы дабы узнать, не видел ли кто исчезнувших детей или хотя бы одного пропавшего ребенка. Увы, все поиски были тщетны. Всего сгинуло сто тридцать детей. Люди говорили, что двое все же через некоторое время вернулись. Однако один из них был слеп, а другой немой. Поэтому слепец не мог показать

¹ Текст взят из сборника «Немецкие легенды» братьев Гримм.

место, где пропали дети, но он рассказал, как все они следовали за музыкантом. Немой же показал это место, но ничего не смог поведать. Один малыш выбежал на звуки дудочки в одной рубашонке. Он вернулся в дом, чтобы натянуть на себя курточку, и это спасло его от беды. Ведь когда он захотел догнать остальных, на холме уже никого не было.

Улица, по которой дети шли к городским воротам, получила в середине XVIII века название Bunge-lose (то есть «Безмолвной»). На ней не разрешалось ни танцевать, ни играть, ни музицировать. Да, когда под звуки музыки в местную церковь вели невесту, музыканты на этой улице играть переставали. Гора подле Гамельна, на которой пропали дети, называется Поппенберг, на ней слева и справа воздвигнуты два камня крестовидной формы. Говорят, что детей на этой горе завели в какую-то пещеру, а вышли они из нее в Трансильвании.

Жители Гамельна внесли записи о случившемся в городскую летопись и регулярно поминали своих пропавших детей. По словам Сейфрида, в городской летописи значится 22 июня, а не 26-е. На доме Крысолова имеется такая надпись:

В 1284 году от Рождества Христова
в городе Гамельне
сто тридцать детей
были уведены дудочником.

А у новых ворот надпись на латыни:

Centum ter denos cum magus ab urbe puellōs
duxerat ante annos CCLXXII condita porta fuit.

В 1572 году городской бургомистр приказал запечатлеть эту историю на церковных витражах с подобающей надписью, которая со временем стала плохо различимой. Была также отчеканена соответствующая монета.

Он назвался крысоловом и пообещал за определенную плату избавить этот город от всех крыс и мышей. Горожане на это согласились и заверили Крысолова, что он получит свои деньги.

КРЫСОЛОВ ИЗ ГАМЕЛЬНА¹

Много лет назад жители Гамельна страдали от невероятного нашествия крыс, которые наступали с севера такими густыми массами, что вся земля казалась черной; извозчики боялись пускать лошадей через дорогу, по которой шли вереницы этих животных. Все было сожрано до чиста. Съесть на гумне мешок с зерном для этих крыс было таким же обыкновенным делом, как для бюргера проглотить стакан вина.

Крысоловки, капканы, крысиный яд — ничто не помогало. Из города Бремена затребовали барку, в которой привезли тысячу сто кошек, но и это оказалось бесполезным: на тысячу истребленных крыс появлялось десять тысяч новых, еще прожорливее прежних. Одним словом, не явись избавление от этой напасти, в Гамельне не осталось бы ни зернышка, и люди перемерли бы с голоду. Но вот однажды, в пятницу, появился к городскому бургомистру великан, рот до ушей, в красной куртке, с острым колпаком на голове, в широких штанах с лентами, серых чулках и башмаках с огненными бантами. На боку кожаная сумочка.

Он предложил бургомистру за сто дукатов избавить город от постигшей его напасти. Ясно, конечно, бургомистр и горожане согласились сейчас же и ударили по рукам. Тогда пришелец вынул из кожаной сумки медную флейту и, став на рынке, перед собором, но — заметьте — спиной к церкви, заиграл такую диковинную мелодию, какой никогда не слыхали германские флейтисты. И вот, услышав эту музыку, крысы и мыши из-под стропил и кровельных черепиц, изо всех дыр, нор, амбаров и сараев, сотнями и тысячами

¹ Немецкая легенда в переложении Проспера Мериме. Перевод с французского Анатолия Виноградова.

*Много лет назад жители Гамельна страдали от невероятного
нашествия крыс. Все было сожрано дочи́ста. Крысоловки, капканы,
крысиный яд — ничто не помогало.*

сбежались к нему. Пришелец, не прерывая игры на флейте, сдвинулся с места и пошел к берегу Везера. Там, сняв штаны и разувшись, он вошел в воду, а вслед за ним пошли в воду все гамельнские крысы и утонули. Во всем городе осталась одна единственная крыса. Колдун — а это был колдун — спросил у одной отставшей крысы, еще не успевшей утонуть: «А почему Клаус-Белый Крыс не явился?» — «Государь мой, — ответила крыса, — Клаус так стар, что не может ходить». — «Ступай за ним», — сказал колдун. И крыса поплелась обратно в город и скоро пришла с огромной белой крысой такой старой, что не могла двигаться сама. Крыса помоложе тащила старую крысу за хвост. И так обе вошли в реку Везер и утонули так же, как и их товарки. Город был от них очищен. Но когда незнакомец пришел в ратушу за условленной платой, то бургомистр и горожане, рассудив, что им больше нечего бояться крыс, и воображая, что они легко могут обойти беззащитного чужеземца, не постыдились предложить ему вместо обещанной сотни только десять дукатов. Незнакомец настаивал, а они его выгнали. И вот тогда он произнес угрозу, что заставит их дорого заплатить, если они в точности не исполнят условия. Горожане хохотом ответили на его слова, выставили его за дверь ратуши, дав ему прозвище «распрекрасного крысолова». Кличку эту подхватили городские мальчишки и ею провожали его по городским улицам вплоть до самых Новых ворот. В следующую пятницу, ровно в полдень, незнакомец снова вошел на рынок. На этот раз на нем была ярко-алая шапка, заломленная с невероятной удачей. Он вынул из сумки новую флейту, совсем не ту, что в первый раз, и как только заиграл, все гамельнские мальчишки, от шести до пятнадцати лет, собрались к нему и вслед за ним вышли за городскую черту. Жители шли следом за ними до горы Коппенберг, вплоть до пещеры, которая теперь завалена. Флейтист вошел в пещеру, и все дети за ним. Еще некоторое время слышались звуки флейты, но мало-помалу они затихли, и потом наступила тишина. Дети сгинули, и с тех пор о них не было ни слуху, ни духу. и когда в Гамельне говорят о каком-нибудь событии, то определяют его срок: «Это случилось через двадцать лет после увода наших ребят... Господин Фалькенштейн разграбил наш город через шестьдесят лет после увода наших ребят».

Говорят, что в те времена, совсем далеко от тех мест, в Трансильвании, появились чьи-то дети, хорошо говорившие по-немецки, но они не могли объяснить, откуда они появились. Они пережили на новом месте, научили своих ребят немецкому языку; отсюда и пошло, что в Трансильвании до сих пор говорят по-немецки.

Незнакомец вынул из сумки новую флейту и как только заиграл, все гамельнские мальчики, от шести до пятнадцати лет, собрались к нему и вслед за ним вышли за городскую черту.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово художника.....	5
------------------------------------	---

НЕМЕЦКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Золотая птица	9
Ганс в счастье	17
Йоринда и Йорингель	22
Бременские уличные музыканты	27
Старый Султан	31
Соломинка, уголек и боб	34
Шиповничек	37
Собака и воробей	44
Стоптаные туфельки	48
Сказка о рыбаке и его жене	53
Королек и медведь	61
Король-лягушонок, или Железный Гейнрих	65
Кошка и мышка вдвоем	71
Гусятница	75
Всякий сброд	83
Господин Корбес	86
Про смерть курочки	88
Рапунцель	90
Птица-Найденыш	96
Храбрый портняжка	100
Гензель и Гретель	109
О мышке, птичке и колбаске	120
Госпожа Метелица	122
Красная Шапочка	126
Разбойник-жених	131
Мальчик-с-пальчик	136
Румпельштильцхен	143
Умная Гретель	147
Старый дед и внучек	150
Мужичок	152
Фридер и Катерлизхен	158
Милый Роланд	164
Белоснежка	170
Гвоздика	180
Умная Эльза	185
Монах в терновнике	189
Золушка	194
Белая змея	203
Волк и семеро козлят	208
Пчелиная матка	212
Реп	215
Смышленный Ганс	218
Три языка	223
Лиса и кот	227
Четверо искусных братьев	228
Певчий попрыгун-жаворонок	235
Лиса и лошадь	241
Синяя свечка	244
Ворона	248

Золотой гусь	254
Живая вода	260
Двенадцать охотников	266
Король с Золотой горы	269
Доктор Всезнайка	275
Семь воронов	278
Свадьба госпожи Лисы	283
Салатный осел	287
Сказка о том, кто ходил страху учиться	293
Король-Дроздовик	303
Железный Ганс	308
Братец и сестрица	316
Белоснежка и Алоцветик	325
Сладкая каша	331
Странствия Мальчика-с-пальчик	332
Ученый охотник	336
Настоящая невеста	342
Двенадцать братьев	349
Три пряжи	355
Звездные талеры	358
Лесная старуха	359
Медвежатник	363
Одноглазка, Двуглазка и Трехглазка	368
Столик-накройся, золотой осел и дубинка из мешка	376
Чудаковатый музыкант	386
Про умного портняжку	390
Подземный человечек	394
Ганс мой еж	399
Нос	403
Три перышка	410
Гусятница у колодца	414
Дары маленького народца	424
Три маленьких лесовика	427
Дух в бутылке	434
Три фельдшера	439
Заяц и еж	443
Гриф-птица	446
Веретенце, челнок и иголка	452
Дева Малейн	455
Юный великан	462
Три счастливца	469
Чудо-птица	472
Бедный работник с мельницы и кошечка	476
Шестеро весь свет обойдут	479
Два странника	484
Лесная избушка	492
Умная дочь крестьянская	498
Два брата	502
Русалка в пруду	522
Лиса и гуси	527
Железная печь	528

ПРИЛОЖЕНИЕ

Дети из Гамельна	535
Крысолов из Гамельна	538

Якоб и Вильгельм Гримм
НЕМЕЦКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Том 221

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010 не требуется знак информационной продукции, так как данное издание классического произведения имеет значительную историческую, художественную и культурную ценность для общества

Компьютерная верстка, обработка иллюстраций
Р. Уткина

Дизайн обложки, подготовка к печати
А. Яскевича

Гарнитура Гарамонд Премьер Про
12 кегль

Сдано в печать 29.11.2023
Объем 34 печ. листа
Тираж 3100 экз.
Заказ № 26809

Бумага матовая мелованная
Омела 115 г/м²

ООО «СЗКЭО»
Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44
E-mail: knigi@szko.ru
Интернет-магазин: www.szko.ru

Отпечатано в типографии ООО «ЛД-ПРИНТ»,
196643, Россия, г. Санкт-Петербург, п. Сапёрный,
ш. Петрозаводское, д. 61, строение 6,
тел. (812) 462-83-83, e-mail: office@ldprint.ru.

Братья Гримм — кто не слышал об этих замечательных подвижниках, приложивших так много усилий для того, чтобы записать и обработать более сотни немецких народных сказок? Это они познакомили читателей с бременскими уличными музыкантами, с храбрым портняжкой, с Гензелем и Гретель, с двенадцатью месяцами, с Мальчиком-с-пальчиком и другими такими знакомыми нам теперь персонажами. Якоб и Вильгельм были погодками, они появились на свет в последней четверти XVIII века в скромной чиновничьей семье. Братья рано потеряли отца, но смогли поступить на юридический факультет Магдебургского университета. Однако изучение права, которым они занялись по настоянию матери, не увлекало ни Якоба, ни Вильгельма. Их больше

интересовала история, в особенности связанная с жизнью простого народа. Целиком отдаться любимой теме братьям удалось через несколько лет после окончания университета: Якову посчастливилось получить место в королевской библиотеке. Эта хорошо оплачиваемая должность оставляла много свободного времени, и братья с энтузиазмом отдались научным и литературным трудам. Записыванием немецких сказок Якоб и Вильгельм занялись в самом начале XIX века; книга с собранными ими текстами вышла в 1816 году. В предисловии к этому изданию братья писали, что «человек получает от своей родины ангела-хранителя, который сопровождает его в жизни; это — неисчерпаемое сокровище сказок, саг и историй». Теперь благодаря братьям Гримм сокровища немецких народных сказок стали достоянием всего человечества.

В этом издании тексты сказок сопровождают работы знаменитого британского художника Артура Рэкхема, которого заслуженно считают выдающимся мастером Золотого века британской книжной иллюстрации. Будущий художник родился осенью 1867 года в многодетной семье. Он начал самостоятельную жизнь со скромной должности клерка, однако канцелярская рутина Артура совершенно не устраивала: ему хотелось заняться более творческой работой, и он начал брать уроки рисования. Прошло не так много времени, и к началу XX века Рэкхем снискал себе репутацию признанного мастера книжных иллюстраций. В частности, он стал автором великолепных рисунков к сборнику преданий и легенд, собранных популяризатором древних ирландских мифов Джеймсом Стивенсом. К пятидесяти годам Рэкхэм вошел в пору творческого расцвета, его иллюстрации часто украшали шикарные дорогие издания. Оригиналы этих рисунков нередко демонстрировались на многочисленных выставках, в том числе в Лувре, и продавались на международных художественных аукционах.

